

НИКОЛО
МАКЪЯВЕЛИ
И
СОВРЕ-
МЕННАЯ
ИТАЛИЯ

Никколо

МАКЪЯВЕЛИ

Государь

издательство

Annotation

«Цель оправдывает средства» – таков закон политики.

«Цель оправдывает средства» – таков, по Макиавелли, девиз всякой сильной власти.

Потому что «сильный государь» – залог процветания государства. С этим можно не соглашаться, однако сначала необходимо ознакомиться с «Государем» – не подвластным времени, умным и циничным «учебником правителей».

Перевод: Галина Муравьёва, Марк Юсим

- [Никколо Макьявелли](#)
- [Государь](#)
- [Глава I Сколько видов бывают государства и как они приобретаются](#)
- [Глава II О наследственном единовластии](#)
- [Глава III О смешанных государствах](#)
- [Глава IV Почему царство Дария, завоеванное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти](#)
- [Глава V Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам](#)
- [Глава VI О новых государствах, приобретаемых собственным оружием или доблестью](#)
- [Глава VII О новых государствах, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы](#)
- [Глава VIII О тех, кто приобретает власть злодеяниями](#)
- [Глава IX О гражданском единовластии](#)
- [Глава X Как следует измерять силы всех государств](#)
- [Глава XI О церковных государствах](#)
- [Глава XII О том, сколько бывает видов войск, и о наемных солдатах](#)
- [Глава XIII О войсках союзнических, смешанных и собственных](#)
- [Глава XIV Как государь должен поступать касательно военного дела](#)
- [Глава XV О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают](#)
- [Глава XVI О щедрости и бережливости](#)
- [Глава XVII О жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх](#)
- [Глава XVIII О том, как государи должны держать слово](#)

- [Глава XIX О том, каким образом избегать ненависти и презрения](#)
-
- [Глава XX О том, полезны ли крепости, и многое другое, что постоянно применяют государи](#)
- [Глава XXI Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали](#)
- [Глава XXII О советниках государей](#)
- [Глава XXIII Как избежать льстецов](#)
- [Глава XXIV Почему государи Италии лишились своих государств](#)
- [Глава XXV Какова власть судьбы над делами людей и как можно ей противостоять](#)
- [Глава XXVI Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров](#)
- [Рассуждения о первой декаде Тита Ливия](#)
- [Книга первая](#)

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

• [Книга вторая](#)

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

• [Книга третья](#)

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

-
-
-
-

Никколо Макьявелли
Государь (сборник)

Государь

Никколо Макьявелли – его светлости Лоренцо деи Медичи

Обыкновенно, желая снискать милость правителя, люди посылают ему в дар то, что имеют самого дорогого или чем надеются доставить ему наибольшее удовольствие, а именно: коней, оружие, парчу, драгоценные камни и прочие украшения, достойные величия государей. Я же, вознамерившись засвидетельствовать мою преданность Вашей светлости, не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрерывным изучением дел минувших. Положив много времени и усердия на обдумывание того, что я успел узнать, я заключил свои размышления в небольшом труде, который посылаю в дар Вашей светлости. И хотя я полагаю, что сочинение это недостойно предстать перед вами, однако же верю, что по своей снисходительности вы удостоите принять его, зная, что не в моих силах преподнести вам дар больший, нежели средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог. Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в неизвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета. Я желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия государей. Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться на гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

Пусть же Ваша светлость примет сей скромный дар с тем чувством, какое движет мною; если вы соизволите внимательно прочитать и обдумать мой труд, вы ощутите, сколь безгранично я желаю Вашей светлости достичь того величия, которое сулит вам судьба и ваши достоинства. И если с той вершины, куда вознесена Ваша светлость, взор ваш когда-либо обратится на ту низменность, где я обретаюсь, вы увидите, сколь

незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы.

Глава I Скольких видов бывают государства и как они приобретаются

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными – если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом – таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания, – таково Неаполитанское королевство для короля Испании. Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

Глава II О наследственном единовластии

Я не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте. Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

Начну с того, что наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам. При таком образе действий даже посредственный правитель не утратит власти, если только не будет свергнут особо могущественной и грозной силой, но и в этом случае он отвоюет власть при первой же неудаче завоевателя.

У нас в Италии примером тому может служить герцог Феррарский, который удержался у власти после поражения, нанесенного ему венецианцами в 1484 году и папой Юлием в 1510-м, только потому, что род его исстари правил в Ферраре. Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

Глава III О смешанных государствах

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение – так что государство становится как бы смешанным, – трудно удержать над ним власть прежде всего вследствие той же естественной причины, какая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоями войска, как это неизбежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может и применить к ним крутые меры, будучи им обязан – ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско. Именно по этим причинам Людовик XII, король Франции, быстро занял Милан и так же быстро его лишился. И герцогу Лодовико потому же удалось в тот раз отбить Милан собственными силами. Ибо народ, который сам растворил перед королем ворота, скоро понял, что обманулся в своих упованиях и расчетах, и отказался терпеть гнет нового государя.

Правда, если мятежная страна завоевана повторно, то государю легче утвердить в ней свою власть, так как мятеж дает ему повод с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры в наиболее уязвимых местах. Так в первый раз Франция сдала Милан, едва герцог Лодовико пошумел на его границах, но во второй раз Франция удерживала Милан до тех пор, пока на нее не ополчились все итальянские государства и не рассеяли и не изгнали ее войска из пределов Италии, что произошло по причинам, названным выше. Тем не менее Франция оба раза потеряла Милан. Причину первой неудачи короля, общую для всех подобных случаев, я назвал; остается выяснить причину второй и разобраться в том, какие средства были у Людовика – и у всякого на его месте, – чтобы упрочить завоевание верней, чем то сделала Франция.

Начну с того, что завоеванное и унаследованное владения могут принадлежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае удержать завоеванное

нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства. Так, мы знаем, обстояло дело в Бретани, Бургундии, Нормандии и Гаскони, которые давно вошли в состав Франции; правда, языки их несколько различаются, но благодаря сходству обычаев они мирно уживаются друг с другом. В подобных случаях завоевателю следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати – тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя.

Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача, и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство. Такая мера упрочит и обезопасит завоевание – именно так поступил с Грецией турецкий султан, который, как бы ни старался, не удержал бы Грецию в своей власти, если бы не перенес туда свою столицу. Ибо только живя в стране, можно заметить начинающуюся смуту и своевременно ее пресечь, иначе узнаешь о ней тогда, когда она зайдет так далеко, что поздно будет принимать меры. Обосновавшись в завоеванной стране, государь, кроме того, избавит ее от грабежа чиновников, ибо подданные получают возможность прямо взывать к суду государя – что даст послушным больше поводов любить его, а непослушным бояться. И если бы кто-нибудь из соседей замыслил нападение, то теперь он проявит большую осторожность, так что государь едва ли лишится завоеванной страны, если переселится туда на жительство.

Другое отличное средство – учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой, есть лишь одна возможность – разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты. Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей, которые, обеднев и рассеявшись по стране, никак не смогут повредить государю; все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да, кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей. Так что колонии дешево обходятся государю, верно ему служат и разоряют лишь немногих жителей, которые,

оказавшись в бедности и рассеянии, не смогут повредить государю. По каковому поводу уместно заметить, что людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести. Если же вместо колоний поставить в стране войско, то содержание его обойдется гораздо дороже и поглотит все доходы от нового государства, вследствие чего приобретение обернется убытком; к тому же от этого пострадает гораздо больше людей, так как постой войска обременяют все население, отчего каждый, испытывая тяготы, становится врагом государю, а такие враги могут ему повредить, ибо хотя они и побеждены, но остаются у себя дома. Итак, с какой стороны ни взгляни, содержание подобного гарнизона вредно, тогда как учреждение колоний полезно.

В чужой по обычаям и языку стране завоевателю следует также сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных, а кроме того, следить за тем, чтобы в страну как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой. Таких всегда призывают недовольные внутри страны по избытку честолюбия или из страха, – так некогда римлян в Грецию призвали этолийцы, да и во все другие страны их тоже призывали местные жители. Порядок же вещей таков, что, когда могущественный государь входит в страну, менее сильные государства сразу примыкают к нему – обычно из зависти к тем, кто превосходит их силой, – так что ему нет надобности склонять их в свою пользу, ибо они сами охотно присоединятся к созданному им государству. Надо только не допускать, чтобы они расширялись и крепили, и тогда, своими силами и при их поддержке, нетрудно будет обуздать более крупных правителей и стать полновластным хозяином в данной стране. Если же государь обо всем этом не позаботится, он скоро лишится завоеванного, но до того претерпит бесчисленное множество трудностей и невзгод.

Римляне, завоеывая страну, соблюдали все названные правила: учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу; обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных чужеземцев. Ограничусь примером Греции. Римляне привлекли на свою сторону ахейцев и этолийцев; унизили Македонское царство; изгнали оттуда Антиоха. Но невзирая ни на какие заслуги, не позволили ахейцам и этолийцам расширить свои владения, не поддались на лесть Филиппа и не заключили с ним союза, пока не сломили его могущества, и не уступили напору

Антиоха, домогавшегося владений в Греции. Римляне поступали так, как надлежит поступать всем мудрым правителям, то есть думали не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем и старались всеми силами предотвратить возможные беды, что нетрудно сделать, если вовремя принять необходимые меры, но если дожидаться, пока беда грянет, то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечимым.

Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет.

Римляне, предвидя беду заранее, тотчас принимали меры, а не бездействовали из опасения вызвать войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, можно лишь оттянуть ее – к выгоде противника. Поэтому они решились на войну с Филиппом и Антиохом на территории Греции – чтобы потом не пришлось воевать с ними в Италии. В то время еще была возможность избежать войны как с тем, так и с другим, но они этого не пожелали. Римлянам не по душе была поговорка, которая не сходит с уст теперешних мудрецов: полагайтесь на благодетельное время, – они считали благодетельным лишь собственную доблесть и дальновидность. Промедление же может обернуться чем угодно, ибо время приносит с собой как зло, так и добро, как добро, так и зло.

Но вернемся к Франции и посмотрим, выполнила ли она хоть одно из названных мною условий. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике – он дольше удерживался в Италии, поэтому его образ действия для нас нагляднее, – и вы убедитесь, что он поступал прямо противоположно тому, как должен поступать государь, чтобы удержать власть над чужой по обычаям и языку страной.

Король Людовик вошел в Италию благодаря венецианцам, которые, желая расширить свои владения, потребовали за помощь половину Ломбардии. Я не виню короля за эту сделку: желая ступить в Италию хоть одной ногой и не имея в ней союзников, в особенности после того, как по милости Карла перед Францией захлопнулись все двери, он вынужден был заключать союзы, не выбирая. И он мог бы рассчитывать на успех, если бы не допустил ошибок впоследствии. Завоевав Ломбардию, он сразу вернул Франции престиж, утраченный ею при Карле: Генуя покорилась, флорентийцы предложили союз; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, дом Бентивольо, графиня Форли, властители Фаэнцы, Пезаро, Римини,

Камерино, Пьомбино; Лукка, Пиза, Сиена – все устремились к Людовику с изъявлениями дружбы. Тут-то венецианцам и пришлось убедиться в опрометчивости своего шага: ради двух городов в Ломбардии они отдали под власть короля две трети Италии.

Рассудите теперь, как легко было королю закрепить свое преимущество: для этого надо было лишь следовать названным правилам и обеспечить безопасность союзникам: многочисленные, но слабые, в страхе кто перед Церковью, кто перед венецианцами, они вынуждены были искать его покровительства; он же мог бы через них обезопасить себя от тех, кто еще оставался в силе. И, однако, не успел он войти в Милан, как предпринял обратное: помог папе Александру захватить Романью. И не заметил, что этим самым подрывает свое могущество, отталкивает союзников и тех, кто вверился его покровительству, и к тому же значительно укрепляет светскую власть папства, которое и без того крепко властью духовной. Совершив первую ошибку, он вынужден был дальше идти тем же путем, так что ему пришлось самому явиться в Италию, чтобы обуздать честолюбие Александра и не дать ему завладеть Тосканой. Но Людовику как будто мало было того, что он усилил Церковь и оттолкнул союзников: домогаясь Неаполитанского королевства, он разделил его с королем Испании, то есть призвал в Италию, где сам был властелином, равного по силе соперника, – как видно, затем, чтобы недовольным и честолюбцам было у кого искать прибежища. Изгнав короля, который мог стать его данником, он призвал в королевство государя, который мог изгнать его самого.

Поистине страсть к завоеваниям – дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает при этом свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой. Франции стоило бы попытаться овладеть Неаполем, если бы она могла сделать это своими силами, но она не должна была добиваться его ценою раздела. Если раздел Ломбардии с венецианцами еще можно оправдать тем, что он позволил королю утвердиться в Италии, то этот второй раздел достоин лишь осуждения, ибо не может быть оправдан подобной необходимостью.

Итак, Людовик совершил общим счетом пять ошибок: изгнал мелких правителей, помог усилению сильного государя внутри Италии, призвал в нее чужеземца, равного себе могуществом, не переселился в Италию, не учредил там колоний.

Эти пять ошибок могли бы оказаться не столь уж пагубными при его

жизни, если бы он не совершил шестой: не посягнул на венецианские владения. Венеции следовало дать острастку до того, как он помог усилению Церкви и призвал испанцев, но, совершив обе эти ошибки, нельзя было допускать разгрома Венеции. Оставаясь могущественной, она удерживала бы других от захвата Ломбардии – как потому, что сама имела на нее виды, так и потому, что никто не захотел бы вступать в войну с Францией за то, чтобы Ломбардия досталась Венеции, а воевать с Францией и Венецией одновременно ни у кого не хватило бы духу. Если же мне возразят, что Людовик уступил Романью Александру, а Неаполь – испанскому королю, дабы избежать войны, я отвечу прежними доводами, а именно: что нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежишь, а преимущество в войне утратишь. Если же мне заметят, что король был связан обещанием папе: в обмен на расторжение королевского брака и кардинальскую шапку архиепископу Руанскому помочь захватить Романью, – то я отвечу на это в той главе, где речь пойдет об обещаниях государей и о том, каким образом следует их исполнять.

Итак, король Людовик потерял Ломбардию только потому, что отступил от тех правил, которые соблюдались государями, желавшими удержать завоеванную страну. И в этом нет ничего чудесного, напротив, все весьма обычно и закономерно. Я говорил об этом в Нанте с кардиналом Руанским, когда Валентино – так в просторечии звали Чезаре Борджа, сына папы Александра – покорял Романью: кардинал заметил мне, что итальянцы мало смыслят в военном деле, я отвечал ему, что французы мало смыслят в политике, иначе они не допустили бы такого усиления Церкви. Как показал опыт, Церковь и Испания благодаря Франции расширили свои владения в Италии, а Франция благодаря им потеряла там все. Отсюда можно извлечь вывод, многократно подтверждавшийся: горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается.

Глава IV Почему царство Дария, завоеванное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти

Рассмотрев, какого труда стоит удержать власть над завоеванным государством, можно лишь подивиться, почему вся держава Александра Великого – после того, как он в несколько лет покорил Азию и вскоре умер, – против ожидания не только не распалась, но мирно перешла к его преемникам, которые в управлении ею не знали других забот, кроме тех, что навлекали на себя собственным честолюбием. В объяснение этого надо сказать, что все единовластно управляемые государства, сколько их было на памяти людей, разделяются на те, где государь правит в окружении слуг, которые милостью и соизволением его поставлены на высшие должности и помогают ему управлять государством, и те, где государь правит в окружении баронов, властвующих не милостью государя, но в силу древности рода. Бароны эти имеют наследные государства и подданных, каковые признают над собой их власть и питают к ним естественную привязанность. Там, где государь правит посредством слуг, он обладает большей властью, так как по всей стране подданные знают лишь одного властелина; если же повинуются его слугам, то лишь как чиновникам и должностным лицам, не питая к ним никакой особой привязанности.

Примеры разного образа правления являют в наше время турецкий султан и французский король. Турецкая монархия повинуется одному властелину; все прочие в государстве – его слуги; страна поделена на округа – санджаки, куда султан назначает наместников, которых меняет и переставляет, как ему вздумается. Король Франции, напротив, окружен многочисленной родовой знатью, признанной и любимой своими подданными и, сверх того, наделенной привилегиями, на которые король не может безнаказанно посягнуть.

Если мы сравним эти государства, то увидим, что монархию султана трудно завоевать, но по завоевании легко удержать; и напротив, такое государство, как Франция, в известном смысле проще завоевать, но зато удержать куда сложнее. Державой султана нелегко овладеть потому, что завоеватель не может рассчитывать на то, что его призовет какой-либо

местный властитель, или на то, что мятеж среди приближенных султана облегчит ему захват власти. Как сказано выше, приближенные султана – его рабы, и так как они всем обязаны его милостям, то подкупить их труднее, но и от подкупленных от них было бы мало толку, ибо по указанной причине они не могут увлечь за собой народ. Следовательно, тот, кто нападает на султана, должен быть готов к тому, что встретит единодушный отпор, и рассчитывать более на свои силы, чем на чужие раздоры. Но если победа над султаном одержана и войско его наголову разбито в открытом бою, завоевателю некого более опасаться, кроме разве кровной родни султана. Если же и эта истреблена, то можно никого не бояться, так как никто другой не может увлечь за собой подданных; и как до победы не следовало надеяться на поддержку народа, так после победы не следует его опасаться.

Иначе обстоит дело в государствах, подобных Франции: туда нетрудно проникнуть, вступив в сговор с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда найдутся недовольные и охотники до перемен. По указанным причинам они могут открыть завоевателю доступ в страну и облегчить победу. Но удержать такую страну трудно, ибо опасность угрожает как со стороны тех, кто тебе помог, так и со стороны тех, кого ты покорил силой. И тут уж недостаточно искоренить род государя, ибо всегда останутся бароны, готовые возглавить новую смуту; а так как ни удовлетворить их притязания, ни истребить их самих ты не сможешь, то они при первой же возможности лишат тебя власти.

Если мы теперь обратимся к государству Дария, то увидим, что оно сродни державе султана, почему Александр и должен был сокрушить его одним ударом, наголову разбив войско Дария в открытом бою. Но после такой победы и гибели Дария он, по указанной причине, мог не опасаться за прочность своей власти. И преемники его могли бы править, не зная забот, если бы жили во взаимном согласии: никогда в их государстве не возникало других смут, кроме тех, что сеяли они сами.

Тогда как в государствах, устроенных наподобие Франции, государь не может править столь беззаботно. В Испании, Франции, Греции, где было много мелких властителей, то и дело вспыхивали восстания против римлян. И пока живо помнилось прежнее устройство, власть Рима оставалась непрочной; но по мере того, как оно забывалось, римляне, благодаря своей мощи и продолжительности господства, все прочнее утверждали свою власть в этих странах. Так что позднее, когда римляне воевали между собой, каждый из соперников вовлекал в борьбу те провинции, где был более прочно укоренен. И местные жители, чьи

исконные властители были истреблены, не признавали над собой других правителей, кроме римлян. Если мы примем все это во внимание, то сообразим, почему Александр с легкостью удержал азиатскую державу, тогда как Пирру и многим другим стоило огромного труда удержать завоеванные ими страны. Причина тут не в большей или меньшей доблести победителя, а в различном устройстве завоеванных государств.

Глава V Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам

Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый – разрушить; второй – переселиться туда на жительство; третий – предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружественность города государю. Эти доверенные лица будут всячески поддерживать государя, зная, что им поставлены у власти и сильны только его дружбой и мощью. Кроме того, если не хочешь подвергать разрушению город, привыкший жить свободно, то легче всего удержать его при посредстве его же граждан, чем каким-либо другим способом.

Обратимся к примеру Спарты и Рима. Спартанцы удерживали Афины и Фивы, создав там олигархию, однако впоследствии потеряли оба города. Римляне, чтобы удержать Капую, Карфаген и Нуманцию, разрушили их и сохранили их в своей власти. Грецию они попытались удержать почти тем же способом, что спартанцы, то есть установили там олигархию и не отняли свободу и право жить по своим законам, однако же потерпели неудачу и, чтобы не потерять всю Грецию, вынуждены были разрушить в ней многие города.

Ибо в действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти. Что ни делай, как ни старайся, но если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить, как сделала Пиза через сто лет после того, как подпала под владычество флорентийцев.

Но если город или страна привыкли состоять под властью государя, а род его истреблен, то жители города не так-то легко возьмутся за оружие, ибо, с одной стороны, привыкнув повиноваться, с другой – не имея старого государя, они не сумеют ни договориться об избрании нового, ни жить свободно. Так что у завоевателя будет достаточно времени, чтобы

расположить их к себе и тем обеспечить себе безопасность. Тогда как в республиках больше жизни, больше ненависти, больше жажды мести; в них никогда не умирает и не может умереть память о былой свободе. Поэтому самое верное средство удержать их в своей власти – разрушить их или же в них поселиться.

Глава VI О новых государствах, приобретаемых собственным оружием или доблестью

Нет ничего удивительного в том, что, говоря о завоевании власти, о государе и государстве, я буду ссылаться на примеры величайших мужей. Люди обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу, но так как невозможно ни неуклонно следовать этими путями, ни сравняться в доблести с теми, кого мы избираем за образец, то человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим, чтобы если не сравняться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духа. Надо уподобиться опытным стрелкам, которые, если видят, что мишень слишком удалена, берут гораздо выше, но не для того, чтобы стрела ушла вверх, а для того, чтобы, зная силу лука, с помощью высокого прицела попасть в отдаленную цель.

Итак, в новых государствах удержать власть бывает легче или труднее в зависимости от того, сколь велика доблесть нового государя. Может показаться, что если частного человека приводит к власти либо доблесть, либо милость судьбы, то они же в равной мере помогут ему преодолеть многие трудности впоследствии. Однако в действительности кто меньше полагался на милость судьбы, тот дольше удерживался у власти. Еще облегчается дело и благодаря тому, что новый государь, за неимением других владений, вынужден поселиться в завоеванном.

Но, переходя к тем, кто приобрел власть не милостью судьбы, а личной доблестью, как наидостойнейших я назову Моисея, Кира, Тезея и им подобных. И хотя о Моисее нет надобности рассуждать, ибо он был лишь исполнителем воли Всевышнего, однако следует преклониться перед той благодатью, которая сделала его достойным собеседовать с Богом. Но обратимся к Киру и прочим завоевателям и основателям царства: их величию нельзя не дивиться, и, как мы видим, дела их и установления не уступают тем, что были внушены Моисею свыше. Обдумывая жизнь и подвиги этих мужей, мы убеждаемся в том, что судьба послала им только случай, то есть снабдила материалом, которому можно было придать любую форму: не явись такой случай, доблесть их угасла бы, не найдя применения; не обладай они доблестью, тщетно явился бы случай.

Моисей не убедил бы народ Израиля следовать за собой, дабы выйти из неволи, если бы не застал его в Египте в рабстве и угнетении у египтян. Ромул не стал бы царем Рима и основателем государства, если бы не был по рождении брошен на произвол судьбы и если бы Альба не оказалась для него слишком тесной. Кир не достиг бы такого величия, если бы к тому времени персы не были озлоблены господством мидян, а мидяне – расслаблены и изнежены от долгого мира. Тезей не мог бы проявить свою доблесть, если бы не застал афинян живущими обособленно друг от друга. Итак, каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье.

Кто, подобно этим людям, следует путем доблести, тому трудно завоевать власть, но легко ее удержать; трудность же состоит прежде всего в том, что им приходится вводить новые установления и порядки, без чего нельзя основать государство и обеспечить себе безопасность. А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне – законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, почему, опираясь на них, подвергаешь себя опасности.

Чтобы основательнее разобраться в этом деле, надо начать с того, самодостаточны ли такие преобразователи или они зависят от поддержки со стороны; иначе говоря, должны ли они для успеха своего начинания упрашивать или могут применить силу. В первом случае они обречены, во втором, то есть если они могут применить силу, им редко грозит неудача. Вот почему все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли. Ибо, в добавление к сказанному, надо иметь в виду, что нрав людей непостоянен, и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно. Поэтому надо быть готовым к тому, чтобы, когда вера в народе иссякнет, заставить его поверить силой. Моисей, Кир, Ромул и Тезей, будь они безоружны, не могли бы добиться длительного соблюдения данных ими законов. Как оно и случилось в наши дни с фра Джироламо Савонаролой: введенные им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить, у него же не было средств утвердить в вере тех, кто еще верил

ему, и принудить к ней тех, кто уже не верил.

На пути людей, подобных тем, что я здесь перечислил, встает множество трудностей и множество опасностей, для преодоления которых требуется великая доблесть. Но если цель достигнута, если государь заслужил признание подданных и устранил завистников, то он на долгое время обретает могущество, покой, почести и счастье.

К столь высоким примерам я хотел бы присовокупить пример более скромный, однако же сопоставимый, и думаю, что его здесь достаточно. Я говорю о Гиероне Сиракузском: из частного лица он стал царем Сиракуз, хотя судьба не подарила его ничем, кроме благоприятного случая: угнетаемые жители Сиракуз избрали его своим военачальником, он же, благодаря своим заслугам, сделался их государем. Еще до возвышения он отличался такой доблестью, что, по словам древнего автора, «*nihil illi deerat ad regnandum praeter regnum*» [1]. Он упразднил старое ополчение и набрал новое, расторг старые союзы и заключил новые. А на таком фундаменте, как собственное войско и собственные союзники, он мог воздвигнуть любое здание. Так что ему великих трудов стоило завоевать власть и малых – ее удержать.

Глава VII О новых государствах, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы

Тогда как тем, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно. Как бы перелетев весь путь к цели, они сталкиваются с множеством трудностей впоследствии. Я говорю о тех гражданах, которым власть досталась за деньги или была пожалована в знак милости. Такое нередко случалось в Греции в городах Ионии и Геллеспонта, куда Дарий назначал правителей ради своей славы и безопасности; так нередко бывало и в Риме, где частные лица добивались провозглашения себя императорами, подкупая солдат.

В этих случаях государи всецело зависят от воли и фортуны тех, кому обязаны властью, то есть от двух сил крайне непостоянных и прихотливых; удержаться же у власти они не могут и не умеют. Не умеют оттого, что человеку без особых дарований и доблести, прожившему всю жизнь в скромном звании, негде научиться повелевать; не могут оттого, что не имеют союзников и надежной опоры. Эти неведь откуда взявшиеся властители, как все в природе, что нарождается и растет слишком скоро, не успевают пустить ни корней, ни ответвлений, почему и гибнут от первой же непогоды. Только тот, кто обладает истинной доблестью, при внезапном возвышении сумеет не упустить того, что фортуна сама вложила ему в руки, то есть сумеет, став государем, заложить те основания, которые другие закладывали до того, как достигнуть власти.

Обе эти возможности возвыситься – благодаря доблести или милости судьбы – я покажу на двух примерах, равно нам памятных: я имею в виду Франческо Сфорца и Чезаре Борджа. Франческо стал миланским герцогом должным образом, выказав великую доблесть, и без труда удержал власть, доставшуюся ему ценой многих усилий. Чезаре Борджа, простонародьем называемый герцог Валентино, приобрел власть благодаря фортуне, высоко вознесшей его отца; но, лишившись отца, он лишился и власти, несмотря на то что, как человек умный и доблестный, приложил все усилия и все старания, какие были возможны, к тому, чтобы пустить прочные корни в государствах, добытых для него чужим оружием и чужой фортуной. Ибо, как я уже говорил, если основания не заложены заранее, то при великой

доблести это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего и с опасностью для всего здания.

Рассмотрев образ действий герцога, нетрудно убедиться в том, что он подвел прочное основание под будущее могущество, и я считаю не лишним это обсудить, ибо не мыслю лучшего наставления новому государю. И если все же распорядительность герцога не спасла его от крушения, то в этом повинен не он, а поистине необычайное коварство фортуны.

Александр VI желал возвысить герцога, своего сына, но предвидел тому немало препятствий и в настоящем, и в будущем. Прежде всего он знал, что располагает лишь теми владениями, которые подвластны Церкви, но всякой попытке отдать одно из них герцогу воспротивились бы как герцог Миланский, так и венецианцы, которые уже взяли под свое покровительство Фаэнцу и Римини. Кроме того, войска в Италии, особенно те, к чьим услугам можно было прибегнуть, сосредоточились в руках людей, опасавшихся усиления папы, то есть Орсини, Колонна и их приспешников. Таким образом, прежде всего надлежало расстроить сложившийся порядок и посеять смуту среди государств, дабы беспрепятственно овладеть некоторыми из них. Сделать это оказалось легко благодаря тому, что венецианцы, в собственных интересах, призвали в Италию французов, чему папа не только не помешал, но даже содействовал, расторгнув прежний брак короля Людовика.

Итак, король вступил в Италию с помощью венецианцев и с согласия Александра и, едва достигнув Милана, тотчас выслал папе отряд, с помощью которого тот захватил Романью, что сошло ему с рук только потому, что за ним стоял король. Таким образом Романья оказалась под властью герцога, а партии Колонна было нанесено поражение, но пока что герцог не мог следовать дальше, ибо оставалось два препятствия: во-первых, войско, казавшееся ему ненадежным, во-вторых, намерения Франции. Иначе говоря, он опасался, что войско Орсини, которое он взял на службу, выбьет у него почву из-под ног, то есть либо покинет его, либо, того хуже, отнимет завоеванное; и что точно так же поступит король. В солдатах Орсини он усомнился после того, как, взяв Фаэнцу, двинул их на Болонью и заметил, что они вяло наступают; что же касается короля, то он понял его намерения, когда после взятия Урбино двинулся к Тоскане, и тот вынудил его отступить. Поэтому герцог решил более не рассчитывать ни на чужое оружие, ни на чье-либо покровительство.

Первым делом он ослабил партии Орсини и Колонна в Риме: всех нобилей, державших их сторону, переманил к себе на службу, определив им высокие жалованья и, сообразно достоинствам, раздал места в войске и

управлении, так что в несколько месяцев они отстали от своих партий и обратились в приверженцев герцога. После этого он стал выжидать возможности разделаться с главарями партии Орсини, еще раньше покончив с Колонна. Случай представился хороший, а воспользовался он им и того лучше. Орсини, спохватившиеся, что усиление Церкви грозит им гибелью, собрались на совет в Маджоне, близ Перуджи. Этот совет имел множество грозных последствий для герцога – прежде всего бунт в Урбино и возмущение в Романье, с которыми он, однако, справился благодаря помощи французов.

Восстановив прежнее влияние, герцог решил не доверять более ни Франции, ни другой внешней силе, чтобы впредь не подвергать себя опасности, и прибег к обману. Он так отвел глаза Орсини, что те сначала примирились с ним через посредство синьора Паоло – которого герцог принял со всевозможными изъявлениями учтивости и одарил одеждой, лошадьми и деньгами, – а потом в Синигалии сами простодушно отдались ему в руки. Так, разделавшись с главарями партий и переманив к себе их приверженцев, герцог заложил весьма прочное основание своего могущества: под его властью находилась вся Романья с герцогством Урбино и, что особенно важно, он был уверен в приязни к нему народа, испытывавшего благодетельность его правления.

Эта часть действий герцога достойна внимания и подражания, почему я желал бы остановиться на ней особо. До завоевания Романья находилась под властью ничтожных правителей, которые не столько пеклись о своих подданных, сколько обирали их и направляли не к согласию, а к раздорам, так что весь край изнемогал от грабежей, уوبيц и беззаконий. Завоевав Романью, герцог решил отдать ее в надежные руки, дабы умиротворить и подчинить верховной власти, и с тем вручил всю полноту власти мессеру Рамиро де Орко, человеку нрава резкого и крутого. Тот в короткое время умиротворил Романью, пресек распри и навел трепет на всю округу. Тогда герцог рассудил, что чрезмерное сосредоточение власти больше не нужно, ибо может озлобить подданных, и учредил, под председательством почтенного лица, гражданский суд, в котором каждый город был представлен защитником. Но, зная, что минувшие строгости все-таки настроили против него народ, он решил обелить себя и расположить к себе подданных, показав им, что если и были жестокости, то в них повинен не он, а его суровый наместник. И вот однажды утром на площади в Чезене по его приказу положили разрубленное пополам тело мессера Рамиро де Орко рядом с колодой и окровавленным мечом. Свирепость этого зрелища одновременно удовлетворила и ошеломила народ.

Но вернемся к тому, от чего мы отклонились. Итак, герцог обрел собственных солдат и разгромил добрую часть тех войск, которые в силу соседства представляли для него угрозу, чем утвердил свое могущество и отчасти обеспечил себе безопасность; теперь на его пути стоял только король Франции: с опозданием заметив свою оплошность, король не потерпел бы дальнейших завоеваний. Поэтому герцог стал высматривать новых союзников и уклончиво вести себя по отношению к Франции – как раз тогда, когда французы предприняли поход на Неаполь против испанцев, осаждавших Гаэту. Он задумывал развязаться с Францией, и ему бы это весьма скоро удалось, если бы дольше прожил папа Александр.

Таковы были действия герцога, касавшиеся настоящего. Что же до будущего, то главную угрозу для него представлял возможный преемник Александра, который мог бы не только проявить недружественность, но и отнять все то, что герцогу дал Александр. Во избежание этого он задумал четыре меры предосторожности: во-первых, истребить разоренных им правителей вместе с семействами, чтобы не дать новому папе повода выступить в их защиту; во-вторых, расположить к себе римских нобилей, чтобы с их помощью держать в узде будущего преемника Александра; в-третьих, иметь в Коллегии кардиналов как можно больше своих людей; в-четвертых, успеть до смерти папы Александра расширить свои владения настолько, чтобы самостоятельно выдержать первый натиск извне. Когда Александр умер, у герцога было исполнено три части замысла, а четвертая была близка к исполнению. Из разоренных им правителей он умертвил всех, до кого мог добраться, и лишь немногим удалось спастись; римских нобилей он склонил в свою пользу; в Коллегии заручился поддержкой большей части кардиналов. Что же до расширения владений, то, задумав стать властителем Тосканы, он успел захватить Перуджу и Пьомбино и взять под свое покровительство Пизу. К этому времени он мог уже не опасаться Франции – после того как испанцы окончательно вытеснили французов из Неаполитанского королевства, тем и другим приходилось покупать дружбу герцога, так что еще шаг – и он завладел бы Пизой. После чего тут же сдались бы Сиена и Лукка, отчасти из страха, отчасти назло флорентийцам; и сами флорентийцы оказались бы в безвыходном положении. И все это могло бы произойти еще до конца того года, в который умер папа Александр, и если бы произошло, то герцог обрел бы такое могущество и влияние, что не нуждался бы ни в чьем покровительстве и не зависел бы ни от чужого оружия, ни от чужой фортуны, но всецело от собственной доблести и силы. Однако герцог впервые обнажил меч всего за пять лет до смерти отца. И успел упрочить

власть лишь над одним государством – Романьей, оставшись на полпути к обладанию другими, зажатый между двумя грозными неприятельскими армиями и смертельно больной.

Но столько было в герцоге яростной отваги и доблести, так хорошо умел он привлекать и устранять людей, так прочны были основания его власти, заложенные им в столь краткое время, что он превозмог бы любые трудности – если бы его не теснили с двух сторон враждебные армии или не донимала болезнь. Что власть его покоилась на прочном фундаменте, в этом мы убедились: Романья дожидалась его больше месяца; в Риме, находясь при смерти, он, однако, пребывал в безопасности: Бальони, Орсини и Вителли, явившиеся туда, так никого и не увлекли за собой; ему удалось добиться того, чтобы папой избрали если не именно того, кого он желал, то по крайней мере не того, кого он не желал. Не окажись герцог при смерти тогда же, когда умер папа Александр, он с легкостью одолел бы любое препятствие. В дни избрания Юлия II он говорил мне, что все предусмотрел на случай смерти отца, для всякого положения нашел выход, одного лишь не угадал – что в это время и сам окажется близок к смерти.

Обозревая действия герцога, я не нахожу, в чем можно было бы его упрекнуть; более того, мне представляется, что он может послужить образцом всем тем, кому доставляет власть милость судьбы или чужое оружие. Ибо, имея великий замысел и высокую цель, он не мог действовать иначе: лишь преждевременная смерть Александра и собственная его болезнь помешали ему осуществить намерение. Таким образом, тем, кому необходимо в новом государстве обезопасить себя от врагов, приобрести друзей, побеждать силой или хитростью, внушать страх и любовь народу, а солдатам – послушание и уважение, иметь преданное и надежное войско, устранять людей, которые могут или должны повредить; обновлять старые порядки, избавляться от ненадежного войска и создавать свое, являть суровость и милость, великодушие и щедрость и, наконец, вести дружбу с правителями и королями, так чтобы они либо с учтивостью оказывали услуги, либо воздерживались от нападений, – всем им не найти для себя примера более наглядного, нежели деяния герцога.

В одном лишь можно его обвинить – в избрании Юлия главой Церкви. Тут он ошибся в расчете, ибо если он не мог провести угодного ему человека, он мог, как уже говорилось, отвести неугодного; а раз так, то ни в коем случае не следовало допускать к папской власти тех кардиналов, которые были им обижены в прошлом или, в случае избрания, могли бы бояться его в будущем. Ибо люди мстят либо из страха, либо из ненависти. Среди обиженных им были Сан Пьетро ин Винкула, Колонна, Сан

Джорджо, Асканио; все остальные, взойдя на престол, имели бы причины его бояться. Исключение составляли испанцы и кардинал Руанский, те – в силу родственных уз и обязательств, этот – благодаря могуществу стоявшего за ним Французского королевства. Поэтому в первую очередь надо было позаботиться об избрании кого-нибудь из испанцев, а в случае невозможности – кардинала Руанского, но уж никак не Сан Пьетро ин Винкула. Заблуждается тот, кто думает, что новые благодеяния могут заставить великих мира сего позабыть о старых обидах. Так что герцог совершил оплошность, которая в конце концов и привела его к гибели.

Глава VIII О тех, кто приобретает власть злодеяниями

Но есть еще два способа сделаться государем – не сводимые ни к милости судьбы, ни к доблести; и опускать их, как я полагаю, не стоит, хотя об одном из них уместнее рассуждать там, где речь идет о республиках. Я разумею случаи, когда частный человек достигает верховной власти путем преступлений либо в силу благоволения к нему сограждан. Говоря о первом способе, я сошлюсь на два случая – один из древности, другой из современной жизни – и тем ограничусь, ибо полагаю, что и этих двух достаточно для тех, кто ищет примера.

Сицилиец Агафокл стал царем Сиракуз, хотя вышел не только из простого, но из низкого и презренного звания. Он родился в семье горшечника и вел жизнь бесчестную, но смолоду отличался такой силой духа и телесной доблестью, что, вступив в войско, постепенно выслужился до претора Сиракуз. Утвердясь в этой должности, он задумал сделаться властителем Сиракуз и таким образом присвоить себе то, что было ему вверено по доброй воле. Посвятив в этот замысел Гамилькара Карфагенского, находившегося в то время в Сицилии, он созвал однажды утром народ и сенат Сиракуз, якобы для решения дел, касающихся республики; и когда все собрались, то солдаты его по условленному знаку перебили всех сенаторов и богатейших людей из народа. После такой расправы Агафокл стал властвовать, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны граждан. И хотя он был дважды разбит карфагенянами и даже осажден их войском, он не только не сдал город, но, оставив часть людей защищать его, с другой – вторгся в Африку; в короткое время освободил Сиракузы от осады и довел карфагенян до крайности, так что они вынуждены были заключить с ним договор, по которому ограничивались владениями в Африке и уступали Агафоклу Сицилию.

Вдумавшись, мы не найдем в жизни и делах Агафокла ничего или почти ничего, что бы досталось ему милостью судьбы, ибо, как уже говорилось, он достиг власти не чьим-либо покровительством, но службой в войске, сопряженной с множеством опасностей и невзгод, и удержал власть смелыми действиями, проявив решительность и отвагу. Однако же нельзя назвать и доблестью убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость и нечестивость: всем этим можно стяжать власть,

но не славу. Так что, если судить о нем по той доблести, с какой он шел навстречу опасности, по той силе духа, с какой он переносил невзгоды, то едва ли он уступит любому прославленному военачальнику, но, памятуя его жестокость и бесчеловечность и все совершенные им преступления, мы не можем приравнять его к величайшим людям. Следовательно, нельзя приписать ни милости судьбы, ни доблести то, что было добыто без того и другого.

Уже в наше время, при папе Александре, произошел другой случай. Оливеротто из Фермо, в младенчестве осиротевший, вырос в доме дяди с материнской стороны по имени Джованни Фольяни; еще в юных летах он вступил в военную службу под начало Паоло Вителли, с тем чтобы, освоившись с военной наукой, занять почетное место в войске. По смерти Паоло он перешел под начало брата его Вителлоццо и весьма скоро, как человек сообразительный, сильный и храбрый, стал первым лицом в войске. Однако, полагая унижительным подчиняться другим, он задумал овладеть Фермо – с благословения Вителли и при пособничестве нескольких сограждан, которым рабство отечества было милее его свободы. В письме к Джованни Фольяни он объявил, что желал бы после многолетнего отсутствия навестить дядю и родные места, а заодно определить размеры наследства; что в трудах своих он не помышляет ни о чем, кроме славы, и, желая доказать согражданам, что не впустую растратил время, испрашивает позволения въехать с почетом – со свитой из ста всадников, его друзей и слуг, пусть, мол, жители Фермо тоже не откажут ему в почетном приеме, что было бы лестно не только ему, но и дяде его, заменившему ему отца. Джованни Фольяни исполнил все, как просил племянник, и позаботился о том, чтобы горожане встретили его с почестями. Тот, поселившись в собственном доме, выждал несколько дней, пока закончатся приготовления к задуманному злодейству, и устроил торжественный пир, на который пригласил Джованни Фольяни и всех именитых людей Фермо. После того как покончили с угощениями и с принятыми в таких случаях увеселениями, Оливеротто с умыслом повел опасные речи о предприятиях и величии папы Александра и сына его Чезаре. Но когда Джованни и другие стали ему отвечать, он вдруг поднялся и, заявив, что подобные разговоры лучше продолжить в уединенном месте, удалился внутрь покоев, куда за ним последовал дядя и другие именитые гости. Не успели они, однако, сесть, как из засады выскочили солдаты и перебили всех, кто там находился. После этой резни Оливеротто верхом промчался через город и осадил во дворце высший магистрат; тот из страха повиновался и учредил новое правление, а Оливеротто провозгласил

властителем города.

Истребив тех, кто по недовольству мог ему повредить, Оливеротто укрепил свою власть новым военным и гражданским устройством и с той поры не только пребывал в безопасности внутри Фермо, но и стал грозой всех соседей. Выбить его из города было бы так же трудно, как Агафокла, если бы его не перехитрил Чезаре Борджа, который в Синигалии, как уже рассказывалось, заманил в ловушку главарей Орсини и Вителли; Оливеротто приехал туда вместе с Вителлоццо, своим наставником в доблести и в злодействах, и там вместе с ним был удушен, что произошло через год после описанного отцеубийства.

Кого-то могло бы озадачить, почему Агафоклу и ему подобным удавалось, проложив себе путь жестокостью и предательством, долго и благополучно жить в своем отечестве, защищать себя от внешних врагов и не стать жертвой заговора со стороны сограждан, тогда как многим другим не удавалось сохранить власть жестокостью даже в мирное, а не то что в смутное военное время. Думаю, дело в том, что жестокость жестокости рознь. Жестокость хороша в тех случаях – если позволительно дурное называть хорошим, – когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданных; и плоха в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко, но со временем учащаются, а не становятся реже. Действуя первым способом, можно, подобно Агафоклу, с Божьей и людской помощью удержать власть; действуя вторым – невозможно.

Отсюда следует, что тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение. Кто поступит иначе, из робости или по дурному умыслу, тот никогда уже не вложит меч в ножны и никогда не сможет опереться на своих подданных, не знающих покоя от новых и непрестанных обид. Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодетеля же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше. Самое же главное для государя – вести себя с подданными так, чтобы никакое событие – ни дурное, ни хорошее – не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как, случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью.

Глава IX О гражданском единовластии

Перейду теперь к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан, для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость. Надобно сказать, что такого рода единовластие – его можно назвать гражданским – учреждается по требованию либо знати, либо народа. Ибо нет города, где не обособились бы два этих начала: знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении; столкновение же этих начал разрешается трояко: либо единовластием, либо безначалием, либо свободой.

Единовластие учреждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай. Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вожделения. Так же и народ, видя, что не может сопротивляться знати, возвышает кого-либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту. Тому, кто приходит к власти с помощью знати, труднее удержать власть, чем тому, кого привел к власти народ, так как если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, ни иметь независимый образ действий. Тогда как тот, кого привел к власти народ, правит один и вокруг него нет никого или почти никого, кто не желал бы ему повиноваться. Кроме того, нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворить притязания знати, но можно – требования народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным. Сверх того, с враждебным народом ничего нельзя поделать, ибо он многочислен, а со знатью можно, ибо она малочисленна. Народ, на худой конец, отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него, ибо она дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее. И еще добавлю, что государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале.

Эту последнюю часть разъясню подробнее. С людьми знатными надлежит поступать так, как поступают они. С их же стороны возможны два образа действий: либо они показывают, что готовы разделить судьбу государя, либо нет. Первых, если они не корыстны, надо почитать и

ласкать, что до вторых, то здесь следует различать два рода побуждений. Если эти люди ведут себя таким образом по малодушию и природному отсутствию решимости, ими следует воспользоваться, в особенности теми, кто сведущ в каком-либо деле. Если же они ведут себя так умышленно, из честолюбия, то это означает, что они думают о себе больше, нежели о государе. И тогда их надо остерегаться и бояться не меньше, чем явных противников, ибо в трудное время они всегда помогут погубить государя.

Так что если государь пришел к власти с помощью народа, он должен стараться удержать его дружбу, что совсем не трудно, ибо народ требует только, чтобы его не угнетали. Но если государя привела к власти зная наперекор народу, то первый его долг – заручиться дружбой народа, что опять-таки нетрудно сделать, если взять народ под свою защиту. Люди же таковы, что, видя добро со стороны тех, от кого ждали зла, особенно привязываются к благодетелям, поэтому народ еще больше расположится к государю, чем если бы сам привел его к власти. Заручиться же поддержкой народа можно разными способами, которых я обсуждать не стану, так как они меняются от случая к случаю и не могут быть подведены под какое-либо определенное правило.

Скажу лишь в заключение, что государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут. Набид, правитель Спарты, выдержал осаду со стороны всей Греции и победоносного римского войска и отстоял власть и отечество; между тем с приближением опасности ему пришлось устранить всего нескольких лиц, тогда как если бы он враждовал со всем народом, он не мог бы ограничиться столь малым. И пусть мне не возражают на это расхожей поговоркой, что, мол, на народ надеяться – что на песке строить. Поговорка верна, когда речь идет о простом гражданине, который, опираясь на народ, тешит себя надеждой, что народ его вызволит, если он попадет в руки врагов или магистрата. Тут и в самом деле можно обмануться, как обманулись Гракхи в Риме или мессер Джорджо Скали во Флоренции. Но если в народе ищет опоры государь, который не просит, а приказывает, к тому же бесстрашен, не падает духом в несчастье, не упускает нужных приготовлений для обороны и умеет распоряжениями своими и мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает, он никогда не обманется в народе и убедится в прочности подобной опоры.

Обычно в таких случаях власть государя оказывается под угрозой при переходе от гражданского строя к абсолютному – так как государи правят либо посредством магистрата, либо единолично. В первом случае положение государя слабее и уязвимее, ибо он всецело зависит от воли

граждан, из которых состоит магистрат, они же могут лишить его власти в любое, а тем более в трудное, время, то есть могут либо выступить против него, либо уклониться от выполнения его распоряжений. И тут, перед лицом опасности, поздно присваивать себе абсолютную власть, так как граждане и подданные, привыкнув исполнять распоряжения магистрата, не станут в трудных обстоятельствах подчиняться приказаниям государя. Оттого-то в тяжелое время у государя всегда будет недостаток в надежных людях, ибо нельзя верить тому, что видишь в спокойное время, когда граждане нуждаются в государстве: тут каждый спешит с посулами, каждый, благо смерть далеко, изъявляет готовность пожертвовать жизнью за государя, но когда государство в трудное время испытывает нужду в своих гражданах, их объявляется немного. И подобная проверка тем опасней, что она бывает всего однажды. Поэтому мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, – только тогда он сможет положиться на их верность.

Глава X Как следует измерять силы всех государств

Изучая свойства государств, следует принять в соображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны. Поясню, что способными отстоять себя я называю тех государей, которые, имея в достатке людей или денег, могут собрать требуемых размеров войско и выдержать сражение с любым неприятелем; нуждающимися в помощи я называю тех, кто не может выйти против неприятеля в поле и вынужден обороняться под прикрытием городских стен. Что делать в первом случае – о том речь впереди, хотя кое-что уже сказано выше. Что же до второго случая, то тут ничего не скажешь, кроме того, что государю надлежит укреплять и снаряжать всем необходимым город, не принимая в расчет прилегающую округу. Если государь хорошо укрепит город и будет обращаться с подданными так, как описано выше и будет добавлено ниже, то соседи остерегутся на него нападать. Ибо люди – враги всяких затруднительных предприятий, а кому же покажется легким нападение на государя, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен.

Города Германии, одни из самых свободных, имеют небольшие округа, повинуются императору, когда сами того желают, и не боятся ни его, ни кого-либо другого из сильных соседей, так как достаточно укреплены для того, чтобы захват их всякому показался трудным и изнурительным делом. Они обведены добротными стенами и рвами, имеют артиллерии сколько нужно и на общественных складах держат годовой запас продовольствия, питья и топлива; кроме того, чтобы прокормить простой народ, не истощая казны, они заготавливают на год работы в тех отраслях, которыми живет город, и в тех ремеслах, которыми кормится простонародье. Военное искусство у них в чести, и они поощряют его разными мерами.

Таким образом, государь, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен, не может подвергнуться нападению. Но если это и случится, неприятель принужден будет с позором ретироваться, ибо все в мире меняется с такой быстротой, что едва ли кто-нибудь сможет год продержаться войско в праздности, осаждая город. Мне возразят, что если народ увидит, как за городом горят его поля и жилища, он не выдержит долгой осады, ибо собственные заботы возьмут верх над верностью государю. На это я отвечу,

что государь сильный и смелый одолеет все трудности, то внушая подданным надежду на скорое окончание бедствий, то напоминая им о том, что враг беспощаден, то осаживая излишне строптивых. Кроме того, неприятель обычно сжигает и опустошает поля при подходе к городу, когда люди еще разгорячены и полны решимости не сдаваться; когда же через несколько дней пыл поостынет, то урон уже будет нанесен и зло содеяно. А тогда людям ничего не останется, как держаться своего государя, и сами они будут ожидать от него благодарности за то, что, защищая его, позволили сжечь свои дома и разграбить имущество. Люди же по натуре своей таковы, что не меньше привязываются к тем, кому сделали добро сами, чем к тем, кто сделал добро им. Так, по рассмотрении всех обстоятельств, скажу, что разумный государь без труда найдет способы укрепить дух горожан во все время осады, при условии, что у него хватит чем прокормить и оборонить город.

Глава XI О церковных государствах

Нам остается рассмотреть церковные государства, о которых можно сказать, что овладеть ими трудно, ибо для этого требуется доблесть или милость судьбы, а удержать легко, ибо для этого не требуется ни того, ни другого. Государства эти опираются на освященные религией устои, столь мощные, что они поддерживают государей у власти, независимо от того, как те живут и поступают. Только там государи имеют власть, но ее не отстаивают, имеют подданных, но ими не управляют; и, однако же, на власть их никто не покушается, а подданные их не тяготеют своим положением и не хотят, да и не могут от них отпасть. Так что лишь эти государи неизменно пребывают в благополучии и счастье.

Но так как государства эти направляемы причинами высшего порядка, до которых ум человеческий не достигает, то говорить о них я не буду; лишь самонадеянный и дерзкий человек мог бы взяться рассуждать о том, что возвеличено и хранимо Богом. Однако же меня могут спросить, каким образом Церковь достигла такого могущества, что ее боится король Франции, что ей удалось изгнать его из Италии и разгромить венецианцев, тогда как раньше с ее светской властью не считались даже мелкие владетели и бароны, не говоря уж о крупных государствах Италии. Если меня спросят об этом, то, хотя все эти события хорошо известны, я сочту нелишним напомнить, как было дело.

Перед тем как Карл, французский король, вторгся в Италию, господство над ней было поделено между папой, венецианцами, королем Неаполитанским, герцогом Миланским и флорентийцами. У этих властителей было две главных заботы: во-первых, не допустить вторжения в Италию чужеземцев, во-вторых, удержать друг друга в прежних границах. Наибольшие подозрения внушали венецианцы и папа. Против венецианцев прочие образовали союз, как это было при защите Феррары; против папы использовались римские бароны. Разделенные на две партии – Колонна и Орсини, бароны постоянно затевали свары и, потрясая оружием на виду у главы Церкви, способствовали слабости и неустойчивости папства. Хотя кое-кто из пап обладал мужеством, как, например, Сикст, никому из них при всей опытности и благоприятных обстоятельствах не удавалось избавиться от этой напасти. Виной тому – краткость их правления, ибо за те десять лет, что в среднем проходили от избрания папы до его смерти, ему насилу удавалось разгромить лишь одну из враждующих

партий. И если папа успевал, скажем, почти разгромить приверженцев Колонна, то преемник его, будучи сам врагом Орсини, давал возродиться партии Колонна и уже не имел времени разгромить Орсини. По этой самой причине в Италии невысоко ставили светскую власть папы.

Но когда на папский престол взошел Александр VI, он куда более всех своих предшественников сумел показать, чего может добиться глава Церкви, действуя деньгами и силой. Воспользовавшись приходом французов, он совершил посредством герцога Валентино все то, о чем я рассказывал выше – там, где речь шла о герцоге. Правда, труды его были направлены на возвеличение не Церкви, а герцога, однако же они обернулись величием Церкви, которая унаследовала плоды его трудов после смерти Александра и устранения герцога. Папа Юлий застал по волеизъявлению могучую Церковь: она владела Романьей, смирила римских баронов, чьи партии распались под ударами Александра, и, сверх того, открыла новый источник пополнения казны, которым не пользовался никто до Александра.

Все это Юлий не только продолжил, но и придал делу больший размах. Он задумал присоединить Болонью, сокрушить Венецию и прогнать французов и осуществил этот замысел, к тем большей своей славе, что радел о величии Церкви, а не частных лиц. Кроме того, он удержал партии Орсини и Колонна в тех пределах, в каких застал их; и хотя кое-кто из главарей готов был посеять смуту, но их удерживало, во-первых, могущество Церкви, а во-вторых – отсутствие в их рядах кардиналов, всегда бывавших зачинщиками раздоров. Никогда между этими партиями не будет мира, если у них будут свои кардиналы: разжигая в Риме и вне его вражду партий, кардиналы втягивают в нее баронов, и так из властолюбия прелатов рождаются распри и усобицы среди баронов.

Его святейшество папа Лев воспринял, таким образом, могучую Церковь; и если его предшественники возвеличили папство силой оружия, то нынешний глава Церкви внушает нам надежду на то, что возвеличит и прославит его еще больше своей добротой, доблестью и многообразными талантами.

Глава XII О том, сколько бывает видов войск, и о наемных солдатах

Выше мы подробно обсудили разновидности государств, названные мною в начале; отчасти рассмотрели причины благоденствия и крушения государей; выяснили, какими способами действовали те, кто желал завоевать и удержать власть. Теперь рассмотрим, какими средствами нападения и защиты располагает любое из государств, перечисленных выше. Ранее уже говорилось о том, что власть государя должна покоиться на крепкой основе, иначе она рухнет. Основой же власти во всех государствах – как унаследованных, так смешанных и новых – служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы, поэтому, минуя законы, я перехожу прямо к войску.

Начну с того, что войско, которым государь защищает свою страну, бывает либо собственным, либо союзническим, либо наемным, либо смешанным. Наемные и союзнические войска бесполезны и опасны; никогда не будет ни прочной, ни долговечной та власть, которая опирается на наемное войско, ибо наемники честолюбивы, распущенны, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом, вероломны и нечестивы; поражение их отсрочено лишь настолько, насколько отсрочен решительный приступ; в мирное же время они разорят тебя не хуже, чем в военное – неприятель. Объясняется это тем, что не страсть и не какое-либо другое побуждение удерживает их в бою, а только скудное жалованье, что, конечно, недостаточно для того, чтобы им захотелось пожертвовать за тебя жизнью. Им весьма по душе служить тебе в мирное время, но стоит начаться войне, как они показывают тыл и бегут.

Надо ли доказывать то, что и так ясно: чем иным вызвано крушение Италии, как не тем, что она долгие годы довольствовалась наемным оружием? Кое для кого наемники действовали с успехом и не раз красовались отвагой друг перед другом, но когда вторгся чужеземный враг, мы увидели, чего они стоят на деле. Так что Карлу, королю Франции, и впрямь удалось захватить Италию с помощью куска мела. А кто говорил, что мы терпим за грехи наши, сказал правду, только это не те грехи, какие он думал, а те, которые я перечислил. И так как это были грехи государей, то и расплачиваться пришлось им же.

Я хотел бы объяснить подробнее, в чем беда наемного войска. Кондотьеры по-разному владеют своим ремеслом: одни превосходно, другие – посредственно. Первым нельзя довериться потому, что они будут сами домогаться власти и ради нее свергнут либо тебя, их хозяина, либо другого, но не справившись о твоих намерениях. Вторым нельзя довериться потому, что они проиграют сражение. Мне скажут, что того же можно ждать от всякого, у кого в руках оружие, наемник он или нет. На это я отвечу: войско состоит в ведении либо государя, либо республики; в первом случае государь должен лично возглавить войско, приняв на себя обязанности военачальника; во втором случае республика должна поставить во главе войска одного из граждан; и если он окажется плох – сместить его, в противном случае – ограничить законами, дабы не преступал меры. Мы знаем по опыту, что только государи-полководцы и вооруженные республики добивались величайших успехов, тогда как наемники приносили один вред.

Рим и Спарта много веков простояли вооруженные и свободные. Швейцарцы лучше всех вооружены и более всех свободны. В древности наемников призывал Карфаген, каковой чуть не был ими захвачен после окончания первой войны с Римом, хотя карфагеняне поставили во главе войска своих же граждан. После смерти Эпаминонда фиванцы пригласили Филиппа Македонского возглавить их войско, и тот, вернувшись победителем, отнял у Фив свободу. Миланцы по смерти герцога Филиппа призвали на службу Франческо Сфорца, и тот, разбив венецианцев при Караваджо, соединился с неприятелем против миланцев, своих хозяев. Сфорца, его отец, состоя на службе у Джованны, королевы Неаполитанской, внезапно оставил ее безоружной, так что, спасая королевство, она бросилась искать заступничества у короля Арагонского.

Мне скажут, что венецианцы и флорентийцы не раз утверждали свое владычество, пользуясь наемным войском, и, однако, кондотьеры их не стали государями и честно защищали хозяев. На это я отвечу, что флорентийцам попросту везло: из тех доблестных кондотьеров, которых стоило бы опасаться, одним не пришлось одержать победу, другие имели соперников, третьи домогались власти, но в другом месте. Как мы можем судить о верности Джованни Аукута, если за ним не числится ни одной победы, но всякий согласится, что, вернись он с победой, флорентийцы оказались бы в полной его власти. Сфорца и Браччо как соперники не спускали друг с друга глаз, поэтому Франческо перенес свои домогательства в Ломбардию, а Браччо – в папские владения и в Неаполитанское королевство. А как обстояло дело недавно? Флорентийцы

пригласили на службу Паоло Вителли, человека умнейшего и пользовавшегося огромным влиянием еще в частной жизни. Если бы он взял Пизу, разве не очевидно, что флорентийцам бы от него не отделаться? Ибо, перейди он на службу к неприятелю, им пришлось бы сдаться; останься он у них, им пришлось бы ему подчиниться.

Что же касается венецианцев, то блестящие и прочные победы они одерживали лишь до тех пор, пока воевали своими силами, то есть до того, как приступили к завоеваниям на материке. Аристократия и вооруженное простонародье Венеции не раз являли образцы воинской доблести, воюя на море, но стоило им перейти на сушу, как они переняли военный обычай всей Италии. Когда их завоевания на суше были невелики и держава их стояла твердо, у них не было поводов опасаться своих кондотьеров, но когда владения их разрослись – а было это при Карманьоле, – то они осознали свою оплошность. Карманьола был известен им как доблестный полководец – под его началом они разбили миланского герцога, – но, видя, что он тянет время, а не воюет, они рассудили, что победы он не одержит, ибо к ней не стремится, уволить же они сами его не посмеют, ибо побоятся утратить то, что завоевали: вынужденные обезопасить себя каким-либо способом, они его умертвили. Позднее они нанимали Бартоломео да Бергамо, Роберто да Сан Северино, графа ди Питильяно и им подобных, которые внушали опасение не тем, что выиграют, а тем, что проиграют сражение. Как оно и случилось при Вайла, где венецианцы за один день потеряли все то, что с таким трудом собирали восемь столетий. Ибо наемники славятся тем, что медлительно и вяло наступают, зато с замечательной быстротой отступают. И раз уж я обратился за примером к Италии, где долгие годы хозяйничают наемные войска, то для пользы дела хотел бы вернуться вспять, чтобы выяснить, откуда они пошли и каким образом набрали такую силу.

Надо знать, что в недавнее время, когда империя ослабла, а светская власть папы окрепла, Италия распалась на несколько государств. Многие крупные города восстали против угнетавших их нобилей, которым покровительствовал император, тогда как городам покровительствовала Церковь в интересах своей светской власти; во многих других городах их собственные граждане возвысились до положения государей. Так, Италия почти целиком оказалась под властью папы и нескольких республик. Однако вставшие у власти прелаты и граждане не привыкли иметь дело с оружием, поэтому они стали приглашать на службу наемников. Альбериго да Конио, уроженец Романьи, первым создал славу наемному оружию. Его выученики Браччо и Сфорца в свое время держали в руках всю Италию. За

ними пошли все те, под чьим началом наемные войска состоят по сей день. Доблесть их привела к тому, что Италию из конца в конец прошел Карл, разорил Людовик, поправ Фердинанд и предали поруганию швейцарцы.

Начали они с того, что, возвышая себя, повсеместно унизили пехоту. Это нужно было им затем, что, живя ремеслом и не имея владений, они не могли бы прокормить большого пешего войска, а малое не создало бы им славы. Тогда как, ограничившись кавалерией, они при небольшой численности обеспечили себе и сытость, и почет. Дошло до того, что в двадцатитысячном войске не насчитывалось и двух тысяч пехоты. В дальнейшем они проявили необычайную изворотливость для того, чтобы избавить себя и солдат от опасностей и тягот военной жизни: в стычках они не убивают друг друга, а берут в плен и не требуют выкупа, при осаде ночью не идут на приступ; обороняя город, не делают вылазок к палаткам; не окружают лагерь частоколом и рвом, не ведут кампаний в зимнее время. И все это дозволяется их военным уставом и придумано ими нарочно для того, чтобы, как сказано, избежать опасностей и тягот военной жизни: так они довели Италию до позора и рабства.

Глава XIII О войсках союзнических, смешанных и собственных

Союзнические войска – еще одна разновидность бесполезных войск – это войска сильного государя, которые призываются для помощи и защиты. Такими войсками воспользовался недавно папа Юлий: в военных действиях против Феррары он увидел, чего стоят его наемники, и сговорился с Фердинандом, королем Испанским, что тот окажет ему помощь кавалерией и пехотой. Сами по себе такие войска могут отлично и с пользой послужить своему государю, но для того, кто их призывает на помощь, они почти всегда опасны, ибо поражение их грозит государю гибелью, а победа – зависимостью.

Несмотря на то что исторические сочинения содержат множество подобных примеров, я хотел бы сослаться на тот же пример папы Юлия. С его стороны это был крайне опрометчивый шаг – довериться чужеземному государю ради того, чтобы захватить Феррару. И он был бы наказан за свою опрометчивость, если бы, на его счастье, судьба не рассудила иначе: союзническое войско его было разбито при Равенне, но благодаря тому, что внезапно появились швейцарцы и неожиданно для всех прогнали победителей, папа не попал в зависимость ни к неприятелю, ибо тот бежал, ни к союзникам, ибо победа была добыта не их оружием. Флорентийцы, не имея войска, двинули против Пизы десять тысяч французов – что едва не обернулось для них худшим бедствием, чем все, какие случались с ними в прошлом. Император Константинополя, воюя с соседями, призвал в Грецию десять тысяч турок, каковые по окончании войны не пожелали уйти, с чего и началось порабощение Греции неверными.

Итак, пусть союзническое войско призывает тот, кто не дорожит победой, ибо оно куда опасней наемного. Союзническое войско – это верная погибель тому, кто его призывает: оно действует как один человек и безраздельно повинуется своему государю; наемному же войску после победы нужно и больше времени, и более удобные обстоятельства, чтобы тебе навредить; в нем меньше единства, оно собрано и оплачиваемо тобой, и тот, кого ты поставил во главе его, не может сразу войти в такую силу, чтобы стать для тебя опасным соперником. Короче говоря, в наемном войске опаснее нерадивость, в союзническом войске – доблесть.

Поэтому мудрые государи всегда предпочитали иметь дело с

собственным войском. Лучше, полагали они, проиграть со своими, чем выиграть с чужими, ибо не истинна та победа, которая добыта чужим оружием. Без колебаний сошлюсь опять на пример Чезаре Борджа. Поначалу, когда герцог только вступил в Романью, у него была французская конница, с помощью которой он захватил Имолу и Форли. Позже он понял ненадежность союзнического войска и, сочтя, что наемники менее для него опасны, воспользовался услугами Орсини и Вителли. Но, увидев, что те в деле нестойки и могут ему изменить, он избавился от них и набрал собственное войско. Какова разница между всеми этими видами войск, нетрудно понять, если посмотреть, как изменялось отношение к герцогу, когда у него были только французы, потом – наемное войско Орсини и Вителли и, наконец – собственное войско. Мы заметим, что, хотя уважение к герцогу постоянно росло, в полной мере с ним стали считаться только после того, как все увидели, что он располагает собственными солдатами.

Я намеревался не отступать от тех событий, которые происходили в Италии в недавнее время, но сошлюсь еще на пример Гиерона Сиракузского, так как упоминал о нем выше. Став, как сказано, волею сограждан военачальником Сиракуз, он скоро понял, что от наемного войска мало толку, ибо тогдашние кондотьеры были сродни теперешним. И так как он заключил, что их нельзя ни прогнать, ни оставить, то приказал их изрубить и с тех пор опирался только на свое, а не на чужое войско. Приходит на память и рассказ из Ветхого Завета, весьма тут уместный. Когда Давид вызвал на бой Голиафа, единоборца из стана филистимлян, то Саул, дабы поддержать дух в Давиде, облачил его в свои доспехи, но тот отверг их, сказав, что ему не по себе в чужом вооружении и что лучше он пойдет на врага с собственной пращей и ножом. Так всегда и бывает, что чужие доспехи либо широки, либо тесны, либо слишком громоздки.

Карл VII, отец короля Людовика XI, благодаря фортуне и доблести освободив Францию от англичан, понял, как необходимо быть вооруженным своим оружием, и приказал образовать постоянную конницу и пехоту. Позже король Людовик, его сын, распустил пехоту и стал брать на службу швейцарцев; эту ошибку еще усугубили его преемники, и теперь она дорого обходится Французскому королевству. Ибо, предпочтя швейцарцев, Франция подорвала дух своего войска: после упразднения пехоты кавалерия, приданная наемному войску, уже не надеется выиграть сражение своими силами. Так и получается, что воевать против швейцарцев французы не могут, а без швейцарцев против других – не смеют. Войско Франции, стало быть, смешанное: частью собственное, частью наемное – и в таком виде намного превосходит целиком

союзническое или целиком наемное войско, но намного уступает войску, целиком составленному из своих солдат. Ограничусь уже известным примером: Франция была бы непобедима, если бы усовершенствовала или хотя бы сохранила устройство войска, введенное Карлом. Но неразумие людей таково, что они часто не замечают яда внутри того, что хорошо с виду, как я уже говорил выше по поводу чахоточной лихорадки.

Поэтому государь, который проглядел зарождающийся недуг, не обладает истинной мудростью, – но вовремя распознать его дано немногим. И если мы задумаемся об упадке Римской империи, то увидим, что он начался с того, что римляне стали брать на службу наемников – готов. От этого и пошло истощение сил империи, причем сколько силы отнималось у римлян, столько прибавлялось готам. В заключение же повторяю, что без собственного войска государство непрочное – более того, оно всецело зависит от прихотей фортуны, ибо доблесть не служит ему верной защитой в трудное время. По мнению и приговору мудрых людей: «*Quod nihil sit tam infirmum aut instabile, quam fama potentiae non sua vi nixa*» [2] . Собственные войска суть те, которые состояются из подданных, граждан или преданных тебе людей, всякие же другие относятся либо к союзническим, либо к наемным. А какое им дать устройство, нетрудно заключить, если обдумать действия четырех названных мною лиц и рассмотреть, как устраивали и вооружали свои армии Филипп, отец Александра Македонского, и многие другие республики и государи, чьему примеру я всецело вверяюсь.

Глава XIV Как государь должен поступать касательно военного дела

Таким образом, государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рожден государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях, они теряли и ту власть, что имели. Небрежение этим искусством является главной причиной утраты власти, как владение им является главной причиной обретения власти.

Франческо Сфорца, умея воевать, из частного лица стал миланским герцогом, дети его, уклоняясь от тягот войны, из герцогов стали частными лицами. Тот, кто не владеет военным ремеслом, навлекает на себя много бед, и в частности презрение окружающих, а этого надо всемерно остерегаться, как о том будет сказано ниже. Ибо вооруженный несопоставим с безоружным и никогда вооруженный не подчинится безоружному по доброй воле, а безоружный никогда не почувствует себя в безопасности среди вооруженных слуг. Как могут двое поладить, если один подозревает другого, а тот, в свою очередь, его презирает. Так и государь, несведущий в военном деле, терпит много бед, и одна из них та, что он не пользуется уважением войска и, в свою очередь, не может на него положиться.

Поэтому государь должен даже в мыслях не оставлять военных упражнений и в мирное время предаваться им еще больше, чем в военное. Заключаются же они, во-первых, в делах, во-вторых – в размышлениях. Что касается дел, то государю следует не только следить за порядком и учениями в войске, но и самому почаще выезжать на охоту, чтобы закалить тело и одновременно изучить местность, а именно: где и какие есть возвышенности, куда выходят долины, насколько простираются равнины, каковы особенности рек и болот. Такое изучение вдвойне полезно. Прежде всего благодаря ему лучше узнаешь собственную страну и можешь вернее определить способы ее защиты; кроме того, зная в подробностях устройство одной местности, легко понимаешь особенности другой,

попадая туда впервые, ибо склоны, долины, равнины, болота и реки, предположим, в Тоскане имеют определенное сходство с тем, что мы видим в других краях, отчего тот, кто изучил одну местность, быстро осваивается и во всех прочих. Если государь не выработал в себе этих навыков, то он лишен первого качества военачальника, ибо именно они позволяют сохранять преимущество, определяя местоположение неприятеля, располагаясь лагерем, идя на сближение с противником, вступая в бой и осаждая крепости.

Филопемену, главе Ахейского союза, античные авторы расточают множество похвал, и в частности за то, что он и в мирное время ни о чем не помышлял, кроме военного дела. Когда он прогуливался с друзьями за городом, то часто останавливался и спрашивал: если неприятель займет тот холм, а наше войско будет стоять здесь, на чьей стороне будет преимущество? как наступать в этих условиях, сохраняя боевые порядки? как отступать, если нас вынудят к отступлению? как преследовать противника, если тот обратится в бегство? И так, продвигаясь вперед, предлагал все новые и новые обстоятельства из тех, какие случаются на войне; и после того, как выслушивал мнения друзей, высказывал свое и приводил доводы в его пользу. Так постоянными размышлениями он добился того, что во время войны никакая случайность не могла бы застигнуть его врасплох.

Что же до умственных упражнений, то государь должен читать исторические труды, при этом особо изучать действия выдающихся полководцев, разбирать, какими способами они вели войну, что определяло их победы и что – поражения, с тем чтобы одерживать первые и избегать последних. Самое же главное – уподобившись многим великим людям прошлого, принять за образец кого-либо из прославленных и чтимых людей древности и постоянно держать в памяти его подвиги и деяния. Так, по рассказам, Александр Великий подражал Ахиллу, Цезарь – Александру, Сципион – Киру. Всякий, кто прочтет жизнеописание Кира, составленное Ксенофонтом, согласится, что, уподобляясь Киру, Сципион весьма способствовал своей славе и что в целомудрии, обходительности, человечности и щедрости Сципион следовал Киру, как тот описан нам Ксенофонтом. Мудрый государь должен соблюдать все описанные правила, никогда не предаваться в мирное время праздности, ибо все его труды окупятся, когда настанут тяжелые времена, и тогда, если судьба захочет его сокрушить, он сумеет выстоять под ее напором.

Глава XV О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают

Теперь остается рассмотреть, как государь должен вести себя по отношению к подданным и союзникам. Зная, что об этом писали многие, я опасаюсь, как бы меня не сочли самонадеянным за то, что, избрав тот же предмет, в толковании его я более всего расхожусь с другими. Но, имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной – в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знал и не видел. Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп – если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое, – один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо,

вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

Глава XVI О щедрости и бережливости

Начну с первого из упомянутых качеств и скажу, что хорошо иметь славу щедрого государя. Тем не менее тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе. Ибо если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, – то и презрение. И после того как многих разоришь своей щедростью и немногих облагодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность – крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости.

Итак, раз государь не может без ущерба для себя проявлять щедрость так, чтобы ее признали, то не будет ли для него благоразумнее примириться со славой скупого правителя? Ибо со временем, когда люди увидят, что благодаря бережливости он удовлетворяется своими доходами и ведет военные кампании, не обременяя народ дополнительными налогами, за ним утвердится слава щедрого правителя. И он действительно окажется щедрым по отношению ко всем тем, у кого ничего не отнял, а таких большая часть, и скупым по отношению ко всем тем, кого мог бы обогатить, а таких единицы. В наши дни лишь те совершили великие дела, кто прослыл скупым, остальные сошли неprimетно. Папа Юлий желал слыть щедрым лишь до тех пор, пока не достиг папской власти, после чего, готовясь к войне, думать забыл о щедрости. Нынешний король Франции провел несколько войн без введения чрезвычайных налогов только потому, что, предвидя дополнительные расходы, проявлял упорную бережливость. Нынешний король Испании не предпринял бы и не выиграл стольких кампаний, если бы дорожил славой щедрого государя.

Итак, ради того чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать поневоле алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость – это один из тех пороков, которые позволяют ему править. Если мне скажут, что

Цезарь проложил себе путь щедростью и что многие другие, благодаря тому, что были и слыли щедрыми, достигали самых высоких степеней, я отвечу: либо ты достиг власти, либо ты еще на пути к ней. В первом случае щедрость вредна, во втором – необходима. Цезарь был на пути к абсолютной власти над Римом, поэтому щедрость не могла ему повредить, но владычеству его пришел бы конец, если бы он, достигнув власти, прожил дольше и не умерил расходов. А если мне возразят, что многие уже были государями и совершали во главе войска великие дела, однако же слыли щедрейшими, я отвечу, что тратить можно либо свое, либо чужое. В первом случае полезна бережливость, во втором – как можно большая щедрость.

Если ты ведешь войско, которое кормится добычей, грабежом, поборами и чужим добром, тебе необходимо быть щедрым, иначе за тобой не пойдут солдаты. И всегда имущество, которое не принадлежит тебе или твоим подданным, можешь раздаривать щедрой рукой, как это делали Кир, Цезарь и Александр, ибо, расточая чужое, ты прибавляешь себе славы, тогда как расточая свое – ты только себе вредишь. Ничто другое не истощает себя так, как щедрость: выказывая ее, одновременно теряешь самую возможность ее выказывать и либо впадаешь в бедность, возбуждающую презрение, либо, желая избежать бедности, разоряешь других, чем навлекаешь на себя ненависть. Между тем презрение и ненависть подданных – это то самое, чего государь должен более всего опасаться, щедрость же ведет к тому и другому. Поэтому больше мудрости в том, чтобы, славя скупым, стяжать худую славу без ненависти, чем в том, чтобы, желая прослыть щедрым и оттого поневоле разоряя других, стяжать худую славу и ненависть разом.

Глава XVII О жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх

Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. Чезаре Борджа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Романье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица. Новый государь еще меньше, чем всякий другой, может избежать упрека в жестокости, ибо новой власти угрожает множество опасностей. Вергилий говорит устами Дидоны:

*Res dura, et regni novitas me talia cogunt
Moliri, et late fines custode tueri [3] .*

Однако новый государь не должен быть легковверен, мнителен и скор на расправу, во всех своих действиях он должен быть сдержан, осмотрителен и милостив, так чтобы излишняя доверчивость не обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость не озлобила подданных.

По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись.

Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от

тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин. Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно, и если начать жить хищничеством, то всегда найдется повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее.

Но когда государь ведет многотысячное войско, он тем более должен пренебречь тем, что может прослыть жестоким, ибо, не прославив жестоким, нельзя поддержать единства и боеспособности войска. Среди удивительных деяний Ганнибала упоминают и следующее: отправившись воевать в чужие земли, он удержал от мятежа и распрей огромное и разноплеменное войско как в дни побед, так и в дни поражений. Что можно объяснить только его нечеловеческой жестокостью, которая вкупе с доблестью и талантами внушала войску благоговение и ужас; не будь в нем жестокости, другие его качества не возымели бы такого действия. Между тем авторы исторических трудов, с одной стороны, превозносят сам подвиг, с другой – необдуманно порицают главную его причину.

Насколько верно утверждение, что полководцу мало обладать доблестью и талантом, показывает пример Сципиона – человека необычайного не только среди его современников, но и среди всех людей. Его войска взбунтовались в Испании вследствие того, что по своему чрезмерному мягкосердечию он предоставил солдатам большую свободу, чем это дозволяется воинской дисциплиной. Что и вменил ему в вину Фабий Максим, назвавший его перед Сенатом развратителем римского

воинства. По тому же недостатку твердости Сципион не вступился за локров, узнав, что их разоряет один из его легатов, и не покарал легата за дерзость. Недаром кто-то в Сенате, желая его оправдать, сказал, что он относится к той породе людей, которым легче избегать ошибок самим, чем наказывать за ошибки других. Со временем от этой черты Сципиона пострадало бы и его доброе имя, и слава – если бы он распоряжался единолично; но он состоял под властью Сената, и потому это свойство его характера не только не имело вредных последствий, но и послужило к вящей его славе.

Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных, как о том сказано выше.

Глава XVIII О том, как государи должны держать слово

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямоту и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел кого нужно обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полузверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

Из близких по времени примеров не могу умолчать об одном. Александр VI всю жизнь изощрялся в обманах, но каждый раз находились

люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который бы так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не менее обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал толк в этом деле. Отсюда следует, что государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими – полезно. Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямоту, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. Один из нынешних государей, которого воздержусь называть, только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства.

Глава XIX О том, каким образом избегать ненависти и презрения

Наиважнейшие из упомянутых качеств мы рассмотрели; что же касается прочих, то о них я скажу кратко, предварив рассуждение одним общим правилом. Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолобцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности – одна изнутри, со стороны подданных, другая извне – со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии, что его не нарушат тайные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствия духа, ибо, если образ его действий был таков, как я говорю, он устоит перед любым неприятелем, как устоял Набид Спартанский, о чем сказано выше.

Что же касается подданных, то когда снаружи мир, то единственное, чего следует опасаться, – это тайные заговоры. Главное средство против них – не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо, как о том подробно сказано

выше. Из всех способов предотвратить заговор самый верный – не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело, ибо трудностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа. Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко. Объясняется же это тем, что заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кроме тех, кого полагает недовольными властью. Но, открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага. Таким образом, когда с одной стороны выгода явная, а с другой – сомнительная, и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя только такой сообщник, который является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя.

Короче говоря, на стороне заговорщика – страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне государя – величие власти, законы, друзья и вся мощь государства; так что если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто-нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у кого будет искать убежища.

По этому поводу я мог бы привести немало примеров, но ограничусь одним, который еще памятен нашим отцам. Мессер Аннибале Бентивольо, правитель Болоньи, дед нынешнего мессера Аннибале, был убит заговорщиками Каннески, и после него не осталось других наследников, кроме мессера Джованни, который был еще в колыбели. Тотчас после убийства разгневанный народ перебил всех Каннески, ибо дом Бентивольо пользовался в то время народной любовью. И так она была сильна, что когда в Болонье не осталось никого из Бентивольо, кто мог бы управлять государством, горожане, прослышав о некоем человеке крови Бентивольо, считавшемся ранее сыном кузнеца, явились к нему во Флоренцию и вверили ему власть, так что он управлял городом до тех самых пор, пока мессер Джованни не вошел в подобающий правителю возраст.

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и, наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

В наши дни хорошо устроенным и хорошо управляемым государством является Франция. В ней имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее – парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать. Однако он не стал вменять это в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ – в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых. Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства. Отсюда можно извлечь еще одно полезное правило, а именно: что дела, негодные подданным, государи должны возлагать на других, а удобные – исполнять сами. В заключение же повторю, что государю надлежит выказывать почтение к знати, но не вызывать ненависти в народе.

Многие, пожалуй, скажут, что пример жизни и смерти некоторых римских императоров противоречит высказанному здесь мнению. Я имею в виду тех императоров, которые, прожив достойную жизнь и явив доблесть духа, либо лишились власти, либо были убиты вследствие заговора. Желая оспорить подобные возражения, я разберу качества нескольких императоров и докажу, что их привели к крушению как раз те причины, на которые я указал выше. Заодно я хотел бы выделить и все то наиболее поучительное, что содержится в жизнеописании императоров – преемников Марка-философа, вплоть до Максимиана, то есть Марка, сына его Коммода, Пертинакса, Юлиана, Севера, сына его Антонина Каракаллы, Макрина, Гелиогабала, Александра и Максимиана.

Прежде всего надо сказать, что если обыкновенно государям приходится сдерживать честолюбие знати и необузданность народа, то римским императорам приходилось сдерживать еще жестокость и алчность войска. Многих эта тягостная необходимость привела к гибели, ибо трудно было угодить одновременно и народу, и войску. Народ желал мира и спокойствия, поэтому предпочитал кротких государей, тогда как солдаты предпочитали государей воинственных, неистовых, жестоких и хищных – но только при условии, что эти качества будут проявляться по отношению к народу, так, чтобы самим получать двойное жалованье и утолять свою жестокость и алчность.

Все это неизбежно приводило к гибели тех императоров, которым не было дано – врожденными свойствами или старанием – внушить к себе

такое почтение, чтобы удержать в повиновении и народ, и войско. Большая часть императоров – в особенности те, кто возвысился до императорской власти, а не получил ее по наследству, – оказавшись меж двух огней, предпочли угождать войску, не считаясь с народом. Но другого выхода у них и не было, ибо если государь не может избежать ненависти кого-либо из подданных, то он должен сначала попытаться не вызвать всеобщей ненависти. Если же это окажется невозможным, он должен приложить все старания к тому, чтобы не вызвать ненависти у тех, кто сильнее. Вот почему новые государи, особенно нуждаясь в поддержке, охотнее принимали сторону солдат, нежели народа. Но и в этом случае терпели неудачу, если не умели внушить к себе надлежащего почтения.

По указанной причине из трех императоров – Марка, Пертинакса и Александра, склонных к умеренности, любящих справедливость, врагов жестокости, мягких и милосердных, двоих постигла печальная участь. Только Марк жил и умер в величайшем почете, ибо наследовал императорскую власть *iure hereditario* [4] и не нуждался в признании ее ни народом, ни войском. Сверх того, он внушил подданным почтение своими многообразными добродетелями, поэтому сумел удержать в должных пределах и народ, и войско и не был ими ни ненавидим, ни презираем. В отличие от него Пертинакс стал императором против воли солдат, которые, привыкнув к распушенности при Коммодe, не могли вынести честной жизни, к которой он принуждал их, и возненавидели его, а так как к тому же они презирали его за старость, то он и был убит в самом начале своего правления.

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо если та часть подданных, чьего расположения ищет государь – будь то народ, знать или войско, – развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить. Но перейдем к Александру: кротость его, как рассказывают ему в похвалу, была такова, что за четырнадцать лет его правления не был казнен без суда ни один человек. И все же он возбудил презрение, слывя чересчур изнеженным и послушным матери, и был убит вследствие заговора в войске.

В противоположность этим троим Коммод, Север, Антонин Каракалла и Максимин отличались крайней алчностью и жестокостью. Угождая войску, они как могли разоряли и притесняли народ, и всех их, за исключением Севера, постигла печальная участь. Север же прославился

такой доблестью, что не утратил расположения солдат до конца жизни и счастливо правил, несмотря на то что разорял народ. Доблесть его представлялась необычайной и народу, и войску: народ она пугала и ошеломляла, а войску внушала благоговение. И так как все совершенное им в качестве нового государя замечательно и достойно внимания, то я хотел бы, не вдаваясь в частности, показать, как он умел уподобляться то льву, то лисе, каковым, как я уже говорил, должны подражать государи.

Узнав о нерадивости императора Юлиана, Север убедил солдат, находившихся под его началом в Славонии, что их долг идти в Рим отомстить за смерть императора Пертинакса, убитого преторианцами. Под этим предлогом он двинул войско на Рим, никому не открывая своего намерения добиться императорской власти, и прибыл в Италию прежде, чем туда донесся слух о его выступлении. Когда он достиг Рима, Сенат, испугавшись, провозгласил его императором и приказал убить Юлиана. Однако на пути Севера стояло еще два препятствия: в Азии Песценний Нигер, глава азийского войска, провозгласил себя императором, на западе соперником его стал Альбин. Выступить в открытую против обоих было опасно, поэтому Север решил на Нигера напасть открыто, а Альбина устранить хитростью. Последнему он написал, что, будучи возведен Сенатом в императорское достоинство, желает разделить с ним эту честь, просит его принять титул Цезаря и по решению Сената объявляет его соправителем. Тот все это принял за правду. Но после того, как войско Нигера было разбито, сам он умерщвлен, а дела на востоке улажены, Север вернулся в Рим и подал в Сенат жалобу: будто бы Альбин, забыв об оказанных ему Севером благодеяниях, покушался на его жизнь, почему он вынужден выступить из Рима, чтобы покарать Альбина за неблагодарность. После чего он настиг Альбина во Франции и лишил его власти и жизни.

Вдумавшись в действия Севера, мы убедимся в том, что он вел себя то как свирепейший лев, то как хитрейшая лиса; что он всем внушил страх и почтение и не возбудил ненависти войска. Поэтому мы не станем удивляться, каким образом ему, новому государю, удалось так упрочить свое владычество: разоряя подданных, он не возбудил их ненависти, ибо был защищен от нее своей славой. Сын его Антонин также был личностью замечательной и, сумев поразить воображение народа, был угоден солдатам. Он был истинный воин, сносивший любые тяготы, презиравший изысканную пищу, чуждый изнеженности, и за это пользовался любовью войска. Но, проявив неслыханную свирепость и жестокость – им было совершено множество убийств и истреблены все жители Александрии и половина жителей Рима, – он стал ненавистен всем подданным и даже

внушил страх своим приближенным, так что был убит на глазах своего войска одним из центурионов.

Здесь уместно заметить, что всякий, кому не дорога жизнь, может совершить покушение на государя, так что нет верного способа избежать гибели от руки человека одержимого. Но этого не следует так уж бояться, ибо подобные покушения случаются крайне редко. Важно лишь не подвергать оскорблению окружающих тебя должностных лиц и людей, находящихся у тебя в услужении, то есть не поступать как Антонин, который предал позорной смерти брата того центуриона, каждый день грозил смертью ему самому, однако же продолжал держать его у себя телохранителем. Это было безрассудно и не могло не кончиться гибелью Антонина, что, как мы знаем, и случилось.

Обратимся теперь к Коммоду. Будучи сыном Марка, он мог без труда удержать власть, полученную им по наследству. Если бы он шел по стопам отца, то этим всего лучше угодил бы и народу, и войску, но, как человек жестокий и низкий, он стал заискивать у войска и поощрять в нем распущенность, чтобы с его помощью обирать народ. Однако он возбудил презрение войска тем, что унижал свое императорское достоинство, сходясь с гладиаторами на арене, и совершал много других мерзостей, недостойных императорского величия. Ненавидимый одними и презираемый другими, он был убит вследствие заговора среди его приближенных.

Остается рассказать о качествах Максимиана. Это был человек на редкость воинственный, и после того, как Александр вызвал раздражение войска своей изнеженностью, оно провозгласило императором Максимиана. Но править ему пришлось недолго, ибо он возбудил ненависть и презрение войска тем, что, во-первых, пас когда-то овец во Фракии – это обстоятельство, о котором все знали, являлось позором в глазах его подданных; во-вторых, провозглашенный императором, он отложил выступление в Рим, где должен был принять знаки императорского достоинства, и прославил себя жестокостью, произведя через своих префектов жесточайшие расправы в Риме и повсеместно. После этого презрение к нему за его низкое происхождение усугубилось ненавистью, внушенной страхом перед его свирепостью, так что против него восстала сначала Африка, потом Сенат и весь римский народ, и наконец в заговор оказалась вовлеченной вся Италия. К заговору примкнули его собственные солдаты, осаждавшие Аквилею, которые были раздражены его жестокостью и трудностями осады: видя, что у него много врагов, они осмелели и убили императора.

Я не буду касаться Гелиогабала, Макрина и Юлиана как совершенно ничтожных и неприметно сошедших правителей, но перейду к заключению. В наше время государям нет такой уж надобности угождать войску. Правда, войско и сейчас требует попечения; однако эта трудность легко разрешима, ибо в наши дни государь не имеет дела с солдатами, которые тесно связаны с правителями и властями отдельных провинций, как это было в Римской империи. Поэтому если в то время приходилось больше угождать солдатам, ибо войско представляло большую силу, то в наше время всем государям, кроме султанов, турецкого и египетского, важнее угодить народу, ибо народ представляет большую силу.

Турецкий султан отличается от других государей тем, что он окружен двенадцатитысячным пешим войском и пятнадцатитысячной конницей, от которых зависит крепость и безопасность его державы. Такой государь поневоле должен, отложив прочие заботы, стараться быть в дружбе с войском. Подобным же образом султану египетскому, зависящему от солдат, необходимо, хотя бы в ущерб народу, ладить со своим войском. Заметьте, что государство султана египетского устроено не так, как все прочие государства, и сопоставимо лишь с папством в христианском мире. Его нельзя назвать наследственным, ибо наследниками султана являются не его дети, а тот, кто избран в преемники особо на то уполномоченными лицами. Но его нельзя назвать и новым, ибо порядок этот заведен давно, и перед султаном не встает ни одна из тех трудностей, с которыми имеют дело новые государи. Таким образом, несмотря на то что султан в государстве – новый, учреждения в нем – старые, и они обеспечивают преемственность власти, как при обычном ее наследовании.

Но вернемся к обсуждаемому предмету. Рассмотрев сказанное выше, мы увидим, что главной причиной гибели императоров была либо ненависть к ним, либо презрение, и поймем, почему из тех, кто действовал противоположными способами, только двоим выпал счастливый, а остальным несчастный конец. Дело в том, что Пертинаксу и Александру, как новым государям, было бесполезно и даже вредно подражать Марку, ставшему императором по праву наследства, а Коммоду и Максимину пагубно было подражать Северу, ибо они не обладали той доблестью, которая позволяла бы им следовать его примеру. Соответственно, новый государь в новом государстве не должен ни подражать Марку, ни уподобляться Северу, но должен у Севера позаимствовать то, без чего нельзя основать новое государство, а у Марка – то наилучшее и наиболее достойное, что нужно для сохранения государства, уже обретшего и устойчивость, и прочность.

Глава XX О том, полезны ли крепости, и многое другое, что постоянно применяют государи

Одни государи, чтобы упрочить свою власть, разоружали подданных, другие поддерживали раскол среди граждан в завоеванных городах, одни намеренно создавали себе врагов, другие предпочли добиваться расположения тех, в ком сомневались, придя к власти; одни воздвигали крепости, другие – разоряли их и разрушали до основания. Которому из этих способов следует отдать предпочтение, сказать трудно, не зная, каковы были обстоятельства в тех государствах, где принималось то или иное решение; однако же я попытаюсь высказаться о них, отвлекаясь от частных настолько, насколько это дозволяется самим предметом.

Итак, никогда не бывало, чтобы новые государи разоружали подданных, – напротив, они всегда вооружали их, если те оказывались невооруженными, ибо, вооружая подданных, обретаешь собственное войско, завоевываешь преданность одних, укрепляешь преданность в других и таким образом обращаешь подданных в своих приверженцев. Всех подданных невозможно вооружить, но если отличить хотя бы часть их, то это позволит с большей уверенностью полагаться и на всех прочих. Первые, видя, что им оказано предпочтение, будут благодарны тебе, вторые простят тебя, рассудив, что тех и следует отличать, кто несет больше обязанностей и подвергается большим опасностям. Но, разоружив подданных, ты оскорбишь их недоверием и проявишь тем самым трусость или подозрительность, а оба эти качества не прощаются государям. И так как ты не сможешь обойтись без войска, то поневоле обратишься к наемникам, а чего стоит наемное войско – о том уже шла речь выше; но, будь они даже отличными солдатами, их сил недостаточно для того, чтобы защитить тебя от могущественных врагов и неверных подданных.

Впрочем, как я уже говорил, новые государи в новых государствах всегда создавали собственное войско, что подтверждается множеством исторических примеров. Но если государь присоединяет новое владение к старому государству, то новых подданных следует разоружить, исключая тех, кто содействовал завоеванию, но этим последним надо дать изнежиться и расслабиться, ведя дело к тому, чтобы в конечном счете во всем войске остались только коренные подданные, живущие близ государя.

Наши предки, те, кого почитали мудрыми, говаривали, что Пистойю надо удерживать раздорами, а Пизу – крепостями, почему для укрепления своего владычества поощряли распри в некоторых подвластных им городах. В те дни, когда Италия находилась в относительном равновесии, такой образ действий мог отвечать цели. Но едва ли подобное наставление пригодно в наше время, ибо сомневаюсь, чтобы расколы когда-либо кончались добром; более того, если подойдет неприятель, поражение неминуемо, так как более слабая партия примкнет к нападающим, а сильная – не сможет отстоять город.

Венецианцы поощряли вражду гвельфов и гибеллинов в подвластных им городах – вероятно, по тем самым причинам, какие я называю. Не доводя дело до кровопролития, они стравливали тех и других затем, чтобы граждане, занятые распрей, не объединили против них свои силы. Но как мы видим, это не принесло им пользы: после разгрома при Вайла сначала часть городов, а затем и все они, осмелев, отпали от венецианцев. Подобные приемы изобличают, таким образом, слабость правителя, ибо крепкая и решительная власть никогда не допустит раскола; и если в мирное время они полезны государю, так как помогают ему держать в руках подданных, то в военное время пагубность их выходит наружу.

Без сомнения, государи обретают величие, когда одолевают препятствия и сокрушают недругов, почему фортуна – в особенности если она желает возвеличить нового государя, которому признание нужней, чем наследному, – сама насылает ему врагов и принуждает вступить с ними в схватку для того, чтобы, одолев их, он по подставленной ими лестнице поднялся как можно выше. Однако многие полагают, что мудрый государь и сам должен, когда позволяют обстоятельства, искусно создавать себе врагов, чтобы, одержав над ними верх, явиться в еще большем величии.

Нередко государи, особенно новые, со временем убеждаются в том, что более преданные и полезные для них люди – это те, кому они поначалу не доверяли. Пандольфо Петруччи, властитель Сиены, правил своим государством, опираясь более на тех, в ком раньше сомневался, нежели на всех прочих. Но тут нельзя говорить отвлеченно, ибо все меняется в зависимости от обстоятельств. Скажу лишь, что расположением тех, кто поначалу был врагом государя, ничего не стоит заручиться в том случае, если им для сохранения своего положения требуется его покровительство. И они тем ревностнее будут служить государю, что захотят делами доказать превратность прежнего о них мнения. Таким образом, они всегда окажутся полезнее для государя, нежели те, кто, будучи уверен в его благоволении, чрезмерно печется о собственном благе.

И так как этого требует обсуждаемый предмет, то я желал бы напомнить государям, пришедшим к власти с помощью части граждан, что следует вдумываться в побуждения тех, кто тебе помогал, и если окажется, что дело не в личной приверженности, а в недовольстве прежним правлением, то удержать их дружбу будет крайне трудно, ибо удовлетворить таких людей невозможно. Если на примерах из древности и современной жизни мы попытаемся понять причину этого, то увидим, что всегда гораздо легче приобрести дружбу тех, кто был доволен прежней властью и потому враждебно встретил нового государя, нежели сохранить дружбу тех, кто был недоволен прежней властью и потому содействовал перевороту.

Издавна государи ради упрочения своей власти возводят крепости, дабы ими, точно уздою и поводьями, сдерживать тех, кто замышляет крамолу, а также дабы располагать надежным убежищем на случай внезапного нападения врага. Могу похвалить этот ведущийся издавна обычай. Однако на нашей памяти мессер Никколо Вителли приказал скрыть две крепости в Читта ди Кастелло, чтобы удержать в своих руках город. Гвидо Убальдо, вернувшись в свои владения, откуда его изгнал Чезаре Борджа, разрушил до основания все крепости этого края, рассудив, что так ему будет легче удержать государство. Семейство Бентивольо, вернувшись в Болонью, поступило подобным же образом. Из чего следует, что полезны крепости или нет – зависит от обстоятельств, и если в одном случае они во благо, то в другом случае они во вред. Разъясню подробнее: тем государям, которые больше боятся народа, нежели внешних врагов, крепости полезны; а тем из них, кто больше боится внешних врагов, чем народа, крепости не нужны. Так семейству Сфорца замок в Милане, построенный герцогом Франческо Сфорца, нанес большой урон, нежели все беспорядки, случившиеся в их государстве. Поэтому лучшая из всех крепостей – не быть ненавистным народу: какие крепости ни строй, они не спасут, если ты ненавистен народу, ибо, когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы. В наши дни от крепостей никому не было пользы, кроме разве графини Форли, после смерти ее супруга, графа Джироламо; благодаря замку ей удалось укрыться от восставшего народа, дожидаться помощи из Милана и возвратиться к власти; время же было такое, что никто со стороны не мог оказать поддержку народу; но впоследствии и ей не помогли крепости, когда ее замок осадил Чезаре Борджа и враждебный ей народ примкнул к чужеземцам. Так что для нее было бы куда надежнее, и тогда и раньше, не возводить крепости, а постараться не возбудить ненависти народа.

Итак, по рассмотрении всего сказанного выше, я одобряю и тех, кто строит крепости, и тех, кто их не строит, но осужу всякого, кто, полагаясь на крепости, не озабочен тем, что ненавистен народу.

Глава XXI Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. Из нынешних правителей сошлюсь на Фердинанда Арагонского, короля Испании. Его можно было бы назвать новым государем, ибо, слабый вначале, он сделался по славе и блеску первым королем христианского мира; и все его действия исполнены величия, а некоторые поражают воображение. Основанием его могущества послужила война за Гренаду, предпринятая вскоре после вступления на престол. Прежде всего он начал войну, когда внутри страны было тихо, не опасаясь, что ему помешают, и увлек ею кастильских баронов так, что они, занявшись войной, забыли о смутах; он же тем временем, незаметно для них, сосредоточил в своих руках всю власть и подчинил их своему влиянию. Деньги на содержание войска он получил от Церкви и народа и, пока длилась война, построил армию, которая впоследствии создала ему славу. После этого, замыслив еще более значительные предприятия, он, действуя опять-таки как защитник религии, сотворил благочестивую жестокость: изгнал марранов и очистил от них королевство, – трудно представить себе более безжалостный и в то же время более необычайный поступок. Под тем же предлогом он захватил земли в Африке, провел кампанию в Италии и, наконец, вступил в войну с Францией. Так он обдумывал и осуществлял великие замыслы, держа в постоянном восхищении и напряжении подданных, поглощенно следивших за ходом событий. И все эти предприятия так вытекали одно из другого, что некогда было замыслить что-либо против самого государя.

Величию государя способствуют также необычайные распоряжения внутри государства, подобные тем, которые приписываются мессеру Бернабо да Милано, иначе говоря, когда кто-либо совершает что-либо значительное в гражданской жизни, дурное или хорошее, то его полезно награждать или карать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя – постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, то есть когда он без колебаний выступает за одного против другого

– это всегда лучше, чем стоять в стороне. Ибо когда двое сильных правителей вступают в схватку, то они могут быть таковы, что возможный победитель либо опасен для тебя, либо нет. В обоих случаях выгоднее открыто и решительно вступить в войну. Ибо в первом случае, не вступив в войну, ты станешь добычей победителя – к радости и удовлетворению побежденного, сам же ни у кого не сможешь получить защиты: победитель отвергнет союзника, бросившего его в несчастье, а побежденный не захочет принять к себе того, кто не пожелал с оружием в руках разделить его участь. Антиох, которого этолийцы призвали в Грецию, чтобы прогнать римлян, послал своих ораторов к ахейцам, союзникам римлян, желая склонить ахейцев к невмешательству. Римляне, напротив, убеждали ахейцев вступить в войну. Тогда, чтобы решить дело, ахейцы созвали совет, легат Антиоха призывал их не браться за оружие, римский легат говорил так: «*Quod autem isti dicunt non interponendi vos bello, nihil magis alienum rebus vestris est; sine gratia, sine dignitate, praemium victoris eritis*» [5] . И всегда недруг призывает отойти в сторону, тогда как друг зовет открыто выступить за него с оружием в руках. Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению.

Зато если ты бесстрашно примешь сторону одного из воюющих и твой союзник одержит победу, то, как бы ни был он могуществен и как бы ты от него ни зависел, он обязан тебе – люди же не настолько бесчестны, чтобы нанести удар союзнику, выказав столь явную неблагодарность. Кроме того, победа никогда не бывает полной в такой степени, чтобы победитель мог ни с чем не считаться и в особенности – мог попрасть справедливость. Если же тот, чью сторону ты принял, проиграет войну, он примет тебя к себе и, пока сможет, будет тебе помогать, так что ты станешь собратом по несчастью тому, чье счастье, возможно, еще возродится.

Во втором случае, когда ни одного из воюющих не приходится опасаться, примкнуть к тому или к другому еще более благоразумно. Ибо с помощью одного ты разгромишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти, он же благодаря твоей поддержке неминуемо одержит победу.

Здесь уместно заметить, что лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не понуждает необходимость, как о том сказано выше. Ибо в случае победы сильного союзника ты у него в руках, государи же должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям. Венецианцы, к примеру, вступили в союз с Францией против миланского

герцога, когда могли этого избежать, следствием чего и явилось их крушение. Но если нет возможности уклониться от союза, как обстояло дело у флорентийцев, когда папа и Испания двинули войска на Ломбардию, то государь должен вступить в войну, чему причины я указал выше. Не стоит лишь надеяться на то, что можно принять безошибочное решение, наоборот, следует заранее примириться с тем, что всякое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей, что, избегнув одной неприятности, попадаешь в другую. Однако в том и состоит мудрость, чтобы, взвесив все возможные неприятности, наименьшее зло почесть за благо.

Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустраивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства. Он должен также занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года. Уважая цехи, или трибы, на которые разделен всякий город, государь должен участвовать иногда в их собраниях и являть собой пример щедрости и великодушия, но при этом твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке.

Глава XXII О советниках государей

Немалую важность имеет для государя выбор советников, а каковы они будут, хороши или плохи, – зависит от благоразумия государей. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он умел распознать их способности и удержать их преданность. Если же они не таковы, то и о государе заключат соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников. Из тех, кто знал мессера Антонио да Венафро, помощника Пандольфо Петруччо, правителя Сиены, никто не усомнился бы в достоинствах и самого Пандольфо, выбравшего себе такого помощника.

Ибо умы бывают трех родов: один все постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий – сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может. Первый ум – выдающийся, второй – значительный, третий – негодный. Из сказанного неопровержимо следует, что ум Пандольфо был если не первого, то второго рода. Ибо когда человек способен распознать добро и зло в делах и в речах людей, то, не будучи сам особо изобретательным, он сумеет отличить дурное от доброго в советах своих помощников и за доброе вознаградит, а за дурное – взыщет; да и помощники его не понадеются обмануть государя и будут добросовестно ему служить.

Есть один безошибочный способ узнать, чего стоит помощник. Если он больше заботится о себе, чем о государе, и во всяком деле ищет своей выгоды, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет на него положиться. Ибо министр, в чьих руках дела государства, обязан думать не о себе, а о государе, и не являться к нему ни с чем, что не относится до государя. Но и государь со своей стороны должен стараться удержать преданность своего министра, воздавая ему по заслугам, умножая его состояние, привязывая его к себе узами благодарности, разделяя с ним обязанности и почести, чтобы тот видел, что государь не может без него обходиться, и чтобы, имея достаточно богатств и почестей, не возжелал новых богатств и почестей, а также чтобы, занимая разнообразные должности, убоился переворотов. Когда государь и его министр обоюдно ведут себя таким образом, они могут быть друг в друге уверены, когда же они ведут себя иначе, это плохо кончается либо для одного, либо для другого.

Глава XXIII Как избежать льстецов

Я хочу коснуться еще одного важного обстоятельства, а именно одной слабости, от которой трудно уберечься правителям, если их не отличает особая мудрость и знание людей. Я имею в виду лести и льстецов, которых во множестве приходится видеть при дворах государей, ибо люди так тщеславны и так обольщаются на свой счет, что с трудом могут уберечься от этой напасти. Но беда еще и в том, что когда государь пытается искоренить лести, он рискует навлечь на себя презрение. Ибо нет другого способа оградить себя от лести, как внушив людям, что, если они выскажут тебе всю правду, ты не будешь на них в обиде, но когда каждый сможет говорить тебе правду, тебе перестанут оказывать должное почтение.

Поэтому благоразумный государь должен избрать третий путь, а именно: отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных.

Сошлюсь на один современный пример. Отец Лука, доверенное лицо императора Максимилиана, говоря о его величестве, заметил, что тот ни у кого совета не просит, но по-своему тоже не поступает именно оттого, что его образ действий противоположен описанному выше. Ибо император человек скрытный, намерений своих никому не поверяет, совета на их счет не спрашивает. Но когда по мере осуществления они выходят наружу, то те, кто его окружают, начинают их оспаривать, и государь, как человек слабый, от них отступает. Поэтому начатое сегодня завтра отменяется, и никогда нельзя понять, чего желает и что намерен предпринять император, и нельзя положиться на его решение.

Таким образом, государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошенный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном

терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-либо опасается говорить ему правду. Многие полагают, что кое-кто из государей, слывающих мудрыми, славой своей обязаны не себе самим, а добрым советам своих приближенных, но мнение это ошибочно. Ибо правило, не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения. Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам сделался бы государем. Когда же у государя не один советник, то, не обладая мудростью, он не сможет примирить разноречивые мнения; кроме того, каждый из советников будет думать лишь о собственном благе, а государь этого не разглядит и не примет меры. Других же советников не бывает, ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость. Отсюда можно заключить, что добрые советы, кто бы их ни давал, рождаются из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов.

Глава XXIV Почему государи Италии лишились своих государств

Если новый государь разумно следует названным правилам, он скоро утвердится в государстве и почувствует себя в нем прочнее и увереннее, чем если бы получил власть по наследству. Ибо новый государь вызывает большее любопытство, чем наследный правитель, и если действия его исполнены доблести, они куда больше захватывают и привлекают людей, чем древность рода. Ведь люди гораздо больше заняты сегодняшним днем, чем вчерашним, и если в настоящем обретают благо, то довольствуются им и не ищут другого; более того, они горой станут за нового государя, если сам он будет действовать надлежащим образом. И двойную славу стяжает тот, кто создаст государство и укрепит его хорошими законами, хорошими союзниками, хорошим войском и добрыми примерами; так же как двойным позором покроет себя тот, кто, будучи рожден государем, по неразумию лишится власти.

Если мы обратимся к тем государям Италии, которые утратили власть, таким как король Неаполитанский, герцог Миланский и другие, то мы увидим, что наиболее уязвимым их местом было войско, чему причины подробно изложены выше. Кроме того, некоторые из них либо враждовали с народом, либо, расположив к себе народ, не умели обезопасить себя со стороны знати. Ибо там, где нет подобных изъянов, государь не может утратить власть, если имеет достаточно сил, чтобы выставить войско. Филипп Македонский, не отец Александра Великого, а тот, что был разбит Титом Квинкцием, имел небольшое государство по сравнению с теми великими, что на него напали, – Римом и Грецией, но, будучи воином, а также умея расположить к себе народ и обезопасить себя от знати, он выдержал многолетнюю войну против римлян и греков и хотя потерял под конец несколько городов, зато сохранил за собой царство.

Так что пусть те из наших государей, кто, властвуя много лет, лишился своих государств, пеняют не на судьбу, а на собственную нерадивость. В спокойное время они не предусмотрели возможных бед – по общему всем людям недостатку в затишье не думать о буре, – когда же настали тяжелые времена, они предпочли бежать, а не обороняться, понадеявшись на то, что подданные, раздраженные бесчинством победителей, призовут их обратно. Если нет другого выхода, хорош и такой, плохо лишь отказываться ради

него от всех прочих, точно так же, как не стоит падать, полагаясь на то, что тебя поднимут. Даже если тебя и выручат из беды, это небезопасно для тебя, так как ты окажешься в положении зависимом и унижительном. А только те способы защиты хороши, основательны и надежны, которые зависят от тебя самого и от твоей доблести.

Глава XXV Какова власть судьбы над делами людей и как можно ей противостоять

Я знаю, сколь часто утверждалось раньше и утверждается ныне, что всем в мире правят судьба и Бог, люди же с их разумением ничего не определяют и даже ничему не могут противостоять; отсюда делается вывод, что незачем утруждать себя заботами, а лучше примириться со своим жребием. Особенно многие уверовали в это за последние годы, когда на наших глазах происходят перемены столь внезапные, что всякое человеческое предвидение оказывается перед ними бессильно. Иной раз и я склоняюсь к общему мнению, задумываясь о происходящем.

И, однако, ради того, чтобы не утратить свободу воли, я предположу, что, может быть, судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям. Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать. Но хотя бы и так, – разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время, то есть возвести заграждения и плотины так, чтобы, выйдя из берегов, река либо устремилась в каналы, либо остановила свой безудержный и опасный бег?

То же и судьба: она являет свое всеисие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений. Взгляните на Италию, захлестнутую ею же вызванным бурным разливом событий, и вы увидите, что она подобна ровной местности, где нет ни плотин, ни заграждений. А ведь если бы она была защищена доблестью, как Германия, Испания и Франция, этот разлив мог бы не наступить или по крайней мере не причинить столь значительных разрушений. Этим, я полагаю, сказано достаточно о противостоянии судьбе вообще.

Что же касается, в частности, государей, то нам приходится видеть, как некоторые из них, еще вчера благоденствовавшие, сегодня лишаются власти, хотя, как кажется, не изменился ни весь склад их характера, ни какое-либо отдельное свойство. Объясняется это, я полагаю, теми причинами, которые были подробно разобраны выше, а именно тем, что

если государь всецело полагается на судьбу, он не может выстоять против ее ударов. Я думаю также, что сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени.

Ибо мы видим, что люди действуют по-разному, пытаясь достичь цели, которую каждый ставит перед собой, то есть богатства и славы: один действует осторожностью, другой – натиском; один – силой, другой – искусством; один – терпением, другой – противоположным способом, и каждого его способ может привести к цели. Но иной раз мы видим, что хотя оба действовали одинаково, например, осторожностью, только один из двоих добился успеха, и наоборот, хотя каждый действовал по-своему: один осторожностью, другой натиском, – оба в равной мере добились успеха. Зависит же это именно от того, что один образ действий совпадает с особенностями времени, а другой – не совпадает. Поэтому бывает так, что двое, действуя по-разному, одинаково добиваются успеха, а бывает так, что двое действуют одинаково, но только один из них достигает цели.

От того же зависят и превратности благополучия: пока для того, кто действует осторожностью и терпением, время и обстоятельства складываются благоприятно, он процветает, но стоит времени и обстоятельствам перемениться, как процветанию его приходит конец, ибо он не переменил своего образа действий. И нет людей, которые умели бы к этому приспособиться, как бы они ни были благоразумны. Во-первых, берут верх природные склонности, во-вторых, человек не может заставить себя свернуть с пути, на котором он до того времени неизменно преуспевал. Вот почему осторожный государь, когда настает время применить натиск, не умеет этого сделать и оттого гибнет, а если бы его характер менялся в лад с временем и обстоятельствами, благополучие его было бы постоянно.

Папа Юлий всегда шел напролом, время же и обстоятельства благоприятствовали такому образу действий, и потому он каждый раз добивался успеха. Вспомните его первое предприятие – захват Болоньи, еще при жизни мессера Джованни Бентивольо. Венецианцы были против, король Испании тоже, с Францией еще велись об этом переговоры, но папа сам выступил в поход, с обычной для него неукротимостью и напором. И никто этому не воспрепятствовал, венецианцы – от страха, Испания – надеясь воссоединить под своей властью Неаполитанское королевство; уступил и французский король, так как, видя, что папа уже в походе, и желая союза с ним против венецианцев, он решил, что не может без явного оскорбления отказать ему в помощи войсками.

Этим натиском и внезапностью папа Юлий достиг того, чего не достиг бы со всем доступным человеку благоразумием никакой другой глава Церкви; ибо, останься он в Риме, выжидая, пока все уладится и образуеться, как сделал бы всякий на его месте, король Франции нашел бы тысячу отговорок, а все другие – тысячу доводов против захвата. Я не буду говорить о прочих его предприятиях, все они были того же рода, и все ему удавались; из-за краткости правления он так и не испытал неудачи, но, проживи он дольше и наступи такие времена, когда требуется осторожность, его благополучию пришел бы конец, ибо он никогда не уклонился бы с того пути, на который его увлекала натура.

Итак, в заключение скажу, что фортуна непостоянна, а человек упорствует в своем образе действий, поэтому, пока между ними согласие, человек пребывает в благополучии, когда же наступает разлад, благополучию его приходит конец. И все-таки я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать – таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, – подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают.

Глава XXVI Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров

Обдумывая все сказанное и размышляя наедине с собой, настало ли для Италии время чествовать нового государя и есть ли в ней материал, которым мог бы воспользоваться мудрый и доблестный человек, чтобы придать ему форму – во славу себе и на благо отечества, – я заключаю, что столь многое благоприятствует появлению нового государя, что едва ли какое-либо другое время подошло бы для этого больше, чем наше. Как некогда народу Израиля надлежало пребывать в рабстве у египтян, дабы Моисей явил свою доблесть, персам – в угнетении у мидийцев, дабы Кир обнаружил величие своего духа, афинянам – в разобщении, дабы Тезей совершил свой подвиг, так и теперь, дабы обнаружила себя доблесть италийского духа, Италии надлежало дойти до нынешнего ее позора: до большего рабства, чем евреи; до большего унижения, чем персы; до большего разобщения, чем афиняне. Нет в ней ни главы, ни порядка; она разгромлена, разорена, истерзана, растоптана, повержена в прах.

Были мгновения, когда казалось, что перед нами тот, кого Бог назначил стать избавителем Италии, но немилость судьбы настигала его на подступах к цели. Италия же, теряя последние силы, ожидает того, кто исцелит ей раны, спасет от разграбления Ломбардию, от поборов – Неаполитанское королевство и Тоскану, кто уврачуется ее гноящиеся язвы. Как молит она Бога о ниспослании ей того, кто избавит ее от жестокости и насилия варваров! Как полна она рвения и готовности стать под общее знамя, если бы только нашлось, кому его понести!

И самые большие надежды возлагает она ныне на ваш славный дом, каковой, благодаря доблести и милости судьбы, покровительству Бога и Церкви, глава коей принадлежит к вашему дому, мог бы принять на себя дело освобождения Италии. Оно окажется не столь уж трудным, если вы примете за образец жизнь и деяния названных выше мужей. Как бы ни были редки и достойны удивления подобные люди, все же они – люди, и каждому из них выпал случай не столь благоприятный, как этот. Ибо дело их не было более правым, или более простым, или более угодным Богу. Здесь дело поистине правое, – «*iustum enim est bellum quibus necessarium, et pia arma ibi nulla nisi in armis spes est*» [6] . Здесь условия поистине благоприятны, а где благоприятны условия, там трудности отступают,

особенно если следовать примеру тех мужей, которые названы мною выше. Нам явлены необычайные, беспримерные знамения Божии: море расступилось, скала источала воду, манна небесная выпала на землю: все совпало, пророча величие вашему дому. Остальное надлежит сделать вам. Бог не все исполняет сам, дабы не лишить нас свободной воли и причитающейся нам части славы.

Неудивительно, что ни один из названных выше итальянцев не достиг цели, которой, как можно надеяться, достигнет ваш прославленный дом, и что при множестве переворотов и военных действий в Италии боевая доблесть в ней как будто угасла. Объясняется это тем, что старые ее порядки нехороши, а лучших никто не сумел ввести. Между тем ничто так не прославляет государя, как введение новых законов и установлений. Когда они прочно утверждены и отмечены величием, государю воздают за них почестями и славой; в Италии же достаточно материала, которому можно придать любую форму. Велика доблесть в каждом из ее сынов, но, увы, мало ее в предводителях. Взгляните на поединки и небольшие схватки: как выделяются итальянцы ловкостью, находчивостью, силой. Но в сражениях они как будто теряют все эти качества. Виною же всему слабость военачальников: если кто и знает дело, то его не слушают, и хотя знающим объявляет себя каждый, до сих пор не нашлось никого, кто бы так отличился доблестью и удачей, чтобы перед ним склонились все остальные. Поэтому за прошедшие двадцать лет во всех войнах, какие были за это время, войска, составленные из одних итальянцев, всегда терпели неудачу, чему свидетели прежде всего Таро, затем Алессандрия, Капуя, Генуя, Вайла, Болонья и Местри.

Если ваш славный дом пожелает следовать по стопам величайших мужей, ставших избавителями отечества, то первым делом он должен создать собственное войско, без которого всякое предприятие лишено настоящей основы, ибо он не будет иметь ни более верных, ни более храбрых, ни лучших солдат. Но как бы ни был хорош каждый из них в отдельности, вместе они окажутся еще лучше, если во главе войска увидят своего государя, который чтит их и отличает. Такое войско поистине необходимо, для того чтобы итальянская доблесть могла отразить вторжение иноземцев. Правда, испанская и швейцарская пехота считается грозной, однако же в той и другой имеются недостатки, так что иначе устроенное войско могло бы не только выстоять против них, но даже их превзойти. Ибо испанцы отступают перед конницей, а швейцарцев может устрашить пехота, если окажется не менее упорной в бою. Мы уже не раз убеждались и еще убедимся в том, что испанцы отступали перед французской

кавалерией, а швейцарцы терпели поражение от испанской пехоты. Последнего нам еще не приходилось наблюдать в полной мере, но дело шло к тому в сражении при Равенне – когда испанская пехота встретилась с немецкими отрядами, устроенными наподобие швейцарских. Ловким испанцам удалось пробраться, прикрываясь маленькими щитами, под копья и, находясь в безопасности, разить неприятеля так, что тот ничего не мог с ними поделать, и если бы на испанцев не налетела конница, они добились бы неприятельскую пехоту. Таким образом, изучив недостатки того и другого войска, нужно построить новое, которое могло бы устоять перед конницей и не боялось бы чужой пехоты, что достигается как новым родом оружия, так и новым устройством войска. И все это относится к таким нововведениям, которые более всего доставляют славу и величие новому государю. Итак, нельзя упустить этот случай: пусть после стольких лет ожидания Италия увидит наконец своего избавителя. Не могу выразить словами, с какой любовью приняли бы его жители, пострадавшие от иноземных вторжений, с какой жаждой мщения, с какой неколебимой верой, с какими слезами! Какие двери закрылись бы перед ним? Кто отказал бы ему в повиновении? Чья зависть преградила бы ему путь? Какой итальянец не воздал бы ему почестей? Каждый ощущает, как смердит господство варваров. Так пусть же ваш славный дом примет на себя этот долг с тем мужеством и той надеждой, с какой вершатся правые дела, дабы под сенью его знамени возвеличилось наше отечество и под его водительством сбылось сказанное Петраркой:

*Доблесть ополчится на неистовство,
И краток будет бой,
Ибо не умерла еще доблесть
В итальянском сердце.*

Рассуждения о первой декаде Тита Ливия

*Никколо Макьявелли приветствует Дзаноби
Буондельмонти и Козимо Ручеллаи*

Вручаю вам свой дар, и хотя ему не сравниться с моим долгом перед вами, без сомнения, это лучшее, что может предложить Никколо Макьявелли. В него я вложил все свои знания о делах этого мира, усвоенные мною благодаря длительному опыту и усердному чтению. Ни вы, ни кто другой не может пожелать от меня большего, а поэтому и не посетует, что я ограничиваюсь этим. Конечно, вас может огорчить скудость моего дарования, если рассказ покажется вам скучным, либо опрометчивость моих мнений, если я стану путаться в рассуждениях. В таком случае, не знаю, кто из нас должен жаловаться: я ли – на то, что вы заставили меня взяться за сочинение, которого я без побуждения извне не написал бы, или вы – на то, что я не оправдал ваших ожиданий. Итак, отнеситесь к моему приношению с дружеским снисхождением, оценивающим не столько достоинство подарка, сколько доброе намерение. И поверьте, меня утешает уже одна мысль о том, что, обманываясь во многом, я не ошибусь, отдавая первым читателям моих «Рассуждений» предпочтение перед всеми прочими. С одной стороны, мне представился случай доказать, что я умею быть благодарным; с другой – я отступил от общего обыкновения сочинителей преподносить свой труд какому-нибудь государю и приписывать ему, в видах тщеславия или корыстолюбия, все возможные добродетели, закрывая глаза на те пороки, которые следовало бы осудить. Стремясь избежать подобной ошибки, я избрал не государей, но тех, кто благодаря своим бесчисленным достоинствам заслуживает этого звания; не тех, кто мог бы осыпать меня чинами, почестями и богатствами, но тех, кто по крайней мере мог бы мне их пожелать. Ведь если рассудить по справедливости, то уважения заслуживают истинно щедрые, а не те, кто лишь в состоянии быть щедрым; точно так же достоин уважения не просто тот, кто стоит во главе государства, но тот, кто умеет им управлять. Историки оценивают Гиерона Сиракузского в бытность его частным лицом выше, чем Персея Македонянина в бытность его царем, потому что Гиерону недоставало только власти, чтобы быть государем, а у Персея отсутствовало все необходимое для царствования, кроме царства. Итак, располагайте тем, чего вы сами хотели, к своему удовольствию или

неудовольствию, и если, против ожидания, мои суждения будут вами одобрены, я не премину приступить к оставшейся части истории, как и обещал вначале. Valete [7] .

Книга первая

Вступление

Вследствие человеческой зависти изобретать новые правила и порядки всегда было не менее опасно, чем искать неизведанные земли и моря, ибо люди более склонны осуждать, нежели хвалить чужие поступки. Тем не менее, побуждаемый присущим мне от природы желанием не обращать внимания на препятствия, когда речь идет о всеобщей пользе, я решил вступить на никем не хоженный путь, который сулит мне трудности и упреки, но вместе с тем и благодарность тех, кто возымеет снисхождение к цели моих трудов. И если скудость таланта, недостаточная искушенность в современных событиях и слабое знание древних поставят под сомнение полезность моих усилий, то по крайней мере они расчистят дорогу для того, кто исполнит мое намерение с большим блеском и разумением; так что если я не заслужу похвалы, то не буду и порицаем.

Итак, наблюдая, в каком почете находится все древнее и как зачастую – взять только один пример – за обломок античной статуи платят немалые деньги, желая заполучить его, украсить свой дом и выставить в качестве образца перед художниками, которые затем всячески пытаются ему подражать, я не могу сдержатъ удивления и печали, видя, как, с другой стороны, известные нам из истории доблестные деяния, совершенные в древних царствах и республиках царями, полководцами, гражданами, законодателями и всеми трудившимися на благо родины, вызывают в лучшем случае восхищение, а не желание повторить их; более того, наши поступки настолько им противоположны, что от античной доблести не осталось никаких следов. И это при том, что, как видим, для решения споров, возникающих в гражданской жизни, и для лечения болезней, которым подвержены люди, постоянно прибегают к суждениям и предписаниям древних (потому что гражданские законы суть не что иное, как приговоры древних правоведов, сборники которых служат для обучения наших юристов. Медицина же есть не что иное, как опыт античных врачей, на котором наши лекари основывают свои рецепты). Мы, однако, не сыщем государя или республику, которые следовали бы примеру древних во внутренних учреждениях, поддержании власти, управлении царством, устроении войска и ведении войны, в решении тяжб между подданными и приращении владений. Я думаю, это происходит не столько от той немощи, которую нынешняя религия внесла в мирские дела, и не от

той самодовольной праздности, каковая распространилась во многих христианских городах и землях, сколько из-за плохого знания истории, читатели которой не извлекают из нее подлинного смысла и не ощущают ее подлинного значения; многочисленные любители истории наслаждаются разнообразием описываемых ею происшествий, но не мыслят о подражании, считая его попросту невозможным; как будто бы небо, солнце, стихии и люди изменили свои пути, качества и место в порядке вещей по сравнению с древностью. Желая развеять это заблуждение, я счел нужным написать нечто необходимое, по моему разумению древности и современности, для понимания тех книг Тита Ливия, которые не были отняты у нас суровым временем, дабы мои слушатели с легкостью могли для себя извлечь пользу, соединенную со знанием истории. И хотя предприятие это трудное, я надеюсь с помощью тех, кто убедил меня подставить плечи под это бремя, нести его так, что мои преемники с легкостью доберутся до намеченной цели.

Глава I

Каковы были основания всех гражданских сообществ и как был основан Рим

Если рассмотреть, каково было начало Рима и какое устройство он получил от первых законодателей, то не покажется удивительной великая доблесть, хранимая его гражданами на протяжении многих веков и позволившая этой республике завладеть огромными территориями. Сначала я хочу обсудить ее зарождение и скажу, что все города бывают основаны либо местными жителями, либо чужеземцами. В первом случае обитатели, рассеянные мелкими группами, не чувствуют себя в достаточной безопасности, поскольку каждая из них, в силу своей малочисленности и отдаленности от других, не может противостоять нападениям захватчиков и не успевает соединиться с другими при нашествии врага; да и соединившись, они должны покинуть многие из своих жилищ, которые становятся легкой добычей противника. Во избежание подобной опасности, по собственной воле или по уговору уважаемых среди них людей, жители поселяются в избранном ими месте, удобном для защиты и обитания.

К таким городам, наряду со многими другими, относятся Афины и Венеция. Первые были основаны по настоянию Тезея вследствие названных причин прежде разрозненными жителями; вторая явилась пристанищем для многочисленных беглецов, скапливавшихся на островках в заливе Адриатического моря во время войн, не прекращавшихся в Италии после падения Римской империи. Эти племена, не имея особого

предводителя, стали жить по законам, которые казались им наиболее подходящими. Тому способствовало спокойное существование, обеспечиваемое местностью, потому что доступ к ней был только по морю, а у народов, опустошавших Италию, не было кораблей, так что сам ход вещей должен был привести этот город к его сегодняшнему величию.

Во втором случае, когда город закладывают чужеземцы, речь идет или о людях свободных, или зависимых, как, например, в колониях, основываемых какой-либо республикой или государем от избытка подданных либо для надежной и необременительной защиты новых владений. Римский народ построил множество таких городов по всей своей территории; их закладывали также отдельные государи, но не для себя, а ради умножения своей славы, как Александр основал Александрию. Однако такие города, вследствие своей зависимости, редко разрастаются до больших размеров и становятся столицами в своих странах. Подобным образом была основана Флоренция, и не важно, была ли она построена солдатами Суллы или обитателями Фьезоланских холмов, которые спустились на равнину близ Арно, уповая на длительный мир, воцарившийся повсюду при Октавиане: она подчинялась римской власти и поначалу могла расширять свои владения только за счет щедрот императора.

О вольных основателях городов можно говорить тогда, когда какой-либо народ во главе со своим правителем или сам по себе вынужден покинуть родные места из-за морового поветрия, голода или войны и искать нового пристанища. Эти переселенцы занимают города в завоеванных ими землях, как поступил Моисей, или обживают новые, как было с Энеем. В последнем случае можно судить о доблести основателя и о судьбе его наследия, которая может быть тем примечательнее, чем более высокими способностями обладает заложивший основание. Его же доблесть распознается двумя способами: по выбору места поселения и по установлению законов. А поскольку люди действуют по необходимости или по свободному выбору и доблести проявляется больше там, где выбор ограничен, возникает вопрос, не лучше ли избирать для устройства городов бесплодные местности, чтобы люди, промышляющие себе на жизнь и не отвлекаемые праздностью, были сплоченнее, потому что скудость земли давала бы меньше поводов для распри, как можно наблюдать в Рагузе и во многих подобных городах. Такое решение было бы самым мудрым и полезным, если бы люди довольствовались тем, что имеют, и не зарились на чужое. Но так как только могущество обеспечивает людям безопасность, следует избегать таких суровых мест и селиться на плодородных землях,

где изобилие позволяет расширять свои владения, защищать их от захватчиков и подавлять всякое сопротивление. Что до праздности, то следует установить законы, принуждающие к тому, чего не требует местность, уподобляясь умным людям, которые жили в прекрасных и плодородных землях, располагающих к безделью и неучастию в доблестных занятиях. Чтобы устранить эти недостатки, вызванные праздностью от избытка природных благ, они установили обязательные упражнения для будущих солдат, так что те превосходили солдат, выросших в странах с суровым климатом и бесплодной почвой. Таково было Египетское царство, в котором эта установленная законом необходимость, несмотря на самый благоприятный климат, позволила воспитать замечательных героев, и если бы их имена не были забыты за давностью лет, они наверняка заслужили бы больше похвал, чем Александр Великий и многие другие, память о которых еще свежа. Если вспомнить тамошнего султана и орден мамелюков, составлявших ополчение, пока оно не было разгромлено турецким султаном Селимом, то можно увидеть, сколько внимания они уделяли военным упражнениям, как опасались праздности, на которую обрекали бы их благоприятные условия, если бы последним не противостояли самые строгие законы.

Итак, я считаю разумным остановиться на плодоносящей местности, если ее плодородие будет умерено должными законами. Когда Александр Великий, стремясь увековечить свое имя, хотел заложить новый город, к нему явился архитектор Динократ и предложил построить его на горе Афон, которая не только хорошо защищена, но и могла быть приспособлена ко всем человеческим потребностям, так что город был бы единственным в своем роде и достойным величия Александра. Но когда Александр спросил архитектора, чем будут жить его обитатели, тот ответил, что не подумал об этом; посмеявшись, Александр отставил этот проект и основал Александрию, заселению которой благоприятствовали урожайность почвы и близость моря и Нила. Говоря о Риме, нужно отнести его к городам, основанным чужестранцами, если считать его родоначальником Энея; если же Ромула, то к городам, основанным местными жителями; в любом случае ясно, что его основали свободные и не подчиненные никому люди; ясно также, что законы, принятые Ромулом, Нумой и другими, выставляли такие требования к гражданам, что плодородные местности, близость моря, многочисленные победы и обширность территорий не смогли испортить римлян, своей доблестью превосходивших жителей всех прочих городов и республик.

Их деяния, прославленные Титом Ливием и относящиеся к

общественным или частным делам как внутри, так и вне города, я рассмотрю начиная с внутренних событий, касающихся общественной жизни и заслуживающих, на мой взгляд, наибольшего внимания; а затем рассмотрю их последствия, чем и закончится первая книга, или первая часть настоящих рассуждений.

Глава II

Какого рода бывают республики и к какому относилась республика Римская

Я не стану рассуждать о городах, которые изначально находились в зависимости от других, а буду говорить о тех, что с самого начала избежали чужого ярма и имели собственное республиканское или монархическое управление, но сколь разным было их происхождение, столь непохожи и их законы и устройство. Некоторые из них, при самом основании или немного спустя, получили сразу все свои законы от одного человека, как, например, спартанцы от Ликурга, другие вырабатывали свои законы постепенно, по мере развития событий, как было в Риме. Счастливой можно назвать республику, которую жребий наделяет столь благоразумным гражданином, что он дает ей продуманные и надежные законы, не нуждающиеся в исправлении.

Известно, что в Спарте они соблюдались более восьмисот лет без искажений и без особых потрясений; напротив, тот город, которому не посчастливилось найти разумного учредителя, вынужден сам заботиться о своем устройстве.

Самая несчастливая республика та, которая лишена упорядоченности, особенно если ее устройство во всех своих частях не нацелено на прямой путь, ведущий к истинной и совершенной цели. В этом случае никакие потрясения не заставят ее прийти в порядок; те же республики, которые, не имея совершенного устройства, располагают хорошими задатками, подлежащими развитию, могут постепенно совершенствоваться при благоприятном стечении обстоятельств. Но справедливо и то, что они будут при этом подвергаться опасности, потому что множество людей никогда не согласится принять новый закон и установить в городе новые порядки, если не убедится в крайней необходимости этого, а необходимость возникает только при наступлении опасности, поэтому такая республика может рухнуть, не дождавшись усовершенствования. Об этом свидетельствует пример Флорентийской республики, которая была переустроена благодаря событиям в Ареццо во втором году, а в двенадцатом, после событий в Прато, распалась.

Итак, приступая к рассмотрению внутреннего устройства Рима и

происшествий, приведших к его усовершенствованию, скажу, что авторы, писавшие о республиках, насчитывают в них три вида правления, которые они называют принципатом, правлением оптиматов и народным правлением, так что основатель государства должен выбирать один из этих трех, по его мнению, наиболее подходящий. Другие писатели, причем, по мнению многих, более мудрые, полагали, что существует шесть видов правительств, из которых три дурные, а три – сами по себе хорошие, но столь легко поддающиеся разложению, что и они становятся губительными. К хорошим относятся три вышеназванных, дурные же вытекают из первых, и каждый из них похож на себе подобный, так что они легко сменяют друг друга: принципат может быстро стать тиранией, правление оптиматов – сосредоточить власть в руках меньшинства, народное правление без труда переходит в произвол. Таким образом, если основатель республики вводит в своем городе один из этих трех режимов, то ненадолго, ибо никак нельзя помешать ему скатиться в свою противоположность из-за сходства в данном случае добродетели и порока.

Это чередование форм правления возникло стихийно: в начале мира, когда обитателей было мало, они жили, рассеявшись по свету наподобие зверей; когда же население увеличилось, люди стали соединяться вместе и в целях наилучшей защиты начали отличать в своей среде тех, кто был сильнее и храбрее, назначая их предводителями и подчиняясь им. Из этого родилось представление о разнице между делами хорошими и пристойными, с одной стороны, и вредными и преступными – с другой. Когда кто-либо наносил ущерб своему благодетелю, между людьми возникали ненависть и сострадание, они порицали неблагодарных и почитали тех, кто проявлял признательность. Думая о том, что подобная обида может быть нанесена и им, люди пришли к установлению законов во избежание подобного зла и к назначению наказания для нарушителей, откуда и явилось понятие справедливости. Все это привело к тому, что при избрании государя обращались уже не к самому сильному, а к тому, кто был благоразумней и справедливей.

Но когда титул государя стал передаваться по наследству, а не по выбору, наследники повели себя иначе, чем отцы, и, забыв о доблестных деяниях, вообразили, что роль государя состоит только в том, чтобы превосходить прочих в роскоши, сластолюбии и во всех других видах распущенности; так что государи стали внушать ненависть и, соответственно, испытывать страх, который толкал их к нанесению обид, откуда и рождалась тирания. Вскоре все это повело к переворотам, тайным сборищам и заговорам против государей, в которых участвовали отнюдь не

самые слабые и робкие, а те, кто, превосходя других своим благородством, величием души и знатностью, не могли выносить позорных поступков государя. Большинство подчинялось влиянию этих могущественных людей, поднимало оружие против государя и, сбросив его, входило в подчинение к своим освободителям. Последние, возненавидев единоличный образ правления, составляли собственное правительство и поначалу, памятуя о временах тирании, руководствовались установленными законами и ставили общую пользу выше своего блага, тщательно следя за исполнением всех публичных и частных надобностей. Но когда власть переходила к их детям, которые не ведали переменчивости судьбы, никогда не испытывали зла и не хотели довольствоваться гражданским равенством, то они начинали потакать своей алчности, тщеславию, вершить насилие над женщинами, и таким образом правление оптиматов вырождалось в олигархию, враждебную всякой гражданственности. Через малое время их ожидала судьба тирана, потому что разочарованная их правлением толпа была готова пойти за любым возмутителем спокойствия; быстро находился кто-нибудь, кто свергал этих правителей с помощью большинства. Но так как память о единоличном государе и о творимых им несправедливостях была еще свежа, то, отменив правление меньшинства и не желая вернуться к правлению одного, люди обратились к народовластию, в котором ни государь, ни олигархия не могли играть никакой роли. Всякий режим пользуется поначалу некоторым уважением, поэтому и народное правление держалось какое-то время, но недолго, не дольше жизни установившего его поколения, поскольку совершался переход к произволу, не щадящему ни властей, ни частных лиц; всякий делает что хочет, и повседневно творится множество безобразий, поэтому по необходимости или по подсказке какого-нибудь доброжелателя, чтобы обуздать произвол, люди снова обращаются к единоличному правлению; отсюда начинается новый виток, который постепенно, по вышеуказанным причинам, снова ведет к произволу.

Таков круг, в котором вращаются все государства, меняя своих правителей и образы правления; но последние повторяются редко, потому что навряд ли какая-то республика сможет пережить несколько раз такие преобразования и сохранить при этом свою целостность. Скорее всего в ходе этих испытаний, из-за отсутствия умения и сил, она станет частью соседнего государства, обладающего лучшим устройством; если же этого не случится, такая республика будет обречена на вечную перемену указанных режимов.

Я замечу, что все эти образы правления пагубны, три полезных –

вследствие недолговечности и три дурных – в силу их недостатков. Созная эту трудность, благоразумные законодатели, не отдавая предпочтения каждому из этих режимов в отдельности, выбрали один самый прочный и постоянный, соединяющий в себе достоинства всех трех, которые в нем дополняют друг друга, при этом в одном городе сосуществуют принципат, правление оптиматов и народовластие.

Среди тех, кто снискал себе славу подобными постановлениями, называют Ликурга, который в законах, принятых для Спарты, отвел долю и царю, и оптиматам, и народу, благодаря чему государство просуществовало более восьмисот лет, наслаждаясь покоем и восхваляя его имя. Противоположное случилось с Солоном, который установил законы в Афинах; введенное им народоправство было столь недолговечным, что еще при жизни законодателя его сменила тирания Писистрата; и хотя потомки последнего через сорок лет были изгнаны, так что в Афины снова вернулась свобода и восстановилось народное правление по образцу Солона, оно продержалось всего лишь сто лет, несмотря на многочисленные исправления законов, обуздывавшие дерзость грандов и распущенность толпы, не принятые Солоном в расчет. Тем не менее, поскольку в афинском устройстве недоставало преимуществ принципата и правления оптиматов, Афины продержались гораздо меньше по сравнению со Спартой.

Но перейдем к Риму; хотя там не было Ликурга, который заложил бы основы свободы на длительное время, его роль выполнил случай, представившийся в ходе дальнейших событий, вследствие распрей между плебсом и Сенатом. И если судьба Рима вначале складывалась не слишком удачно, все же на долю его выпала не самая плачевная участь, потому что недостатки первоначального устройства не помешали ему выйти на прямую дорогу, ведущую к совершенству. Дело в том, что Ромул и прочие цари издали много хороших законов, применимых и к свободному устройству, но так как их целью было создание царства, а не республики, то после освобождения Рима в нем недоставало многих вещей, необходимых для защиты вольности, потому что названные цари об этом не заботились. Хотя цари по вышеописанным причинам утратили власть, их преемники устранили из города скорее звание царя, а не образ правления, назначив вместо него двух консулов; республикой управляли консулы и Сенат, то есть налицо были два вида власти из трех вышеуказанных, а именно принципат и оптиматы. Оставалось только уделить место народной власти, и когда заносчивость римской знати превысила всякую меру, о чем будет сказано ниже, народ восстал против нее, и знать, чтобы не утратить все,

была вынуждена уступить народу его долю. В то же время Сенат и консулы оставались в такой силе, что сохраняли свое значение в республиканских органах власти. Так после введения должности народных трибунов римское государство упрочилось, соединяя в себе все три рода правления. Судьба была к нему столь благосклонна, что, хотя цари и оптиматы уступили свою власть народу точно таким образом и по тем самым причинам, которые были описаны выше, тем не менее при переходе к оптиматам бразды правления не утратили полностью царских достоинств, как и достоинств аристократического строя при воцарении народа; устройство было смешанным и подходящим для совершенной республики, а к этому усовершенствованию привела рознь между плебсом и Сенатом, что будет показано подробнее в двух следующих главах.

Глава III

Какие события заставили ввести в Риме должность народных трибунов, придавшую совершенство устройству республики

Как утверждают все размышлявшие о гражданском общежитии и как учит на своих примерах история, основателю республики, сочиняющему для нее законы, необходимо исходить из присущих людям дурных наклонностей, которые проявятся при любых благоприятных обстоятельствах; если такие преступные склонности долго ничем себя не выказывают, это говорит лишь об отсутствии видимых причин для их проявления; но время, прозванное отцом истины, все равно удостоверит обратное.

Казалось, что после изгнания из Рима Тарквиниев между Сенатом и плебсом воцарилось единодушие; нобили оставили свою спесь и, проникнувшись к народу сочувствием, готовы были ужиться с последним простолудином. Причины этой обманчивой кротости оставались скрытыми до тех пор, пока были живы Тарквинии, опасаясь которых знать не хотела раздражать плебс, чтобы он не перешел на сторону изгнанников, и обходилась с ним милосердно; но как только Тарквиниев не стало и страх прошел, нобили начали изливать на плебс давно накопившийся яд и обижать его как только можно. Вот свидетельство того, что я говорил выше, то есть что люди делают добро только по необходимости; но там, где существует полная свобода выбора и можно поступать как хочешь, там сразу начинаются смуты и беспорядки. Говорят ведь, что голод и бедность побуждают людей к выдумке и изворотливости, а законы склоняют их к добру. И если что хорошо и без закона, само по себе, тогда закон не нужен, но когда добрый обычай отсутствует, тут необходим закон. Так, по смерти Тарквиниев, которые наводили на знать страх и сдерживали ее, следовало

подумать о каком-то новом учреждении, которое бы действовало точно так же и заменило их. И вот, после многих смут, волнений и опасных беспорядков, в которых участвовали плебс и знать, для успокоения народа был учрежден трибунат, располагавший достаточной властью и уважением, чтобы стать посредником между плебсом и Сенатом и противостоять заносчивости нобилей.

Глава IV

О том, что противостояние плебса и Сената сделало Римскую республику свободной и могущественной

Я не премину высказаться здесь о беспорядках, продолжавшихся в Риме от смерти Тарквиниев до создания трибуната, и оспорить распространенное мнение, что если бы благосклонность судьбы и воинская доблесть не возместили внутренне присущих Римской республике недостатков, то бесконечные потрясения и смуты поставили бы ее ниже всех прочих государств. Не стану отрицать, что своими владениями Рим обязан фортуне и хорошему войску, но те, кто сводит дело к этим двух причинам, не замечают, что хорошее войско немыслимо без добрых порядков, а уж за этим следует обычно и удача. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Те, кто осуждает беспорядки между нобилиями и плебсом, по моему, порицают самую причину римской вольности, обращая внимание больше на внешнюю сторону этих беспорядков, а не на их благотворные последствия; они не видят, что в любой республике существуют два противоборствующих стана: народ и знать, и что все законы, охраняющие свободу, рождаются из этого противостояния, как можно отчетливо видеть на примере Рима: ведь на протяжении трехсот лет от Тарквиниев до Гракхов, несмотря на беспорядки, в Риме почти никого не ссылали и еще реже проливалась кровь. Нельзя называть подобные волнения вредными и считать расколотым государство, из которого за столько времени было выслано не более восьми – десяти человек, казнено – того меньше, и лишь единицы подверглись штрафам. Нет также никаких оснований хулить устройство республики, явившей столько образцов доблести; ведь добрые примеры проистекают из хорошего воспитания, правильное воспитание – из хороших законов, а последние – из тех самых беспорядков, что подвергаются столь необдуманному осуждению. Ведь если рассмотреть, к чему они приводили, то мы не можем сказать, чтобы кто-либо подвергался изгнанию или насилию, ущемляющим общее благо; напротив, принимались законы и установления на пользу гражданской свободе. Если же возразят, что все это достигалось вовсе не мирными и законопослушными действиями и что читающему о них представляется

довольно устрашающее зрелище: народ громогласно проклинает Сенат, Сенат отвечает ему тем же, толпа рыщет по улицам, лавки закрываются, все плебеи уходят из Рима, — я скажу, что народу должно быть позволено каким-то образом утолить свои амбиции во всяком городе, тем более в таком, где от него многое зависит; и в Риме бывало так, что, когда народ хотел провести какой-либо закон, он поступал, как описано выше, либо срывал набор рекрутов на войну, и тогда, чтобы утихомирить его, приходилось идти ему навстречу. Но требования свободных народов редко покушаются на вольность; их вызывают к жизни угнетение или угроза установления гнета. И если опасения беспочвенны, то какой-нибудь уважаемый человек всегда может их развеять, своей речью открыв народу его заблуждение; как говорит Туллий, хотя народы невежественны, они не глухи к истине и легко уступают, когда истину внушает им лицо, достойное доверия. Итак, не стоит столь бездумно порицать римские порядки, принимая во внимание, что все великие деяния этой республики были вызваны к жизни соответствующими причинами. И если беспорядки привели к возникновению трибуната, то они заслуживают всяческого одобрения, потому что при этом народ не только получил свою долю власти, но и был заложен оплот римской свободы, как будет показано в следующей главе.

Глава V

Кому вернее поручить охрану свободы: народу или грандам; у кого из них больше причин заводить смуты, то есть кто желает приобретений и кто довольствуется тем, что есть

Разумные основатели республик, наряду с прочими необходимыми вещами, заботились об охране свободы, и чем лучше им это удавалось, тем больше в государстве сохранялось вольности. А поскольку во всякой республике есть гранды и популяры, возникает вопрос, кому лучше поручить охрану свободы. У лакедемонян, а в наше время у венецианцев ее доверяли нобилиям; у римлян же этот долг лежал на плебейх.

Рассмотрим, какая из этих республик сделала лучший выбор. Существуют доводы в пользу того и другого решения; но если судить по результатам, то нужно склониться на сторону нобилей, потому что Спарта и Венеция сохраняли свою свободу дольше, чем Рим. Что касается доводов в пользу Рима, скажу, что всякую вещь лучше охраняет тот, кто менее склонен на нее покушаться. Нет сомнения, что, рассмотрев цели знатных и незнатных слоев населения, мы увидим у первых великое желание властвовать, а у вторых — только стремление избежать гнета, а следовательно, и большую тягу к гражданской вольности, на которую им

труднее и посягать, чем градам. Понятно, что, стоя на страже вольности, популяры будут проявлять тем больше усердия, что сами они не могут никого угнетать и не позволят этого другим. С другой стороны, сторонники спартанских и венецианских порядков утверждают, что доверившие охрану влиятельным людям убивают двух зайцев: во-первых, они утоляют этим честолюбие знати, которая удовлетворяется доступом к рычагам власти, во-вторых, они отнимают у черни законный повод вызывать в республике бесконечные раздоры и смуты, которые из-за протестов знати со временем могут привести к дурным последствиям. В пример приводят тот же Рим, где народные трибуны, располагая подобной властью, не удовлетворялись тем, что один консул избирался из плебеев, но захотели иметь обоих. Затем они перешли к цензорам, претору и всем остальным должностям городского управления; но и этого им показалось мало, потому что, движимые тем же безрассудством, плебеи стали со временем превозносить людей, готовых, по их мнению, сокрушить знать: здесь истоки могущества Мария и падения Рима. Поистине, сопоставляя доводы обеих сторон, трудно решить, кто должен быть защитником свободы, пока не выяснено, какие устремления приносят республике больший вред: желание сохранить уже приобретенные привилегии или жажда новых.

В конце концов, тщательно все разобрав, приходишь к такому выводу: или речь идет о республике, желающей, как Рим, расширить свои владения, или о той, которой достаточно сохранить собственные. В первом случае во всем следует подражать Риму, во втором – уподобиться по указанным причинам Венеции и Спарте, о чем мы будем говорить в следующей главе.

Но, возвращаясь к вопросу, кто приносит больше вреда республике – жаждущие нового или те, кто боится потерять свое, скажу, что, когда для расследования заговора, замышленного в Капуе против Рима, диктатором был назначен Марк Менений, а начальником конницы – Марк Фульвий, оба плебеи, народом им было поручено также выяснить, кого из римлян тщеславие побуждает искать незаконным способом консульства и других городских должностей. Нобили посчитали, что эти полномочия диктатора направлены против них, и распространили по Риму слух, что честолюбие толкает на незаконные поступки ради почестей не знать, а простолюдинов, которые, не полагаясь на свое происхождение и доблесть, добиваются должностей окольными путями; в частности, были выдвинуты обвинения против диктатора. Эти упреки возымели такую силу, что Менений выступил с речью, пожаловавшись на клевету нобилей, сложил с себя диктаторские полномочия и предстал перед судом, учрежденным народом. По рассмотрении дела он был оправдан; но при этом было много споров о

том, кто более честолюбив: желающий сохранить или желающий приобрести, ведь и то и другое может вызвать великие беспорядки. Все-таки чаще причина кроется во власти имущих, у которых опасение утраты рождает те же желания, что и у стремящихся приобрести, потому что люди начинают тревожиться за судьбу своего достояния, если непрерывно его не умножают. Кроме того, у имущего больше средств и больше возможностей вызвать переворот. Более того, их спесивые и необдуманные поступки зажигают в сердцах неимущих страсть к обладанию, которая побуждает их отомстить имущим, чтобы отнять их богатства и приобщиться к той роскоши и почестям, коими столь дурно воспользовались другие.

Глава VI

Можно ли было дать Риму такое устройство, чтобы избежать вражды между народом и Сенатом

Выше мы рассмотрели последствия раздоров между народом и Сенатом, и поскольку они прекратились только во время Гракхов, когда эта вражда привела к падению свободы, кто-то может подумать, что Рим нисколько не обязан им своим величием. Поэтому, мне кажется, стоит рассмотреть, можно ли было избежать этих противоречий во внутреннем устройстве Рима, а чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к республикам, просуществовавшим долго без подобной вражды и волнений, и выяснить, пригодно ли было их устройство для Рима.

Как я уже говорил выше, в древности такой республикой была Спарта, а в современности – Венеция. Спартой управляли царь и небольшой сенат. В Венеции нет такого разделения и существует одно общее название для всех лиц, допущенных к управлению, – их именуют благородными людьми, дворянами. Этот обычай был вызван к жизни не благоразумием законодателей, а случаем: когда на островах, где теперь находится город, по описанному выше причинам скопилось много беглецов и им понадобились законы для общежития, было учреждено своего рода правительство. Жители часто собирались на сходки для принятия важных решений, и когда посчитали достаточным количество участников этих гражданских собраний, то закрыли доступ для вновь прибывающих, так что через некоторое время там обитало много людей, не участвующих в управлении, и чтобы отличать эти два рода насельников, правителей стали называть дворянами, а остальных – пополанами. Этот образ правления установился беспрепятственно, потому что все жившие в Венеции в это время получили доступ к власти и никто не мог пожаловаться; селившиеся там вновь находили уже устоявшееся государственное устройство и не имели ни поводов, ни случая устроить беспорядки. У них не было повода для

недовольства, потому что у них ничего не отняли; да и случай не представлялся, так как правители держали вновь прибывших в узде и не доверяли им важных дел, благодаря которым они могли бы усилиться. Кроме того, новых поселенцев в Венеции никогда не было так много, чтобы нарушить соотношение между правителями и управляемыми; число дворян превышало или было равным количеству остальных; вот почему в Венеции установилось и сохранилось нерушимым такое государственное устройство.

Как я уже говорил, Спартой управляли царь и ограниченное число сенаторов. Это государство просуществовало долго потому, что жителей там было немного, а новым поселенцам доступ был закрыт; соблюдение законов Ликурга устраняло все причины для волнений, так что там долгое время сохранялось единство. Ликург своими законами утвердил в Спарте должностное неравенство, но равенство в достатке, так что все жили бедно, и у плебеев не было оснований для честолюбивых помыслов; должностных лиц было немного, и плебеи в это число не входили, но нобили никогда не внушали им желания перемен дурным обхождением. Причина заключалась в спартанских царях, у которых не было лучшего средства для упрочения своего достоинства в окружении знати, чем защита плебса от любых притеснений; поэтому низшие слои не испытывали страха и не стремились к власти; тем самым устранялась причина их волнений и раздоров с нобилиями, так что между ними царило согласие. Причина такого согласия была двоякой: во-первых, жителей Спарты было мало и ими было легко управлять; во-вторых, в республике не было притока чужеземцев, которые могли бы расшатать порядок или довести количество жителей до неуправляемой величины.

Подводя итог, можно увидеть, что римским законодателям, пожелав они сохранить спокойствие в городе, как в вышеназванных республиках, необходимо было либо не использовать на войне плебс, как в Венеции, либо закрыть доступ для чужеземцев, как в Спарте. Римляне не сделали ни того, ни другого, так что плебеи получили власть и умножились, и это дало им бесчисленные возможности для беспорядков. Но, избрав внутреннее спокойствие, римское государство одновременно ослабило бы себя, потому что тем самым отрезало бы себе пути к будущему величию; устраняя причины для раздоров, Рим лишился бы средств к расширению. Как и во всех людских предприятиях, невозможно избавиться от одного неудобства, чтобы тут же не возникло другое. Если ты хочешь видеть народ вооруженным и многочисленным, готовым завоевать обширные владения, то потом не сможешь с ним управиться; если же сдерживать его

численность или разоружить его, чтоб удобней было управлять, то, приобретая новые владения, ты не сможешь их удержать, и никчемность народа делает тебя жертвой первого нападения. Но из всех возможных решений нам следует выбирать то, которое сулит меньше неудобств, потому что никогда нельзя рассчитывать, что все пойдет без сучка без задоринки. Можно было и в Риме наподобие Спарты назначать пожизненного государя и избирать малочисленный Сенат; но расширение его владений все равно потребовало бы умножить количество граждан; поэтому наличие царя и малочисленного Сената нисколько не обеспечило бы согласия в гражданах.

Итак, если бы кто-нибудь пожелал дать новой республике государственное устройство, ему следовало бы решить, должна ли она постоянно расти, как Рим, и увеличивать свое могущество, или она останется в своих первоначальных границах. В первом случае необходимо дать ей римское устройство в разумных пределах, оставляющее место для внутренних возмущений и борьбы, потому что без множества вооруженных людей никакая республика не сможет приумножить свои владения, а затем сохранить их. Во втором случае нужно дать ей спартанское и венецианское устройство, но так как разрастание является губительным для подобных республик, то необходимо, чтобы ее основатель всеми возможными способами запретил ей новые приобретения, ибо для слабой республики они подобны яду. Так произошло и в Спарте, и в Венеции: первая из них, подчинив себе почти всю Грецию, в пустячном происшествии продемонстрировала всю слабость своих основ; достаточно было Пелопиду вызвать в Фивах мятеж, как восстали остальные города, и вся республика рухнула. Равным образом Венеция, захватившая большую часть Италии, в основном не в результате военных действий, а благодаря своим деньгам и хитрости, при первом же испытании потеряла все в одном сражении. Я полагаю, что обеспечить республике долговечность можно, дав внутреннее устройство наподобие Спарты или Венеции, расположив ее в защищенном месте и наделив такими силами, чтобы она могла не опасаться внезапного захвата; в то же время она не должна быть настолько сильной, чтобы наводить страх на соседей; таким образом, ее положение будет надолго упрочено.

Ведь республике приходится вступать в войну по двум причинам: когда ее хотят поработить либо когда опасаются нападения с ее стороны. Но вышеописанный способ почти полностью устраняет обе эти причины, потому что если оборона республики будет хорошо продумана, что я и предположил, то навряд ли кто-нибудь захочет напасть на нее. Если же она

будет довольствоваться своими границами и убедит соседей в отсутствии честолюбивых планов, то из страха никто на нее не нападет; тем более если расширение владений будет запрещено в ней законом или конституцией. Я полагаю, что, без сомнения, такое равновесие обеспечило бы подлинно политическую жизнь и подлинный покой для государства. Но так как все людские дела пребывают в движении и не могут стоять на месте, то они либо идут на подъем, либо клонятся к упадку, и необходимость приводит ко многим вещам, к которым не приведет нас рассудок, так что, основав республику, способную не выдвигать территориальных притязаний, мы будем вынуждены нарушить ее принципы, когда необходимость направит ее на путь расширения, и тем обречем на верную гибель. Впрочем, если бы благосклонность небес избавила ее от войн, безмятежная праздность вызвала бы в ней внутреннее ослабление или разделение; а эти две вещи, и даже каждая из них в отдельности, привели бы к ее крушению. Итак, раз уж нельзя, как я полагаю, сохранить равновесие и выдерживать с точностью этот средний путь, то при устройстве республики нужно подумать о наиболее достойной участи и предусмотреть, если нужда заставит ее расширить владения, возможность сохранения за собой приобретенного. Возвращаясь к первому нашему рассуждению, я думаю, что необходимо следовать римскому образцу, а не тому, который указывают другие республики, потому что среднего между ними пути, по-моему, быть не может; а к вражде, возникающей между народом и Сенатом, следует относиться терпимо, как к неудобству, неизбежному в достижении римского величия. И помимо приведенных уже причин, объясняющих, почему должность трибунов была необходима для защиты свободы, явственно видна та польза, которую приносит республике право выдвигать обвинения, полученное трибунами наряду с прочим, о чем пойдет речь в следующей главе.

Глава VII

Насколько необходимы обвинения для поддержания республиканской свободы

У лиц, возглавляющих охрану гражданской свободы, не может быть более полезного и нужного права, чем право обвинять своих сограждан в преступлениях против свободного устройства перед народом либо перед каким-нибудь учреждением или советом. Для республики такой порядок имеет двоякую пользу. Во-первых, из страха быть обвиненным никто не решится выступить против государства, а если решится, то будет жестоко и беспощадно наказан. Во-вторых, получают выход страсти, непременно закипающие в республиках вокруг отдельных граждан; если не дать им

излиться законным путем, они находят незаконный и приводят к гибели все государство. Поэтому для укрепления и упрочения республиканского строя лучше всего предусмотреть в нем законный способ утихомиривать бурлящие страсти. На это указывают многие примеры, в особенности случай с Кориоланом, приводимый Титом Ливием. Когда римская знать ополчилась против плебса за то, что тот, по ее мнению, забрал слишком много власти благодаря защищавшим его трибунам, в Риме как раз случился недостаток продовольствия, и Сенат послал за хлебом в Сицилию. В это время Кориолан, противник народной партии, посчитал, что пора наказать плебеев и отнять у них права, причинявшие столько хлопот нобилиям, устроив голод и отменив раздачу хлеба. Это известие вызвало такое негодование в народе, что Кориолан при выходе из Сената был бы растерзан толпой, если бы трибуны не вызвали его для дачи публичных показаний в свое оправдание. Эти события подтверждают сказанное выше о том, сколь полезно и необходимо для республики предусмотреть в своих законах выход для раздражения, овладевающего большинством против отдельных граждан; ведь если оно не получит законной разрядки, то поведет к незаконным действиям, что, без сомнения, намного опаснее.

Если гражданин понес наказание по закону, даже незаслуженно, это не вызовет смуты в республике, потому что здесь не будут замешаны частные или посторонние силы, способные погубить свободу; гражданские же средства и процедуры, не переходящие определенных границ, никогда не будут угрожать республиканскому устройству. Если это мнение нужно подкрепить примерами, я думаю, из древних мне будет достаточно сослаться на случай с Кориоланом, из которого каждому видно, сколь пагубной для Римской республики могла быть самовольная расправа с ним: это была бы обида, нанесенная частному лицу частными же лицами, она породила бы страх, страх нуждается в защите, для защиты требуются сторонники, из которых потом создаются партии, а партии губят республики. Но в данном случае разбирательство пошло законным путем, благодаря чему были устранены все опасности, грозившие при самовольном выступлении.

В наше время мы были свидетелями перемен, происшедших во Флорентийской республике из-за того, что массы не могли законным путем излить свой гнев против одного из граждан; это случилось, когда Франческо Валори стоял во главе государства; многие считали его человеком властолюбивым и готовым своими дерзкими решительными поступками нарушить гражданский порядок. Поскольку противостоять ему

можно было, только создав враждебную партию, его сторонники, в ожидании таких недозволенных действий, стали готовиться к защите; с другой стороны, противники его, не имея другого выхода, обратились к незаконным средствам, и дело дошло до вооруженных столкновений. Если бы можно было законным путем устранить его с политической сцены, то ущерб был бы нанесен ему одному, но когда речь зашла о перевороте, убытки понесли и многие другие знатные граждане. Для подкрепления такого вывода можно еще привести случай, происшедший во Флоренции с Пьеро Содерини, вследствие того, что в этой республике не было принято выступать с обвинениями против влиятельных граждан. Ведь обличить такого человека перед Восемью судьями при республиканском правлении недостаточно; необходимо множество судей, ибо меньшинство всегда поступает так, как присуще меньшинству. И если бы такая возможность существовала, граждане обвинили бы правителя, когда бы он того заслуживал, и таким образом, не обращаясь за помощью к испанскому войску, дали выход своему негодованию; если же он этого не заслуживал, они не посмели бы выступить против него, в свою очередь, опасаясь наказания, и так угасли бы взаимные подозрения, породившие смуту.

В общем, можно сделать такое заключение: всякий раз, как часть горожан призывает в город чужеземные силы, это свидетельствует о недостатках его внутреннего устройства и о том, что оно не предусматривает дозволенных путей для успокоения дурных страстей, зарождающихся среди людей; а ведь для этого было бы достаточно учредить представительный и уважаемый суд. В Риме это все было так хорошо продумано, что среди стольких раздоров между плебеями и Сенатом ни тот, ни другие, как и ни один из граждан, не подумали о чужеземной помощи: если можно добиться справедливости дома, незачем искать ее на чужбине. Хотя приведенных примеров для доказательства достаточно, все же я хочу обратиться еще к одному, изображенному Титом Ливием в своей «Истории». В Кьюзи, знаменитом в те времена тосканском городе, некий Лукумон обесчестил сестру Арунта, и так как последний не мог отомстить могущественному обидчику, он отправился к французам, властвовавшим тогда в нынешней Ломбардии, и убедил их отправить войско в Кьюзи, где они могли отомстить за его обиду с пользой для себя. Если бы Арунт надеялся отстоять свою правоту в городском суде, он не стал бы звать варваров. Но насколько полезны подобные обличения для республики, настолько же для нее пагубна и вредна клевета, о чем мы скажем в следующей главе.

Глава VIII

Клевета столь же вредоносна для республики, насколько полезны публичные обвинения

Хотя все римские граждане, не ущемляя своего достоинства или звания, склонялись перед доблестью Фурия Камилла, который освободил Рим от гнета французов, подобные почести и слава возмущали Манлия Капитолина, который, как спаситель Капитолия, считал свою заслугу перед Римом не меньшей, чем у Камилла, а себя – не менее отважным полководцем. Слава Камилла не давала ему покоя, и так как он не мог посеять семена раздора среди сенаторов, то стал распространять всевозможные дурные слухи среди плебеев. Наряду с прочим он говорил, что сокровища, собранные для французов и затем оставшиеся в Риме, были похищены частными лицами; если вернуть их, они послужили бы общественному благу, позволив уменьшить налоги с народа и уплатить его частные долги. Эти слова запали в плебейские умы; народ стал волноваться и устраивать частые сборища; все это не нравилось Сенату и казалось настолько опасным, что он счел нужным назначить диктатора, чтобы тот разобрал дело и утихомирил Манлия. Диктатор тотчас же вызвал того на суд и при большом стечении народа вместе с нобилями встретил его, окруженного плебсом. Манлию был задан вопрос, у кого хранятся те сокровища, о которых он упоминал, ведь Сенат так же хотел об этом знать, как и плебеи; Манлий не дал внятного ответа, но сказал уклончиво, что незачем сообщать то, что им хорошо известно; тогда диктатор велел заключить его в тюрьму.

Это происшествие указывает, какую прискорбную роль играет клевета в свободных городах, да и во всяком обществе; для борьбы с ней не следует пренебрегать никакими полезными предосторожностями. Лучшее же средство против клеветы состоит в том, чтобы открыть дорогу публичным обвинениям, ибо насколько последние благотворны для республик, настолько же наветы вредны. Разница между ними заключается в том, что лживые слухи не нуждаются ни в свидетелях, ни в других подробностях, необходимых для доказательства, и всякий может возводить напраслину на всякого; не так с обвинениями, которые требуют улики и обстоятельств, подтверждающих правоту обвинителя. Обвинения выдвигают перед народом, перед должностными лицами, в советах; клевету распространяют на площадях и в лоджиях, она приживается в тех республиках, где нет легальных путей для выдвижения обвинений. Основатель республики должен устроить так, чтобы публичный обвинитель мог выступить против любого лица, не опасаясь преследований; при соблюдении такого порядка следует строжайше наказывать клеветников, которые не смогут на это

посетовать, располагая правом публичного обвинения тех, на кого они наговаривали по закоулкам. Но там, где подобные обычаи не продуманы, всегда случаются великие беспорядки, ведь клевета никак не действует на граждан, а только оскорбляет их, она внушает им не столько боязнь, сколько ненависть, побуждающую к мести.

Как уже говорилось выше, эта процедура была хорошо продумана в Риме и неудачно – в нашей Флоренции. Соответственно для Рима последствия были благотворны, а для Флоренции – разрушительны.

Кто обратится к истории нашего города, тот увидит, скольким незаслуженным нападкам подвергались всегда его граждане, которые вершили судьбы государства. О ком-то говорили, что он присвоил общественные деньги; о ком-то – что проиграл сражение, будучи подкуплен; кому-то приписывали всевозможные проступки, обвиняя его в честолюбии. Все это порождало взаимную ненависть и вело к расколу на партии, борьба же партий вела к прямому краху. Если бы во Флоренции существовал порядок выдвижения обвинений против граждан и наказания клеветников, удалось бы избежать бесчисленных смут, потому что будь обвиняемые осуждены или оправданы, они не причинили бы такого ущерба городу; им не пришлось бы отрешиваться от стольких напраслин, ведь, как я уже сказал, обвинять доказательно не так легко, как клеветать. А ведь, между прочим, клевета была одним из средств, которым пользовались некоторые граждане для собственного возвышения; наветы на влиятельных лиц, мешавших осуществлению подобных замыслов, очень им способствовали, потому что искатель власти поддерживал в народе дурную славу этих лиц и таким образом привлекал его на свою сторону. Примеров можно было бы привести множество, но я ограничусь только одним. Комиссаром флорентийского войска в лагере под Луккой был мессер Джованни Гвиччардини. То ли по его неспособности, то ли по вине злой судьбы город взят не был. Как бы то ни было, вина за это была возложена на мессера Джованни, которого будто бы подкупили жители Лукки; недоброжелатели подхватили эту клевету, и она довела мессера Джованни до крайнего отчаяния. Он желал было оправдаться и предал себя в руки капитана народа, но полное оправдание было невозможным, поскольку республиканские порядки этого не предусматривали. Негодование друзей мессера Джованни не знало границ, а среди них числилось большинство грандов, в том числе и те, что желали во Флоренции перемен. Вся эта история, усугубленная другими подобными происшествиями, разрослась как снежный ком и привела к крушению республики.

Итак, Манлий Капитолин был не обвинителем, а клеветником, и на его

примере римляне показали, как следует поступать с клеветниками. Они должны обвинять в открытую, и если обвинение справедливо, их следует награждать или хотя бы оставлять безнаказанными; если же оно несправедливо, необходимо наказывать их, как поступили с Манлием.

Глава IX

О том, что основателю республики или преобразователю ее прежнего устройства необходимо действовать в одиночку

Кому-то, может быть, покажется, что я чересчур углубился в римскую историю, не упомянув еще ни об основателях республики, ни о ее военном и религиозном устройстве. Не желая больше держать в ожидании читателей, которые хотели бы услышать какие-то разъяснения на сей счет, скажу, что многие усматривают в поступках такого основателя гражданского общежития, как Ромул, дурной пример, потому что он, во-первых, погубил своего брата, а во-вторых, дал согласие на смерть Тита Тация Сабина, избранного им же в соправители; высказывается мнение, что, ссылаясь на своего государя, граждане получили возможность расправляться с теми, кто захочет воспротивиться их честолюбию и стремлению к власти. Это суждение было бы справедливым, если не принимать во внимание цель, которую Ромул преследовал этими убийствами.

Необходимо принять за всеобщее правило такое: почти невозможно заложить хорошие основы республики или монархии либо целиком преобразовать государственное устройство, действуя не в одиночку; только один человек может замыслить и осуществить подобное предприятие. Благоразумный основатель республики, помышляющий не о себе, а об общественном благе, не о наследственной власти, но об отечестве, должен добиться безраздельного господства; и никогда мудрый человек не подвергнет его осуждению за те чрезвычайные меры, к которым он прибегнет при заложении основ республики или монархии. По справедливости, в его пользу говорит если не поступок, то результат; и это верно для каждого, кто в своих добрых намерениях уподобится Ромулу; ведь насилие заслуживает порицания тогда, когда оно направлено на разрушение, а не на исправление. Однако благоразумие и доблесть преобразователя должны простираться так далеко, чтобы не сделать его власть наследственной; ведь люди более склонны ко злу, чем к добру, и его преемник может употребить эту власть уже не во благо, а в целях собственного честолюбия. Кроме того, если государственное устройство хорошо устанавливать одному, то охрана такого устройства в течение длительного времени станет для одного лица непосильным бременем;

нужно верить ее попечению множества людей, заинтересовав их в этом. Когда людей много, им трудно договориться о наилучшем образе правления вследствие расхождения во мнениях, но, убедившись в достоинствах уже существующего порядка, им будет так же невозможно прийти к согласию о его отмене. А то, что поступки Ромула, погубившего своего брата и сотоварища, принадлежат к числу заслуживающих извинения, и что он это сделал для общего блага, а не из честолюбия, доказывается его распоряжением о создании Сената, с которым он советовался и считался в своих решениях. И если рассмотреть, какие права Ромул оставил за собой, то мы увидим, что они простирались только на командование войском во время войны и на созыв Сената. Это сказалось потом, после изгнания Тарквиниев, когда Рим освободился; все старинные порядки при этом сохранились, только вместо одного бессменного царя стали назначать двух консулов на каждый год; вот свидетельство того, что все первоначальные установления этого города были рассчитаны на свободное гражданское правление, а не на самовластное и тираническое.

В поддержку вышесказанного можно было бы привести бесчисленные примеры, вспомнив Моисея, Ликурга, Солона и других основоположников республик и царств, которые овладели властью, чтобы издать законы для общей пользы. Но поскольку они общеизвестны, я не стану на них останавливаться. Приведу только один пример, не столь значительный, но важный для будущих законодателей. Спартанский царь Агид захотел восстановить соблюдение своими согражданами законов Ликурга, так как частичное нарушение их привело, по его мнению, к потере старинной доблести, а затем и могущества и части владений. Это намерение было пресечено в зародыше убившими его спартанскими эфорами, которые обвинили царя в желании установить тиранию. После Агида на трон взошел Клеомен, который прочитал записки и бумаги, оставленные Агидом, понял его замысел и проникся подобным же стремлением.

Однако он сознавал, что не сможет услужить отечеству, пока не станет один во главе государства, ибо людское честолюбие не позволит ему руководствоваться интересами большинства вопреки прихотям единиц; поэтому при удобном случае он велел перебить эфоров и вообще всех своих возможных противников, а затем полностью обновил законы Ликурга. Этот поступок мог бы возродить Спарту и создать Клеомену славу, не меньшую, чем у самого Ликурга, но этому помешали могущество македонян и слабость остальных греческих республик. Македонский царь вскоре напал на Спарту и, значительно превосходя ее в силах, разгромил Клеомена, которому некуда было обратиться за помощью; так его дело,

само по себе правое и похвальное, осталось незавершенным.

Подводя теперь всему этому итог, я заключаю, что основателю республики необходимо действовать в одиночку; поэтому Ромул, виновник смерти Рема и Тита Тация, заслуживает снисхождения, а не упреков.

Глава X

Заложить основы республики или царства столь же похвально, сколь предосудительно установить тиранию

Среди людей, достойных похвалы, достойнейшими являются родоначальники и устроители религий, затем основатели республик и монархий, а после них знамениты те, кто во главе войска расширил владения своей родины или собственные. К ним добавляются образованные люди, чья известность зависит от их положения, из которого вытекают их различия. Всем прочим людям, которым несть числа, снискивают в разной мере хвалу их ремесло и искусство.

Напротив того, подлежат позору и осуждению люди, разрушающие религии, разлагающие царства и республики, враждебные доблести, учености и прочим искусствам, приносящим пользу и честь человеческому роду, каковы нечестивцы и насильники, невежды, бездельники, подлецы и ничтожества.

И ни один человек никогда не будет таким безумным или таким мудрым, таким дурным или таким добрым, чтобы из двух противоположных человеческих качеств не похвалить достойное похвалы и не осудить достойное порицания. Тем не менее почти все люди, ослепленные ложным благом или ложной славой, склонны сознательно или неосознанно принимать сторону тех, кто заслуживает скорее порицания, чем похвалы. Располагая возможностью сохранить в веках свое доброе имя, установив республику или царство, они обращаются к тирании, не замечая при этом, какие бесчестья, позор, хулы, опасности, тревоги она им сулит, лишая надежды на славу, почет, безопасность, мир и спокойствие души.

Невозможно представить, чтобы частное лицо, выросшее в республике и ставшее ее государем благодаря доблести или удаче – если этот человек знает историю и чтит память древности, – чтобы он не захотел быть для своей родины при республиканском правлении скорее Сципионом, нежели Цезарем, а при монархическом – скорее Агесилаем, Тимолеоном и Дионом, нежели Набидом, Фаларидом или Дионисием, потому что первых в исторических повествованиях превозносят даже чрезмерно, а вторых смешивают с грязью. И можно видеть, что Тимoleon и прочие обладали у себя на родине не меньшей властью, чем Дионисий и Фаларид, но в то же

время жили в неизмеримо большей безопасности.

Пусть никто не обольщается славой Цезаря, которого писатели так расхваливают; эти люди ослеплены его удачей и находятся под впечатлением долговечности империи, правители которой носили его имя и не допускали свободных суждений об этом человеке. Но кто желал бы узнать мнение свободных писателей, пусть обратится к их высказываниям о Катилине. Проступок же Цезаря настолько предосудительнее, насколько совершенное преступление хуже только задуманного. Достоин внимания, сколько хвалы расточают Бруту, воздавая должное врагу Цезаря, когда невозможно порицать его самого.

Пусть тот, кто стал государем своей республики, задумается, насколько больших похвал, после того как Рим стал империей, удостоились императоры, жившие по закону, как добрые правители, по сравнению с теми, что поступали иначе; он увидит, что у Тита, Нервы, Траяна, Адриана, Антонина и Марка не было нужды в преторианцах или в многочисленных легионах для охраны, им было достаточно собственного добронравия, народной любви и благосклонности Сената. Он увидит также, что Калигулу, Нерона, Вителлия и других преступных императоров их восточные и западные полки не спасли от врагов, которых они приобрели своими дурными нравами и распущенностью. История каждого из них могла бы стать хорошим пособием для государей, указывающим пути славы и позора, пути безопасности и вечного страха, ведь из двадцати шести императоров, что правили от Цезаря до Максимиана, шестнадцать были убиты, и только десять умерли своей смертью. И если среди погибших было несколько достойных правителей, таких как Гальба и Пертинакс, то их погубила испорченность, посеянная их предшественниками среди солдат; если же кто-нибудь из негодяев умер собственной смертью, как, например, Север, то этим он обязан своей необыкновенной удаче и своей доблести, что редко соединяется в жизни одного человека. Эта история показывает также, каковы установления правильной монархии, – ведь все императоры, получившие власть по наследству, за исключением Тита, были дурны; те же, кто получил ее по усыновлению, в частности пятеро императоров от Нервы до Марка, – те были достойными, но когда власть стала переходить по наследству, империя двинулась к своей гибели.

Итак, пусть государь возьмет отрезок от Нервы до Марка и сравнит его с предыдущим и последовавшим временем, а затем пусть решит, когда ему было бы предпочтительнее жить и управлять. В правление достойных императоров он увидит повсюду картины мира и правосудия, безмятежного

государя в кругу довольных граждан; увидит полновластный Сенат, уважаемых чиновников, богатых людей, на достояние которых никто не посягает, почет, воздаваемый доблести и благородству, увидит царящие повсеместно покой и благоденствие; в то же время – никаких следов зависти, произвола, продажности, властолюбия; золотые времена, когда всякий может иметь и отстаивать любое мнение. В конце концов перед таким государем склоняется весь мир, император наслаждается преклонением и славой, народы – взаимной любовью и безопасностью.

Пусть затем государь рассмотрит подробности царствования других императоров; он увидит кровавые войны, раздоры и заговоры, жестокости, творимые и в военное, и в мирное время; бесконечные покушения и гибель властителей, гражданские войны, нашествия, неслыханные и невиданные в Италии бедствия, ее разграбленные и разрушенные города. Ему представятся сожженный Рим, разоренный собственными гражданами Капитолий, запустение в древних храмах, несоблюдение обрядов, беззастенчивые прелюбодеяния; море ему покажется покрытым сосланными, утесы – обгавленными кровью. В Риме творятся бесчинства; знатность, богатство, прошлые заслуги и в особенности добродетель почитаются смертным грехом. Клеветников награждают, подкупленные рабы доносят на своего хозяина, вольноотпущенники – на господина; у кого нет врагов, того притесняют друзья. Увидев все это, государь поймет, чем обязаны Цезарю Рим, Италия и весь мир.

И без сомнения, если такой государь рожден человеком, то он устрашится примера дурных времен и восплает жаждой следовать хорошему. Наконец, поистине, если государь ищет мирской славы, пусть постарается стать во главе испорченного города, но не затем, чтоб погубить его, как Цезарь, а чтобы возродить его, как Ромул. И поистине, небеса не могут даровать людям лучшего случая прославиться, да и люди не могут лучшего пожелать. Если бы для благоустройства города необходимо было отказаться от власти, то тот, кто не захочет утратить титул, заслуживает некоторого извинения; но кто может остаться государем и дать городу правильное устройство, то тому оправдания нет. В общем, пусть знают те, кому небеса подарили такой случай, что перед ними две дороги: одна ведет к безопасной жизни и посмертной славе, а вторая – к непрерывным терзаниям.

Глава XI

О религии римлян

Хотя первооснову Риму дал Ромул, из-за чего римлянам следует почитать его как отца и воспитателя своего города, установленные Ромулом

порядки оказались, по воле небес, несоизмеримыми с римским величием, почему Сенат и избрал его преемником Нуму Помпилия, чтобы последний заполнил пробелы, оставленные предшественником. Нума замыслил внедрить в диком народе гражданские обычаи мирными средствами и при этом обратился к религии, как вещи совершенно необходимой для поддержания гражданской жизни; благодаря заложенным им основам благочестия на протяжении веков никто не мог сравниться с этой республикой в отношении страха Божия, что способствовало всем предприятиям Сената и великих римских вождей.

Если судить по бесчисленным деяниям римского народа в целом и отдельных римлян, то можно убедиться, что жители этого города гораздо сильнее опасались нарушить клятву, чем закон, как люди, более почитающие могущество Божие, нежели человеческое. Это явственно видно на примерах Сципиона и Манлия Торквата; после поражения, которое римляне потерпели от Ганнибала при Каннах, множество граждан собралось на сходку; опасаясь за судьбы отечества, они порешили покинуть Италию и удалиться на Сицилию; узнав об этом, Сципион явился к римлянам и с обнаженным мечом в руке заставил их поклясться, что они не покинут родины.

Люций Манлий, отец Тита Манлия, прозванного впоследствии Торкватом, подвергся обвинению со стороны народного трибуна Марка Помпония; накануне суда Тит явился к Марку и под угрозой смерти заставил его принести клятву, что тот снимет свое обвинение против его отца; принеся эту вынужденную клятву, Марк действительно отказался от обвинения. Так эти граждане, коих не в состоянии были удержать в Италии любовь к родине и ее законы, могли быть остановлены клятвой, вынужденной силой; так упомянутый трибун исполнил данное обещание, невзирая на ненависть к отцу, на обиду, нанесенную ему сыном, и на ущемление своего достоинства; и все только благодаря заветам благочестия, утвержденным в городе Нумой.

Если вникнуть в римскую историю, станет понятно, сколь много значила религия для управления войском, для воодушевления народа, для поддержания добрых нравов и нетерпимости к дурным. И если бы встал вопрос, какому государю Рим обязан больше, Ромулу или Нуме, я полагаю, что на первом месте следовало бы поставить Нуму, потому что там, где есть благочестие, легко укореняется воинская доблесть; но там, где присутствует только военное искусство и нет благочестия, навряд ли удастся распространить последнее. Очевидно, что для устройства Сената и для учреждения других военных и гражданских порядков Ромулу не нужно

было ссылаться на Бога, но это было необходимо для Нумы, который измыслил свою дружбу с нимфой, якобы передававшей через него советы для народа. Все это понадобилось Нуме для установления новых и необычных порядков в городе, для чего ему мало было собственного влияния.

Вообще нельзя назвать ни одного учредителя чрезвычайных законов, который не ссылался бы на Бога, потому что в противном случае эти законы не были бы приняты народом; ведь многие блага, представляющиеся таковыми благоразумному человеку, не столь очевидны, чтобы можно было убедить в этом других. Мудрые люди, желая устранить это неудобство, прибегают к ссылке на Бога. Так поступали Ликург, Солон и многие другие, поставившие перед собой сходную цель. Римский народ дивился добронравию и благоразумию Нумы и принимал все его решения. Правда, в те времена набожность была в чести, а люди, с которыми он имел дело, – неразвиты, и это облегчало исполнение его замыслов, потому что он мог легко запечатлеть в их умах любую новую форму. Нет сомнения, что желающему сегодня основать республику больше подошли бы необразованные горцы, чем жители городов с их испорченными нравами; так скульптору будет удобнее вытесать прекрасную статую из куска необработанного мрамора, нежели из испорченного другим.

Итак, рассмотрев все, я заключаю, что среди первопричин процветания Рима нужно числить религию, введенную Нумой, потому что от нее пошли добрые обычаи, которые способствуют удаче, а удача помогает успешному завершению всех предприятий. И если соблюдение богопочитания ведет к величию республик, то пренебрежение им бывает причиной их краха. Ведь в отсутствие страха Божия царство непременно должно погибнуть, или недостаток благочестия в нем должен быть возмещен страхом перед государем. Но так как жизнь государей непродолжительна, то с угасанием их доблести нередко прекращается и существование царства. Поэтому государство, которое опирается только на доблесть одного человека, недолговечно. Ведь ее действие прекращается со смертью правителя, и трудно ожидать ее возобновления в преемниках; как говорит мудрый Данте:

*Не часто доблесть, данная владыкам,
Восходит в ветви; тот ее дарит,
Кто может все в могуществе великом.*

Таким образом, спасение республики или монархии не в том, чтобы

иметь государя, который благоразумно управлял бы ею при жизни, но в том, чтобы его заветы сохранили государство и после смерти правителя. И хотя новые порядки и учения легче ввести у диких народов, это не значит, что невозможно воздействовать с их помощью на цивилизованных людей, которые считают себя просвещенными. Граждане Флоренции думают, что их нельзя отнести к числу невежественных или диких, тем не менее брат Джироламо Савонарола убедил их, что он беседовал с Богом. Я не стану обсуждать, правда то была или нет, потому что о таких людях должно говорить с уважением, скажу одно, что поверивших в это было бесконечное множество и для подкрепления веры ничего необыкновенного не потребовалось. Образ его жизни, учение и предмет, избранный им, обладали достаточной силой убеждения, чтобы они уверовали. Так пусть же никого не пугает возможность неудачи в деле, успешно исполненном другими: ведь люди, как сказано в нашем предисловии, рождались, жили и умирали всегда одним и тем же порядком.

Глава XII

Сколь важно заботиться о благочестии и как подрыв его Римской церковью в Италии погубил страну

Государи и республики, желающие избежать разложения, превыше всего должны охранять обряды своей религии и поддерживать уважение к ним; ибо ничто так верно не предвещает гибели страны, как пренебрежение богопочитанием. Это легко понять, зная, на чем основана религия тех мест, откуда родом данный человек, ибо основы всякой религии имеют под собой некий главный обычай. Жизненность языческой религии основывалась на ответах оракулов и на существовании корпорации гадателей и гаруспиков; все остальные обряды, жертвоприношения и ритуалы зависели от этого, потому что легко было поверить, что Бог, который может предсказать, что с тобой случится в будущем хорошего или дурного, может и распоряжаться этим. Вот откуда возникли храмы, жертвоприношения, молитвы и все прочие обычаи поклонения богам; вот откуда Делосский прорицатель, храм Юпитера-Аммона и другие знаменитые оракулы, наполнявшие мир священным трепетом. Но потом, когда они стали прорицать в пользу власть имущих и этот обман открылся народам, люди стали недоверчивы и склонны нарушать всякое доброе установление. Итак, правители республик или царств должны поддерживать основы укрепляющей их религии; в таком случае они легко смогут сохранить благочестие в своем государстве, а следовательно, упрочить в нем добронравие и единство. Все, что делается на пользу религии, они должны приветствовать и преумножать, даже если сами в это не верят. Это нисколько не

противоречит их благоразумию и знанию природы вещей. И поскольку мудрые люди придерживались такого образа действия, отсюда пошла слава о чудесах, явленных даже в ложных религиях; потому что благоразумные люди споспешествуют им, откуда бы они ни происходили, а в подражание мудрым потом начинает верить каждый. Подобных чудес было довольно и в Риме, в том числе случай с римскими солдатами, разграбившими город вейентов. Некоторые из них вошли в храм Юноны и, приблизившись к ее статуе, спросили: «*Vis venire Romam?*» [8] Кое-кому из них показалось, что она кивнула головой или даже сказала «да». Эти люди были очень благочестивы (об этом можно судить по Титу Ливию, потому что в храм они вошли тихо и смирно, преисполненные благоговения), и им послышался тот ответ на вопрос, которого они могли ожидать; но это легкое верие было поддержано и раздуто Камиллом и другими правителями города. Если бы подобное благочестие сохранилось в государях христианского сообщества в соответствии с замыслом его основателя, то христианские государства и республики были бы более сплоченными и счастливыми, чем теперь. О причинах упадка богопочитания можно судить с еще большим вероятием по тому, что наименьшим благочестием отличаются те народы, которые ближе других к Римской церкви, возглавляющей нашу религию.

Если судить по тому, насколько ее сегодняшние обыкновения далеки от устоев, то мы близки к гибели или наказанию.

Поскольку многие придерживаются мнения, что своим благоденствием города Италии обязаны Римской церкви, я хочу возразить против этого и, как подобает, приведу два убедительнейших довода, которые, по-моему, невозможно опровергнуть. Первый состоит в том, что дурные примеры курии искоренили в нашей стране всякую набожность и всякое благочестие, что влечет за собой бесчисленные беды и неурядицы; ведь там, где существует религиозное благочестие, можно всегда ожидать хорошего, но там, где оно отсутствует, следует ожидать обратного. Первое, за что мы должны благодарить Церковь и попов, это за то, что итальянцы потеряли всякое уважение к религии и стали дурными, но они в ответе еще за нечто большее, в чем вторая причина нашей гибели, – дело в том, что Церковь держала и продолжает держать страну разобщенной. А единство и благополучие невозможны, если страна не подчиняется одной республике или одному государю, как во Франции и в Испании. В Италии же этого не произошло, правление одной республики или одного государя не установилось только из-за Церкви: находясь здесь и имея в ней светские владения, она не обладала такой мощью и доблестью, чтобы установить

свою тиранию и стать во главе Италии, но и не была столь слаба, чтобы, из страха потерять светские владения, не призывать для себя защитников против тех, кто слишком возвысился в Италии. Тому можно привести множество древних свидетельств: например, когда с помощью Карла Великого Церковь изгнала из Италии лангобардов, завладевших уже почти всей ее территорией; или когда в наше время она обескровила венецианцев, опираясь на Францию, а потом прогнала французов при поддержке швейцарцев. Таким образом, сама Церковь была не в состоянии занять всю Италию, но не позволяла сделать этого и другим, почему никто и не смог возглавить страну, а поделили ее между собой многочисленные государи и синьоры, и эта разобщенность и бессилие делают ее добычей не только могущественных варваров, но любого захватчика. Всем этим мы, итальянцы, обязаны только Церкви и никому другому. В справедливости этого утверждения можно было бы убедиться на опыте, если бы кто-то сумел перевести Римскую курию со всей властью, которой она располагает в Италии, в земли швейцарцев – единственный сегодня народ, который в отношении религии и военных установлений живет в соответствии с античными образцами; тогда бы все увидели, что безнравственные обычаи этого двора в кратчайшее время наделали бы там больше беспорядков, чем любые другие несчастья, когда бы они ни произошли.

Глава XIII

Как римляне использовали религию для переустройства города, прекращения беспорядков и в военных походах

Мне кажется небесполезным привести некоторые примеры того, как римляне пользовались религией для изменения городских порядков и для поддержания воинского духа; хотя у Тита Ливия их много, я ограничусь только следующими. В тот год, когда римский народ учредил должность трибунов с консульской властью и на нее были избраны, за исключением одного, только плебеи, случились мор и голод, и нобили, ссылаясь на некоторые знамения, воспользовались этой возможностью при переизбрании трибунов; они стали говорить, что боги разгневались на римлян за оскорбление величия власти и что успокоить их можно было, только восстановив прежний обычай избрания трибунов; и плебс, по своей набожности устрашась, выбрал трибунами одних нобилей.

Достоин внимания и то, как при осаде города вейентов полководцы воспользовались благочестием для поддержания бодрости духа в войске. Римские солдаты устали от долгого сидения в лагере и хотели вернуться домой, а в этот год необыкновенно разлились воды озера Альбано, и вот римляне обнаружили, что Аполлон и некоторые другие оракулы

предсказали, будто город вейентов будет взят, когда отклонятся воды Альбано; после этого солдаты, в надежде на скорое падение города, примирились с лишениями и согласились дожидаться конца похода, так что после десяти лет осады Камилл, назначенный диктатором, взял город. Таким образом, умело употребленная религия помогла и этому предприятию, и возврату трибунских должностей знати, в противном случае добиться того и другого было бы трудно.

Не премину привести здесь и другой пример. Трибун Терентилл задумал внести новый закон, о чем будет рассказано в своем месте ниже, и это вызвало в Риме многочисленные волнения; чтобы совладать с ними, знать воспользовалась набожностью народа, причем сделала это двояким образом. Во-первых, нобили потребовали спросить Сивиллины книги и устроили так, что там был найден ответ о грозящих в этом году гражданских неурядицах, чреватых утратой свободы; и хотя трибуны разоблачили их козни, речи вождей уже не пробуждали в сердцах плебеев прежнего пыла. Во-вторых, когда некий Аппий Эрдоний, собрав множество рабов и ссыльных, числом 4000 человек, ночью захватил Капитолий, так что если бы эквы и вольски, вечные враги римлян, явились туда, они легко захватили бы город, а трибуны не желали принимать такую опасность всерьез, настаивая на принятии закона Терентилла, – к народу обратился один из сенаторов, некто Публий Руберий, гражданин влиятельный и с положением, и своими речами, то успокаивающими, то угрожающими, ссылаясь на опасное положение города, убедил плебеев в неумеренности их требований и заставил поклясться, что они станут подчиняться консулу; и тогда Капитолий был освобожден. При этом, однако, консул Публий Валерий был убит в схватке, и на его место назначили Тита Квинкция, который, чтобы не дать плебеям передышки и отвлечь их от Терентиллова закона, велел им идти против вольсков, утверждая, что раз они поклялись подчиняться консулу, то должны следовать за ним. Трибуны этому воспротивились, потому что присяга была дана покойному консулу, а не ему. Тем не менее Тит Ливий, показывая, как народ предпочел из набожности уступить консулу, а не трибунам, говорит в пользу старинного благочестия следующее: «*Nondum haec, quae nunc tenet saeculum, negligentia Deum venerat, nec interpretando sibi quisque iusiurandum, et leges aptas faciebat*» [9] . Трибуны вследствие этого побоялись вовсе лишиться своей власти и пришли к соглашению с консулом, подчинившись ему; закон Терентилла был на год отложен, а консулы в течение этого года не имели права вести плебеев на войну. Так уважение к религии помогло Сенату справиться с трудностями, которые иначе становились непреодолимыми.

Глава XIV

Римляне толковали предзнаменования по необходимости и благоразумно делали вид, что соблюдают заветы благочестия, даже когда вынуждены были нарушать их; а тех, кто безрассудно пренебрегал ими, карали

Как было отмечено выше, гадания не только составляли главное содержание древних языческих верований, но и были причиной благоденствия Римской республики. Римляне поэтому выделяли их из всех прочих установлений и прибегали к ним в консульских комициях, при выступлении в поход, наборе войска, выборе места и времени для сражений и вообще во всех мало-мальски важных военных или гражданских предприятиях; для них немислимо было отправиться на войну, не убедив солдат, что боги обещают победу. Наряду с другими прорицателями они держали в войске особые отряды гаруспиков, называемых «цыплатниками»; когда надо было сразиться с врагом, эти цыплатники устраивали свои гадания, и если цыплатя клевали зерно, это считалось хорошим предзнаменованием, если же не клевали, римское войско воздерживалось от схватки. Однако если разум убеждал в необходимости какого-то поступка, они приступали к нему, даже если предсказания были дурными, но ловко прикрывали свои действия такими объяснениями, чтобы уважение к религии не потерпело ущерба.

Такой способ был употреблен консулом Папирием в его решающей битве с самнитами, которая закончилась полным разгромом последних. Когда Папирий вывел свое войско против самнитов и увидел, что победа ему обеспечена и надо дать сражение, то он приказал цыплатникам приступить к гаданию. Цыплатя не стали клевать зерно, но старший из жрецов, чтобы не помешать войску, которое было готово к бою, и, как он знал, полководец и солдаты прониклись решимостью победить, доложил консулу, что гадание предвещает победу. Папирий построил свои силы, но тут кое-кто из прорицателей проговорился солдатам, что цыплатя не клевали, а те передали это известие племяннику консула Спурию Папирию. Услыхав эту новость, консул немедленно ответил, что станет исполнять свой долг, ибо, по его мнению и по мнению войска, предсказания были благоприятными, а если цыплатник солгал, то это пойдет во вред только ему. И с тем, чтобы предзнаменование исполнилось, приказал легатам поставить жрецов в первых рядах войска. Когда шеренги двинулись на противника, один римский солдат бросил дротик и случайно попал в старшего из прорицателей; услышав об этом, консул заметил, что боги благоприятствуют успеху римлян, потому что со смертью этого обманщика

войско смыло с себя вину и смягчило божественный гнев. Столь удачно перетолковав предсказания применительно к своим планам, консул вступил в битву, причем заповеди благочестия в глазах войска нисколько не пострадали.

Противоположным образом поступил Аппий Пульхр во время Первой Пунической войны в Сицилии. Перед схваткой с карфагенским войском он велел гарусникам приступить к гаданиям, и когда те сказали, что цыплята не прикасаются к пище, он воскликнул: «Посмотрим, не захотят ли они пить!» – и приказал бросить цыплят в море. Сражение он проиграл и был за это в Риме осужден, Папирий же осыпан почестями, и не за то, что один проиграл, а другой победил, а за то, что первый из них переиначил предсказание безрассудно, а второй – с благоразумием. Ведь гадания служили только для того, чтобы придать солдатам в бою уверенности, которая почти всегда обеспечивает победу. Подобных правил придерживались не только римляне, но и другие народы; я думаю, стоит привести такой пример в следующей главе.

Глава XV

Самниты, доведенные до отчаянного положения, прибегли к религии

Самниты потерпели несколько поражений от римлян, и самое сокрушительное из них последнее – в Тоскане; их войско и полководцы были уничтожены, их союзники, тосканцы, французы и умбры, – побеждены; «*pec suis pec externis viribus iam stare poterant; tamen bello non abstinebant, adeo ne infeliciter quidem defensae libertatis taedebat, et vinci quam non tentare victoriam, malebant*» [10] .

Самниты решились на последнюю попытку; они знали, что побеждают те солдаты, которые сражаются с остервенением, а настроить их таким образом легче всего было с помощью религии, поэтому самнитский жрец Овий Пакций предложил воскресить один старинный обряд. Устроено было следующим образом: после торжественного жертвоприношения все военачальники поклялись посреди пылающих алтарей с принесенными в жертву животными ни за что не покидать поле сражения, затем стали по очереди вызывать всех солдат и заставили их у этих же алтарей, в окружении центурионов с обнаженными мечами в руках, принести клятву о неразглашении того, что они увидят и услышат. Затем им велели прочитать особое устрашающее заклятие и обещание богам неукоснительно исполнять веления полководцев, не уходить с поля брани и убивать всякого, кто ударится в бегство; кара за невыполнение обещания должна была обрушиться на семью и на род воина. Некоторые из солдат, испугавшись, не хотели присягать и были убиты на месте центурионами, так что

остальные, кто подходил вновь, уstraшенные ужасным зрелищем, поклялись все до одного. Чтобы придать больше внушительности своей рати, насчитывавшей сорок тысяч человек, самниты нарядили половину воинов в одежду из белого полотна и в шлемы с гребнями и султанами; затем они остановились у Аквилонии.

Против них выступил Папирий, который сказал, воодушевляя своих солдат: «Non enim cristas vulnera facere, et picta atque aurata scuta transire romanum pilum» [11]. Чтобы развенчать в глазах солдат вражескую клятву, он добавил, что она послужит самнитам не на пользу, а на уstraшение, потому что заставляет их бояться и сограждан, и богов, и противника. В схватке самниты были разбиты, ибо римская доблесть и страх, испытываемый самнитами после прежних поражений, возобладали над упорством, внушенным религиозным обрядом и данной клятвой. Все же, как мы видим, они прибегли именно к этому средству для того, чтобы вернуть надежду на возвращение утраченной доблести. Вот свидетельство того, какие упования можно возлагать на правильно употребленную религию. И хотя упомянутые события относятся скорее ко внешним делам, я посчитал нужным поместить рассказ о них здесь, чтобы не возвращаться дважды к этому примеру, который затрагивает одно из важнейших установлений Римской республики.

Глава XVI

Народ, привыкший подчиняться одному государю, навряд ли сохранит свободу, случайно обрета ее

Сколь трудно будет народу, привыкшему к единоличному правлению, сберечь обретенную свободу, как случилось в Риме после изгнания Тарквиниев, показывает множество примеров, сохраненных древними историками. Это и понятно: ведь такой народ есть не что иное, как несмышленное животное, по натуре дикое и свирепое, но выросшее в рабстве и неволе, и если оставить его на произвол судьбы, то, не умея найти себе корма и укрыться от опасности, оно станет добычей первого, кто пожелает его стреножить.

То же самое происходит и с народом, привычным к тому, чтобы им управляли другие. Ничего не разумея в общественном обвинении и защите, не будучи знаком с другими государями и признан ими, он быстро попадает под ярмо, которое, как правило, еще тяжелее, чем только что сброшенное им. И все это в том случае, если масса не развращена. Ведь народ, целиком охваченный разложением, не может быть свободным не то что малое время, но и вовсе, как будет показано ниже; наши же рассуждения относятся к тем народам, где испорченность широко еще не распространилась и в которых

доброе начало сильнее, чем дурное.

Сюда добавляется еще одна трудность, заключающаяся в том, что, освобождаясь, государство приобретает себе врагов, а не друзей. Враждебностью к нему проникаются все те, кто наживался при тирании, пользуясь щедротами государя; утрата таких выгод возбуждает в этих людях недовольство, и каждый из них стремится возвратить тиранию, чтобы вернуться к власти. Сторонников же, как я сказал, свободное государство не приобретает, потому что почести и награды распределяются в нем только на строго определенных и законных основаниях, не имея которых никто не может быть награжден; а когда человек вознаграждается за собственные заслуги, он не считает себя обязанным тем, кто его удостоивает такими отличиями. Кроме того, пользующийся гражданской свободой не ощущает ее важного преимущества, которое состоит в том, что всякий может неограниченно распоряжаться своим имуществом, не опасаться за честь женщин и детей и за свою собственную жизнь; ведь никто не почитает себя обязанным другому за то, что тот его не обижает.

Поэтому, как сказано выше, едва появившиеся на свет свободные государства имеют дело с враждебными интересами, но не с дружественными. Так вот, для устранения этих трудностей и предотвращения порождаемых ими беспорядков нет более надежного, более полезного и более действенного средства, как умертвить сыновей Брута, вступивших, как видно из истории, вместе с другими римскими юношами в заговор против отчизны только из-за того, что власть консулов лишала их возможности удовлетворять свои прихоти, которые они позволяли себе при царях, так что свобода, обретенная народом, для них обернулась неволей. А кто станет управлять народом свободной республики или же самовластно и не обезопасит себя от противников этого нового режима, тот обрекает его на недолговечность. Правда, я почитаю несчастными тех государей, которые, чтобы сохранить свою власть, должны прибегать к чрезвычайным мерам, направленным против большинства: ведь тот, у кого врагов немного, защитит себя с легкостью и без больших смут, но если против него все общество, то он никогда не будет в безопасности и чем больше творит жестокости, тем слабее его власть. Поэтому лучшее средство состоит в том, чтобы приобрести расположение народа.

Пускай теперь я отклонюсь от начатых выше рассуждений, потому что там шла речь о республике, а здесь о единовластном государе, но чтобы не возвращаться к этому предмету, я хочу вкратце на нем остановиться. Итак, если государь захочет привлечь на свою сторону враждебный ему народ – а

я здесь имею в виду государей, ставших тиранами своей страны, – то он должен прежде всего понять, чего народ желает, а это всегда две вещи: во-первых, отомстить своим угнетателям, во-вторых, вернуть себе свободу. Первое желание государь может удовлетворить полностью, а второе частично. На этот счет есть подходящий пример. Тиран Гераклеи Клеарх находился в изгнании, когда в городе вспыхнула ссора между народом и оптиматами; последние, будучи в меньшинстве, решили устроить заговор в пользу Клеарха и, вопреки воле народа отняв у него свободу, призвали тирана в Гераклею. Здесь Клеарху угрожали, с одной стороны, заносчивость оптиматов, которую он никак не мог ни удовлетворить, ни умерить, а с другой стороны, народный гнев из-за утраченной вольности. Тогда он решил одним ударом развязаться с грандами и привлечь к себе народ. Выбрав подходящий момент, он приказал вырезать всех оптиматов, к великому удовольствию популяров. Что касается желания народа вновь обрести свободу, то государь не может его удовлетворить и потому должен рассмотреть, отчего люди хотят быть свободными; он удостоверится, что немногие из них домогаются свободы, чтобы повелевать, но бесчисленное множество прочих полагает, что благо свободной жизни – в безопасности. Во всех республиках, как бы ни были они устроены, на главные должности претендуют не более 45–50 граждан; это немного, и с ними легко управиться, либо устранив их, либо окружив почетом, чтобы удовлетворить большую часть их честолюбивых устремлений. Остальные, которые хотят лишь жить спокойно, удовольствуются законами и постановлениями, обеспечивающими обществу безопасность, а государю – власть. Если последний поступит таким образом и убедит народ, что ни за что не нарушит эти законы, то вскоре там воцарятся мир и довольство. Примером тому является Французское королевство, которое своим спокойствием обязано как раз бесчисленным законам, охраняющим безопасность всего народа от посягательств со стороны королей. Основатель этого государства предоставил его главам распоряжаться армией и финансами по их собственному разумению, но все остальное они должны исполнять в строгом соответствии с законом. Итак, если республика или монархия не получили прочных основ безопасности в самом начале, они должны заложить их при первой возможности, как сделали римляне. Иначе потом будет поздно сожалеть об упущенном случае.

Когда римский народ обрел свободу, в него еще не проникла испорченность, поэтому ему удалось сохранить новый режим, хотя потребовалось умертвить сыновей Брута, избавиться от Тарквиниев и исполнить другие условия, о которых мы уже говорили. Но если бы народ

был развращен, то ни в Риме, ни в каком другом месте свободу не удалось бы защитить никакими средствами, как будет показано в следующей главе.

Глава XVII

Развращенный народ, обретя свободу, может сохранить ее с превеликим трудом

Я считаю, что Риму было необходимо избавиться от своих царей, в противном случае его в самом скором времени ожидали слабость и прозябание; достаточно вспомнить, до какой испорченности дошли первые цари, и если бы это продолжалось еще два или три поколения, разложение затронуло бы другие слои, а развращенное общество было бы уже невозможно преобразовать. Но пороки головы при здоровом теле позволяли легко вернуться к свободе и порядку. Следует почитать за неоспоримую истину, что даже если государь, владеющий разложившимся городом, будет уничтожен вместе со всей своей родней, такой ценой свободу не удастся восстановить, но все новые правители будут сменять друг друга, пока не установится твердая единоличная власть, если только свободу не утвердит чья-то доблесть, соединенная с благонравием. Однако эта вольность не переживет своего защитника, как происходило в Сиракузах с Дионом и Тимолеоном, чья доблесть при жизни каждого из них была залогом свободы; но после их смерти город оба раза возвращался к тирании. Лучший пример дает тот же Рим, в котором после изгнания Тарквиниев тотчас же возродилась и упрочилась свобода; зато по смерти Цезаря, по смерти Гая Калигулы, по смерти Нерона, даже если был истреблен весь императорский род, в Риме никто и не смел помышлять о восстановлении свободы. И эти похожие события имели столь разный исход лишь потому, что во времена Тарквиниев римский народ был только отчасти развращен, а во втором случае он был испорчен до мозга костей. В первый раз для поддержания в нем решимости на противоборство с царем достаточно было взять с народа клятву, что он не потерпит больше самовластия в Риме, а во второй раз даже суровому Бруту со всеми восточными легионами не удалось склонить его на сторону свободы, которую тот вернул городу по примеру первого Брута. Виной тому была испорченность, посеянная в народе марианцами во главе с Цезарем, который так одурманил толпу, что она, сама того не замечая, подставила шею под ярмо.

Этот пример из истории Рима нагляднее всякого другого, тем не менее я хочу обратиться и к делам современных нам народов. Я утверждаю, что никакими жестокими и насильственными мерами не укоренить свободу в Милане или Неаполе, ибо их жители целиком развращены. В этом можно

было убедиться после смерти Филиппо Висконти, когда миланцы хотели вернуть городу свободу, но не сумели сохранить ее. Риму, следовательно, очень повезло, что его цари испорченностью нрава очень быстро заслужили изгнание, так что растление не успело проникнуть во внутренность городского организма; благодаря этой неиспорченности бесчисленные волнения в Риме не повредили, а, наоборот, принесли пользу республике, потому что у людей была справедливая цель.

Вывод можно сделать такой: там, где человеческая материя здорова, волнения и смуты безвредны; если же она затронута разложением, не помогут никакие хорошие законы, разве что какой-нибудь единоличный правитель, прибегнув к чрезвычайному насилию, заставит их соблюдать и сделает упомянутую материю пригодной. Но я не слышал о подобных случаях и не знаю, возможно ли это, потому что, как только что было сказано, город, пришедший в упадок из-за испорченности людской материи, может воспрянуть только благодаря доблести одного лица, действующей на протяжении его жизни, а вовсе не из-за благонравия граждан, поддерживающих добрые порядки; и после его смерти все возвращается на круги своя. Так было в Фивах, где доблесть Эпаминонда, пока он был жив, поддерживала форму республиканского правления, но по смерти его там снова воцарился хаос. Дело в том, что одному человеку не дано столько прожить, чтобы перевоспитать город, привычный к дурным нравам, и если какой-нибудь долгожитель или два доблестных правителя подряд не дадут ему правильного устройства, то, лишившись их, он тотчас же, как сказано выше, погибнет, либо его спасение будет сопровождаться многими бедами и кровопролитиями. Ведь испорченность и непригодность к свободной жизни вытекают из неравенства, существующего в подобном городе, а для восстановления равенства необходимо произвести великий переворот, на который редко кто захочет и сумеет пойти, как будет подробнее показано в другом месте.

Глава XVIII

Каким образом в развращенном городе можно сохранить режим свободы, если он там есть, и восстановить, если его нет

Я полагаю, что будет вполне уместно и в духе предшествующего рассуждения посмотреть, можно ли в развращенном городе сохранить свободное устройство, если оно уже существует, а если его там нет, можно ли ввести его. На этот счет скажу, что и то и другое чрезвычайно затруднительно, и хотя здесь сложно вывести какое-то общее правило, ибо все зависит от степени испорченности, рассуждать можно и о таком предмете, что я и не премину сделать. Я возьму для примера город,

развращенный до крайности, чтобы трудности еще усугубились, ибо не существует законов и предписаний, способных остановить всеобщее разложение. Ведь чтобы сохранить добрые нравы, необходимы законы, а для соблюдения законов нужны добрые нравы. Кроме того, законы и обычаи, принятые республикой при ее зарождении, когда граждане были добропорядочными, впоследствии, из-за распространения среди них дурных нравов, становятся негодными. И если законы какого-либо города смотря по обстоятельствам могут изменяться, то никогда не меняются, разве очень редко, его устои; новых законов недостаточно, потому что прежние порядки сводят на нет их действие. Чтобы лучше разъяснить это положение, я скажу, что в Риме существовал обычай государственного управления и издавались законы, которыми власти обуздывали граждан. Государственные установления заключались в наличии прав народа, Сената, трибунов, консулов, в порядке выдвижения кандидатур и назначения на должности и в способах принятия законов. Эти порядки почти не изменялись в течение времени. По мере распространения испорченности среди граждан издавались разные законы, ограничивавшие действия граждан, как, например, закон о прелюбодеяниях, закон против роскоши, против властолюбия и так далее. Но так как государственные устои, уже непригодные при всеобщем развращении, оставались неизблемыми, новые законы не могли поддержать добронравие в людях; они подействовали бы только тогда, когда вместе с ними изменились бы и установления.

Справедливость того, что в испорченном городе старые порядки оказываются непригодными, видна по двум основным статьям, касавшимся назначения должностных лиц и издания законов. Римский народ доверял консульское звание и другие первые должности в городе только тем, кто этого домогался. Поначалу это был хороший обычай, потому что должностей добивались лишь те граждане, которые могли считаться достойными их, а получить отказ было постыдно, так что каждый заботился о своем благонравии, желая, чтобы его посчитали достойным. Но в развращенном городе этот порядок стал губительным, потому что должностей стали домогаться не самые доблестные, а самые влиятельные люди; способные же, но бедные опасались выставлять свои кандидатуры. Подобное неустройство возникло не сразу, а выработалось постепенно, как всегда и бывает в подобных случаях; когда римляне покорили Африку и Азию и подчинили себе почти всю Грецию, их свободе уже ничто не угрожало, так как они не видели врагов, способных на нее посягнуть. Безопасность и отсутствие сильных врагов заставили римский народ искать

в своих консулах уже не доблести, а милости и назначать на эту должность не тех, кто умеет разбивать врагов, а тех, кто привлекает к себе больше сторонников. Потом от самых обаятельных они перешли к тем, у кого было больше влияния; и так вследствие изъяна в самом обычае достойные граждане оказались вовсе в стороне.

Трибун и всякий другой гражданин могли предложить народу принять закон, и каждый мог высказываться как в пользу, так и против такого решения. Этот обычай был хорош при добронравии граждан, ибо что же дурного, если всякий пекущийся об общественном благе может подать предложение и всякий может высказать об этом свое мнение, чтобы народ, всех выслушав, мог избрать наилучшее решение. Но когда нравы испортились, дурным стал и обычай, ибо им пользовались только влиятельные лица, выдвигавшие законы, благоприятные для их усиления, а не для общественной свободы, а все прочие не дерзали им перечить из боязни; так что народ по ошибке или поневоле принимал пагубные решения.

Следовательно, чтобы сохранить свою свободу при всеобщей испорченности, Риму нужно было постепенно выработать новые порядки так же, как один за другим создавались новые законы; ведь для дурных подданных пригодны одни обычаи и установления, а для благонравных – другие, и между формой и материей должно быть соответствие. Однако ввести новые порядки можно либо только разом, если обнаружилось, что прежние устарели, либо по частям, когда большинство еще не понимает этой нужды; а ведь и то и другое маловероятно. Для постепенного обновления потребен разумный человек, который распознает упадок старого заблаговременно, в самом зародыше. На таких людей городу может и не повезти, а если они и отыщутся, то навряд ли смогут убедить других в своей правоте. Ведь люди не желают менять своих привычек, особенно пока беда не предстала перед ними воочию, а только кем-то предсказана. Если же обновлять государственный строй разом, когда каждому ясна негодность старого, то зло уже так укоренилось, что его трудно исправить; для этого недостаточно законных путей, которые только принесут вред; необходимо прибегнуть к чрезвычайным мерам, насилию и оружию, и прежде всего стать государем этого города, дабы править по своему усмотрению. Но так как возродить республику к политической жизни может только хороший человек, а стать ее государем путем насилия может только дурной человек, то в высшей степени редко случается, чтобы хороший человек захотел прийти к власти дурным путем, хотя бы и ради благой цели, и злодей, став государем, начал творить добрые дела – ему

никогда не взбредет на ум употребить во благо власть, дурно приобретенную.

Вышесказанное подтверждает трудность и даже невозможность сохранить либо учредить заново республику в испорченном городе. Но если кто-то все же поставит перед собой такую задачу, он должен придать ей устройство, приближающееся скорее к царскому, нежели к народному правлению, чтобы людей дерзких и не подчиняющихся законам мог останавливать глава государства своей почти царской властью. Исправить же их другим путем вовсе невозможно, это потребовало бы неслыханной жестокости: я уже говорил, как в таком случае поступил Клеомен; если он, чтобы остаться одному, истребил эфоров, а Ромул с этой же целью умертвил своего брата и Тита Тация Сабина (но оба воспользовались своей властью на благо), то следует помнить, что и тот и другой не имели дела со столь развращенными подданными, как те, о которых говорилось в этой главе, поэтому они сумели воплотить в жизнь свои предначертания.

Глава XIX

Слабый государь может удержаться после выдающегося, но после другого слабого ему невозможно будет сохранить власть

Принимая во внимание доблесть и образ действий трех первых римских царей: Ромула, Нумы и Туллы, следует заключить, что Риму выпала превеликая удача, ибо первый царь был свирепым и воинственным, второй – смиренным и набожным, а третий нравом походил на Ромула и больше любил войны, а не мир. Риму при самом его основании был необходим учредитель гражданского общежития, но все другие цари должны были уподобляться своей доблестью Ромулу, иначе в город проник бы дух изнеженности, и он стал бы добычей своих соседей. И можно отметить, что преемник первого царя, обладающий меньшей доблестью, чем тот, может удержать власть благодаря последнему и воспользоваться плодами его трудов, но если правление слабого царя слишком затянется или его наследник не сможет своей доблестью уподобиться первому правителю, этому царству угрожает крах. Напротив, если два доблестных государя следуют друг за другом, то они часто вершат великие подвиги и их слава превозносится до небес.

Давид, без сомнения, отличался великим военным талантом, ученостью и умом; доблесть позволила ему одолеть и разгромить всех соседей и оставить своему сыну Соломону умиротворенное царство, для управления которым тому было достаточно мирных, а не военных навыков, так что он счастливо наслаждался достоянием своего доблестного отца. Но Соломон уже не смог передать его своему сыну Ровоаму, который не

обладал ни доблестью деда, ни удачливостью отца и едва сохранил за собой шестую часть владений. Турецкий султан Баязет, отдававший предпочтение миру перед войной, пожинал плоды трудов своего отца Мехмеда, разбившего, подобно Давиду, своих соседей и оставившего сыну незыблемый трон, который легко было удерживать мирными средствами. Но если бы его сын Селим, ныне царствующий, походил на отца, а не на деда, то его власти пришел бы конец; правда, его деяния, видимо, превзойдут дедову славу. Я привожу эти примеры, чтобы показать, что после выдающегося государя может удержаться слабый, но после другого слабого ему это не удастся, если только он не найдет опору в существующих издревле обычаях, как во Франции; слабы же те государи, которые не уделяют должного внимания войне.

Итак, из этого рассуждения я делаю вывод, что великая доблесть Ромула дала Нуме Помпилию возможность много лет управлять Римом мирными средствами; но ему наследовал Тулл, своим свирепым нравом напомнивший Ромула, а после него на престол взошел Анк, от природы наделенный как мирными, так и военными дарованиями. Сначала он старался поддерживать мир с соседями, но тотчас же убедился, что они считают его изнеженным и ни во что не ставят; тогда он понял, что Рим можно сохранить только посредством войны, подражая Ромулу, а не Нуме.

Этот пример поучителен для всех государей, наделенных властью: подобные Нуме будут пребывать у нее, пока времена и судьбы будут к ним благосклонны; но подобные Ромулу и, как он, вооруженные воинским духом и благоразумием, всегда удержат власть, если только не вмешается непреодолимая враждебная сила. Можно с уверенностью утверждать, что если бы Риму не достался в качестве третьего царя человек, который сумел восстановить его влияние вооруженной рукой, то город никогда бы не смог потом оправиться, разве что с превеликим трудом, и не достиг бы такого величия. Итак, подчиняясь царям, Рим постоянно подвергался опасности погибнуть из-за слабости или злонравия одного из них.

Глава XX

Два доблестных царствования подряд дают великие плоды; поскольку в правильно устроенных республиках доблестные люди всегда у власти, приобретения их весьма обширны

Когда цари были изгнаны из Рима, вышеописанная угроза вступления на престол слабого или дурного правителя миновала. Власть сосредоточилась в руках консулов, которые получали ее не по наследству и не путем обмана или самовольного захвата, но в ходе свободных выборов, поэтому ими всегда становились выдающиеся люди. С помощью их

доблести и удачи Рим постепенно достиг пределов своего величия, затратив на это столько же лет, сколько им управляли цари. Ведь ясно, что два доблестных государя подряд способны завоевать весь мир; это совершили Филипп Македонский и Александр Великий. Тем более это должно быть доступно для республики, которая способна избирать не только двоих, но бесчисленное множество доблестных правителей подряд, и во всякой благоустроенной республике так и будет.

Глава XXI

Всемерного порицания заслуживают государи и республики, лишенные собственного войска

Не иметь солдат для обороны и нападения позорно для современных государей и республик; как показывает пример Тулла, этот недостаток вытекает не из отсутствия людей, годных к ополчению, а из неумения самих правителей воспитать в подданных воинский дух. Когда Тулл взошел на трон, после 40-летнего мира он не мог сыскать в Риме человека, опытного в военном деле; тем не менее, собираясь на войну, он не подумал призвать самнитов, тосканцев или другой народ, привычный к воинской жизни, но, как благоразумный человек, решил обойтись своими силами. И такова была доблесть Тулла, что под его водительством римляне стали великолепными солдатами. Ведь самая справедливая истина гласит, что если у государя есть подданные, но нет солдат, то это вина его, а не природы или местоположения.

Приведу на этот счет свежайший пример. Всякий знает, что недавно английский король напал на Францию и использовал при этом в качестве солдат только своих подданных; поскольку Англия до этого 30 лет не воевала, там не было ни опытных солдат, ни военачальников, однако король бестрепетно выступил с ними против царства, изобилующего хорошими войсками и полководцами, непрерывно упражнявшимися во время итальянских войн.

Все дело в том, что этот правитель отличается благоразумием, а его королевство – правильным устройством, и в мирное время он не оставляет попечения о войне.

Фиванцы Пелопид и Эпаминонд, освободившие свой город от ига спартанцев, знали, что в его жителях привились рабский дух и изнеженность; однако благодаря своей доблести они не поколебались вооружить граждан и выступить с ними на бой против спартанского войска, который увенчался победой. Пишущий об этом замечает, что поступок этих двоих опроверг мнение, будто лишь в Лакедемоне рождаются воины. Были бы мужчины, тогда найдутся и воины, если только у них будет умелый

предводитель, такой, как Тулл, возглавивший римлян. Вергилий прекрасно выразил эту мысль, показав свое согласие с ней в следующих словах: «*Desidesque movebit Tullus in arma viros*» [12] .

Глава XXII

О том, что было примечательного в происшествии с тремя римлянами – Горациями и тремя альбанцами – Куриациями

Римский царь Тулл и царь Альбы Меттий сошлись на том, что чьи три воина из вышеупомянутых одолеют других трех, тот народ и будет властвовать над другим. Все три альбанца, Куриации, погибли, а из Горациев остался в живых один, так что альбанский царь Меттий вместе со своим народом перешел в подчинение к римлянам. Когда Гораций с победой вернулся в Рим, ему попала навстречу сестра, которая была замужем за одним из тех Куриациев. Она оплакивала смерть мужа, и за это Гораций ее убил. За совершенный проступок его призвали на суд и после долгих споров все же освободили, не столько из-за его заслуг, сколько уступая просьбам отца. Вывод отсюда следует троякий: во-первых, если судьба поставлена на карту, не следует пускать в дело только часть своих сил; во-вторых, в правильно устроенной республике заслуги никогда не искупают проступков; в-третьих, неразумно вступать в договоренность с тем, кто может ее нарушить. Гражданская свобода ценится так высоко, что трудно поверить, чтобы какой-то царь или народ согласился утратить ее из-за поражения трех своих воинов на поединке. Так случилось и с Меттием; хотя он после победы римлян признал себя проигравшим и обещал покорствоваться Туллу, однако в первом же походе, предпринятом против вейентов, попытался обмануть римского царя, видимо, сожалея о своем прежнем безрассудном поступке. Но довольно об этом третьем замечании. В следующих главах мы поговорим о первых двух.

Глава XXIII

Нельзя идти на крайний риск, не употребляя при этом все свои силы; по этой причине охрана подступов к стране часто ведет к пагубным последствиям

Ставить все свое достояние на карту и при этом экономить силы никогда не считалось разумным, однако таких случаев немало. Тулл и Меттий, например, поставили судьбу своих соотечественников и доблесть всех бойцов, составлявших оба войска, в зависимость от доблести и удачи троих из сограждан каждого, что составляло ничтожную долю обеих армий. Они не подумали о том, что своим поступком почти сводят на нет все труды своих предшественников по устройству республики, по упрочению ее свободы и воспитанию граждан в духе защиты этой

вольности, если несколько человек в силах ее погубить. Худшим образом эти цари не могли распорядиться.

Подобную же оплошность совершают почти постоянно те, кто рассчитывает при вражеском нашествии занять труднодоступные места и охранять проходы. Обычно такое решение имеет губительные последствия, если только в таком недоступном месте ты не сможешь расположить все свои силы с удобством для себя; если так, то выбор правильный, но если место неудобное и все силы там не помещаются – выбор ошибочен. Я сужу по примеру тех народов, которые не пытались сражаться среди утесов и перевалов, хотя бы их страны были окружены горами и скалистыми ущельями, а если на них напал могущественный враг, то встречали его в долине или на возвышенности, но удобной и не столь неприступной. Причина этого была уже названа выше: в неприступные места трудно привести многочисленное войско, оно не сможет там надолго задержаться, и вообще эти места не приспособлены для многолюдства, поэтому невозможно противостоять противнику, который захочет вышибить тебя большими силами; а для него это будет легко сделать, потому что он попытается пройти не задерживаясь, ожидать же его с большими силами невозможно, для этого понадобилось бы обосноваться там надолго, ведь неизвестно, когда противник навестит эти, как я уже говорил, непроходимые и бесплодные места. Если же ты уступишь этот проход, на который ты, твой народ и войско возлагали такие надежды, то людей и оставшуюся часть войска охватит такой страх, что ты проиграешь кампанию, не дав им случаев проявить свою доблесть, и так через потерю части сил лишишься всего.

Всякому известно, с каким трудом Ганнибал перешел через горы, разделяющие Ломбардию и Францию, и каких лишений стоило ему одолеть возвышенности, находящиеся между Ломбардией и Тосканой; несмотря на это, римляне ожидали его сначала близ Тичино, а затем на равнине Ареццо; они предпочли поставить войско под удар врага в таком месте, где могли победить, вместо того чтобы мыкать его по горам, подвергая всем тамошним опасностям.

Читая вдумчиво любую историю, можно найти очень мало доблестных полководцев, которые пытались бы удерживать проходы по вышеуказанным причинам, а также потому, что их нельзя перекрыть полностью, ибо в горах, как и на равнине, существуют не только общедоступные и исхоженные дороги, но и многие другие, не известные пришельцам, но хорошо знакомые местным жителям; они проведут тебя мимо всех застав куда хочешь. На этот счет можно привести самый свежий пример,

относящийся к 1515 году. Французский король Франциск намеревался пройти в Италию, дабы возвратить себе Ломбардскую область, а его противники видели свою основную опору в швейцарцах, закрывших перевалы в горах. Но опыт показал, что ожидания были тщетными, ибо король оставил в стороне два-три охраняемых перехода и избрал другой, малоизвестный путь; таким образом, он оказался в Италии, на удивление своим врагам. Последние удалились в Милан, а все жители Ломбардии присоединились к французам, потому что предположение, будто те застрянут в горах, оказалось ложным.

Глава XXIV

В правильно устроенных республиках за заслуги устанавливаются награды, а за проступки – наказания, но они никогда не уравнивают друг друга

Заслуги Горация была огромны, его доблесть помогла победить Куриациев; его проступок, умертвление сестры, был прискорбным; он настолько возмутил римлян, что они хотели осудить убийцу на смерть, невзирая на его недавние непомерные заслуги. Если посмотреть поверхностно, это свидетельствует о людской неблагодарности; но когда мы вникнем в суть дела и зададимся вопросом, каково должно быть устройство республики, то упрекнем римский народ не за суд над Горацием, а за освобождение его. Так следует поступить потому, что ни одна правильно устроенная республика никогда не оправдывала проступки своих сограждан их заслугами; установив награду за добрый поступок и наказание за дурной, она вознаграждает человека за хорошее, но если потом он поступает дурно, наказывает его, не вспоминая о прошлых заслугах. Если этот порядок строго соблюдается, гражданской свободе суждена долгая жизнь, в противном случае она скоро угаснет. Ведь если гражданин, отличившийся на благо своего города, кроме связанного с этим уважения, возымеет отвагу и уверенность в безнаказанности, то вскоре своей дерзостью он разрушит все гражданские устои.

Конечно, чтобы примирить людей с наказанием за дурные поступки, нужно награждать их за хорошие, как и поступали в Риме. Даже если республика по своей бедности не располагает многим, пусть это ее не останавливает, ибо даже малый дар, несоизмеримый с самой заслугой, воспринимается получающим его гражданином как почетный и великий. Всякому известны имена Горация Коклеса и Муция Сцевола – первый из них сдерживал врагов до тех пор, пока защищаемый им мост не был разрушен; второй положил в огонь свою руку, которая вместо царя тосканцев Порсенны поразила по ошибке другого человека. Каждый из них

за свой подвиг получил от сограждан по две мерки земли. Известна также история Манлия Капитолина. Он спас Капитолий от французов, обложивших город, и за это остальные осажденные выделили ему немного муки. По тогдашним обстоятельствам это было значительной наградой, так что Манлий даже попытался устроить в Риме заговор, побуждаемый то ли завистью, то ли своим дурным характером, и искал у народа популярности; тогда, не обращая внимания на его заслуги, Манлия сбросили с Капитолийского холма, который он до этого столь славно защищал.

Глава XXV

Кто хочет преобразовать старинное устройство свободного города, пусть сохранит хотя бы сходство с древними порядками

Тот, кто пожелает заняться преобразованиями городского устройства так, чтобы они были приемлемы для всех и ни у кого не вызывали протеста, должен сохранить хотя бы следы прежних порядков. Тогда народ не заподозрит изменений существующего строя, даже если новые установления будут совершенно противоположны прежним; ведь в целом люди руководствуются как тем, что есть на самом деле, так и видимостью вещей; в большинстве случаев они даже озабочены скорее наружностью, чем сутью дела. Римляне с самого начала сознавали эту необходимость, поэтому, добившись свободы, они не стали увеличивать число ликторов, служивших раньше одному царю; так что у двух консулов оставалось по-прежнему двенадцать ликторов. Кроме того, в Риме существовал обычай ежегодного жертвоприношения, совершать которое имели право только цари, и так как римляне не хотели, чтобы народ жалел о каких-то празднествах, утраченных вместе с царями, то они назначили для этой цели специального священнослужителя, названного жрецом-царем, и подчинили его верховному жрецу. Таким образом, народ остался при своем жертвоприношении, и у него не было повода сожалеть об отсутствии царей. И так должен поступать всякий, кто хочет, чтобы город распростился с прежними порядками и узаконил новый свободный строй. Новизна воздействует на умонастроение людей, поэтому нужно постараться, чтобы нововведения содержали как можно больше привычного; если новые должности отличаются от прежних и количеством, и мерой власти, и сроком их исполнения, то пусть они сохраняют хотя бы старые наименования. Все это, как я уже говорил, обязательно для того, кто собирается учредить гражданское общежитие в виде республики или монархии; но кто стремится к неограниченной власти, у писателей именуемой тиранией, тот должен поменять все, как будет показано в следующей главе.

Глава XXVI

Став во главе города или страны, новый государь должен переменить все

Для нового правителя, который возглавил город или государство, лучшее средство удержать власть – это полное обновление, особенно если эта власть непрочна и не служит для перехода к гражданскому обществу в виде монархии или республики. Обновление состоит в том, чтобы изменить правительственные учреждения вплоть до названия, ввести новые должности, назначить новых людей; сделать богатых бедными, а бедных богатыми, как поступил Давид, когда взошел на трон: «Алчущих исполнил благ, а богатыщихся отпустил ни с чем». Кроме того, новый государь должен основывать города и низвергать существующие, переводить жителей с места на место и вообще все переиначить в своей стране, чтобы в ней не оставалось никого, кто не был бы обязан ему своим титулом, чином, званием и состоянием. В качестве примера для подражания ему следует взять Филиппа Македонского, отца Александра, который из маленького царька стал, соблюдая эти правила, государем всей Греции. Пишущий о нем говорит, что Филипп перегонял людей из одной области в другую, как пастухи перегоняют свои стада. Своей крайней жестокостью такой образ действий противен заветам не только христианства, но и человеколюбия вообще; всякий должен бы избегать его и предпочитать частную жизнь уделу царя, столь губительному для людей; но кто не захочет удовольствоваться этой благой участью, тот вынужден ступить на путь зла, если он желает удержаться. Однако люди обычно придерживаются середины, что весьма пагубно для них, ибо они не умеют быть ни вполне добрыми, ни целиком дурными, как будет показано на примере из следующей главы.

Глава XXVII

Людям очень редко удается быть вполне добрыми или вполне дурными

В 1505 году папа Юлий II отправился в Болонью, дабы изгнать оттуда род Бентивольо, управлявший городом на протяжении ста лет. При этом папа возымел намерение отнять Перуджу у ее тирана Джампаоло Бальони, поскольку собирался разделаться со всеми тиранами, занимавшими церковные земли. Замыслы папы и его решение не были ни для кого секретом, тем не менее он не стал дожидаться своего войска, чтобы войти в город с надежной охраной, но появился там безоружным, хотя Джампаоло собрал немалые силы для своей защиты. Так, один из необузданных порывов, которыми Юлий II руководствовался во всех своих делах, увлек

его без нарочитой охраны в руки врага; однако он увел последнего из города, оставив там губернатора, чтобы вершить правосудие от имени Церкви. Вдумчивые наблюдатели, находившиеся при папе, отметили безрассудство последнего и трусость Джампаоло; трудно было понять, почему он не расправился одним ударом со своим врагом, что принесло бы ему вечную славу и заодно обогатило бы, ибо при папе находились все кардиналы с их сокровищами. Невозможно поверить, чтобы его удерживали благонравие и укоры совести: в груди отъявленного негодяя, жившего с собственной сестрой и перебившего ради власти своих племянников и двоюродных братьев, не могли зародиться никакие благочестивые помыслы; приходится делать вывод, что людям не дано достичь совершенства в доброте и последовательности в злодействе, а если дурной поступок требует величия и некоторого благородства, они не могут на него решиться.

Так Джампаоло, которого не смущала репутация кровосмесителя и отцеубийцы, не сумел или, лучше сказать, не отважился, имея законный повод, на предприятие, которое заставило бы всех восхищаться силой его духа и оставило бы после себя вечную память, потому что он первый показал бы прелатам, сколь малого уважения заслуживают те, кто живет и правит, как они, и величие его деяния затмило бы всякий позор, всякую опасность, из него вытекавшие.

Глава XXVIII

Почему римляне проявляли по отношению к своим согражданам меньшую неблагодарность, чем афиняне

В истории любой республики читатель обнаружит проявления неблагодарности к ее гражданам; но в Риме таких случаев будет меньше, чем в Афинах, да и во всякой другой республике. Причина этого, если взять Афины и Рим, заключается, по-моему, в том, что у римлян было гораздо меньше оснований относиться к своим согражданам с подозрением, чем у афинян. Начиная с изгнания царей и вплоть до Мария и Суллы ни один из римлян не отнимал свободу у своих сограждан; так что не было повода для подозрений, а следовательно, и для несправедливых упреков. В Афинах же все было иначе; после того как Писистрат под благовидным предлогом отнял у них свободу в момент самого расцвета, граждане надолго запомнили горечь рабства и обид и, вернув себе свободу, ревностно следили за тем, чтобы наказывались не только проступки, но даже намеки на них. Это привело к изгнанию и смерти многих выдающихся людей, а также к употреблению остракизма и прочих суровых кар, в разные годы введенных в республике против оптиматов. Так что истинную правду

говорят писатели о гражданской жизни: не те народы уязвляют большее, которые сумели сохранить свою свободу, а те, что только восстановили ее. Кто примет все это во внимание, тот не станет порицать Афины и восхвалять Рим; виной всему необходимость, вытекающая из разнообразия жизни городов. И если глубже вникнуть в этот вопрос, можно увидеть, что когда бы Риму не приходилось расставаться со своей вольностью, как Афинам, то его граждане подвергались бы не менее ожесточенным нападкам, чем афиняне. Об этом можно судить по тем гонениям, которым подверглись после изгнания царей Коллатин и Публий Валерий; первый из них участвовал в освобождении Рима, но, несмотря на это, был изгнан только за то, что звался Тарквинием; второй вызвал подозрение тем, что построил себе дом на Целиевом холме, и тоже чуть не был сослан. Таким образом, можно считать, что римляне, которые выказали столько суровости и подозрительности в отношении этих двух лиц, были бы не более благодарны согражданам, если бы те, как в Афинах, покушались на свободу города еще до его возвышения. Чтобы не возвращаться больше к этому предмету, я выскажу все, что касается неблагодарности, в следующей главе.

Глава XXIX

Кто более склонен к неблагодарности, народ или государь

Мне кажется уместным в связи с названным предметом рассмотреть, кто чаще бывает неблагодарным, народ или государь. Чтобы подробнее обсудить этот вопрос, замечу, что порок неблагодарности вытекает из скупости или подозрительности. Когда народ или государь посылает своего полководца в поход и тот побеждает, покрыв себя славой, он вправе ожидать награды; если же вместо этого власти, движимые скупостью, наносят ему оскорбление или обиду, по своей жадности не желая вознаградить его, то они совершают непростительную ошибку и заслуживают за это вечного презрения. Но немало государей грешат этим. Причину этого объясняют слова Корнелия Тацита: «*Proclivius est iniuriae, quam beneficio vicem dissolvere, quia gratia oneri, ultio in questu habetur*» [13]. Но когда вождь лишается награды не из-за скупости сограждан, а из-за того, что он внушает подозрение, тогда государь или народ заслуживают некоторого оправдания. В книгах можно сыскать множество примеров такой неблагодарности; ведь если полководец благодаря своей доблести приобрел новые владения или государство, одолел врагов, стяжал себе славу и обогатил своих солдат, то в мнении последних, а также других подданных своей страны и ее врагов он по необходимости приобретает такой вес, что государю, снарядившему его в поход, остается только

сожалеть о победе. Честолюбие и ревность коренятся в природе человеческой, как и слепая вера в удачу, так что подозрение, зародившееся у государя вследствие успехов его военачальника, наверняка усугубится из-за какого-нибудь неосторожного поступка или слова последнего. Государь должен позаботиться о своей безопасности; для этого он постарается погубить полководца или подорвать его влияние в войске и в народе и с помощью всяких ухищрений доказать, что не доблесть его была причиной победы, а удача, ничтожество врага или благоразумие других военачальников, участвовавших в предприятии.

Когда войско провозгласило Веспасиана, находившегося в Иудее, императором, Антоний Прим, стоявший с другим войском в Иллирии, перешел на его сторону и прибыл в Италию, чтобы сражаться против Вителлия, правившего в Риме. Антоний блестяще разгромил два Вителлиевых отряда и занял Рим, так что посланному Веспасианом Муциану оставалось только удостовериться в его доблестной победе. В награду за нее Муциан тотчас же отстранил Антония от командования войском и постепенно лишил его какой бы то ни было власти в Риме; тогда тот отправился к Веспасиану, остававшемуся еще в Азии, и встретил у него такой прием, что вскоре умер чуть ли не от отчаяния, лишенный всех своих званий. Подобными примерами изобилует история. На памяти всякого из ныне живущих – великое искусство и доблесть Гонсальво Ферранте, который разгромил французов в Неаполитанском королевстве и отвоевал его для Фердинанда, короля Арагонского. Фердинанд, выехав из Арагона, вознаграждал героя следующим образом: прибыв в Неаполь, в первую очередь он вывел армию из подчинения Гонсальво, затем отнял у него крепости, а потом забрал с собой в Испанию, где тот через некоторое время бесславно скончался. В общем, такие подозрения естественны для государей, и им не дано от них избавиться; бесполезно ожидать от них благодарности тому, кто сделал великие приобретения, сражаясь и побеждая под их знаменами.

Если государям суждено быть неблагодарными, то неудивительно, что и народы впадают в этот порок не реже. Ведь у города, живущего по законам вольности, две цели: во-первых, приобретать новые владения, во-вторых, сохранить свободу, и из чрезмерного пристрастия к ним граждане неизбежно впадают в заблуждение. Что касается ошибок, связанных с завоеванием, об этом будет сказано в своем месте. Заблуждения, связанные с заботой о свободе, заключаются, наряду с прочим, в нанесении обиды тем гражданам, которых следует вознаградить, и подозрительности в отношении тех, кому следует доверять. В республике, затронутой

разложением, подобные несправедливости служат причиной великих бедствий и зачастую приводят к установлению тирании, как было в Риме при Цезаре, который взял себе силой то, что отняла у него неблагодарность. Однако в неиспорченной республике от них происходят великие блага, сохраняются свободные установления; страх наказания укрепляет в людях добрые нравы и усмиряет их честолюбие. По правде сказать, из всех народов, достигших величия, Рим, по вышеизложенным причинам, был наименее неблагодарным; можно привести только один пример неуважения к заслугам, связанный со Сципионом, ибо Кориолана и Камилла изгнали за обиды, нанесенные ими плебсу. Один из них так и не дождался прощения, потому что всегда питал к народу враждебные чувства, зато другой не только был возвращен на родину, но и был окружен поистине царским поклонением до конца своих дней. Что же касается Сципиона, то никто другой не мог внушить согражданам таких опасений, как он, вследствие необыкновенной силы побежденного им врага, популярности, которую дала ему победа в столь длительной и тяжелой войне, и молниеносности этой победы, наконец, вследствие симпатии, которую снискали ему молодость, благоразумие и другие замечательные качества. У Сципиона было столько достоинств, что даже римские должностные лица опасались его влияния; такая неслыханная в Риме вещь была не по душе умным людям. Бытие Сципиона настолько выходило за рамки обычного, что Катон Приск, которого почитали как святого, первым выступил против него и заявил, что нельзя назвать свободным город, где власти боятся одного из граждан. И если римский народ в данном случае прислушался к мнению Катона, то он заслуживает известного оправдания, о чем я уже говорил выше, как и всякий народ и государь, которого делает неблагодарным подозрение. Завершая это рассуждение, скажу, что если порок неблагодарности имеет два корня: скупость и подозрительность, то народы никогда не были неблагодарными из скупости; в отношении же подозрительности государи далеко их превосходят, ибо у них больше для того оснований, как будет показано ниже.

Глава XXX

Каким образом должны поступать государи или республика, дабы не впасть в порок неблагодарности, а выдающийся гражданин или полководец – чтобы не стать ее жертвами

Чтобы избежать необходимости быть неблагодарным или подозрительным, государь должен сам ходить на войну, как поступали в первое время римские императоры, а в наше время турецкий султан, по обыкновению всех прежних и нынешних доблестных правителей. Когда

побеждает сам государь, вся слава приобретения остается за ним, в противном случае она принадлежит другому, и воспользоваться завоеванным можно, только отняв чужую славу, которую государь не сумел себе стяжать, отчего он становится неблагодарным и несправедливым; здесь он, без сомнения, теряет больше, чем выигрывает. Если же по небрежности и неблагоприятию государи предпочитают в праздности оставаться дома и посылают в поход вместо себя своего полководца, то я не знаю, какой им дать совет, кроме хорошо им известного. Что же касается полководца, то поскольку ему, на мой взгляд, непременно придется пострадать от неблагодарности, он может поступать двояко: или, одержав победу, оставить войско и, остерегаясь всяких проявлений честолюбия и дерзости, отдаться в руки своего государя, чтобы тот, отбросив подозрения, мог вознаградить его или хотя бы оставить в покое; либо, если такой путь покажется неподходящим, пусть этот полководец смело примет противоположный образ действий и распорядится так, как будто бы новое приобретение было его собственным, а не его господина. Для этого он должен привлечь солдат и подданных на свою сторону, подружиться с соседями, занять крепости своими гарнизонами, подкупить командиров своего войска, а от тех, кто не пойдет на это, избавиться, и таким образом попытаться наказать своего государя за ожидаемую от него несправедливость. Другого выбора нет, но, как я говорил выше, люди не умеют быть последовательными ни в добром, ни в дурном. Всегда получается так, что, одержав победу, оставить войско они не хотят, а вести себя скромно не могут; употребить жестокие меры так, чтобы это выглядело достойно, они не умеют; таким образом, пока они раздумывают и медлят, нерешительность ведет их к гибели.

Что до республики, то ей, во избежание порока неблагодарности, нельзя предписать то же средство, что и государю, а именно не поручать другим военных походов, ибо республика вынуждена посылать на войну во главе войска своих граждан. Поэтому я посоветовал бы ей подражать во всем Римской республике, которая выказала меньше неблагодарности, чем другие. Причина заключается в принятом там способе правления. Все горожане, как знатные, так и не знатные, ходили на войну, поэтому в Риме всегда было много доблестных вождей, украсивших себя многочисленными победами, и у народа не было повода усомниться ни в ком из них, потому что своим избытком они стесняли друг друга. При этом они оставались столь безупречными и так заботились о том, чтобы на них не пала тень подозрения во властолюбии и чтобы не дать народу повода выступить против них, что при учреждении диктатуры самым славным почитали того,

кто скорее слагал с себя эти обязанности. И так как здесь не было места для подозрений, то не возникало и неблагодарности. Итак, если республика не хочет создавать у себя поводов для неблагодарности, пусть подражает Риму; и если ее гражданин хочет избежать этой напасти, пусть поступает подобно римлянам.

Глава XXXI

О том, что римские полководцы никогда не подвергались чрезмерным наказаниям из-за допущенной ими оплошности; равным снисхождением пользовались они и тогда, когда по неведению или вследствие дурного выбора наносили ущерб республике

Римляне не только, как мы говорили выше, превосходили своим уважением к заслугам другие республики, но были намного осторожней и снисходительней при наказании своих военачальников. Если ошибка допускалась злонамеренно, кара бывала милосердной; если же по неведению – то ее и вовсе заменяли наградой или почестями. Такие меры были хорошо рассчитаны; римляне придавали большое значение тому, чтобы дух их полководцев не был ничем стеснен или угнетен и чтобы никакие посторонние соображения не влияли на их решения; к чему обременять трудное и опасное ремесло другими трудностями и опасностями, ведь тогда с ним не справится никакая доблесть. К примеру, римское войско отправлялось в Грецию против Филиппа Македонского, в Италию против Ганнибала или против тех народов, которых они победили раньше. Серьезные и важные дела, связанные с такими походами, доставляли возглавлявшему их командиру множество хлопот. Если бы к ним добавились еще воспоминания о том, что неудачников приговаривали к распятию или другой казни, то римские полководцы, ввиду стольких опасений, не могли бы действовать решительно. Однако их сограждане считали, что позор поражения является достаточным наказанием для проигравшего, и не желали устрашать его другой карой.

Можно привести случай, когда оплошность не была невольной. Командующие в лагере под Вейями, Сергей и Виргиний, возглавляли каждый свою часть войска; Сергей со стороны ожидаемого нападения тосканцев, а Виргиний – с другой стороны. Вышло так, что когда Сергия атаковали фалиски и другие племена, то прежде чем послать за помощью к Виргинию, он довел дело до разгрома и бегства. Тот, в свою очередь, в ожидании его унижения, предпочел снести поругание отечества и погубить войско, вместо того чтобы прийти Сергию на помощь. Случай поистине прискорбный и примечательный, и он говорил бы не в пользу Римской республики, если бы оба провинившиеся не были наказаны. Но в другой

республике им пришлось бы поплатиться головой, здесь же дело обошлось денежным штрафом. Проступок, конечно, заслуживал более суровой кары, но римляне и тут по вышеуказанным причинам решили последовать своим старинным обычаям.

Что касается неведения, то самый яркий пример связан с Варроном, безрассудство которого привело к поражению римлян от Ганнибала при Каннах, когда свобода республики была поставлена под угрозу по нечаянности, а не по дурному умыслу; он был не наказан, а, напротив того, почтен; и при возвращении его в Рим все сенаторское сословие вышло навстречу, чтобы поблагодарить полководца, увы, не за распорядительность в сражении, а за то, что он вернулся домой и не отчаялся в защите Рима. Когда Папирий Курсор хотел казнить Фабия за то, что тот сразился с самнитами вопреки его приказанию, то отец Фабия, наряду с прочими доводами, выдвинутыми им против упорствующего диктатора, назвал и тот, что римский народ никогда не воздавал своим полководцам за поражение тем, чем Папирий хотел воздать за победу.

Глава XXXII

Государь или республика не должны откладывать послабление своим гражданам до крайней нужды

По правде сказать, римлянам удавалось ограничиваться пролитием щедрот на народ только в минуту опасности. Когда Порсенна напал на Рим, чтобы вернуть власть Тарквиниям, Сенат не был уверен, что плебс предпочтет выдерживать тяготы войны и не захочет скорее покориться царям, поэтому народ был освобожден от налога на соль и других податей под предлогом того, что беднякам для выполнения их общественного долга достаточно было уже кормить своих детей, а также переносить осаду, голод и войну. Однако пусть никто не обольщается этим примером и не ждет худших времен, чтобы снискать расположение народа; навряд ли он сумеет подражать в этом римлянам. Ведь масса почитает, что благодеяние исходит не от тебя, а от твоих противников; они не почувствуют себя обязанным, опасаясь, что впоследствии ты отнимешь у них льготы, вынужденные необходимостью. У римлян же все прошло благополучно, потому что государственные порядки были введены недавно и еще не устоялись; народ знал, что до этого уже принимались законы в его пользу, например, об обращении к плебсу; таким образом, он мог убедиться, что поступки Сената вызваны не нашествием врага, а его собственным благорасположением. Кроме того, свежа была память о царях, которые унижали и притесняли граждан.

Но такие совпадения бывают редко, поэтому подобные средства не

годятся. Всякий властитель, будь то республика или государь, должен предвидеть возможность наступления неблагоприятных обстоятельств и знать, на кого он должен будет опереться; с этими людьми ему следует вести себя так, как при самой тяжелой нужде. Тот, кто поступает иначе, будь то республика или государь, в особенности же последний, и думает, что при необходимости сумеет привлечь к себе людей своими милостями, тот ошибается: этим он не только не спасет себя, но ускорит свою гибель.

Глава XXXIII

Когда государство сталкивается с внутренними и внешними трудностями, лучше выждать, чем пытаться сразу одолеть их

Соседи Римской республики никогда не думали, что она сможет представлять для них угрозу, и заметили свою ошибку слишком поздно, когда Рим уже приобрел значительное влияние, силы и владения. Желая исправить упущенное, соседи собрали против римлян сорок народов; тогда, наряду с другими чрезвычайными мерами, предпринимаемыми во время грозной опасности, римляне решили избрать диктатора, то есть наделить властью одного человека, чтобы он самолично решал и беспрепятственно проводил в жизнь свои решения. Это средство оказалось успешным и помогло справиться с опасностями, но и впоследствии оно сослужило великую службу в борьбе республики за расширение своих владений.

По этому поводу следует прежде всего заметить, что когда на республику изнутри или извне действует какая-либо помеха, вызванная внутренней или внешней причиной, и для каждого эта угроза уже очевидна, то гораздо лучше переждать некоторое время, чем пытаться сразу с ней справиться. Пытаясь устранить неудобство, часто лишь усугубляют его, тем самым ускоряя приход ожидаемых бед. В республике это случается чаще от внутренних причин: либо одному из граждан дозволяют забрать власть сверх разумной меры, либо попирается закон, представляющий стержень и опору свободного устройства, и, таким образом, средство исправления недостатка влечет за собой больше несчастий, чем ожидаемый от него вред. Но распознать подобные настроения в зародыше тем труднее, чем более люди склонны по природе поддерживать всяческие начинания; и эта их склонность особенно сильно проявляется в делах, впечатляющих своей доблестью и затеваемых молодыми. Ведь если в какой-то республике выдвигается знатный молодой человек, обладающий редкими достоинствами, он привлекает к себе всеобщее внимание, и все граждане наперебой стараются ему угодить; так что если в нем есть хоть капля честолюбия, то, соединив милости природы и случая, он достигает такого высокого положения, что у спохватившихся сограждан мало средств

помешать ему, а прибегнув к ним, они лишь ускоряют его возвышение.

Подобных примеров можно было бы найти множество, но я хочу привести только один, касающийся нашего города. Козимо де Медичи, положивший начало величию семейства Медичи в нашем городе, благодаря своему благоразумию и невежеству других граждан приобрел такое влияние, что оно начало угрожать устоям государства; сограждане увидели, что нанести ему обиду было бы опасно, но ничего не предпринимать еще опасней. Жил в то время человек, которого почитали весьма искусственным в гражданских делах, Никколо да Уццано; ему удалось не допустить, чтобы после первой ошибки, то есть недооценки опасностей, которыми грозило возвышение Козимо, была совершена вторая, а именно: попытка устранить его. Он полагал, что это погубит государство; но после смерти Никколо так и случилось; граждане не стали соблюдать его завет, объединились против Козимо и изгнали его из Флоренции. Подобная несправедливость всколыхнула сторонников Козимо, которые вскоре призвали его обратно и поставили во главе республики; этого бы он никогда не достиг, не встретив такого открытого сопротивления.

Так же было и с Цезарем в Риме; сначала его доблесть была встречена Помпеем и другими с благоволением, которое вскоре превратилось в боязнь; об этом свидетельствует Цицерон, который говорит, что Помпей слишком поздно начал опасаться Цезаря. Страх заставил искать ответные меры, но они только ускорили крушение Римской республики.

Итак, я скажу, что бывает трудно распознать зло в зародыше, потому что задатки часто обманчивы, и самое мудрое – выждать, пока они проявятся, не предпринимая попыток единоборства; со временем зло устранится само собой или по крайней мере его приход отдалится. Вообще, если государи собираются устранить своих противников или противостоять их натиску, они должны хорошенько подумать, не приведет ли это к противоположному результату и не накличат ли они на себя беду, пытаясь избежать ее, – ведь если чрезмерно поливать растение, оно погибнет. Следует оценить величину опасности: если ты в состоянии ее осилить, делай это не задумываясь, в противном случае ничего не предпринимай и предоставь ее самой себе. Иначе может получиться, как с соседями римлян, о которых говорилось выше; для них было предпочтительнее умиротворить римлян, достигших немалого могущества, и держаться от них на расстоянии вместо того, чтобы заставлять их вводить военное положение и готовиться к обороне. Заключенный против Рима союз только сплотил его граждан, укрепил их боевой дух и заставил ввести новые порядки, способствовавшие быстрому распространению римского влияния. Это

было, в частности, установление диктатуры, благодаря которой они не только справились с опасностью, но и сумели избежать многих несчастий, которые угрожали бы республике в ее отсутствие.

Глава XXXIV

Диктаторская власть не причинила ущерба Римской республике, а, напротив, принесла пользу; для гражданского общества опасны не те полномочия, которые граждане получают в ходе выборов, а те, которые они присваивают себе сами

Некоторые писатели порицают римлян за то, что они установили в своем городе порядок, предусматривающий назначение диктатора, потому что со временем этот обычай привел к возникновению в Риме тирании. Первый тиран, говорят они, распоряжался в городе, прикрываясь титулом диктатора; если бы не существовало этой должности, Цезарь ничем не смог бы оправдать свою тиранию в глазах общества. Но сторонники этого утверждения никогда не пытались его как следует проверить и восприняли его, не требуя доказательств. Ведь не титул и не должность диктатора обратили Рим в рабство, а власть, сосредоточившаяся в руках отдельных граждан вследствие продолжительности верховного командования; если бы в Риме не было звания диктатора, они придумали бы другое, ибо сила легко приспособливается для себя название, а не название – силу. Пока диктатор назначался в установленном порядке, а не по собственному произволу, это было на пользу городу. Для республик опасны должности и звания, вводимые чрезвычайным способом, а не те, в которые вступают законным путем; можно убедиться, что в Риме на протяжении длительного времени все диктаторы действовали только на благо республики.

Причины этого очевидны. Во-первых, чтобы встать над законом и притеснять других, гражданину необходимо соединить в себе множество качеств, которые недостижимы в неиспорченной республике; он должен быть очень богат и иметь множество сторонников и приверженцев, чего нельзя добиться там, где действуют законы, но если это и случится, свободные выборы обращаются против таких людей, потому что они на всех наводят страх. Во-вторых, диктатор избирался не навсегда, а на время, только чтобы справиться с бедой, вызвавшей его назначение; его власть простиралась на единоличные решения о том, какие средства употребить против грозящей опасности, и на вынесение окончательных приговоров, но ему не следовало наносить ущерб государству, например, отнимать полномочия у Сената или народа, упразднять старые городские порядки и вводить новые. Таким образом, ввиду краткосрочности своего правления и ограниченности власти, а также благодаря неиспорченности римского

народа диктаторам невозможно было превысить свои полномочия и принести городу вред; опыт показывает, что они всегда действовали на пользу.

И поистине, среди прочих римских учреждений названное заслуживает упоминания как одно из тех, которые привели к величию этого государства; не располагая таким средством, городам трудно избежать чрезвычайных опасностей. Ведь обычные республиканские органы медлительны в своих действиях (потому что отдельные советы и должностные лица не самостоятельны, а во многом зависят друг от друга, и пока они договорятся, время уходит), так что используемые ими средства становятся пагубными, когда решение не терпит отлагательства. Республики поэтому должны предусмотреть подобные возможности в своем устройстве; Венецианская республика, выделяющаяся своими достоинствами, предоставила нескольким из своих граждан право в случае чрезвычайной надобности принимать единогласно одобренные ими решения, не созывая более представительного собрания. Ибо если государство не располагает таким средством, оно вынуждено погибнуть, соблюдая свои порядки, или нарушить их, чтобы выжить. А республика никогда не должна допускать такого положения, чтобы с ним можно было управиться только чрезвычайными мерами. Ведь если чрезвычайное средство и принесет в данном случае пользу, при этом будет подан дурной пример; появится обыкновение нарушать законы из благих побуждений, но потом под этим предлогом они станут нарушаться и из дурных. Таким образом, нельзя считать совершенной республику, которая не предвидела все в своих законах и не определила, как следует поступать во всех возможных случаях. Поэтому в заключение я скажу, что те республики, которые в случае опасности не могут прибегнуть к диктатуре или подобному ей средству, в трудных обстоятельствах всегда будут обречены на гибель.

Следует отметить еще порядок избрания на эту новую должность, мудро установленный римлянами. Ведь назначение диктатора несколько ущемляло права консулов, которые из старших лиц в городе становились такими же подданными, как и все прочие; предвидя возможность подобного недовольства среди граждан, римляне пожелали, чтобы диктаторов избирали консулы, полагая, что в случае возникновения у Рима надобности в такой почти царской власти консулы охотно на это пойдут и не испытают большого огорчения, избирая диктатора самолично, ибо раны, которые человек наносит себе сам, как и всякое другое зло, причиняемое себе добровольно, переносятся менее болезненно, чем причиняемые

другими. Впрочем, впоследствии вместо диктатора римляне возымели обыкновение наделять такой властью консула, оговаривая это следующим образом: «Videat Consul, ne Respublica quid detrimenti capiat» [14] . В заключение скажу, возвращаясь к нашему предмету, что соседи Рима, желая подавить его, помогли римлянам не только защититься, но и ответить им тем же с гораздо большей мощью, удобством и сплоченностью.

Глава XXXV

По какой причине учреждение в Риме децемвирата, несмотря на его свободные и публичные выборы, ущемляло республиканскую вольность

Вышеприведенному рассуждению о том, что республике наносят ущерб не те должностные лица, которых выбирают, а те, которые захватывают свое место силой, противоречит, по видимости, избрание десяти граждан, назначенных римским народом для составления законов; со временем их власть стала тиранической и открыто заменила собой городскую вольность. Тут нужно учитывать способ получения власти и время, на которое она вручается. Если произвольная власть предоставляется на длительное время, то есть на год и больше, она становится опасной и приводит к благотворным или дурным последствиям в зависимости от того, достойны или дурны люди, ею распоряжающиеся. И если сравнить полномочия, которыми располагали децемвиры, с теми, которые были у диктаторов, то в первом случае их было не в пример больше. Ведь при диктаторах сохранялась власть трибунов, консулов, Сената с их неотъемлемыми правами, и если диктатор и мог лишить кого-то консульского звания, а кого-то сенаторского, ему не удалось бы упразднить все сенаторское сословие и установить новые законы. Сенат, консулы и трибуны со своей властью стояли как бы на страже и не позволяли диктатору уклониться от правильного пути. Но при создании комиссии Десяти все было как раз наоборот; должности консулов и трибунов упразднили и дали десяти мужам право учреждать законы и все прочее наравне с римским народом. Оказавшись в одиночестве, без консулов, без трибунов, без обращений к народу и без опасения получить от кого-либо острастку, на второй год они перестали считаться с другими под влиянием честолюбивого Аппия. Таким образом, когда говорится, что власть, передаваемая в ходе свободного голосования, никогда не бывает опасна для республиканского строя, речь идет о том, что народ вручает ее только в определенных обстоятельствах и в определенное время; если же он поступает неосторожно, будучи обманут или находясь в неведении по какой-то другой причине, он всегда будет наказан, как римский народ, который наделил властью децемвиров. Все это легко доказать, рассмотрев,

чем были хороши диктаторы, и чем были плохи десять мужей, и какие предосторожности принимали республики, считавшиеся хорошо устроенными, когда вручали власть на длительное время, например, спартанцы своим царям или венецианцы своим дожам; в обоих случаях существовал надзор над указанными лицами, чтобы они не смогли злоупотреблять своими полномочиями. Неиспорченность материи не может служить в подобных делах подспорьем, ибо ничем не ограниченная власть очень скоро растлевает массы, находя себе друзей и приспешников. Для самозванца даже не важно, беден ли он или обделен родственными связями; богатства и все прочие блага польются к нему рекой, как будет показано в рассуждении о названных децемвирах.

Глава XXXVI

Не следует гражданам, удостоенным высоких почестей, пренебрегать и менее значительными

Римляне назначили консулами Марка Фабия и Г. Манлия и вместе с ними одержали славную победу в сражении против вейентов и этрусков; при этом погиб Квинт Фабий, брат консула, занимавший этот пост в предыдущем году. Здесь нельзя не отметить, насколько порядки, царившие в этом городе, способствовали его величию, и сколь ошибаются те республики, которые отступают от римских обычаев. Ведь если римляне ценили высоко славу, они не считали постыдным сегодня подчиняться тому, кем вчера командовали, и служить в том войске, где они были начальниками. Такое правило противоречит понятиям и привычкам современных нам граждан; в Венеции даже бытует дурное обыкновение отказываться от низшей должности, если гражданин занимал более высокую, и делается это с разрешения властей. Может быть, так подобает себя вести частным лицам, но для государства это невыгодно. Ведь республика может ожидать большего и иметь больше доверенности к человеку, который с высокой должности переходит на низшую, по сравнению с тем, кто с низшей вступает в высшую. Последнему можно вполне доверять, только окружив его достойными и уважаемыми людьми, которые умеряли бы его недостаточную опытность своими советами и влиянием. Если бы в Риме укоренился тот обычай, что в Венеции и в других современных республиках и царствах, и бывшие консулы не пожелали бы участвовать в войнах иначе, как в консульском звании, это нанесло бы чрезвычайный ущерб гражданской свободе, как из-за ошибок, допускаемых новыми людьми, так и потому, что их честолюбие не знало бы удержу, если бы их не сковывали люди, среди которых они бы стыдились допустить ошибку; и все это повредило бы общественному

благу.

Глава XXXVII

Какие смуты породил в Риме аграрный закон и сколько соблазнов подают республике новые установления, нарушающие старинный обычай и наказывающие за прежние проступки

Суждение древних писателей гласит, что зло причиняет людям горечь, а добро набивает оскомину; и оба этих ощущения приводят к одинаковому результату. Ибо если у людей отсутствует повод сражаться по необходимости, они продолжают это делать из честолюбия, сила которого в людских сердцах столь велика, что никогда не покидает их на любой степени возвышения. Причина состоит в том, что люди по своей природе могут желать чего угодно, но не всего могут добиться; желание приобретать всегда превышает их силы, отсюда проистекает и неудовлетворенность тем, что есть, и стремление к большему. Вот чем объясняется переменчивость всех людских судеб; попытки увеличить свое состояние, а также удержать уже приобретенное порождают вражду и войны, а они, в свою очередь, ведут к возвышению одних государств и к упадку других.

Этот разговор клонится к тому, что римский плебс не удовлетворился учреждением трибуната, к которому он был вынужден необходимостью оградить себя от притязаний нобилей; добившись своего, плебеи продолжили борьбу из честолюбия и захотели разделить со знатью ее почести и имения, как вещи, наиболее ценимые людьми. Этот недуг породил споры об аграрном законе, который в конце концов и стал причиной распада республики. А поскольку в правильно устроенных республиках предусматривается, что их казна должна быть богатой, а отдельные граждане бедными, Римское государство было обречено на неприятности из-за этого закона, потому что либо он сам был задуман так неудачно, что нуждался чуть ли не в каждодневной переделке, либо он был принят слишком поздно, так что новый передел земли вызвал смуты, либо этот закон сначала был задуман хорошо, но потом был извращен дурным применением; как бы там ни было, всякое обсуждение аграрного закона в Риме переворачивало город вверх дном.

В аграрном законе было два основных пункта. В одном говорилось, что никто из граждан не может обладать количеством земли, превышающим определенное число югеров; в другом – что отнятые у врага поля должны быть распределены среди римского народа. Тем самым закон ущемлял двояким образом нобилей: во-первых, владельцы больших, чем было им предусмотрено, участков (а к таковым относилась вся знать)

согласно его решению должны были их лишиться; во-вторых, поскольку имущество противника делилось между плебеями, нобили теряли возможность обогащения. Закон задевал влиятельных людей, и, выступая против него, они, как им казалось, защищали общественное благо; поэтому, как уже говорилось, как только речь заходила о законе, город начинало лихорадить. Нобили осторожно и умело задерживали его проведение в жизнь, то выдвигая войска, то противопоставляя опирающемуся на этот закон трибуну другого трибуна, то идя на частичные уступки, то основывая колонию на подлежащих распределению землях. Так произошло с округой Анциума, по поводу которой возникли разногласия, связанные с применением аграрного закона; там была учреждена римская колония, получившая названную округу. При этом Тит Ливий использует любопытное выражение, говоря, что в Риме было трудно найти желающих записаться в эту колонию, потому что плебс предпочитал скорее ожидать наделов в Риме, чем обладать ими в Анциуме. Такие страсти кипели вокруг аграрного закона некоторое время, пока римляне не стали ходить своими походами на границы Италии и даже за ее пределы; тут стало казаться, что буря улеглась. Дело в том, что поля, принадлежавшие врагам Рима, перестали мозолить глаза плебеям, находясь в отдалении и будучи труднодоступными для обработки, так что желание владеть ими убавилось; кроме того, римляне теперь редко наказывали своих противников подобным образом, а если они и лишали какой-то город его земель, то основывали там колонии. В силу указанных причин до Гракхов аграрный закон пребывал как бы в состоянии спячки; но они пробудили его, и он совершенно подорвал римскую свободу, ибо силы его противников удвоились и борьба между плебсом и Сенатом приняла такой оборот, что дело дошло до вооруженных и кровавых столкновений, недопустимых в гражданском обществе. Должностные лица не могли ничего поделать, и поэтому каждая из сторон утратила всякую надежду на них, так что обе партии прибегли к частным средствам и избрали собственных глав для своей защиты. Первым среди этих раздоров и распрей подал пример плебс, который связал свою судьбу с Марием и четырежды способствовал его избранию консулом; его пребывание в должности тянулось почти без перерыва и так долго, что сам Марий добился своего избрания консулом еще на три года. Против подобной угрозы у знати не оставалось другого выхода, как обратиться к помощи Суллы, и, когда он стал главой партии нобилей, начались гражданские войны; после продолжавшейся с переменным успехом кровопролитной борьбы верх одержала знать. С новой силой раздоры вспыхнули во времена Цезаря и Помпея; Цезарь стал

во главе партии Мария, а Помпей – Суллы; в ходе столкновений победа была на стороне Цезаря, который стал первым римским тираном, и после этого со свободой Рима было покончено навсегда.

Таковы были истоки и последствия аграрного закона. И хотя мы показали выше, что вражда между Сенатом и плебсом сохранила римскую свободу, ибо из нее родились законы в пользу вольности, а судьба аграрного закона как будто бы противоречит такому выводу, я вовсе не отказываюсь от своего мнения, потому что честолюбие грандов (если городские порядки не предусматривают разные способы его подавления) быстро приводит республику к краху. Так что если распри вокруг аграрного закона довели Рим до рабского состояния за триста лет, он оказался бы под игом гораздо быстрее, когда бы плебс с помощью этого закона и других своих притязаний не сдерживал властолюбия нобилей. На этом примере хорошо видно также, насколько больше люди дорожат имуществом, чем почестями. Римская знать всегда без особых смут уступала плебеям должности и звания, но когда дело дошло до ее состояния, она стала защищать его с таким ожесточением, что плебс прибег к крайним мерам, описанным выше, чтобы удовлетворить свои аппетиты. Зачинщиками этих беспорядков были Гракхи, намерение которых заслуживает большей похвалы, чем их благоразумие. Ведь нельзя назвать хорошо продуманной попытку устранить какой-то выявившийся в республике недостаток, учредив для этого закон, обладающий обратной силой; таким образом, как подробно было рассмотрено выше, можно только приблизить наступление беды, которой чреват указанный недостаток, но если выждать, она наступит позже либо со временем устранится сама собою, не проявив всех своих разрушительных сил.

Глава XXXVIII

Слабые республики нерешительны и склонны к колебаниям, сделать определенный шаг их заставляет необходимость, а не свободный выбор

Однажды в Риме разразилось моровое поветрие, и соседние народы, вольски и эквы, сочли этот момент удобным, чтобы ослабить его; собрав большое войско, они напали на латинов и герников, разоряя их страну, так что те были вынуждены снестись с Римом и просить его о защите; римляне были обременены эпидемией, поэтому они ответили просителям, чтобы те взялись за оружие и оборонялись сами, ибо помощи оказать невозможно. Этот случай говорит о великодушии и благоразумии римского Сената, а также о том, что при всех обстоятельствах он желал сохранить за собой право распоряжаться судьбой своих подданных и при необходимости никогда не останавливался перед тем, чтобы поступить вопреки

обыкновению и принятым ранее решениям.

Я говорю об этом потому, что раньше этот же Сенат запрещал названным народам вооружаться даже для собственной защиты; если бы его члены были менее благоразумны, подобная уступка казалась бы им унижительной. Но римский Сенат всегда судил о вещах трезво и из двух зол избрал наименьшее: не оказать помощи своим подданным скверно, но так же скверно было бы разрешить им вооружить собственное войско, по вышеназванным и другим понятным причинам; тем не менее Сенат, понимая, что нужда заставит в любом случае взяться за оружие для отпора врагу, нашел достойный выход и пожелал, чтобы они сделали это с его разрешения, потому что, не подчинившись один раз по необходимости, покоренные народы могли обрести вкус к своеволию. И хотя всякому правительству следовало бы совершать подобные поступки, слабые и неразумно управляемые республики не отваживаются на них и не умеют обернуть такие трудности к своей выгоде. В свое время герцог Валентино захватил Фаэнцу и заставил Болонью принять его условия. Затем, собираясь вернуться в Рим через Тоскану, он отправил во Флоренцию своего посланца, чтобы испросить пропуск для себя и своего войска. Во Флоренции стали обсуждать, как следует поступить, и никто не высказывался за то, чтобы дать герцогу такое разрешение. Это было совершенно не в римском духе, потому что безоружные флорентийцы не могли помешать вооруженному герцогу пройти через их владения и для них было бы гораздо почетнее, чтобы он проделал это хотя бы по видимости с их дозволения, а не силой; в первом случае позор был бы для них меньше, чем в последнем. Но самая большая беда слабых республик заключается в их нерешительности; ко всем своим решениям они бывают понуждаемы силой и если и получают какую-то выгоду, то должны благодарить за нее обстоятельства, а не свое благоразумие.

Я хочу привести еще два схожих примера, относящихся к делам нашего города в недавнем времени.

В тысяча пятисотом году, когда французский король Людовик XII вернул себе Милан и хотел отвоевать Пизу, чтобы получить 50 тыс. дукатов, обещанных ему флорентийцами за ее возвращение, он послал туда свое войско во главе с монсеньором Бомоном, который пользовался доверием во Флоренции, хотя и был французом. Это войско со своим полководцем расположилось между Кашиной и Пизой и собиралось идти на штурм; приготовления заняли несколько дней, и в это время к Бомону явились гаванские послы с предложением сдать город французам на следующих условиях: именем короля он должен был пообещать, что город

будет передан флорентийцам не раньше чем через четыре месяца. Но флорентийцы решительно отвергли этот вариант, так что сражение состоялось и их войско с позором отступило. Предложение было отклонено только потому, что флорентийцы не доверяли слову короля; по своему слабому разумению они были вынуждены отдаться на его милость, но в то же время не верили ему и не понимали, насколько лучше было бы, если бы король возвратил им Пизу, заняв ее, или открыто отказался ее вернуть, чем ограничивался бы одними обещаниями на будущее, которые они должны были оплачивать. Гораздо выгоднее было для флорентийцев согласиться, чтобы Бомон занял Пизу на любых условиях; это выяснилось на опыте в 1502 году, когда французский король прислал на помощь флорентийцам, против которых восстал город Ареццо, монсеньора Имбо со своим войском; приблизившись к Ареццо, последний вскоре начал вести переговоры с аретинцами, и они согласились сдаться на определенных условиях, как в свое время пизанцы. Во Флоренции это соглашение было отвергнуто, но монсеньор Имбо, убедившись, что флорентийцы ничего не смыслят в таких делах, продолжил переговоры без участия их комиссаров и заключил собственный договор, по которому его солдаты вошли в Ареццо. Флорентийцам он объявил, что они потеряли рассудок и ничего не понимают в мирских делах, потому что, нуждаясь в Ареццо, они должны были предоставить заботу об этом королю, а тому гораздо легче было бы позаботиться о них, имея своих солдат внутри, а не снаружи. Во Флоренции только и слышны были упреки и проклятия в адрес названного Имбо, и так продолжалось до тех пор, пока не стало ясно, что если бы Бомон поступил подобно ему, Пиза досталась бы Флоренции так же, как и Ареццо.

Итак, возвращаясь к нашему предмету, заметим, что нерешительные республики поступают благоразумно, только будучи вынуждены к этому, потому что слабость заставляет их колебаться в случае сомнений; пока какая-либо сила не подтолкнет их к действиям, они всегда пребывают в нерешительности.

Глава XXXIX

У разных народов часто можно наблюдать схожие происшествия

Углубляясь в изучение событий прошлого и современности, легко заметить, что во всех государствах и у всех народов всегда бытовали и бытуют одни и те же желания и одни и те же настроения. Поэтому тот, кто со всем тщанием вникает в прошедшее какой-либо республики, тот с легкостью угадает ее будущее и предпишет ей средства, которые уже использовались древними; если же прежних средств не отыщется, сходство

в событиях подскажет ему новые. Но так как читатели истории пренебрегают или остаются глухи к этим соображениям или, даже внимая им, не могут довести их до правителей, в новое время повторяются прежние смуты.

После девяносто четвертого года Флоренция утратила часть своих владений, в том числе Пизу и другие города, и была вынуждена вести войну с их захватчиками. Но поскольку новые хозяева были могущественны, бесконечные траты на войну не приносили никаких плодов; большие расходы вызвали увеличение налогов; повышение налогов – ропот в народе, и так как войной руководила комиссия из десяти граждан, называвшаяся Десять мужей по делам войны, общее недовольство обратилось против этой комиссии, как будто она была причиной войны и военных расходов. Появилось мнение, что если будет устранена комиссия, будет покончено и с войной, так что при новых перевыборах в эту комиссию ее должности остались вакантными; по истечении срока полномочий предыдущих членов комиссии Десяти ее дела были переданы Синьории. Это решение было пагубным, ибо война не только не кончилась, как все ожидали, но отстранение опытных людей, руководивших ею, повело к таким беспорядкам, что, кроме Пизы, были потеряны Ареццо и многие другие местности. Когда же народ понял свою ошибку и убедился, что причина болезни заключается не во враче, а в лихорадке, комиссия Десяти была восстановлена.

Подобное же недовольство поднялось в Риме против деятельности консулов: народ видел, что город без передышки ведет одну войну за другой, и не помышлял о том, что причиной этого являются притязания соседей, желающих поработить его, полагая, что все дело во властолюбии нобилей, которые, якобы не имея возможности расправиться с плебсом в Риме, где его защищает власть трибунов, посылают плебеев во главе с консулами за пределы Рима, чтобы там угнетать их без помех. Все это наводило плебеев на мысль устранить консульскую власть или так ее ограничить, чтобы народ мог не подчиняться ей как внутри, так и вне Рима. Первым, кто попытался издать подобный закон, был некий Терентилл, трибун, который предложил избрать комиссию из пяти человек для наблюдения за деятельностью консулов и для ограничения их власти. Но его предложение вызвало негодование нобилей, полагавших, что с этими должностями они окончательно лишаются влияния в республике и это приведет к упадку державной власти. Однако трибуны проявили такое упорство, что звание консулов было упразднено. В конце концов после ряда попыток все пришли к соглашению – назначать трибунов с консульской

властью, но не консулов, настолько титул был ненавистнее действительных полномочий. Такой порядок сохранялся долгое время, пока римляне, осознав свою ошибку, не восстановили должность консулов, так же как флорентийцы – комиссию Десяти.

Глава XL

О создании децемвирата в Риме и о том, что было в нем примечательного; в том числе и о том, как подобные решения могут привести к спасению или гибели республики

Чтобы подробнее остановиться на событиях, связанных с учреждением децемвирата в Риме, мне кажется нелишним рассказать сперва о том, как была создана эта комиссия, а затем обсудить наиболее примечательные стороны этого события, ибо в них есть немало поучительного как для тех, кто желает упрочить свободную республику, так и для тех, кто желает поработить ее. Наше рассуждение прояснит множество ошибок, допущенных Сенатом и плебсом и ущемляющих свободу, а также и других – со стороны Аппия, главы Десяти мужей, идущих вразрез с тиранией, которую он намеревался установить в Риме.

После многих споров и прений между народом и знатью по поводу принятия для Рима новых законов, расширяющих гражданские вольности, было решено послать Спурия Постумия и еще двух римлян в Афины, чтобы они изучили там законы, составленные Солоном для этого города, и использовали их в качестве примера для римских. По возвращении посланцев для рассмотрения и утверждения названных законов была назначена комиссия: десять граждан, избранные на один год, среди которых находился и Аппий Клавдий, человек дотошный и беспокойный. Чтобы обеспечить независимость их законотворчества, в Риме были упразднены все прочие должности, в том числе трибунов и консулов, так что децемвиры сделались полновластными хозяевами Рима. Аппий сосредоточил в своих руках всю власть сотоварищей благодаря поддержке со стороны плебса: он выказывал такую привязанность ко всему народному, что казалось удивительным, как ему удалось так быстро изменить свой характер и свои вкусы, ведь до этого его считали жестоким гонителем плебеев.

Названные Десять мужей вели себя весьма достойно и имели не больше двенадцати ликторов, выступавших впереди избранного ими предводителя. И хотя децемвиры располагали всей полнотой власти, но когда нужно было наказать римского гражданина за убийство, они вызвали его в народное собрание и там предложили судить. Законы были написаны на десяти табличках и перед утверждением выставлены на всеобщее

обозрение, чтобы каждый мог прочитать и высказать свое мнение о них, так что если бы были обнаружены какие-то недостатки, их можно было бы исправить до утверждения. Аппий между тем пустил по городу слух, что для полного совершенствования этих табличек к ним нужно прибавить еще две, и это дало народу повод избрать децемвиров еще на один год; народ пошел на это с охотой, чтобы подольше обходиться без консулов, и не беспокоился об отсутствии трибунов, ибо, как было сказано выше, сам выступал в роли судьи. Итак, было решено переизбрать Десять мужей, и все нобили стали добиваться этого звания, в числе первых Аппий; при этом он проявил такое участие к плебейам, что стал вызывать подозрения у своих сотоварищей: «*Credebant enim haud gratuitam in tanta superbia comitatem fore*» [15]. Но выступить против него в открытую они опасались и решили прибегнуть к такой уловке: хотя он был младшим из всех, ему доверили предложить народу кандидатуры будущих децемвиров, полагая, что он, как было принято у всех, не станет называть собственное имя, ибо в Риме это выглядело неслыханным позором. «*Ille vero impedimentum pro occasione arripuit*» [16] и назвал себя в числе первых, к изумлению и неудовольствию всех нобилей; затем он назначил девять остальных по своему усмотрению. Этот выбор, простиравшийся еще на один год, пролил свет перед народом и знатью на допущенную ими ошибку, потому что тотчас же «*Appius finem fecit ferendae alienae personae*» [17]; он проявил свою врожденную гордыню и за несколько дней укоренил подобные же нравы в своих товарищах, а для устрашения народа и Сената вместо двенадцати ликторов было собрано сто двадцать. Несколько дней все пребывали в равном страхе; но затем децемвиры стали заигрывать с Сенатом и притеснять плебс, и если плебей, обиженный одним из членов комиссии, взывал к другому, то ему только увеличивали наказание. Тогда уже плебеи, удостоверившись в своей ошибке, от огорчения стали присматриваться к нобилиям, «*et inde libertatis captare auram, unde servitutem timendo, in eum statum rempublicam adduxerunt*» [18]. А знати только на руку были огорчения плебеев, «*ut ipsi, taedio praesentium, Consules desiderarent*» [19]. Приближались последние дни года: две таблички с законами были составлены, но не опубликованы. Это дало повод Десяти остаться в должности, они пытались удержаться у власти с помощью насилия и стали вербовать себе подручных среди знатной молодежи, которой передавали имущество осужденных ими. «*Quibus donis juvenus corrumpebatur, et malebat licentiam suam quam omnium libertatem*» [20]. В это время сабины и вольски объявили римлянам войну; это событие показало децемвирам слабость их положения, потому что без помощи Сената они не могли подготовиться к войне, а собрав

Сенат, рисковали лишиться власти. Необходимость, впрочем, вынудила их избрать последнее; и когда сенаторы собрались, многие из них, особенно Валерий и Гораций, высказывались против диктатора Десяти, власти которых пришел бы конец, если бы Сенат в пику плебеям не проявил своей строптивости в надежде, что, когда децемвиры добровольно сложат свои полномочия, дело обойдется без переизбрания народных трибунов. Итак, была объявлена война и снаряжены два войска, возглавляемые некоторыми из децемвиров; Аппий остался управлять городом. В это время он влюбился в Виргинию и желал овладеть ею силой, но отец девушки, Виргиний, спасая ее честь, лишил дочь жизни, после чего в Риме и в войсках начались беспорядки. Оставшиеся плебеи вместе с солдатами отправились на Священную гору и пребывали там до тех пор, пока децемвиры не подали в отставку; вместо них были назначены трибуны и консулы, и Рим вернулся к своей прежней вольности.

Вся эта история показывает, что вышеописанная попытка восстановить в Риме тиранию была вызвана к жизни теми же причинами, которые рождают тиранов и в других городах, а именно неумеренными стремлениями народа к свободе, а знати – к власти. И если им не удастся принять совместный закон о защите свободы, а вместо этого каждая из партий ищет себе вождя, то возникновение тирании неизбежно. В Риме и народ, и знать пришли к соглашению о создании комиссии Десяти, да еще с такими полномочиями, только потому, что одна из партий желала упразднить должность консулов, а другая – трибунов. Потом плебеи уверились в том, что Аппий перешел на их сторону и притесняет нобилей, почему народ стал поддерживать его. А когда народ допускает подобную ошибку, то есть наделяет кого-либо полновластием для сокрушения своих противников, этот человек, если он достаточно умен, всегда становится тираном города. Располагая поддержкой народа, он позаботится о сокрушении знати и, пока не расправится с ней, не станет предпринимать ничего против народа, но за это время последний окажется у него в рабстве, как в западне. Такого образа действий придерживались все основатели тираний в республиках. Если бы так поступил и Аппий, то его тирания была бы более жизнеспособной и не прервалась бы так скоро, но он сделал все наоборот, и нельзя представить себе ничего более неблагоразумного, чем его поступки; для укрепления своей власти он поссорился с теми, от кого получил ее и кто мог ее защищать, будучи не в ладах с теми, кто не собирался вручать ему власть и не мог защитить ее; настоящих друзей он утратил, но стал заигрывать с теми, кто мог питать к нему только вражду. Ведь хотя нобили склонны к тираническому режиму,

та их часть, которая не получает от него выгод, всегда враждебна тирану, и ее невозможно привлечь на свою сторону полностью ввиду присущих ей честолюбия и алчности, ибо у тирана не хватит богатства и почестей, чтобы удовлетворить всех. Так что Аппий, покинув народ и соединившись с нобилями, допустил явный промах как по вышеуказанной причине, так и потому, что желающий удержать что-либо силой, принуждая, не должен быть слабее принуждаемого.

Отсюда следует, что тираны, опирающиеся на массы и выступающие против грандов, находятся в большей безопасности, потому что могут принуждать с большей силой, чем те, кто враждебен народу и дружит со знатью. В первом случае достаточно им иметь внутреннюю опору, которая была у Набида, тирана Спарты, когда против него выступили вся Греция и римский народ; обезопасив себя от кучки нобилей, Набид защитился с помощью народа, который был на его стороне, в противоположном случае он проиграл бы. Ведь если внутри государства у тебя мало друзей, внутренних сил уже недостаточно и следует искать поддержки извне. Здесь возможны три пути: первый – пригласить чужеземных наемников, чтобы они охраняли твою жизнь; второй – вооружить окрестных жителей, чтобы они заменили собой плебеев; третий – вступить в союз с могущественными соседями, которые могли бы тебя защитить. Кто станет придерживаться этих способов и сумеет их применить, тот имеет шансы на спасение, хотя бы народ и противостоял ему. Но Аппий не мог привлечь к себе жителей округи, потому что она составляла с Римом единое целое; те возможности, что у него были, он не сумел использовать и с самого начала был обречен на неудачу.

Сенат и народ при учреждении комиссии Десяти допустили грубейшие ошибки, не говоря уже о том, что хотя угрозу свободному строю представляют те должностные лица, которые назначаются друг другом, а не народом, как было сказано выше по поводу диктатуры, народ все-таки должен, учреждая должности, как-то ограничить возможность преступных поползновений со стороны их занимающих. Римляне же, вместо того чтобы строже следить за добронравием, вовсе устранили его блюстителей, они оставили в Риме только один орган власти и упразднили все остальные из-за чрезмерного (как мы отмечали выше) желания Сената отделаться от трибунов, а плебса – от консулов; ослепленные, они сошлись в своих заблуждениях. Люди, как говорил король Фердинанд, часто уподобляются мелким хищным птицам; природа вкладывает в них столь сильное стремление к преследованию жертвы, что они не замечают нависшего над ними более крупного хищника. Все это рассуждение, как я и обещал

вначале, показывает ошибки как римского народа, который пытался защитить свою свободу, так и Аппия, покушавшегося установить тиранию.

Глава XLI

Переходить от смирения к гордыне и от милосердия к жестокости без должной постепенности неразумно и вредно

Кроме других просчетов, допущенных Аппием при утверждении тирании, немаловажную роль сыграли резкие переходы от одного качества к другому. Он удачно применил хитрость для обмана плебеев, прикидываясь сторонником народа; придумал хороший повод для переизбрания Десяти; проявил завидную отвагу, предложив себя на должность вопреки настроениям знати; столь же правильным было назначение сотоварищей по своему усмотрению; но после всего этого совершенно неправильным было, как я говорил выше, тотчас же изменить свой характер и вместо друга предстать врагом народа, из снисходительного стать высокомерным, из доступного – неприступным, да еще так неожиданно, что всякому становилась очевидной лживость его поступков. Кто раньше казался добрым, а теперь не боится стать дурным, тот должен идти к этому постепенно, используя открывающиеся возможности, чтобы обеспечить себе новые привязанности, прежде чем старые, из-за перемены характера, будут утрачены, и чтобы твое влияние не потерпело ущерба; иначе, раскрыв свои карты и оказавшись без друзей, ты погибнешь.

Глава XLII

О том, как легко люди поддаются порче

Примечательно также, как показывает случай с децемвиратом, сколь легко развратить людей и переиначить их природу, как бы они ни были до того благонравны и воспитаны в добрых правилах; это видно по поведению собранной вокруг Аппия молодежи, которая не погнушалась даже малой выгодой, связанной с поддержкой тирании; и на примере Квинта Фабия, входившего в состав комиссии Десяти, до того человека безупречных нравов, который изменил их на самые худшие, ослепленный мелким честолюбием и увлеченный злодейством Аппия, так что сам уподобился ему. Внимательное изучение подобных событий еще сильнее побудит законодателей республик или царств к обузданию людских притязаний и полному устранению для них возможности *imprope* [21] следовать своим заблуждениям.

Глава XLIII

Кто сражается ради собственной славы, будет хорошим и верным солдатом

Вышеприведенное рассуждение показывает также, сколь велика разница между войском, твердо намеренным сражаться за собственное дело, и тем, что только вынуждено биться ради чужого властолюбия. Ведь если римские войска под водительством консулов всегда одерживали победу, то при децемвирах они проигрывали сражения. На их примере можно отчасти судить о причинах бессмысленности использования наемных солдат, которых удерживает на месте только получаемая от тебя небольшая плата. Ее никогда не хватит для того, чтобы приобрести их преданность и заставить настолько полюбить тебя, чтобы они пошли на смерть. Но там, где войско не объединено подлинной привязанностью к тому, кого оно защищает, ему никогда не достанет доблести, чтобы противостоять сколько-нибудь отважному противнику. И поскольку такая любовь и такая ревность могут возникнуть только у подданных, тому, кто желает сохранить свою власть в республике или монархии, необходимо вооружить своих сограждан, как и поступали все выдающиеся воители. При правлении Десяти у римской армии не убавилось доблести, но сражалась она без прежней охоты и не могла добиться обычных успехов. Однако как только комиссия Десяти была упразднена и воины почувствовали себя свободными, к ним вернулся боевой дух, и в дальнейшем их предприятиям сопутствовал успех, как это утвердилось издревле.

Глава XLIV

О том, что толпа без вождя беспомощна и что не следует сперва раздражаться угрозами, а потом требовать власти

Из-за происшествия с Виргинией римские плебеи вооружились и отправились на Священную гору. Сенат отрядил туда посольство с вопросом: по какому праву они покинули своих начальников и поднялись на гору, и уважение к Сенату было столь велико, что никто из плебеев не решался отвечать, ибо среди них не было вождей. Тит Ливий говорит, что для ответа не доставало не столько доводов, сколько того, кто их изложил бы. Этот случай показывает никчемность толпы, лишенной вождя. Это неудобство почувствовал Виргиний и приказал назначить двадцать военных трибунов, которые возглавили бы плебс и вели от его имени переговоры с Сенатом. Плебеи потребовали прислать к ним Валерия и Горация, чтобы высказать им свою волю, но те не захотели этого делать, пока децемвиры не сложат свои обязанности. Когда Валерий и Гораций поднялись на гору к плебсу, они услышали от него пожелание восстановить должность народных трибунов, всем должностным лицам дать право апелляции к народу и выдать всех децемвиров, которых плебеи собирались

сжечь живьем. Первую часть требований Валерий и Гораций похвалили, последнее же назвали нечестивым, говоря: «*Crudelitatem damnatis, in crudelitatem ruitis*» [22] ; они посоветовали народу не упоминать о Десяти и подождать возвращения к власти, тогда легко можно будет удовлетворить их желание. Отсюда со всей очевидностью следует, сколь нелепо и неразумно просить о чем-то, говоря: «Мне это нужно, чтобы причинить такое-то зло»; вместо того, чтобы раскрывать свои намерения, нужно попытаться осуществить свое стремление любой ценой. И, спрашивая у кого-либо оружие, ни к чему добавлять: «Я хочу тебя убить». Когда ты получишь требуемое, тогда можешь удовлетворить свою прихоть.

Глава XLV

Дурной пример подает тот, кто не соблюдает принятый закон, особенно если он сам его издал; и, умножая всякий день число обид, правитель города наносит себе непоправимый вред

Когда восстановилось согласие и Рим вернулся к прежней форме правления, Виргиний призвал Аппия к защите от обвинений перед лицом народа. Тот пришел в сопровождении многих нобилей, и Виргиний приказал заключить его в тюрьму. Аппий стал кричать и взывать к народу, Виргиний же объявил, что нарушитель права апелляции недостойн позволения применять его и что обидчик народа не должен искать у него защиты. Аппий возражал, что не следует отнимать права обжалования, которого римляне так страстно добивались. Все же он был арестован и накануне суда покончил с собой. И хотя за свои нечестивые поступки этот человек заслуживал любой казни, неправильно было ради этого нарушать закон, да еще только что принятый. Не думаю, чтобы республиканская власть могла придумать что-нибудь худшее, чем издать закон и не выполнять его, тем более по вине самого его автора. В девяносто четвертом году государственные установления Флоренции были пересмотрены при участии брата Джироламо Савонаролы, сочинения которого свидетельствуют о присущих ему учености, благоразумии и добродетели; и наряду с прочими мерами, защищающими граждан, он настоял на принятии закона о праве обжалования перед народом приговоров по государственным преступлениям, выносимых комиссией Восьми и Синьорией, каковой закон он смог провести с превеликим трудом и только после долгих уговоров. Случилось так, что вскоре после утверждения закона Синьория приговорила к смерти за государственное преступление пятерых граждан, и когда они хотели обжаловать приговор, им было отказано в этом праве, так что закон не был соблюден. Это происшествие как никакое другое подорвало доверие к брату Савонароле, потому что,

если указанная апелляция имела смысл, он должен был допустить ее, если же она не имела смысла, ему следовало настоять на ее отклонении. Этот случай обратил на себя тем большее внимание, что в своих проповедях, читанных после нарушения закона, брат никогда не осуждал виновников этого, но и не извинял их, как бы не желая порицать их за то, что было ему выгодно, а оправдывать не имея возможности. Разоблачив таким образом свой властолюбивый и пристрастный нрав, он нанес ущерб своей репутации и вызвал дурные толки.

Государство совершает также большую ошибку, вседневно будоража умы своих граждан бесконечными обидами, наносимыми тому или другому из них, как это было в Риме после децемвирата. Все Десять мужей и многие другие римляне подверглись обвинениям и были осуждены в разное время; знать была объята страхом, и ей казалось, что приговорам не будет конца, пока все нобили не окажутся истребленными. Городу угрожали великие беспорядки, но тут вмешался трибун Марк Дуиллий, который издал приказ о запрещении вызывать в суд и обвинять римских граждан в течение года, и это успокоило нобилей. Отсюда видно, сколь вредно для республики или для государя держать в страхе и беспокойстве своих сограждан непрерывными обидами и наказаниями. Нет сомнения, что трудно найти что-либо пагубнее, ведь люди, подозревающие свою дурную участь, пытаются обезопасить себя с небывалой до того отвагой и готовностью искать перемен, поэтому не следует никого никогда обижать или уж наносить обиды разом, а затем успокоить людей и дать им возможность утихомирить разлад и сумятицу в душах.

Глава XLVI

Людское честолюбие не успокаивается на достигнутом; сперва мы стараемся защититься от обид, потом начинаем обижать других

Когда римский народ восстановил свою свободу и вернулся в прежнее состояние, к тому же еще укрепив свое могущество с помощью новых законов, по всем разумным меркам казалось, что Риму наконец следовало бы успокоиться. Но на деле вышло по-другому, ибо каждый день вспыхивали новые волнения и распри. Тит Ливий с глубоким пониманием изъясняет причины этих беспорядков, и поэтому мне кажется вполне уместным привести его высказывание о том, что надменность народа или знати возрастала по мере унижения одного из них; и когда плебс удовлетворился своим положением, знатная молодежь стала задевать его, а трибуны не могли тут ничего поделать, ибо и они подвергались насилию. Нобили же, хотя и видели, что их молодежь не знает меры в своей жестокости, предпочитали, чтобы крайности совершали свои, а не плебеи.

И так в своем желании отстоять свободу люди переставали кому-либо подчиняться и начинали притеснять других. Таков порядок вещей: если люди пытаются избавиться от страха, то наводят его на других, и когда желают отвести от себя несправедливость, совершают ее по отношению к другим; как будто бы необходимо либо обижать, либо быть обиженным. Отсюда виден наряду с другими один из способов погубить республику и один из путей, по которому людское честолюбие восходит от одной цели к другой, а также сколь справедливо Саллюстиево суждение, вложенное в уста Цезаря, что «*quod omnia mala exempla bonis initiis orta sunt*» [23] . Как уже говорилось выше, первая вещь, которой добиваются в республике граждане, лелеющие свое честолюбие, – это не терпеть обид не только от частных лиц, *etiam* [24] от чиновников; для этого они, дозволительными на первый взгляд средствами, обзаводятся друзьями, оказывая им денежную помощь или защищая от могущественных сограждан. Поскольку такие поступки выглядят добродетельными, все обманываются на их счет и не думают им противостоять. Не встречая препятствий, такой человек достигает положения, когда он внушает страх частным лицам и уважение – должностным. Если влияние этого гражданина не встречает противодействия и он восходит на указанную ступень, столкновение с ним становится чрезвычайно опасным по причинам, названным мною выше, в разделе о неудобствах, получивших уже некоторое распространение в городе. Тут остается либо попробовать избавиться от него, подвергаясь риску полного крушения, либо примириться с явной зависимостью, ожидая, что смерть или другой случай освободят тебя от него, потому что в таком положении, когда граждане и должностные лица не отваживаются задеть его или его друзей, ему не составит труда принудить их обижать других и выносить им приговоры в его интересах. Так что республика в своих установлениях должна предохранить себя от того, чтобы ее граждане под видом блага не замыслили чего-то другого, и предусмотреть, чтобы их авторитет служил на пользу, а не во вред свободе, что будет обсуждено нами в своем месте.

Глава XLVII

Хотя люди и обманываются в общих суждениях, о частностях они судят справедливо

Когда римский народ, как уже говорилось выше, был по горло сыт консульским званием и желал избирать на эти должности одних плебеев или умерить полномочия консулов, знать предпочла средний путь и, чтобы не допустить ни того ни другого, согласилась на избрание четырех трибунов с консульской властью, которыми могли стать как плебеи, так и

нобили. Плебс пошел на это, полагая, что покончит тем самым с консулами и получит эту высокую должность в свои руки. При этом произошел следующий примечательный случай: когда нужно было назначить новых трибунов и все они могли быть плебеями, римский народ выбрал на эти должности одних нобилей. По этому поводу Тит Ливий произносит такие слова: «*Quorum comitiorum eventus docuit, alios animos in contentione libertatis et honoris, alios secundum deposita certamina in incorrupto iudicio esse*» [25]. Задаваясь вопросом, почему так получилось, я полагаю, дело в том, что люди часто обманываются в общих суждениях, а в частных – не особенно. Римскому плебсу казалось, что он заслуживает консульства, потому что составляет в городе большинство, подвергается наибольшей опасности во время войн и вообще стоит на страже римского могущества и свободы. Поэтому указанное выше положение представлялось ему разумным, и плебеи любой ценой хотели добиться такой власти. Но когда пришел черед судить о своих выходцах по отдельности, они убедились в слабости последних и считали, что никто из них сам по себе не заслуживает того, чего заслуживают они все в совокупности. Поэтому, устыдившись сами себя, плебеи обратились к более достойным лицам. Тит Ливий выражает удивление перед таким решением в следующих словах: «*Hanc modestiam aequitatemque et altitudinem animi, ubi nunc in uno inveneris, quae tunc populi universi fuit?*» [26] В подтверждение тому можно привести еще один любопытный пример, показанный в Капуе, когда Ганнибал разбил римлян при Каннах. После этого поражения поднялась вся Италия, Капуя же была раздираема ненавистью между народом и Сенатом. Высшую государственную должность занимал в то время Пакувий Калан, который сознавал, в какой опасности находится город из-за беспорядков, и решил с помощью своего авторитета примирить плебеев со знатью. Замыслив это, он велел созвать Сенат и объявил ему, что ненависть, питаемая к нему народом, может привести к их гибели и сдаче города Ганнибалу, поскольку дела у римлян идут неважно. Затем он добавил, что если они пожелают доверить все ему, он сумеет объединить горожан, только для этого ему нужно будет закрыть сенаторов во дворце и спасти их, позволив народу назначить для них наказание. Сенаторы согласились с Пакувием, и он, заперев их во дворце, созвал народ на собрание. Здесь он объявил, что пришло время покончить с высокомерием знати и отплатить ей за прежние обиды, благо все нобили находятся в его руках; но так как он думал, что плебеи не захотят оставить город без управления, следовало назначить новых сенаторов, если старые будут перебиты. Для этого он сложил записки с именами всех сенаторов в сумку и собирался при всем

народе вынимать их; так можно было бы умерщвлять сенаторов по вынутым запискам, по мере того как им будут найдены преемники. Он вытащил одну записку, и при звуке прочитанного имени поднялся величайший шум и выкрики, обвинявшие этого сенатора в гордыне, жестокости и заносчивости; но когда Пакувий потребовал назначить ему замену и через некоторое время было названо имя одного из плебеев, то при этом послышались свистки, хохот и грубые насмешки в его адрес. Так продолжалось какое-то время, и все, чьи имена были оглашены, были сочтены недостойными сенаторского звания. Тогда Пакувий, воспользовавшись этим, сказал: «Раз вы считаете, что городу придется плохо без Сената, а найти замену старым сенаторам вы не можете, я полагаю, что было бы хорошо вам примириться с ними, потому что пережитый страх послужит им наукой, и вы можете рассчитывать на снисхождение, которого ожидали от других». Все согласились с этим, и таким образом было найдено примирение; когда дело дошло до частных, стала понятной ошибка, в которую впали плебеи. Во многих случаях народы обманываются в своих общих суждениях о вещах и об их внешних проявлениях; когда же доходит до более близкого знакомства с ними, обман рассеивается.

После тысяча четыреста девяносто четвертого года, когда городские правители были изгнаны из Флоренции, здесь царила не столько организованная власть, сколько некая честолюбивая распущенность. Положение в городе становилось все хуже, и многие популяры, предвидя его крах и не замечая других причин, обвиняли некоторых могущественных лиц в том, что они из честолюбия устраивают беспорядки, чтобы распорядиться государством по своему усмотрению и отнять у народа свободу. Названные популяры ораторствовали на площадях и в лоджиях и, хуля некоторых горожан, угрожали им, что, попав в члены Синьории, они раскроют их обман и накажут их. Случалось так, что иные из них действительно вступали в эту высшую должность, но, заняв ее и познакомившись с положением дел вблизи, они начинали понимать, отчего происходят беспорядки, и сознавать опасность и трудности, мешавшие их устранить. Уяснив, что причины неустроенности коренятся в обстоятельствах времени, а не в людях, эти ораторы меняли свой настрой и свои намерения, потому что знание подробностей снимало с их глаз пелену, застилавшую их во время общих рассуждений. Но те, кто слышал этих людей, когда они были частными лицами, и замечал, что, заняв должность, они успокоились, приписывали это не лучшему пониманию вещей, а подкупу и обману со стороны грандов. И так как это происходило много

раз со многими людьми, возникла даже поговорка, которая гласила: одна душа у них на площади, другая – во дворце. Подводя итог всему вышесказанному, мы видим, что можно легко открыть глаза народу, который обманывается в своем общем суждении, найдя способ заставить его обратиться к частным вопросам; как и поступил Пакувий в Капуе и Сенат в Риме. Я думаю также, что можно заключить следующее: разумный человек никогда не должен пренебрегать народным мнением о частных делах, например, о распределении должностей и званий, ибо только в этом народ не обманывается, а если и ошибается иной раз, то гораздо реже, чем будет ошибаться кучка людей, если ей доверить такие награждения. Мне кажется нелишним сказать в следующей главе, каким образом Сенат обманывал народ при распределении должностей.

Глава XLVIII

Кто не хочет, чтобы какая-либо должность досталась ничтожеству или негодяю, пусть выставляет на нее либо слишком ничтожного и слишком негодного, либо явно благородного и достойного человека

Когда Сенат опасался, чтобы трибуны с консульской властью не были из плебеев, он избирал один из двух способов: либо на эти должности выставляли кандидатуры самых уважаемых в Риме людей, либо сенаторы соответствующим образом подговаривали каких-нибудь ничтожных плебеев самого низкого пошиба, чтобы они испрашивали эти должности вперемешку с другими, более порядочными плебеями, которые на них претендовали. В этом последнем случае плебеям было стыдно избирать своих сотоварищей; первым же они стыдились отказать в должности. Все это лишь подтверждает наши предшествующие рассуждения, в которых показано, что если народ обманывается в общих суждениях, то не ошибается в частных.

Глава XLIX

Если города, изначально получившие вольное устройство, наподобие Рима, с трудом вырабатывают поддерживающие его законы, то городам, основанным в рабстве, это почти недоступно

Насколько сложно при устройстве республики предусмотреть все решения, которые смогут сохранить ее вольность, хорошо видно на примере Римской республики; несмотря на законы, принятые сначала Ромулом, затем Нумой, Туллом Гостилием и Сервием и, наконец, десятью гражданами, назначенными специально для этой цели, в ходе управления городом вскрывались все новые и новые нужды, требовавшие все новых установлений, как это произошло при утверждении должности цензоров, что было одной из мер поддержания свободы в Риме во времена его

вольности. Суду цензоров подлежали римские нравы, и это было одной из главных причин, замедливших разложение среди римлян. Правда, поначалу при утверждении цензорской должности была допущена ошибка, потому что предусматривалось отправление ее в течение пяти лет, но вскоре этот промах был исправлен благодаря разумным методам диктатора Мамерка, который своим новым законом сократил пребывание в указанной должности до восемнадцати месяцев. Но тогдашние цензоры так были этим недовольны, что удалили Мамерка из Сената, к негодованию как плебса, так и отцов-сенаторов. Не сохранилось никаких известий относительно того, мог ли Мамерк защищаться, что свидетельствует либо о пробелах в исторической записи, либо о недостатках римского устройства, потому что нельзя считать правильно устроенной республику, в которой можно безнаказанно обидеть гражданина за принятый им закон, не нарушающий свободы.

Возвращаясь к началу нашего рассуждения, я хочу заметить по поводу учреждения этой новой должности, что если города, изначально свободные и имеющие самоуправление, как Рим, с великим трудом вырабатывают законы для поддержания свободы, то неудивительно, что города, основанные в рабстве, не только с трудом, но и вообще не могут построить свою жизнь на гражданских и мирных началах. Так оно было и во Флоренции, которая первоначально находилась под римской властью и, подчиняясь постоянно другим, пребывала некоторое время в ничтожестве и не заботилась о собственной участи; воспользовавшись передышкой, она занялась своим устройством, но в сочетании с прежними, негодными порядками оно не могло быть удачным; так продолжалось на протяжении двухсот лет, о которых можно судить с достоверностью, и ни разу в городе не было правления, которое можно было бы назвать подлинно республиканским. Но подобные трудности испытывали все города, основанные подобно Флоренции. И хотя многократно после свободного волеизъявления граждан небольшое их количество бывало наделено полной властью для проведения преобразований, все их усилия клонились не к общей пользе, а к выгоде собственной партии, и это не столько вносило порядок, сколько увеличивало разброд в городе. Чтобы пояснить это на примере, скажу, что об основателе республики можно судить, наряду с прочим, исходя из того, кому доверяет он выносить смертные приговоры против своих сограждан. В Риме это было хорошо устроено, потому что там было заведено обращаться с обжалованием приговоров к народу, в тех чрезвычайных случаях, когда такая задержка с исполнением приговора представляла опасность, использовались полномочия диктатора, который

отдавал приказ о немедленной казни, но к этому средству прибегали только при крайней необходимости. Во Флоренции же и в других городах, подобно ей родившихся в рабстве, эти обязанности поручались чужеземцу, который действовал по велению государя. Получив свободу, эти города сохраняли такой пост за чужеземцем, которого называли капитаном; тут таилась большая опасность, потому что влиятельные граждане легко могли его подкупить. В дальнейшем этот порядок менялся с изменением режима, и на место вышеупомянутого капитана были назначены Восемь граждан. При этом положение из плохого стало еще худшим по причинам, о которых было говорено выше: что немногие всегда служат немногим, и притом самым могущественным. Венеция обезопасила себя от этого; она располагает Десятью гражданами, которые могут наказать любого из ее подданных, не дожидаясь обжалования. Но поскольку они могли бы и не справиться с влиятельными гражданами, даже располагая полномочиями для этого, был учрежден Совет Сорока; кроме того, право наказания получил также Совет приглашенных, который является Большим советом; таким образом, раз есть обвинитель, не станет и дело за судьей, дабы держать могущественных лиц в узде. Итак, если в Риме, получившем свое независимое устройство от стольких благоразумных людей, всякий день возникал новый повод издавать все новые распоряжения в пользу гражданской свободы, то неудивительно, что и другие города, с самого начала не столь благополучные, постоянно сталкиваются с трудностями, которые мешают привести их в порядок.

Глава L

Течение городских дел никогда не должно прерываться по воле отдельных советов или должностных лиц

Когда консулами в Риме были Тит Квинций Цинциннат и Гней Юлий Мент, их разногласия приостановили обычный ход всех дел республики. Видя это, Сенат уговаривал их избрать диктатора, дабы исполнить то, исполнению чего мешала их ссора. Но консулы, расходясь во всем остальном, были согласны лишь в своем нежелании назначить диктатора. Тогда Сенат, не имея другого выхода, прибег к помощи трибунов, которые вместе с ним заставили консулов подчиниться. Во-первых, следует отметить полезность трибуната, умерявшего не только те честолюбивые устремления влиятельных лиц, которые были направлены против плебса, но и те, что они питали в своей среде; во-вторых, город никогда не должен допускать, чтобы немногие лица затягивали принятие решений, необходимых для поддержания жизни республики. Скажем, если ты даешь какому-либо Совету право распределять доходы и почести либо какому-то

должностному лицу поручаешь некое дело, нужно заставить их выполнять назначенное при всех обстоятельствах, а если они не захотят этого, принудить передать свои права кому-либо другому, в противном случае такой порядок будет негодным и пагубным, как было бы и в Риме, если бы упорству консулов не противостояла власть трибунов. Большой Совет Венецианской республики распределяет почести и доходы; иногда случалось так, что совокупность его членов, побуждаемая гневом или какими-то ложными доводами, отказывалась назначить преемников должностным лицам в городе и во всех тех местах вне его, где они исполняли его власть. Это составляло величайшее неудобство, потому что и сам город, и подчиненные ему земли в один миг лишались законных судей. И пока члены Совета не успокаивались или кто-нибудь их не разубеждал, все дела останавливались. Такое неустройство привело бы к плохим последствиям, если бы разумные граждане не приняли нужных мер; воспользовавшись удобным случаем, они издали закон, что все должностные лица, как внутри, так и вне города, не могут покидать свой пост, пока им на смену не будут избраны другие. Так Совет лишился возможности прерывать течение гражданской жизни и тем самым создавать угрозу для республики.

Глава LI

Республика или государь должны выдавать свои вынужденные уступки за щедрость

Благоразумные люди выставляют все свои дела и поступки как собственную заслугу, хотя бы и были понуждаемы исполнить их в любом случае. Такое похвальное благоразумие проявил римский Сенат, когда он решил выдавать общественное жалованье воинам, до того сражавшимся за собственный счет. Сенат убедился, что таким способом невозможно вести долговременную войну, при которой требуется осаждать города и посылать войско в дальние походы; считая необходимым и то и другое, он решил выдавать названные деньги, но это решение, порожденное необходимостью, было представлено как милость. У плебеев оно вызвало такую радость, что Рим ходил ходуном, ибо им казалось, что они получили большой подарок, которого не ожидали и о котором сами никогда бы не попросили. И хотя трибуны старались очернить решение Сената, доказывая, что оно ухудшало, а не облегчало положение плебса, ибо для выплаты жалованья надо было ввести новые налоги, однако им не удалось переубедить плебеев, удовлетворение которых поддерживал способ распределения налогов, принятый Сенатом: самые большие и тяжелые из них были наложены на знать, и они были выплачены в первую очередь.

Глава LII

Самый надежный и безопасный для сильной республики способ справиться с выскочкой, рвущимся к власти, – это перекрыть пути, которые он для этого избрал

Из вышеприведенных рассуждений видно, какое доверие приобрела знать у плебса благодаря предоставленной ему милости как в отношении установленного жалованья, так и способа обложения налогом. Если бы нобили продолжали придерживаться такого образа действий, с беспорядками в городе было бы покончено, и трибуны лишились бы своего влияния на плебеев, а следовательно, и своей власти. И поистине, для республики, тем более развращенной, не существует лучшего способа, более мирного и простого, противостоять честолюбию кого-либо из граждан, чем перекрыть перед ним те пути, по которым он, как можно предвидеть, движется к своей цели.

Если бы этот способ был применен к Козимо Медичи, его противники поступили бы гораздо умней, нежели изгоняя его из Флоренции, ведь, переняв его манеру расточать народу милости, соперники выбили бы у него из рук без шума и насилия самое главное его оружие. Пьеро Содерини приобрел свой авторитет во Флоренции единственно тем, что заигрывал с народной массой; это создавало у людей впечатление, что он защитит городскую свободу. И поистине, граждане, завидовавшие его величию, перейдя ему дорогу, поступили бы гораздо правильнее и достойнее, с меньшими опасностями и ущербом для республики, чем вступая в прямое противоборство, которое, губя его, вело к гибели всей республики. Лишив его того оружия, которым он побивал всех (а это им нетрудно было сделать), они могли бы противостоять ему во всех советах и при решении общественных дел в открытую и без всякой опаски. Если кто-нибудь возразит, что, хотя ненавистники Пьеро в самом деле напрасно не лишили его того средства, благодаря которому он приобретал народное доверие, но и Пьеро, в свою очередь, допустил ошибку, не вступив на тот путь, который делал грозным его противника, – то здесь Пьеро заслуживает оправдания, как потому, что ему это было трудно сделать, так и потому, что он не мог вступить на путь, избранный его противниками, то есть на путь поддержки семейства Медичи, не теряя при этом достоинства; пользуясь указанной поддержкой, противники подтачивали его власть, а затем и погубили его. По совести Пьеро не мог на это пойти, потому что тем самым изменил бы делу свободы, защитником которой он считался; кроме того, не имея возможности завязать дружбу с Медичи тайком и в одночасье, Пьеро подвергнулся большой опасности, ибо, выказав себя сторонником Медичи,

он вызвал бы у народа подозрение и ненависть, и тогда его врагам было бы гораздо удобнее расправиться с ним, чем до этого.

Поэтому людям при любом решении нужно рассматривать недостатки и опасности, которые оно таит, и не принимать его, если оно сулит больше риска, чем пользы, невзирая на мнения, существующие в пользу такого решения. В противном случае они могут попасть в положение Туллия, который, желая подорвать репутацию Марка Антония, только возвысил ее. Марк Антоний, считавшийся противником Сената, собрал большое войско, состоявшее в значительной части из солдат, сражавшихся вместе с Цезарем, и Туллий, чтобы отнять у него этих солдат, убедил Сенат наделить полномочиями Октавиана и послать его против Марка Антония вместе с консулами Гирцием и Пансой; по мнению Туллия, услышав, что Октавиан – племянник Цезаря и пользуется его именем, солдаты присоединились бы к нему и Октавиану и покинули Марка Антония; лишившись их поддержки, последний легко мог быть уничтожен. Но вышло все наоборот: Марк Антоний сговорился с Октавианом, который бросил Туллия и Сенат и перешел на его сторону. Это событие и привело к поражению всей партии оптиматов. Предусмотреть же его было нетрудно; не следовало доверять доводам Туллия и забывать о том, что имя, на которое он рассчитывал, принадлежало человеку, рассеявшему с великой славой своих врагов и обретшему власть над Римом; и не надо было ожидать от его наследников или от его соратников поступков, совместимых с понятием свободы.

Глава LIII

Народ часто идет навстречу своей гибели, обманутый ложной видимостью блага; он легко поддается на заманчивые призывы и великие обещания

После завоевания города вейентов в римском народе распространилось мнение, что для Рима было бы полезно, чтобы половина его жителей переселилась в Вейи. В пользу этого говорили, что названный город располагает богатой округой, многочисленными зданиями, расположенными недалеко от Рима, поэтому половина римлян может обогатиться, не мешая, благодаря близкому расстоянию, течению всех гражданских дел. Эта идея казалась Сенату и наиболее мудрым римлянам столь бессмысленной и вредной, что они заявляли о своей готовности скорее умереть, чем согласиться с таким решением. И когда происходило его обсуждение, плебс так разгневался на Сенат, что дело могло дойти до вооруженного столкновения, если бы сенаторы не прикрылись несколькими пожилыми и уважаемыми гражданами, почтение к которым остановило плебеев, и они не дерзнули дальше навязывать свое требование.

Здесь следует отметить две вещи. Во-первых, народ, обманутый ложным подобием блага, часто стремится к собственной гибели, и если кто-нибудь, к кому он питает доверие, не объяснит ему, в чем состоит зло и в чем заключается истинное благо, то республика подвергается бесчисленным бедам и опасностям. Если же, волею судеб, народ никому не доверяет, как иногда случается, когда до этого он бывал обманут людьми или самим ходом вещей, – то крах неизбежен. Данте говорит по этому поводу в своем рассуждении «О монархии», что часто народ восклицает: «Да здравствует наша смерть!» и «Долой нашу жизнь!» Подобная недоверчивость приводит к тому, что республики иной раз отказываются от выгодных решений; выше уже говорилось о венецианцах, которые не могли решиться привлечь на свою сторону кого-либо из осадивших их врагов, уступив им ту часть территорий, на которую притязали другие (из-за чего и составил сговор государей против Венеции и началась война), пока дело не закончилось их разгромом.

Таким образом, рассматривая вопрос, в чем легко и в чем трудно убедить свой народ, можно провести следующее различие: сулит ли твое предложение на первый взгляд прибыль или потерю, а также отважным или малодушным выглядит такое решение. И если народу указывают на прибыль, хотя за этим скрывается утрата, либо призывают к его отваге, хотя бы она была на гибель республике, толпа всегда поддастся на уговоры; точно так же ее всегда трудно склонить к решениям, по видимости невыгодным или малодушным, хотя бы на деле они вели к спасению и приросту. Сказанное мною можно подтвердить бесчисленным количеством примеров как из римской, так и из внешней истории, древней и современной. Именно так в Риме родилось дурное мнение о Фабии Максиме, который безуспешно пытался убедить римский народ, что для блага республики не следует спешить в войне с Ганнибалом и вступать с ним в бой; народ считал это трусостью и не замечал полезности, скрытой в уговорах Фабия, у которого не было достаточных доводов, чтобы подкрепить их; воинственные призывы так ослепляют народы, что, хотя римляне допустили явную ошибку, разрешив начальнику конницы Фабия завязать бой вопреки воле последнего, из-за чего римский лагерь мог быть уничтожен, если бы этому вновь не помешал своим благоразумием Фабий, – они этим не удовлетвоались и избрали затем консулом Варрона, единственной заслугой которого были провозглашаемые по всем улицам и площадям Рима обещания разбить Ганнибала, как только он получит полномочия. Из этого вышли битва и поражение при Каннах, чуть не погубившие Рим. Я хочу привести по этому поводу еще один пример из

римской истории. Ганнибал пробыл в Италии восемь или десять лет и залил кровью римлян всю страну, когда в Сенат явился Марк Центенний Пенула, человек без роду и племени, хотя и достигший некоего воинского звания, и предложил очень быстро покончить с Ганнибалом или взять его в плен, если он только получит право набирать добровольцев по всей Италии. Сенат посчитал эту просьбу безрассудной, но, полагая, что отказ, если известие о нем распространится в народе, вызовет беспорядки, подозрения и недовольство в отношении сенаторского сословия, дал свое согласие, поскольку опасность, которой могли подвергнуться участники подобного предприятия, казалась меньшей бедой, чем новый взрыв народного негодования; ведь упомянутая идея пришла бы всем по сердцу, и развенчать ее было бы не просто. Итак, беспорядочная и разрозненная толпа во главе со своим вождем отправилась к Ганнибалу и при первом же столкновении была полностью перебита.

В Афинской республике, в Греции, благоразумный Никий, человек взвешенных суждений, никак не мог доказать народу, что на Сицилию не следует нападать, и когда, вопреки мнению мудрых, поход состоялся, он повлек за собой крушение Афин. Когда Сципион сделался консулом и обещал уничтожить Карфаген, а Сенат под влиянием Фабия Максима не захотел дать ему в управление провинцию Африку, Сципион угрожал обратиться к народу, потому что знал, насколько прельщает людей подобное предложение.

По этому поводу можно привести в пример и наш город, когда мессер Эрколе Бентивольо, командующий флорентийским войском, вместе с Антонио Джакомини разгромил Бартоломео д'Альвиано у Сан Винченти, после чего они решили напасть на Пизу с благословения народа, польстившегося на щедрые обещания мессера Эрколе, хотя многие мудрые граждане были против. Однако они не могли противостоять всеобщему порыву, вызванному хвастливыми обещаниями командующего. Итак, я считаю, что самый простой путь погубить республику, где народ допущен к власти, – это втянуть ее в рискованные предприятия, ибо там, где весомо слово народа, они всегда будут одобрены с готовностью, а противоположные мнения выслушаны не будут. Но если такие предприятия ведут к падению городов, то еще чаще приводят они к крушению карьеры граждан, их возглавляющих, ибо если народ, ожидающий победы, узнает о поражении, то он ищет причину не в бессилии или неудачливости военачальника, а в его злонамеренности или бездарности, и чаще всего дело кончается его убийством, заточением или изгнанием; так поступали со множеством карфагенских и афинских полководцев. Прежние их победы

при этом не помогают, потому что память о них стирает теперешнее поражение, как и произошло с нашим Антонио Джакомини, который, обманув ожидания народа и не взяв Пизу, вызвал такое народное недовольство, что, невзирая на все его былые достижения, остался в живых только благодаря снисхождению лиц, стоявших у власти, ибо у народа не осталось никакого сочувствия.

Глава LIV

Сколь весомо слово почтенного мужа для умирения возбужденной толпы

Второе примечание к тексту, изложенному в предыдущей главе, состоит в том, что наилучшее средство, дабы утихомирить разъяренную толпу, – это воздействие на нее какого-либо влиятельного и уважаемого человека; не случайно Вергилий говорит: «*Tum pietate gravem ac meritis si forte virum quem conspexere, silent, arrectisque auribus adstant*» [27] .

Поэтому начальствующий над каким-либо войском или в каком-либо городе, где возникают беспорядки, должен выказать перед народом как можно больше снисхождения и достоинства, окружив себя всеми знаками своего высокого звания, внушающими уважение. Несколько лет тому назад Флоренция разделилась на два лагеря, Монашествующих и Озлобленных; дело дошло до вооруженного столкновения, и в нем потерпела поражение первая из партий, к которой принадлежал Паолоантонио Содерини, который в те времена пользовался большим уважением в городе. Во время волнений вооруженные люди ворвались в его дом с целью грабежа, а там случайно находился брат хозяина, в ту пору епископ Вольтерры, а ныне кардинал мессер Франческо. Услышав шум и увидев толпу, он надел самую богатую одежду, поверх облачился в епископские ризы, вышел навстречу нападающим и остановил их своим видом, а также речами; разговор об этом событии долгое время не прекращался в городе. Итак, я заключаю, что нет ничего более надежного и полезного для умирения возбужденной толпы, чем появление человека, который выглядит и держится с достоинством. Из вышеприведенного места видно, с каким упорством римский плебс настаивал на принятии решения о походе в Вейи, ибо считал его выгодным и не видел скрытого за ним вреда, и вызванные этим беспорядки вылились бы в великую смуту, если бы Сенат с помощью уважаемых и имеющих вес людей не укротил это неистовство.

Глава LV

Сколь просто вести дела в городе с неиспорченными нравами; там, где царит равенство, нельзя установить единоличное правление, а где его нет – республиканское

Хотя выше уже достаточно говорилось о том, чего следует опасаться в развращенных городах, мне кажется все же нелишним рассмотреть одно решение Сената относительно обета, данного Камиллом, согласно которому десятая часть добычи, захваченной в Вейях, предназначалась Аполлону. Однако эти трофеи оказались в руках плебеев, и, не имея возможности собрать и оценить их, Сенат издал указ, чтобы каждый предоставил на общественные нужды десятую часть захваченной добычи. И хотя это решение не было исполнено, потому что Сенат изменил свое намерение и другим способом удовлетворил Аполлона, на радость плебеев, тем не менее оно говорит о том, насколько Сенат верил в их добрые качества и был убежден, что никто не уклонится от выплаты, предписанной ему указом. В то же время мы видим, что плебеи не подумали обойти указ, заплатив меньше положенного, но предпочли открыто выразить свое недовольство. Этот пример, как и многие из вышеприведенных, показывает, сколь честным и набожным был народ и сколько добра можно было ожидать от него. И поистине, ничего хорошего нельзя ожидать там, где такая добропорядочность отсутствует, в том числе в развращенных на сегодняшний день странах, прежде всего и меньше всего в Италии, а также во Франции и Испании, на которые отчасти распространяется названная испорченность. А если в этих странах не заметно таких беспорядков, которые в Италии стали повседневностью, то это вызвано не столько добропорядочностью народов, которой чаще всего и в помине нет, но наличием короля, поддерживающего их единство не только собственными усилиями, но и с помощью существующих в этих королевствах порядков, еще не утративших свое действие. В Германии хорошо заметно, как набожность и неиспорченность ее народов ведут к тому, что там много свободных республик, строго охраняющих свои законы, так что никто ни изнутри, ни снаружи не дерзает на них посягать. И чтобы доказать, что они в значительной мере сохранили старинную добродетель, я хочу привести пример, подобный указанному случаю с Сенатом и римским плебсом. Названные республики, когда им надо израсходовать на общественные нужды какую-то сумму денег, имеют обыкновение через соответствующих должностных лиц или через свои советы облагать всех жителей города налогом на имущество в размере одного или двух процентов. Если подобное решение принято, то, «согласно тамошним порядкам», каждый человек предстает перед сборщиком налога и, поклявшись выплатить требуемую сумму, опускает в стоящий для этой цели сундук столько, сколько ему подсказывает совесть, и никто другой в этом деле не участвует. Отсюда можно вообразить, сколько благочестия и благонравия сохранилось

в этих людях. При этом надо полагать, что всякий платит, сколько с него спрашивают, потому что в противном случае налог не принес бы тех денег, которые по старинному обычаю думали собрать; тогда обман раскрылся бы и прежний способ пришлось бы отменить. Такое добронравие тем более удивительно в наше время, что встречается оно чрезвычайно редко, собственно говоря, только в этой стране.

Происходит это от двух причин: первая состоит в том, что упомянутые народы мало сносились со своими соседями – те их не посещали, и сами они не стремились на чужбину, довольствуясь тем добром, питаясь той пищей и надевая ту одежду, которые приняты у них на родине. Это устранило надобность в каких бы то ни было сообщениях и преградило путь всякой испорченности, ибо им не пришлось перенимать нравы французов, испанцев или итальянцев – народов, которые развратили весь мир. Вторая причина заключается в том, что республики, сохранившие незабываемые гражданские устои, не позволяют своим подданным вести образ жизни на манер дворян, а, напротив, поддерживают между ними равенство и враждуют с дворянами и господами, живущими рядом с ними; и если кто-то из последних попадает к ним в руки, они истребляют их как разносчиков испорченности и возмутителей спокойствия. Чтобы объяснить, что означает слово «дворянство», скажу, что дворянами называют бездельников, живущих обильными доходами и нисколько не заботящихся ни о возделывании земли, ни о каких-либо других насущных занятиях. Присутствие их губительно во всякой республике и во всякой стране, но опаснее всего те из них, кто, помимо имений, распоряжается собственными замками и подданными, которые им подчиняются. Последние два типа людей запленили королевство Неаполитанское, Рим, Романью и Ломбардию. Вот почему в этих провинциях никогда не бывало республик и вообще никакой политической жизни, ведь такого рода люди враждебны всякой гражданственности. В подобной провинции при всем желании невозможно ввести республику, и если бы кому-то довелось переустроить ее по своему усмотрению, он был бы вынужден создать там королевство. Причина в том, что если законов недостаточно, чтоб остановить разложение материи, наряду с ними следует применить и высшую силу, каковой является королевская десница, своей неограниченной и чрезвычайной мощью обуздывающая чрезмерное честолюбие и испорченность влиятельных лиц. Эти соображения подтверждаются примером Тосканы, где на маленьком клочке земли издавна существовали три республики: Флоренция, Сиена и Лукка. Прочие же города этой провинции хотя и находятся в подчинении, но по их духу и по их порядкам

видно, что они хотели бы сохранить или сохраняют свою свободу. Все дело в том, что в этой провинции не было владельцев замков и вовсе не было или было очень мало дворян и всегда присутствовало равенство, так что человек разумный и сведущий в старинной государственности легко установил бы здесь гражданский образ жизни. Но к великому несчастью этих мест, до сих пор не отыскался тот, кто смог бы или знал, как это сделать.

Из этого рассуждения следует такой вывод: у того, кто захочет основать республику там, где много дворян, ничего не выйдет, пока он их всех не уничтожит; а у того, кто хочет основать королевство или принципат там, где преобладает равенство, ничего не получится, пока он не выберет среди граждан людей беспокойных и честолюбивых и не сделает из них дворян, только не по званию, а на деле, раздав им замки и усадьбы и снабдив их имениями и людьми. Тогда, окружив себя ими, он сохранит с помощью этих дворян свое могущество, а они с помощью государя удовлетворят свое честолюбие; прочим же останется сносить то иго, которое только насилие и ничто другое не может заставить снести. Но если при этом соблюдать меру между теми, кто применяет насилие, и теми, кто его терпит, то каждый человек примирится с отведенным ему положением. Однако, поскольку сделать из страны, пригодной для устройства королевства, республику, а из той, что пригодна для основания республики, – королевство, под силу только людям редкого ума и влияния, то из многих желавших этого мало кому удалось добиться цели. Ведь величие подобной задачи так устрашает людей и создает для них столько преград, что они опускают руки в самом начале.

Думаю, мое мнение о том, что там, где есть дворяне, нельзя устроить республику, кажется противоречащим опыту Венецианской республики, в которой все государственные должности отведены только дворянам. На это можно ответить, что в названном примере нет никакого противоречия, ибо дворяне этой республики являются таковыми больше по званию, чем на деле; от своих имений у них нет больших доходов, а богатства их основаны на торговле движимым имуществом. Кроме того, у них нет замков и прав распоряжаться собственными подданными; дворянское звание для них является лишь почетным и уважаемым титулом и ничего не говорит о тех вещах, благодаря которым в других местах дворянство выделяется из всех. В Венеции, как и во всех республиках, где сословия различаются по названиям, население делится на дворян и народ; здесь принято, что дворянам принадлежат или могут принадлежать все почетные должности, прочие же этого вовсе лишены. Но от этого не происходит беспорядков в

городе по причинам, которые уже указывались выше. Итак, пусть основатель республики создает ее там, где существует или вводится преобладающее равенство, и, напротив, пусть устанавливает принципат там, где царит неравенство, иначе в устраиваемом государстве не будет соблюдена мера и проживет оно недолго.

Глава LVI

Перед наступлением в каком-либо городе или стране великих событий появляются знамения, свидетельствующие о них, или люди, их предсказывающие

Отчего это происходит, я не знаю, но древние и современные примеры говорят о том, что все важные происшествия, случившиеся в разных городах и странах, бывали предсказаны гадателями либо предварялись откровениями и чудесами или другими небесными знамениями. Не надо далеко ходить за доказательствами, ибо всякий знает, что приход короля Карла VIII из Франции в Италию был предсказан братом Джироламо Савонаролой, а кроме этого, говорили, что по всей Тоскане можно было видеть и слышать, как над Ареццо схватились небесные воинства. Всякому известно, далее, что перед смертью Лоренцо Медичи Старшего Флорентийский собор был пронзен в своей верхней части ударом молнии, как стрелой, и при этом здание потерпело большой ущерб. Общеизвестно также, что незадолго до того, как Пьеро Содерини, которого флорентийский народ избрал пожизненным гонфалоньером, был лишен своего звания и изгнан, небесный Перун сходным образом ударил в Палаццо Веккьо. Можно было бы приводить и другие примеры, которые я опущу, чтобы не наскучить. Сошлюсь только на рассказ Тита Ливия о том, что перед нашествием французов на Рим некий плебей Марк Цедиций сообщил Сенату, как в полночь, проходя по Новой улице, он услышал сверхчеловеческий голос, призвавший его предупредить должностных лиц о грядущем пришествии французов. Причину таких явлений, я полагаю, должен обсуждать и разьяснять человек, знающий толк как в вещах естественных, так и в вещах сверхъестественных, чего нам не дано. Но может быть, дело в том, что поскольку воздух, как утверждают некие философы, наполнен небесными умами, которые в силу своих природных качеств предвидят будущие события, то они, относясь к людям со снисхождением, предупреждают их подобными знаками, чтобы те могли подготовиться к защите. Как бы то ни было, все это истинная правда, и такие происшествия всегда свидетельствуют о приближении новых событий и потрясений для государства.

Глава LVII

В совокупности плебеи храбры, в отдельности они слабы

Когда вследствие нашествия французов Рим был разрушен, многие его жители переселились в Вейи, вопреки городским постановлениям и приказам Сената, который, чтобы покончить с этим беспорядком, в своих публичных указах призвал всех вернуться в Рим в течение определенного времени и под угрозой известного наказания. Те, кого касались эти приказы, сначала высмеивали их, но потом, когда пришло время выполнять, все подчинились. Ливий говорит по этому поводу следующее: «*Ex ferocibus universis singuli metu suo obedientes fuere*» [28] . И поистине, нигде так хорошо не видна природа поведения толпы, как в этом тексте. Ведь люди толпы храбры в речах, осуждающих решения их государя, но перед лицом предстоящего наказания они не доверяют друг другу и спешат подчиниться.

Можно быть уверенным, что на одобрительные или неодобрительные разговоры в народе можно не обращать большого внимания, когда у тебя есть силы поддержать его в случае благосклонности и защититься от него при неблагосклонности; здесь не идет речь о том народном недовольстве, которое вызвано утратой свободы или государя, пользовавшегося любовью и еще здравствующего, потому что такое недовольство чрезвычайно опасно и, чтобы сдержать его, требуются огромные средства; но в других случаях нерасположение народа не страшно, если его некому возглавить. Ибо, с одной стороны, нет ничего ужаснее, чем разнузданная и неуправляемая толпа, а с другой стороны, нет ничего слабее ее, ведь, несмотря на поднятое ею оружие, с ней легко справиться, лишь бы ты сумел укрыться от первого натиска, потому что, когда горячие головы немного поостынут и каждый задумается о том, что нужно возвращаться домой, они станут опасаться за собственную участь и искать спасения в бегстве или примирении. И если такая возбужденная толпа желает избежать опасности, ей надо будет избрать из своей среды вождя, чтобы он руководил ею, поддерживал единство и позаботился о защите, как и поступил римский плебс, когда после смерти Виргинии ушел из Рима и для спасения были избраны двадцать трибунов; в противном случае всегда будет получаться так, как в вышеприведенных словах Тита Ливия, что все вместе плебеи отважны, а когда каждый начинает думать о собственном спасении, становятся слабыми и трусливыми.

Глава LVIII

Масса мудрее и постояннее, чем государь

Ничто на свете, как утверждают Тит Ливий и все прочие историки, не сравнится в суетности и непостоянстве с людской толпой. Повествуя о

делах, часто приходится видеть, как толпа обрекает кого-либо на смерть, а потом оплакивает, сожалея о постигшей покойного участи; так поступил римский народ с Манлием Капитолином. Он осудил его на смерть, а потом скорбел об этой утрате. Слова автора таковы: «Populum brevi, posteaquam ab eo periculum nullum erat, desiderium eius tenuit» [29] . А в другом месте, рассказывая о событиях в Сиракузах после смерти Гиеронима, племянника Гиерона, он говорит: «Haec natura multitudinis est: aut humiliter servit, aut superbe dominatur» [30] . Не знаю, не взвалю ли я на себя, выступая в защиту предмета, опороченного всеми писателями, такую сложную и неподъемную задачу, что мне придется либо с позором отказаться от нее, либо пострадать за свое упорство. Во всяком случае, я не считаю и никогда не буду считать прегрешением защиту любого мнения с помощью разумных доводов, не прибегая к власти или силе. Итак, я скажу, что изъян, в котором писатели обвиняют массы, можно приписать всем людям по отдельности, а в особенности государю, ибо всякий человек, не следующий законам, натворит столько же ошибок, сколько неуправляемая толпа. В этом можно легко убедиться, потому что существовало и существует много государей, а мудрых и добронравных среди них можно по пальцам пересчитать; я говорю о тех властителях, которые смогли сорвать с себя сдерживающую их узду; к ним нельзя причислять царей, живших в Египте, когда эта страна в своей древнейшей древности была управляема по законам, а также спартанских царей и нынешних королей Франции: эта страна подчиняется законам больше всех известных в наше время монархий. Названные короли, восходящие на престол согласно определенным установлениям, не могут служить примером там, где следует рассматривать природу отдельного человека и судить о том, подобна ли она природе толпы, потому что в их случае для сравнения нужно взять народную массу, подчиняющуюся законам так же, как и они. Тогда она не уступит им своим добронравием, и мы не увидим в ней ни спесивого властолюбия, ни рабской покорности; таков был римский народ, который, пока республики не коснулось разложение, никогда не был ни смиренным рабом, ни чванливым господином, а, напротив, с достоинством нес свое звание, подчиняясь собственным постановлениям и должностным лицам. А когда надо было восстать против кого-либо из сильных мира, за ним задержки не было, как вышло с Манлием, с Десятью и другими, кто пытался навязать свой гнет; когда же для спасения государства следовало подчиниться диктатору и консулу, народ подчинялся. И если римляне сожалели о смерти Капитолина, то в этом нет ничего удивительного – они сожалели о его достоинствах, которые были таковы, что память о них

нашла бы сочувствие у кого угодно, в том числе и у какого-нибудь государя, ибо писатели в один голос говорят, что доблесть вызывает похвалу и восхищение даже у врагов. Но если бы Манлий среди всех этих причитаний воскрес, римский народ вынес бы о нем такое же суждение, как и раньше, когда он вывел его из тюрьмы, а вскоре после этого приговорил к смерти. Впрочем, и среди государей, считавшихся мудрыми, были такие, кто сожалел о лицах, казненных по их собственному приказу, например, Александр о Клите и других своих любимцах, а Ирод о Мариамне. Но слова нашего историка о природе толпы относятся не к тому народу, который подчиняется законам в Риме, а к разнузданной толпе, как в Сиракузах; ее ошибки подобны ошибкам людей распущенных и взбешенных, вроде уже названных Александра Великого и Ирода. Поэтому природа толпы здесь не более виновна, чем природа государя, ведь заблуждаются все, когда могут себе это позволить. Этому есть множество примеров, помимо приведенных мной, как из жизни римских императоров, так и прочих государей-тиранов; у них мы наблюдаем такие переменчивость и непостоянство, каких никогда не бывало в массах. Итак, я делаю свой вывод вопреки всеобщему мнению, утверждающему, что народы, когда они государствуют, изменчивы, неблагодарны и непостоянны. По-моему, они не более грешат, чем отдельные государи. Если кто-то адресует подобный упрек и государям, и народам, возможно, он будет и прав; но, исключив отсюда государей, он впадет в заблуждение, ибо народ, стоящий у власти и правильно организованный, будет столь же тверд, благоразумен и признателен, как и всякий правитель, а то и в большей степени, чем государь, считающийся мудрым. В то же время с государем, не признающим законов, не сравнится в неблагодарности, изменчивости и безрассудстве никакой народ. А различие в их образе действия проистекает не из разности природы – ибо во всех она одинакова, и если у кого есть здесь преимущество, так это у народа, – но из большего или меньшего уважения к законам, охватывающим жизнь и народа, и государя. Кто обратится к римскому народу, тот увидит, что на протяжении четырехсот лет он был врагом царского звания и поборником всеобщего блага и славы своей родины; найдется немало примеров, свидетельствующих в пользу того и другого. И если кто-нибудь сошлется на неблагодарность, проявленную им по отношению к Сципиону, я отвечу рассуждениями об этом предмете, уже изложенными выше, там, где доказывается, что народы не так неблагодарны, как государи. Что же касается благоразумия и надежности, то я скажу, что народ разумнее и надежнее государя, а также обладает более верным суждением. Не зря

голос народа уподобляют гласу Божию, ведь всеобщее мнение бывает удивительно прозорливым. Кажется, будто некая тайная способность помогает ему предвидеть хорошее и дурное. Когда нужно судить по существу и выслушивать двух спорщиков, из которых каждый клонит в свою сторону, то, если они одинаково красноречивы, народ очень редко ошибается в своем выборе и не усваивает открывающейся перед ним правды. Если же он, как говорилось выше, бывает ослеплен воинственными призывами или внешней выгодой, то гораздо чаще бывает и государь увлекаем на ложный путь своими страстями, которых у него куда больше, чем у народов. Также при выборе должностных лиц решение народа основательнее, его не убедишь наделить почетным званием человека бесчестного и дурного нрава, чего легко добиться от государя с помощью тысячи способов. Если что-либо внушает народу отвращение, то с этим чувством он не расстанется веками, чего нельзя сказать о государе. Оба эти положения я хочу подтвердить ссылкой на римский народ; на протяжении столетий, за время стольких выборов консулов и трибунов, не было и четырех случаев, из-за которых народу пришлось бы раскаиваться. Как я уже говорил, одно упоминание о царях внушало ему такую ненависть, что никакие заслуги гражданина, проявлявшего подобные склонности, не могли избавить его от должного наказания. Кроме того, города, где владывают народы, в кратчайшие сроки добиваются незаурядных приращений, которые значительно превышают завоевания, когда-либо сделанные одним государем; таковы были приобретения Рима после изгнания царей и Афин, когда они освободились от Писистрата. А причину этого следует искать только в том, что правление народов лучше, чем правление государя. И не стоит опровергать мое мнение словами историка в вышеприведенном и других местах, ибо, если рассмотреть все смуты, устраиваемые народами, и все смуты, устраиваемые государями, а равно и славные поступки тех и других, то мы увидим, что народ значительно превосходит государей достоинством и славой. И если государи стоят выше народов в издании законов, устройстве гражданской жизни, введении новых порядков и установлений, то народы настолько лучше справляются с поддержанием установленных порядков, что они должны по праву разделить славу с законодателями.

В общем, чтоб покончить с этим предметом, скажу, что и монархические государства, и республиканские существовали достаточно долго, причем и те и другие должны были соизмерять свои действия с законами, ибо государь, который руководствуется своими желаниями, безумен, да и народ, который следует своим прихотям, нельзя назвать

мудрым. Но если говорить о государе, подчиняющемся законам, и о народе, связанном ими же, то в последнем отыщется больше доблести, чем в государе; если же рассмотреть поступки, диктуемые произволом, то народ натворит меньше ошибок, чем государь, к тому же они не будут столь тяжкими и легче поддадутся исправлению. К бунтующему и распоясавшемуся народу достойный человек может обратиться с речью и легко склонить его на правильный путь; с дурным государем говорить невозможно, против него есть только одно средство – железо. Отсюда можно судить о серьезности болезней того и другого: если для излечения народа достаточно слов, а для излечения государя необходим нож, то всякий согласится, что более сильного лечения требуют более запущенные пороки. Когда народ вышел из повиновения, то это его безумство не столь страшно, и сегодняшнее зло не так пугает, как возможные последствия, потому что такие смуты рождают тиранов. В случае с дурным государем все наоборот: страшит именно сегодняшнее зло, а будущее сулит надежду; ведь люди думают, что после его нечестивой жизни может возродиться свобода. Вот вам разница между тем и другим, то есть между вещами, которые есть, и теми, которые могут случиться. Жестокость толпы направлена против тех, кто, по ее мнению, покушается на общее благо; жестокость государя – против тех, кто покушается, по его мнению, на его добро. Но предубеждение против народа рождается потому, что о нем всякий может злословить свободно и без опаски, даже при народном правлении; о государе же всегда толкуют с оглядкой и с различными оговорками. И мне кажется весьма уместным, раз уж предмет увлек меня на эту стезю, обсудить в следующей главе вопрос, на какой союз можно больше полагаться – заключенный с государем или подписанный с республикой.

Глава LIX

С кем надежнее вступать в товарищество или союз – с государем или республикой

Всякий день случается, что государи, так же как и республики, заключают между собой договоры о дружбе и вступают в союз; равным образом и республика может вступить в соглашение с государем, поэтому мне кажется уместным рассмотреть, чье обязательство тверже и более весомо, республики или государя. Исследуя все случаи, я прихожу к выводу, что иногда они поступают одинаково, а иногда по-разному. Думаю, что договоры, заключенные под действием силы, не станут соблюдать ни государь, ни республика; когда власть окажется под угрозой, и тот и другая, чтобы не утратить ее, нарушат слово и не побоятся прослыть

неблагодарными. Деметрий, прозванный завоевателем городов, осыпал афинян бесчисленными благодеяниями, но когда, разбитый врагами, он искал пристанища в Афинах, этот дружественный и многим ему обязанный город не принял его, и это огорчило полководца гораздо сильнее, чем потеря войска и подданных. Помпей, потерпев поражение в Фессалии от Цезаря, бежал в Египет к Птолемею, которому он в свое время возвратил трон, и здесь он был убит по приказу последнего. Как видим, причина в обоих случаях одна и та же, но республика поступила более гуманно и не так бесчестно, как государь. Итак, где действует страх, там будут держать слово не более твердо. А если государь или республика ради данного тебе обещания готовы пойти навстречу своей гибели, то причину этому следует искать в том же самом. Что касается государя, может статься, что он будет в дружбе с могущественным властителем, который если и окажется не в состоянии защитить его, то со временем, как следует рассчитывать, вернет себе свою власть; другая причина в том, что, следуя за своим союзником, государь не питает надежды на договор с его противником. К этому роду относились князья Неаполитанского королевства, которые защищали французскую сторону. Что же до республик, то таким был Сагунт в Испании, который дождался своей гибели, сохраняя верность римлянам, а также Флоренция, в 1512 году принявшая сторону французов. Но, взвесив все, я думаю, что в тех случаях, когда нависает непосредственная опасность, больше устойчивости проявят республики, чем государи. Ведь если даже республики проникнутся теми же намерениями, что и государь, то обычная медлительность заставит их гораздо дольше тянуть с решением, почему им и будет труднее, чем государю, нарушить обязательство. Союзы расстраиваются из-за выгоды. При этом республики гораздо вернее соблюдают свои обязательства, чем государи. Можно было бы привести примеры, когда малейшая выгода заставила государя изменить своему слову и даже великая корысть не сломила верности республики; подобное предложение сделал афинянам Фемистокл. В своей речи он сказал им, что хотел бы дать совет, сулящий отечеству превеликую выгоду, но не может этого сделать, ибо, будучи высказанным, совет потеряет свой смысл. Тогда афинский народ выбрал Аристиду, чтобы тот выслушал предложение и высказался о том, как, по его мнению, следует поступить. Фемистокл объяснил ему, что соединенные силы всей Греции стоят в таком месте, где их легко разгромить или взять в плен, если пренебречь своими обещаниями, и тогда афиняне станут полновластными хозяевами страны. Аристид сказал народу, что совет Фемистокла обещает величайшую выгоду, но вместе с тем и величайшее бесчестие; тогда народ начисто

отверг его. Не так поступил бы Филипп Македонский и другие государи, которые искали и находили гораздо больше прибытков с помощью вероломства, чем каким-либо иным способом. Что до нарушения договоров по причине их несоблюдения, то об этом я не говорю, ибо это вещь обыкновенная; здесь речь идет о выходящих из ряда вон обстоятельствах, и при этом, как следует из вышесказанного, заблуждения народа не столь значительны и ему можно больше доверять, чем государю.

Глава LX

О том, что при выборах консулов и других должностных лиц в Риме не смотрели на возраст

По мере развертывания римской истории можно заметить, что когда консулов стали выбирать из плебеев, республика доверила эту должность всем своим гражданам, невзирая на их возраст и происхождение; впрочем, римляне никогда не обращали внимания на лета, отдавая предпочтение доблести, будь то в молодом человеке или в старике. В доказательство можно сослаться на Валерия Корвина, выбранного консулом в двадцать три года; этот Валерий, обращаясь к своим солдатам, сказал, что консульство является «*praemium virtutis, non sanguinis*» [31] . Можно много спорить о том, было ли это обыкновение хорошо продумано или нет. Что касается происхождения, то не думать о нем заставила необходимость; и всякий город, который хотел бы добиться равнозначных с Римом успехов, будет вынужден к этому, как и Рим, о чем уже говорилось выше, ибо нельзя заставить людей переносить невзгоды, не вознаграждая их, и отнимать надежду на награду очень опасно. Поэтому и следовало дать надежду плебсу на получение консульских должностей, каковой надежды для него некоторое время было достаточно; но потом этого стало мало, и потребовалось воплотить ее в жизнь. Однако, если в каком-то городе от плебеев не требуется проявления доблести, там можно обходиться с ними по-другому, что мы обсуждали выше; но кто хочет уподобиться Риму, тот не должен здесь делать никаких различий. А раз так, скидки на возраст также невозможны, даже напротив, ведь при избрании молодого человека на должность, требующую старческой умудренности, надо стараться, чтобы какой-нибудь выдающийся поступок уже делал его достойным этого звания, потому что в выборах участвует народная масса. И если какой-то молодой человек благодаря своей доблести отличился в важных делах, то было бы очень прискорбно, если бы город не мог воспользоваться ею снова и должен был ожидать, пока с годами он утратит живость и бодрость духа, которые могли бы послужить отечеству, как послужили Риму Валерий Корвин, Сципион и Помпей, а также многие другие, которые стали

триумфаторами еще в юности.

Книга вторая

Вступление

Люди обычно хвалят, часто безо всяких оснований, прежнее время и осуждают настоящее; они проявляют такую любовь к прошедшему, что превозносят не только те события, о которых узнали от историков, сохранивших о них память, но и те, которые вспоминаются им в старости и свидетелями которых они сами когда-то были. И в тех случаях, когда их мнение ошибочно, а так чаще всего и бывает, названное заблуждение, как я убеждаюсь, может проистекать от разных причин. Первая из них, на мой взгляд, заключается в том, что до нас доходит не вся правда о древности; о ее постыдных сторонах в большинстве случаев умалчивается, зато о славных трубят и возглашают где только можно. Ведь большинство писателей бывают так заворожены успехами победителей, что, желая прославить их сильнее, они не только преувеличивают их подвиги, но и деяния врагов показывают в таком свете, что потомки, рождающиеся как в побежденной, так и в победившей стране, могут лишь дивиться прежним временам и прежним людям и бывают принуждены ценить и хвалить их сверх всякой меры. Кроме того, два важнейших источника ненависти – страх и зависть – по отношению к прошлому недействительны, потому что свершившиеся события ничем не угрожают и не вызывают зависти. Противоположное происходит с вещами, совершающимися на наших глазах; зная их досконально и различая в них как хорошие, так и неприятные стороны, ты будешь склонен принижать их по сравнению со стариной, хотя бы на самом деле они и заслуживали гораздо большей славы и известности; впрочем, речь идет не об искусствах, произведения которых столь наглядны, что время мало что может прибавить или отнять у той славы, которой они сами по себе заслуживают, но о поступках и обычаях людей, о чем не остается прямых свидетельств.

Итак, я не считаю разумной вышеописанную привычку хвалить и порицать; однако склонные к ней люди не всегда ошибаются. Иногда их суждения попадают в точку, ибо дела человеческие пребывают в постоянном движении, при этом они либо катятся вниз, либо идут в гору. Когда в каком-нибудь городе или стране выдающийся человек закладывает основы жизни, то тамошние дела, в силу доблести этого основателя, некоторое время находятся на подъеме. Родившийся в эти годы напрасно будет отдавать предпочтение прошлому перед настоящим, его ошибка будет

вызвана теми причинами, которые были описаны выше. Но жители этого города или провинции в следующем поколении, когда ее дела пойдут на лад, уже будут вернее в своих суждениях. Обдумывая ход подобных вещей, я прихожу к выводу, что мир всегда был устроен одинаково и всегда в нем было столько же хорошего, сколько и плохого; однако от страны к стране картина менялась; об этом можно судить по древним монархиям, которые сменяли друг друга вследствие изменения нравов, но мир при этом оставался все тот же. Разница была только в том, что сначала вся его доблесть была сосредоточена в Ассирии, затем перенесена в Мидию, потом в Персию и в конце концов достигла Италии и Рима. И если Римской империи не наследовала другая, столь же долговечная, в которой могла быть собрана доблесть всего света, последняя оказалась рассеянной по разным народам, проявившим подобные качества в королевстве франков, в монархиях турок и египетского султана, а сегодня так живут народы Германии. В свое время великими деяниями отличалась религия сарацин, которые захватили чуть ли не весь свет и разрушили Восточную Римскую империю. Так вот, после крушения римлян во всех этих странах и во всех этих сектах сохранялась названная доблесть, и до сих пор она приветствуется и находит заслуженное одобрение в некоторых из них. Поэтому житель этих стран будет очень далек от истины, если он станет хвалить те времена по сравнению с нынешними. Но кто родился в Италии или Греции и не сделался из итальянца французом или из грека турком, тот по праву может порицать свое время и возносить чужое, ибо прежде там совершалось много дел, вызывающих изумление, а теперь ничто не может вывести эти страны из крайней нищеты, позора и поношения; их жители не уважают ни веры, ни законов, ни воинского долга, они запятнали себя всеми возможными мерзостями. И эти пороки тем предосудительнее, что ими замараны те, кто заседает *pro tribunali* [32], помыкает всеми и требует к себе уважения.

Возвращаясь к нашему рассуждению, скажу, что если людям не дано судить о том, что лучше, прошлый век или настоящий, потому что о древних событиях невозможно получить такое же совершенное представление, как о современных, то по крайней мере пожилые люди не должны были бы ошибаться, сравнивая времена своей молодости и старости, ибо они равным образом знакомы с теми и другими. И это было бы справедливо, если бы на протяжении всей своей жизни люди сохраняли одинаковую способность суждений и имели одни и те же желания; но они не могут идти в ногу со временем и изменяют свои мнения о нем, потому что в старости у них являются другие желания, другие удовольствия и

другие мысли, чем в юности. Старая, люди теряют силы и приобретают благоразумие и склонность к размышлению, поэтому то, что в молодости казалось им хорошим и вполне терпимым, по необходимости выглядит теперь в их глазах дурным и несносным; и хотя следовало бы винить в этом свои вкусы, они ополчаются против времени.

К тому же людские аппетиты ненасытимы, ибо природа вкладывает в нас желание всех вещей, но судьба редко позволяет ему осуществиться. Отсюда проистекают вечное недовольство, бродящее в умах, и пресыщение тем, что доступно: люди бранят настоящее, хвалят прошлое и с надеждой глядят в будущее, хотя бы для этого у них и не было никаких разумных причин. Не уверен, что и меня нельзя будет причислить к тем, кто обманывается подобным образом, если в своих рассуждениях я стану слишком превозносить времена античных римлян и порицать наши. Поистине, если бы царившая в ту пору доблесть и торжествующий ныне порок не вырисовывались со всей очевидностью, я был бы более сдержан в своих речах, опасаясь впасть в ту ошибку, в которой обвиняю других, но поскольку дело обстоит для всех яснее ясного, я постараюсь выразить прямо свое мнение о нашей и о прошедшей эпохе, чтобы молодые читатели моего сочинения, с позволения фортуны, подражали второй и избегали нравов первой. Ведь достойный человек, перед которым противодействие судьбы и обстоятельств закрыло дорогу к благу, обязан внушить стремление к нему другим, чтобы из многих способных достигли его хотя бы некоторые, любезные небесам. В предшествующей книге мы говорили о решениях римлян, относящихся к внутригородским делам, а в этой обратимся к тому, как римский народ заботился о расширении своих владений.

Глава I

Что более помогало римлянам в обретении новых владений, судьба или доблесть

Многие, и в том числе Плутарх, весьма почтенный писатель, склонялись к мнению, что римскому народу помогала обзавестись новыми землями больше фортуна, нежели доблесть. И среди прочих соображений, которые приводит Плутарх, такое: судя по верованиям римлян, они относили все свои победы на счет судьбы и построили Фортуне больше храмов, чем всем остальным богам. По-видимому, к этому мнению присоединяется Ливий, потому что редко кто из римлян говорит у него о доблести, не упоминая при этом о Фортуне. Но я никак не могу с этим согласиться и признать правильным подобное мнение. Ибо если доселе не существовало республики, которая добилась бы таких же успехов, как Рим,

то ведь не было и республик, обладающих для этого столь же пригодным устройством, как Римская. Своими приобретениями она обязана доблестному войску, а сохранением приобретенного – своему первому законодателю, который определил для нее подходящий образ и порядок действий, как будет подробнее рассказано в наших рассуждениях. Говорят, что римский народ, благодаря своей удачливости, а отнюдь не доблести, никогда не вел двух серьезных войн в одно и то же время; война с латинами началась не то что после разгрома самнитов, но даже и в защиту последних; с тосканцами они сразились только тогда, когда уже подчинили себе латинов и постоянными ударами обессилили самнитов; но если бы двое этих противников сумели объединить свои еще свежие силы, это, без сомнения, как легко себе представить, привело бы к крушению Римской республики. Но как бы то ни было, римлянам никогда не приходилось сражаться с двумя могущественными противниками в одно и то же время; напротив, всегда казалось, что когда разгоралась одна война, вторая затихала, или при угасании одной начиналась вторая. Это хорошо заметно, если рассмотреть по порядку войны, которые они вели: если не говорить о тех, что случились до захвата Рима французами, очевидно, что пока его жители сражались с эквами и вольсками и пока эти народы были в силе, никто другой Риму не угрожал. После усмирения двух вышеназванных вспыхнула война против самнитов, хотя еще до ее окончания против римлян восстали латинские народы; во время этого мятежа самниты были союзниками Рима и своим войском помогли римлянам укротить латинскую дерзость. После усмирения латинов война в Самниуме возобновилась. После многих поражений, нанесенных самнитам, и уничтожения их сил началась война с тосканцами, а по ее окончании самниты поднялись снова вследствие прихода в Италию Пирра. Последний был отброшен и отступил в Грецию, но тут началась первая война против карфагенян; не успела она закончиться, как все французы по эту и по ту сторону Альп соединились в заговоре против римлян, и тогда произошло превеликое избиение на пространстве между Популонией и Пизой, там, где ныне находится башня Святого Винцента. После этой войны в течение двадцати лет римляне не вели больших войн; они сражались только с лигурийцами и с остатками французов в Ломбардии. Так продолжалось до Второй Карфагенской войны, которая разоряла Италию на протяжении шестнадцати лет. Римляне вышли из нее с великой славой и приступили к Македонской войне, а затем пришел черед войны с Антиохом в Азии. После этой победы во всем мире не оставалось государей или республик, которые могли бы противостоять римской силе, даже все вместе взятые.

Но если хорошенько рассмотреть ход этих войн и образ действий римлян до названного времени, то можно заметить, что кроме удач эти войны сопровождались великими проявлениями доблести и благоразумия. Так что кто захочет отыскать причину их удачливости, определит ее с легкостью, ибо нет никакого сомнения, что когда какой-либо государь или народ приобретет такой вес среди других государей или народов, что они сами по себе не отважатся на него напасть, то ему не нужно будет опасаться нападения соседей, разве что они будут к этому вынуждены; таким образом, во власти этой державы будет избрать себе противника самой, а остальных утихомирить другими средствами. Преклоняясь перед ее силой и усыпленные ее ухищрениями, они легко успокоятся, прочие же властители, не имеющие непосредственного общения с первыми, посчитают угрозу отдаленной и не относящейся к ним. В этом заблуждении они будут пребывать, пока пожар не приблизится к их владениям. Чтобы погасить его, им останется только уповать на собственные силы, которых будет недостаточно, ибо противник тем временем неимоверно усилится. Я не буду распространяться о том, что самниты безучастно наблюдали, как римский народ расправляется с вольсками и эквами; чтобы не быть многословным, ограничусь карфагенянами, которые к моменту, когда римляне столкнулись с самнитами и тосканцами, приобрели уже великое могущество и влияние, захватив всю Африку, удерживая Сардинию и Сицилию и установив свое владычество над частью Испании. Благодаря этому могуществу и удаленности границ от Рима карфагеняне никогда и не помышляли о войне с ним, о помощи самнитам или тосканцам; напротив, они вступили с римлянами в сношения и искали их союза, как будто бы события развивались им на пользу. Карфагеняне заметили свою ошибку только тогда, когда римляне, покорив все народы, живущие между ними и карфагенянами, стали оспаривать право последних на территорию в Испании и на Сицилии. Так же, как карфагеняне, рассуждали французы, а потом Филипп, царь Македонии, и Антиох. Все они полагали, пока римский народ был занят другим противником, что этот последний осилит римлян или что у них достанет времени, чтобы защититься в случае войны или мира. Таким образом, я полагаю, что удача, сопутствующая римлянам, была бы на стороне всех государей, которые поступали бы, как они, и обладали такой же доблестью.

По этому случаю следовало бы остановиться на способе, использовавшемся римским народом для внедрения в чужие страны, но мы подробно говорили об этом в нашем трактате о владениях государей, этот предмет рассмотрен там со всех сторон. Скажу лишь кратко, что римляне

всегда старались иметь в новых провинциях побольше друзей, которые проторили бы им дорогу или открыли в них дверь, а также помогли удержать. Так, благодаря капуанцам они вошли в Самниум, благодаря жителям Камерина – в Тоскану, благодаря мамертинцам – в Сицилию, жителям Сагунта – в Испанию, с помощью Массиниссы они вошли в Африку, этолийцев – в Грецию, Эвмена и других князей – в Азию, а благодаря жителям Массилии и эдуям – во Францию. Во время своих походов и завоеваний провинций, а также при их удержании у римлян никогда не было недостатка в подобной поддержке. И те народы, которые последуют их примеру, будут зависеть гораздо меньше от прихотей судьбы, чем плохие подражатели. А чтобы всякий мог убедиться, насколько доблесть важнее для завоевания новых владений, чем милость судьбы, мы рассмотрим в следующей главе, каковы были народы, с которыми довелось сражаться римлянам, и сколь упорно они защищали свою свободу.

Глава II

С какими народами пришлось сражаться римлянам и сколь отчаянно те защищали свою свободу

Самым большим препятствием для римлян в борьбе с соседями и отчасти при завоевании более удаленных провинций была тогдашняя любовь многих народов к свободе, которую они защищали столь упорно, что только необычайная доблесть могла их покорить. Не счесть примеров, каким опасностям подвергались люди, чтобы сохранить или вернуть свою свободу, как они мстили своим поработителям. Чтение истории показывает также, сколько вреда причинило государствам и народам рабство. И если в наше время сохранилась лишь одна страна, изобилующая вольными городами, то в древности во всех странах было немало свободных народов. Например, в ту эпоху, о которой мы говорим, в Италии от горного хребта, разделяющего Тоскану и Ломбардию, и до ее южной оконечности все народы пользовались свободой; это были тосканцы, римляне, самниты и многие другие, населявшие эту часть Италии. Нигде не упоминается, чтобы там были какие-нибудь цари, кроме тех, что правили в Риме, и Порсенны, царя Тосканы; после того как его род угас, история о царях молчит. Очевидно, что в ту пору, когда римляне осадили Вейи, Тоскана была свободна, причем настолько дорожила своей свободой и ненавидела само упоминание о государях, что, когда вейенты избрали царя для обороны своего города и запросили у тосканцев помощи против римлян, те, после многих препирательств, постановили отказывать им до тех пор, пока ими станет управлять царь, потому что, по их мнению, не стоило защищать отечество тех людей, которые отдали его в чужие руки.

Легко установить, откуда у народов такая привязанность к гражданской свободе, ведь опыт показывает, что только вольные города могут расширить свои владения и приумножить богатства. Поистине вызывает удивление то величие, которого достигли Афины всего за сто лет, сбросив тиранию Писистрата. Но еще больше удивления вызывает величие Рима, которого он добился, освободившись от царей. Причины этого нетрудно понять: не частные интересы возвеличивают государство, а общее благо. Заботятся же об общем благе одни только республики, ибо они исполняют все, что клонится к общей пользе. Если же принимаемые меры затрагивают кого-либо из частных лиц, большинство остается на стороне общего интереса и заставляет предпочесть его вопреки мнению немногих обиженных. Обратное происходит, когда во главе города стоит государь; чаще всего то, что он делает для себя, ущемляет граждан, а то, что делается для них, невыгодно ему. И когда гражданская вольность сменяется тиранией, наименьшее зло для такого города – это остановка в его развитии, ибо он не может больше наращивать свои силы и богатства, но в большинстве случаев, если не всегда, начинается его упадок. А в том случае, когда волею судеб объявится некий доблестный тиран, который благодаря своему воинственному духу и воинской доблести расширит свои владения, республике от этого не будет никакого проку, потому что он делает это для себя и не может вознаградить никого из достойных и мужественных граждан, поработанных им, так как в противном случае будет вынужден их подозревать. Кроме того, он не может подчинить приобретенные города подвластной ему столице и заставить их платить своему городу дань, потому что усиливать его тирану не с руки – ему удобнее разделить свое государство, чтобы все земли и провинции признавали главой только его. Так что своими приобретениями пользуется только тиран, а не его отечество. Тот, кто желает подкрепить это мнение множеством других доводов, пусть прочитает трактат Ксенофонта «De Tyrannide» [33]. Итак, нет ничего удивительного в том, что древние народы жестоко ненавидели тиранов и высоко ценили свободный образ жизни, так что самое имя «свобода» им было дорого. Когда Гиероним, племянник тирана Сиракуз Гиерона, был убит в этом городе и известие о его смерти достигло войска, расположенного неподалеку от Сиракуз, то сперва там начались волнения и призывы выступить против его убийц. Но когда солдаты узнали, что в Сиракузах провозглашена свобода, при одном упоминании о ней они успокоились, отказались от мести тираноубийцам и обратились к мыслям о том, как восстановить гражданскую вольность в городе. Не вызывает удивления и беспощадность, с которой народы мстили

покушавшимся на их свободу. Примеров тому немало, но я приведу один случай, происшедший в греческом городе Коркире во время Пелопоннесской войны; вся страна тогда разделилась на две партии, одна из которых поддерживала Афины, а другая – спартанцев, и во многих городах происходила внутренняя борьба между сторонниками Афин и Спарты. В Коркире верх взяли нобили, которые положили конец народной свободе, но затем, с помощью афинян, популяры собрались с силами и, захватив всю знать, заперли ее в тюрьме, вместившей всех арестованных. Отсюда, под предлогом высылки в разные места, заключенных выводили по 8—10 человек и после жестоких истязаний убивали. Остававшиеся внутри распознали обман и решили попытаться избежать позорной смерти; вооружившись чем попало, они воспрепятствовали входу тюремщиков и стали защищаться изнутри; на шум сбегался народ, разобрал крышу здания и забросал узников ее обломками. В этой стране произошло еще много подобных ужасных и примечательных случаев, свидетельствующих о том, что за отнятую свободу мстят гораздо суровее, чем за ту, которую только собирались у тебя отнять.

Размышляя над тем, отчего в древние времена жили более свободолюбивые народы, чем теперь, я полагаю, что причина в том же, отчего люди стали слабее: она заключается в различии нашего и античного воспитания, вытекающего из разницы между нашей и античной религией. Наша религия, указавшая нам истину и истинный путь, учит нас пренебрегать светской честью; язычники же, весьма ценившие мирские почести и видевшие в них высшие блага, в своих поступках были более жестоки. Это видно по многим их установлениям, начиная с жертвоприношений, грандиозных у них, а у нас скромных, поражающих скорее изяществом, чем великолепием, за отсутствием каких-либо жестоких или возбуждающих храбрость обрядов. Там было в избытке великолепных и грандиозных ритуалов, дополнявшихся кровавым и жестоким жертвоприношением множества животных, и это ужасное зрелище воспитывало в людях соответствующие качества. Кроме того, религия древних почитала блаженными людей, преисполненных мирской славы, полководцев и государей, наша же религия прославила людей смиренной и созерцательной, а не активной жизни. Высшее благо она видит в смирении, униженности, презрении к людским заботам; древние же полагали, что оно – в величии духа, крепости тела и во всем, что придает человеку силы. А когда наша религия требует от тебя крепости, это значит, что ты должен проявить ее в терпении, а не в великом деле. Мне кажется, что этот образ действий ослабил мир и отдал его негодяям на растерзание.

Когда большинство людей, чтобы попасть в рай, предпочитает переносить побои, а не мстить, негодяям открывается обширное и безопасное поприще. И хотя кажется, что мир обессилен и небеса разоружились, это, несомненно, произошло из-за низменных качеств людей, истолковывающих нашу религию в праздном духе, а не в пользу доблести. Ведь если бы они задумались, насколько эта религия располагает к любви и защите родины, то увидели бы, что она призывает любить ее, почитать и быть готовыми к ее защите. Итак, только вследствие неверных наставлений и ложного истолкования нашей религии мир, по сравнению с древностью, обеднел республиками, и вместе с тем народы не питают уже такой любви к свободе, как тогда. Впрочем, я нахожу причину этого в том, что все республики и гражданские сообщества были подавлены могуществом и военной силой Римской империи. И хотя впоследствии империя распалась, лишь на малой части ее земли города смогли возродиться и восстановить устои гражданской жизни. Как бы то ни было, в любом затерянном уголке мира перед римлянами вставал твердый заслон воинственных республик, упорно отстаивавших свою свободу. Отсюда видно, что только чрезвычайная и редкостная доблесть позволила римскому народу одолеть их.

Говоря о судьбе этих земель, ограничусь только ссылкой на самнитов; удивительная вещь, о которой свидетельствует также Тит Ливий, — они были столь могучи и воинственны, что, несмотря на столько поражений, людские потери и разорение городов, могли сопротивляться римлянам вплоть до консульства Папирия Курсора, сына первого Папирия, то есть на протяжении сорока шести лет. А ведь ныне эта местность, некогда изобиловавшая городами и жителями, кажется почти безлюдной, но в то время благодаря царящему в ней порядку и силе она была неприступной и покорилась только римской доблести. Нетрудно установить, откуда происходил тогдашний порядок и чем вызван нынешний развал: прежде люди там были свободными, а ныне — порабощены. Ибо все свободные города и земли, где бы они ни находились, как я уже говорил, следуют от успеха к успеху. Народонаселение здесь более многочисленно, потому что люди вступают в брак охотнее, не видя к этому препятствий; всякий обзаводится детьми, которых он рассчитывает прокормить, не опасаясь, что у него будет отнято кровное достояние. К тому же, помимо сознания, что детям не угрожает рабство, отец может надеяться, что благодаря своей доблести они станут первыми людьми в государстве. Богатство, порождаемое как плодами земными, так и делом рук человеческих, в таких республиках возрастает ежечасно. Каждый старается приумножить то

имущество и приобрести те блага, которыми он безопасно сможет пользоваться. Люди поэтому стремятся превзойти друг друга в преследовании как частного, так и общественного блага, почему и то и другое вызывает невиданный рост.

Противоположное происходит в тех странах, которые поработены, и чем жестче рабство, тем более чужды для них житейские блага. Но из всех видов жестокого рабства жесточайшее то, которое на тебя налагают республики. Во-первых, потому, что оно более продолжительно и не оставляет надежды на спасение; во-вторых, потому, что цель республики – истощить и вытянуть все соки из других тел, чтобы напитать свое собственное. Покоривший тебя государь не станет так поступать, если это не варвар, стирающий с лица земли страны и рассеивающий все человеческие сообщества, каковы восточные владыки. Если же ему не чужды человечность и общепринятые правила, то в большинстве случаев он будет любить подчиненные себе города как свои собственные и сохранит в них все промыслы и почти все прежние порядки. И если эти города не смогут процветать, как вольные, они и не погибнут, как те, что живут под игом; здесь речь идет о том случае, когда город бывает покорен чужеземцем, потому что о тех, что находятся под ярмом своего согражданина, я говорил выше.

Итак, если вникнуть во все вышесказанное, мощь, которой обладали самниты, будучи свободными, не покажется удивительной, как и та слабость, в которую они впали, будучи зависимыми. Тит Ливий удостоверяет это во многих местах, в особенности в разделе о войне с Ганнибалом, где он рассказывает, как самниты, притесняемые римским легионом, стоявшим в Ноле, направили к Ганнибалу посольство, чтобы просить его о помощи. Послы сообщили в своей речи, что самниты сражались с римлянами сто лет в одиночку, располагая только собственными солдатами и собственными полководцами, и при этом зачастую могли противостоять сразу двум армиям, возглавляемым двумя консулами; а теперь они впали в такое ничтожество, что едва отбивались от небольшого римского легиона из Нолы.

Глава III

Рим возрос, разрушая окрестные города и приглашая чужих к себе на службу

«Crescit interea Roma Albae ruinis» [34] .

Кто намеревается далеко расширить пределы своего города, тот

должен всеми способами стараться наполнить его жителями, ибо без многочисленного населения ему никогда не сделать свой город великим. Добиться этого можно двумя способами: лаской или силой. Действуя лаской, следует открыть безопасный доступ чужеземцам, которые пожелают поселиться здесь, и тогда всякий будет к этому стремиться; действуя силой, ты должен захватывать соседние города и переводить их жителей к себе. В Риме так заботились об этом, что при шестом царе там жили восемьдесят тысяч человек, способных носить оружие. Римляне поступали подобно хорошему садовнику, который срезает с деревца первые побеги, чтобы со временем они сменились другими, более зелеными и обильными, благодаря тому, что живительные соки останутся в стволе и деревце станет более плодоносящим. А что этот способ расширения своих владений был необходимым и правильным, доказывается примером Спарты и Афин; обе эти республики были воинственны и имели прекрасные законы, тем не менее они не достигли величия, сопоставимого с Римской империей, хотя внутреннее устройство Рима не казалось столь хорошо продуманным и защищенным от мятежей. Этому нельзя сыскать другой причины, кроме вышеприведенной, ибо Рим, нарастивший двумя указанными путями городской организм, мог вследствие этого выставить двести восемьдесят тысяч воинов, у Спарты же и Афин никогда не было более двадцати тысяч на каждую. А вызвано это было отнюдь не более удачным расположением Рима, но лишь другим образом его действий. Ликург, основатель Спартанской республики, считал, что для подрыва его законов нет ничего вернее, чем допустить приток новых жителей, поэтому он принял все меры, чтобы чужеземцы не общались со спартанцами – им запрещалось вступать в брак, принимать спартанское гражданство и участвовать в других общих делах с местными жителями. Чтобы никто не пожелал привезти в страну свой товар или открыть здесь какой-либо промысел, Ликург приказал пустить в обращение в своей республике кожаные деньги, так что количество жителей в Спарте никак не могло заметно вырасти. А поскольку во всех наших поступках мы подражаем природе, невозможно и неестественно, чтобы хилый ствол поддерживал мощные ветви. Небольшая республика не может присоединить город или царство, превосходящие ее народонаселением и мощью, а если так случится, то она погибнет, как деревце, которое с трудом поддерживает свою крону, более мощную, чем ствол; первый же ветерок его ломит.

Так вышло со Спартой, которая захватила все греческие города, и как только против нее восстали Фивы, все прочие к ним присоединились, и ствол остался без ветвей. Риму же этого можно было не опасаться, ибо

благодаря своей надежной опоре он мог выдержать любой груз. Описанный образ действий этого города, как и другие, о которых речь пойдет ниже, сделал его великим и могущественным. Это и высказал вкратце Тит Ливий в своих словах: «Рим между тем с разрушением Альбы растет».

Глава IV

Для расширения своих владений республики использовали три способа

Изучавший древнюю историю найдет, что республики использовали три способа для расширения владений. Первого из них придерживались в старину тосканцы – они собирали союз из нескольких республик, причем ни одна из них не должна была возвышаться над другой ни своей властью, ни положением; присоединенные же города они принимали в свое товарищество наподобие того, как поступают в наше время швейцарцы и как в древности поступали в Греции ахейцы и этолийцы. А так как римляне много воевали с тосканцами, я расскажу о них поподробнее, чтобы лучше проиллюстрировать достоинства этого первого способа.

До образования Римской империи самыми могущественными на море и на суше были в Италии тосканцы, и хотя историй, особо посвященных их деяниям, не осталось, в памяти народов сохранились некоторые сведения, свидетельствующие об их величии. Известно, что они основали колонию на верхнем море и назвали ее Адрией, причем эта колония была настолько знаменитой, что дала имя самому морю, и до сих пор латиняне называют его Адриатическим. Известно также, что своим оружием они покорили территорию от Тибра до подножия Альп, опоясывающих и ныне большую часть Италии, хотя за 200 лет до возвышения римлян тосканцы утратили власть в этих краях, которые теперь называются Ломбардией; тогда эта провинция была занята французами. Последние, подталкиваемые нуждой или желанием завладеть плодами этой области, в особенности виноделием, пришли в Италию под предводительством своего вождя Белловеза. Разгромив и изгнав туземцев, они обосновались в этом месте и построили там множество городов, а провинцию назвали Галлией, по своему тогдашнему имени, и удерживали ее до тех пор, пока не были покорены римлянами. Итак, среди тосканцев царило равенство, и они расширяли свои владения вышеуказанным первым способом; у них было двенадцать городов, среди которых Кьюзи, Вейи, Ареццо, Фьезоле, Вольтерра и другие. Эти города совместно управляли общими владениями, и на приобретения вне Италии был наложен запрет; впрочем, и внутри страны большая часть оставалась свободной, причины чего мы укажем ниже.

Второй способ также предполагает содружество, однако не столь

равное, чтобы за завоевателем не сохранились право начальствования в столице государства и слава приобретения; этот способ был присущ римлянам. Третий способ состоит в прямом принятии в подданство, без всяких намеков на союз; так поступали спартанцы и афиняне. Из трех названных способов последний – самый пустой, как можно видеть по двум вышеуказанным республикам; их крах был вызван как раз тем, что они захватили владения, которые не могли удержать. Ведь забота о насильственном управлении городами, тем более привычными к вольной жизни, составляет тяжкую и неприятную обузу. Если ты не располагаешь сильным и многочисленным войском, тебе никак не справиться с подобной задачей. А чтобы обрести могущество, нужно обзавестись друзьями, которые тебе помогут, и увеличить население твоего города. Но два вышеуказанных города не сделали ни того ни другого, поэтому их образ действий был обречен на неуспех. Рим же, который являет собой образец второго способа, сделал и то и другое и таким образом достиг столь необыкновенных высот. Но только Рим придерживался этого образа действий, поэтому он и стал могущественным в одиночку; набрав себе по всей Италии союзников, которые во многом подчинялись его законам, и в то же время, как было сказано выше, оставляя за собой столицу государства и звание правителя, римляне добились того, что их сотоварищи, сами того не замечая, помогали собственному угнетению, затрачивая свои усилия и проливая свою кровь. Ведь когда римляне стали совершать походы за пределами Италии, основывать провинции на месте прежних царств и принимать в подданство тех, кто привык подчиняться царям и не чувствовать бремени угнетения, новые подданные не признавали другой высшей власти, кроме римской, ибо они покорились римским армиям и ими управляли римские наместники. Тогда римские союзники в Италии неожиданно, с одной стороны, оказались под пятой такого громадного города, как Рим, а с другой стороны – в окружении римских подданных; они заметили ловушку, но было уже поздно, чтобы что-либо сделать: столь велика стала власть Рима над внешними провинциями и так много сил накопил он в своем лоне, умножив число жителей и вооружив их. И хотя союзники Рима объединились, чтобы отомстить ему за обиды, вскоре они проиграли войну, ухудшив при этом свое положение, ибо из друзей перешли в число подданных. Как мы уже сказали, римляне всегда придерживались этого образа действий, и другого нельзя посоветовать республике, которая пожелает расширить свои владения, ибо более надежного и правильного наш опыт не знает.

Способ заключения союзов, которому следовали тосканцы, ахейцы и

этолийцы и которого сегодня придерживаются швейцарцы, самый лучший после римского, ибо хотя он не позволяет приобрести значительные территории, ему присущи два достоинства: во-первых, ты можешь не опасаться нежелательной войны; во-вторых, все, что ты приобрел, тебе легко будет удержать. Невозможность расширения вытекает из того, что республика в этом случае разделена и разбросана по разным местам; вследствие этого ее правителям трудно советоваться и принимать решения. К тому же они не столь падки на новые приобретения, потому что в управлении участвуют много общин и приобретенное не имеет такой ценности, как для одной республики, которая рассчитывает воспользоваться им в одиночку. Кроме того, всеми делами заправляет совместное собрание, и это замедляет принятие решений по сравнению с государством, где все сосредоточено в одном месте. Опыт показывает также, что подобный образ действий имеет определенные границы, которые на нашей памяти никто никогда не преступал; дело в том, что объединение заканчивается на уровне 12–14 общин и о дальнейшем расширении никто уже не помышляет, ибо, достигнув состояния, позволяющего, по их мнению, обороняться от любого захватчика, они не ищут новой прибыли, как потому, что не нуждаются в большем могуществе, так и потому, что не видят в приобретениях проку по причинам, уже указанным выше. Им пришлось бы выбирать одно из двух: или принимать в свой союз новых сотоварищей (но умножение их повело бы к расстройству дел), либо приобретать новых подданных (но в этом они видят больше забот, нежели пользы, и поэтому к таким приобретениям не стремятся). Таким образом, когда общее количество союзников позволяет им чувствовать себя в безопасности, они поступают двояко: во-первых, оказывают чужим покровительство и поддержку и тем самым обеспечивают себе поступление отовсюду денег, которые распределяют между собой; во-вторых, они сражаются за других и получают жалованье от того или иного государя, нанимающего их для своих войн; сегодня этим занимаются швейцарцы, и, судя по книгам, раньше это было в обычае вышеупомянутых народов. Тит Ливий свидетельствует об этом, рассказывая, как Филипп, царь Македонии, вел переговоры о соглашении с Титом Квинкцием Фламинином в присутствии одного претора из этолийцев, и когда претор обратился к Филиппу, тот стал укорять его в жадности и коварстве, утверждая, что этолийцы не стыдились воевать то на одной, то на другой стороне и их штандарты часто можно было видеть над войсками обоих противников. Отсюда явствует, что способ вступления в союзы всегда был один и тот же и приводил к подобным же результатам. Однако

указанный путь приобретения подданных всегда был довольно скользким и мало кому приносил пользу; если же при этом не бывала соблюдена мера, он вел к скорому краху. И если обзаводиться подданными невыгодно для воинственных республик, то для мирных это и вовсе бессмысленно, как можно судить по нынешним итальянским республикам.

Итак, наилучшего способа расширения придерживались римляне, и это тем более удивительно, что у них не было предшественников и впоследствии никто не смог им уподобиться. Что же касается содружеств, то в этом римлянам подражают только швейцарцы и Швабский союз. Как мы будем говорить в конце этого раздела, многие порядки, принятые в Риме как относительно внутренних, так и внешних дел, не только не соблюдаются в наше время, но и пребывают в забвении; одни считают их сомнительными, другие – неуместными и бесполезными, третьи – невозможными, и вот из-за этого-то невежества мы становимся добычей всякого, кто пожелает завоевать нашу страну. Но если деяния римлян на первый взгляд трудны для подражания, то таковыми не должны казаться деяния древних тосканцев, особенно в глазах тосканцев современных. Ведь если их предки по вышеназванным причинам не смогли создать империю, подобную Римской, то они обрели в Италии то могущество, которое мог снискать для них избранный ими образ действий. И положение их было на протяжении долгого времени прочным, слава их силы и оружия – великой, а набожность и нравы – весьма похвальными. Эти слава и могущество были сначала потрясены французами, а затем развеяны римлянами, причем удар был так силен, что, хотя две тысячи лет тому назад тосканцы составляли великую силу, ныне память об этом почти стерлась. Это наводит меня на размышления о причинах такой забывчивости, о чем пойдет речь в следующей главе.

Глава V

Перемена религий и языков, подобно мору и наводнениям, стирает память о событиях древности

Философам, которые утверждали, что мир существовал вечно, по моему мнению, можно было бы возразить, что в случае их правоты память о древности позволяла бы нам, как следует ожидать, заглядывать более чем на 5 тысяч лет назад. Однако можно видеть, что память о старине стирается по разным причинам, частью производимым людьми, частью исходящим от небес. От людей происходят перемены религиозных сект и языков. Когда возникает новая секта, то есть новая религия, ее первая забота состоит в истреблении прежней, чтобы освободить дорогу для себя; и если основатели нового учения пользуются другим языком, они добиваются

этого с легкостью. Об этом можно судить по поступкам христианской секты в отношении языческой; первая уничтожила все обычаи и обряды второй и погасила всякое воспоминание о древнем богословии. Правда, полностью похоронить известия о деяниях великих язычников не удалось, потому что христианство сохранило латинский язык, к чему побудила его необходимость записать на нем новые заповеди. А если бы их можно было передать на новом языке, то от прошлого не осталось бы следа, судя по воздвигнутым на него гонениям.

Кто прочитает о поступках святого Григория и других вождей христианства, тот увидит, с каким ожесточением они преследовали всякую память о древности, бросая в огонь труды поэтов и историков, уничтожая картины и статуи и истребляя все, что было так или иначе связано с античностью. И если бы к этим гонениям добавился новый язык, то в кратчайшее время все было бы предано забвению. Но мы можем предположить, что язычники поступили со своими предшественниками точно так же, как с ними поступили христиане. И поскольку за 5–6 тысяч лет эти секты сменяются по два или три раза, память о более ранних событиях исчезает, и если все же остаются какие-нибудь следы, сведениям о них не верят и почитают баснями; так случилось с историей Диодора Сицилийского, которая охватывает 40 или 50 тысяч лет, однако ее признают, насколько мне известно, выдумкой.

Что до причин, исходящих от неба, то они истребляют человеческий род и сильно сокращают население отдельных частей мира. Случается это вследствие мора, неурожая или наводнения, из которых важнее всего последнее, ибо от него не спасается никто, за исключением диких жителей гор, которые не сохраняют памяти о древности и не могут передать ее потомкам. Если же остается в живых кто-либо осведомленный о прошлом, то в целях собственного возвышения он умалчивает о нем и перетолковывает его на свой лад так, что следующие поколения узнают только то, что ему было угодно записать. И я не думаю, чтобы можно было усомниться в действительном существовании этих потоков, эпидемий и голода, потому что о них сплошь и рядом упоминают все историки, да и ввиду отсутствия памяти о древности, а еще потому, что в этом виден разумный смысл: ведь как природа заставляет многократно сокращаться простые тела и ради собственного здоровья извергать излишек накопившейся материи, то же происходит и в смешанном теле человечества, когда все области переполняются жителями, так что им негде жить и некуда уйти ввиду повсеместного избытка населения. При этом человеческие лукавство и злоба доходят до крайности, а потому возникает

необходимость очищения мира одним из трех способов, чтобы оставшиеся в малом числе люди после пережитых испытаний стали лучше и жили спокойно. Итак, как было сказано выше, Тоскана была преисполнена могущества, набожности и доблести; она отличалась собственными обычаями и языком, но все это погибло под пятой римлян. И, как мы сказали, от нее осталось одно название.

Глава VI

Как поступали римляне на войне

Мы говорили о том, как римляне расширяли свои владения. Рассмотрим же теперь, как они вели войну, ибо каждый их поступок показывает, сколь далеко благоразумие уводило их от общепринятых путей, дабы облегчить достижение высшего величия. Те, кто вступает в войну добровольно, т. е. из честолюбивых побуждений, намереваются приобретать и сохранять приобретенное; при этом они собираются не истощать, а, напротив, обогатить свой город и свою страну. Поэтому во время завоевания и при охране завоеванного следует избегать лишних расходов и стремиться к пополнению собственной казны. Кто хочет соблюдать все эти правила, тот должен придерживаться стиля и метода римлян, который состоял прежде всего в том, чтобы вести войны короткие и решительные, как говорят французы, ибо, выступая в поход с большим войском, они выиграли войны с латинами, самнитами и тосканцами в кратчайший срок. А если обратиться к тем войнам, что они вели, начиная от основания Рима и до осады Вейев, то все они закончились за 6, 10 или 20 дней. Обычай римлян был следующий: как только объявлялась война, они выступали с войском навстречу врагу и немедленно начинали битву. Проиграв сражение, противник соглашался на условия победителя, чтобы не подвергнуть свои владения полному опустошению; римляне отбирали у него часть земель и раздавали их частным лицам или устраивали на них колонию, располагавшуюся на границе и охранявшую римские пределы с пользой как для самих колонистов, получавших землю, так и для римской казны, которая не тратила на них ни гроша. Трудно вообразить более надежный, действенный и выгодный способ защиты, потому что пока противник не выходил в поле, достаточно было названной стражи; если же колонии угрожало большое войско, тогда и римляне снаряжали такое же войско и выступали ему навстречу. Выиграв сражение, они налагали на врагов более тяжкую дань и возвращались домой. Так понемногу они обретали все большую власть над ними и сами набирались сил. Этого образа действия они придерживались до тех пор, пока не изменили способ ведения войны; произошло это после осады Вей, во время которой,

вследствие продолжительности военных действий, было решено платить солдатам, а раньше, поскольку войны были скоротечны и в жалование не было нужды, они ничего не получали. И хотя римляне пошли на это, чтобы вести более затяжные войны, нужда заставила их часто ходить в походы, дабы держать врагов подальше. Тем не менее они никогда не отступали от своего обычая завершать кампании, смотря по времени и месту, в кратчайший срок; и всегда основывали колонии. Спешить с окончанием войн, кроме всегдашней и естественной привычки, римлян заставляло честолюбие консулов, желавших воспользоваться победой для триумфа, ибо они пребывали в должности всего один год и за это время полгода войско размещалось на зимних квартирах. Что касается колоний, то закладывать их заставляли великая польза и удобство, с ними связанные. Единственное, что изменилось, – это их отношение к трофеям, которые уже не распределялись так щедро, как прежде. Во-первых, в этом не было нужды, поскольку солдаты получали жалование, во-вторых, приток трофеев настолько увеличился, что ими можно было пополнять государственные средства и не расходовать на ведение войн налоговые поступления. Благодаря этому римская казна вскоре переполнилась. Подобный образ действий в отношении распределения трофеев и основания колоний привел к тому, что Рим в ходе войн обогащался, в то время как другие государи и республики, не столь мудрые, истощали в них свои средства. Дошло до того, что консул не считал себя вправе устраивать триумф, если не мог передать на нем в казну множество золота, серебра и другой добычи. Так римляне благодаря своим обычаям и скорой расправе над врагом, которого они могли также изнурять длительной осадой, набегам, сражениями и выгодными для себя договорами, становились все богаче и сильнее.

Глава VII

Сколько земли выделяли римляне одному колонисту

Какой участок земли доставался у римлян одному колонисту, мне кажется, довольно трудно установить. Я полагаю, что они выделяли больше или меньше земли, смотря по местности, в которой устраивалась колония. Думается, что повсюду и при любых обстоятельствах распределение не было особенно щедрым, во-первых, чтобы земли хватало на большее количество людей, призванных охранять эту провинцию; во-вторых, трудно предположить, чтобы римляне захотели сделать богачами тех, кто бедствовал на родине. Тит Ливий говорит, что после взятия Вей там была основана колония и каждому досталось по 3 югера и 7 унций земли, что по-нашему составляет... Дело в том, что, кроме вышеназванных причин, существовало мнение, что важно не количество земли, а ее

хорошая обработка. Для колоний необходимо также иметь общественные поля, где каждый может пасти свой скот, и леса, чтобы запастись дровами; без этого невозможно обойтись ни одной колонии.

Глава VIII

Почему народы снимаются с насиженных мест и заполняют чужие страны

Выше речь шла о принятом у римлян способе вести войну и о том, как на тосканцев напали французы, поэтому, на мой взгляд, будет к месту порассуждать о двух видах войн. В первом случае войны бывают вызваны властолюбием государей или республик, пытающихся расширить свои владения; таковы были войны Александра Великого, римлян и вообще всех держав между собой. Эти войны разрушительны, но они не лишают родины жителей той или иной местности; победителю достаточно привести народ в повиновение, в большинстве случаев он позволяет ему жить по своим законам, пользоваться своими домами и имуществом. Другой вид войн заключается в том, что целый народ в полном составе снимается с места, побуждаемый к этому голодом или войной, и отправляется искать себе новое пристанище в чужой стране. Он хочет не управлять ею, как вышеупомянутые государи, а полностью владеть и для этого изгнать или истребить ее прежних жителей. Такая война бывает жестокой и ужасной. Об этом рассуждает Саллюстий в конце своей «Югуртинской войны», где он говорит, что после победы над Югуртой распространился слух о нашествии французов на Италию. При этом он замечает, что римский народ со всеми остальными сражался за господство, но только с французами за обоюдное выживание. Ведь государю или республике, вторгающимся в чужую провинцию, достаточно устранить лишь правящих там, а народу, который хочет воспользоваться достоянием других, следует истребить всех. Римляне пережили три подобных опаснейших войны.

Во время первой войны не устоял даже Рим, который был захвачен французами, отнявшими, как было сказано выше, у тосканцев Ломбардию и поселившихся там. Тит Ливий называет две причины этой войны: во-первых, как мы уже говорили, французов привлекали плоды и вина Италии, которых они не видели у себя на родине; во-вторых, население Французского королевства так умножилось, что для всех не хватало пропитания, поэтому местные государи решили отправить часть народа на поиски новых земель. Возглавить это предприятие должны были два французских короля, Белловез и Сеговез; первый из них отправился в Италию, а второй – в Испанию. Нашествие этого Белловеза привело к

захвату Ломбардии, а затем к первой войне между французами и римлянами. Потом было столкновение между ними после Первой Карфагенской войны, когда между Пьомбино и Пизой было перебито более 200 тысяч французов. Третья война разразилась, когда в Италию пришли кимвры и тевтоны; они одержали несколько побед над римскими войсками, но затем были разбиты Марием. Таким образом, римляне выиграли все эти три опаснейших войны. Для таких побед была потребна превеликая доблесть, и когда римляне лишились ее, а их оружие утратило былую силу, их империя была разрушена такими же народами: готами, вандалами и проч., которые захватили всю Западную империю.

Подобные народы, как мы уже отмечали, бывают гонимы из своих стран нуждой, вызванной голодом, либо войной и гнетом, которым они подвергаются у себя на родине. Тогда им приходится искать новые земли. Если этих завоевателей много, они насильственно вторгаются в чужую страну, убивают ее жителей, захватывают их имущество, основывают новые царства и изменяют названия провинций. Так поступил Моисей и те народы, что захватили Римскую империю. Ведь новые имена, появившиеся в Италии и других странах, даны были как раз их завоевателями: Ломбардия, например, называлась раньше Цизальпийской Галлией, Франция – Трансальпийской Галлией, а сейчас она получила новое имя от франков, т. е. занявших ее народов; Славия называлась Иллирией, Венгрия – Паннонией, Англия – Британией; также и многие другие провинции поменяли свое название, о чем рассказывать было бы слишком долго. Моисей назвал Иудеей захваченную им часть Сирии. А поскольку я сказал выше, что иногда эти народы гонит из отчизны война и это толкает их на поиски новых земель, я хочу привести пример маврузиев, народа, в древности жившего в Сирии. Когда они узнали о нашествии евреев и поняли, что не смогут им противостоять, они решили спастись и оставить свою страну, чтобы не погибнуть вместе с нею. Собравшись со всеми чадами и домочадцами, они направились в Африку, где и обосновались, изгнав тамошних жителей. Так те, кто не смог защитить собственную родину, оказались в состоянии захватить чужую. Прокопий, описывающий войну Велизария с наводнившими Африку вандалами, сообщает, что он читал надписи на колоннах в тех местах, где обитали названные маврузии: «*Nos Maurusii, qui fugimus a facie Iesu latronis filii Navae*» [35] . Здесь указана причина их ухода из Сирии. Эти народы, гонимые крайней нуждой, готовы на все, и если на пути им не попадется хорошего войска, ничто не сможет выдержать их яростного натиска.

Но если изгнанники, покинувшие отчизну, немногочисленны, они не

представляют такой опасности, как описанные выше народы. Путь насилия неприемлем для них, и они должны проникать на новое место хитростью, а заняв его, закрепляться там с помощью друзей и союзников, как поступали Эней, Дидона, основатели Массилии и прочие. Все они обосновались на новом месте с согласия соседей. Многочисленные народы почти все вышли из областей Скифии, местностей бедных и холодных, откуда при увеличении населения понуждает бежать невозможность пропитания; многое здесь отталкивает жителей, и ничто не удерживает. И если за последние 500 лет не было случая, чтобы кто-либо из тамошних народов нахлынул в другую страну, то причин этому несколько. Первая состоит в Великом переселении из этих стран, происходившем на закате империи; в то время оттуда вышло более 30 народов. Вторая заключается в том, что Германия и Венгрия, бывшие в свое время источником переселенцев, облагородили ныне свои земли и живут теперь в достатке, так что их обитателям незачем искать лучшей доли. В то же время, поскольку они очень воинственны, их страны являются как бы оплотом против скифов, граничащих с ними, так что последние не могут рассчитывать покорить их или пройти через их территорию. Полчища татар довольно часто приходят в движение, но венгры и жители Польши противостоят им. Часто они похваляются, что если бы не их оружие, Италия и Римская церковь на себе почувствовали бы тяжесть татарского нашествия. Думаю, что этого довольно относительно названных народов.

Глава IX

Об общих причинах, порождающих войны между державами

Причина, которая привела к войне между римлянами и самнитами, до этого длительное время состоявшими в союзе, является общей для всех войн между могущественными государствами. Подталкивают к ним либо случайность, либо намеренные действия того, кто желает развязать войну. Распри между римлянами и самнитами вспыхнули случайно: самниты не собирались, нападая на сидицинов, а затем на кампанцев, вступать в войну с римлянами. Но когда бедственное положение заставило кампанцев, вопреки ожиданиям самнитов и самих римлян, обратиться за помощью к последним, те были вынуждены выступить на защиту доверившегося им народа, как своего, потому что войны они уже не могли избежать без ущерба для собственной чести. Римляне могли отказать кампанцам в защите от своих союзников-самнитов, пока они оставались также просто друзьями Рима, но отказать ищущим их подданства или покровительства было бы позорно, потому что в таком случае они перекрыли бы дорогу всем народам, желающим поручить себя римской власти. Ведь Рим

стремился к славе и могуществу, а не к покою и потому не мог отказаться. По сходным причинам началась и первая война против карфагенян, ибо римляне взяли под свою опеку жителей Мессины в Сицилии, и произошло это волею случая. Но вторая война между ними уже не была случайной, ибо карфагенский полководец Ганнибал напал в Испании на союзников Рима сагунтинцев не для того, чтобы нанести обиду, а с целью вызвать на бой римлян, разбить их и вторгнуться в Италию. Такой способ вызывать войну был всегда в ходу между властителями, которые желают соблюдать некоторую пристойность и верность данному слову. Ведь если определенный договор, не нарушавшийся в течение долгого времени, мешает мне воевать с каким-либо государем, то я могу найти любое оправдание и предлог, чтобы напасть на его союзника, зная, что при этом он не сможет остаться в стороне, и тогда моя цель будет достигнута, либо, если он не вступится за своего подопечного, все убедятся в его слабости или вероломстве. И то и другое повредит ему во всеобщем мнении и облегчит исполнение моих планов. В связи с возникновением войн следует обратить еще внимание и на поступок кампанцев, о чем говорилось выше; отсюда можно сделать также вывод о том, какое средство есть у города, не имеющего силы обороняться, но ни за что не желающего сдаться врагу. Оно состоит в том, чтобы добровольно перейти под чье-либо покровительство. Так поступили капуанцы с римлянами и флорентийцы с королем Робертом Неаполитанским; последний не желал вступить за них как за своих союзников перед утеснявшим их Каструччо из Лукки, но защитил их как своих подданных.

Глава X

Вопреки распространенному мнению деньги не являются пружиной войны

Всякий может начать войну когда пожелает, но не так легко ее окончить, поэтому прежде чем затевать что-либо, государь должен оценить свои силы и поступать сообразно с этим. При недостатке благоразумия он может легко обмануться и переоценить их, что произойдет в том случае, когда он станет о них судить по своему богатству, местоположению своих владений или по людской благосклонности, не обращая внимания на отсутствие у него собственной армии. Все вышеперечисленное увеличивает твою силу, но само по себе таковой не является; все эти блага ничего не значат и не имеют смысла, если нет надежного войска. В этом случае тебя не выручат никакие деньги, не спасет укрепленная местность, а любовь и преданность людей развеются, ибо они не смогут сохранять верность, если ты их не защитишь. Любая скала, любое море, любое

неприступное место становится ровной площадкой там, где нет могучих защитников. Деньги не только не укрепляют тебя, но и делают желанной добычей для захватчика. Нет ничего ошибочнее общего мнения, утверждающего, что деньги суть пружина войны. Такое суждение выносит Квинт Курций по поводу войны между Антипатром Македонским и спартанским царем. Он говорит, что последний из-за недостатка средств был вынужден вступить в схватку и потерпел поражение, а если бы он воздерживался от этого в течение еще нескольких дней, то в Грецию поступило бы известие о смерти Александра, и тогда спартанцы одержали бы победу без кровопролития. Но так как у него не было денег и он боялся, что недовольное этим войско покинет его, спартанец решил попытаться счастья в бою. Отсюда Квинт Курций и выводит, что деньги – это пружина войны. Это изречение слышишь повсюду, и государи не особенно мудрые следуют ему. Полагаясь на него, они рассчитывают защититься с помощью богатой казны и не думают о том, что если бы накопленных сокровищ было достаточно для победы, то Дарий одолел бы Александра, греки пересилили бы римлян, а в наше время герцог Карл победил швейцарцев; точно так же, как немного дней тому назад папа и флорентийцы не затруднились бы совокупными силами разгромить в Урбинской войне Франческо Марию, племянника папы Юлия II. Но все вышеназванные потерпели поражение от тех, кто почитает главным двигателем войны не деньги, а хороших солдат. Лидийский царь Крез показал афинянину Солону наряду с прочим свои бесчисленные сокровища и спросил, что думает он о его могуществе, на что Солон ответил, что могущество его не столь велико, ибо на войне все решает железо, а не золото, и если противник Креза превзойдет его в этом отношении, он отнимет у него все золото. Добавлю еще, что когда после смерти Александра Великого масса французов нахлынула в Грецию, а затем в Азию, они отправили посольство к царю Македонии, чтобы заключить с ним мир, и этот царь, чтобы устрашить их и дать понять им о своем могуществе, показал им накопленное у него золото и серебро. Тогда французы, уже было готовые к соглашению, нарушили его, ибо воспылали жадой завладеть этим золотом. Так названного царя погубило добро, накопленное им для своей защиты. Несколько лет тому назад венецианцы потеряли все свои владения, не имея возможности оборонять их, хотя государственная казна была полной.

Поэтому я и говорю, что не золото, как провозглашает всеобщее мнение, а хорошие солдаты суть пружина войны, ибо за золото не всегда найдешь добрых солдат, а хорошие солдаты всегда достанут золото. Если бы римляне в своих войнах полагались больше на деньги, чем на оружие,

то для осуществления их великих предприятий и преодоления вставших перед ними трудностей им не хватило бы всех сокровищ мира. Но римляне воевали с помощью железа и никогда не страдали от недостатка золота; трепетавшие перед ними приносили им золото прямо в лагерь. А если упомянутый спартанский царь вследствие недостатка денег был вынужден пойти на риск сражения, то в данном случае деньги выступают как одна из множества возможных причин. Ведь когда войску не хватает продовольствия и оно стоит перед выбором – умереть от голода или вступить в битву, то всегда выбирают последний выход как более достойный и оставляющий некоторую надежду на удачу. Полководцам случалось также частенько выбирать при виде подходящей к вражескому войску помощи: сразиться с ним и испытать судьбу в бою либо выждать, пока оно получит подкрепление, и опять-таки вступить в битву на гораздо менее выгодных условиях. Бывало и так (например, с Гасдрубалом, на которого в провинции Марка напал Клавдий Нерон вместе с другим римским консулом), что если военачальник может вступить в сражение или бежать, он всегда склоняется к первому, потому что в этом случае он может рассчитывать на победу, хотя и очень сомнительную, а при отступлении он проигрывает при любых обстоятельствах. Таким образом, различные причины могут заставить полководца принять бой вопреки его намерениям. Среди них может быть и недостаток средств, но из этого не следует, что деньги являются живительной силой войны в отличие от всех прочих вещей, побуждающих людей к подобным же действиям. Итак, повторю еще раз, не золото – пружина войны, а хорошие солдаты. Также и деньги имеют важность, но второстепенную; имея хороших солдат, можно справиться с их отсутствием, ибо при отличных солдатах не бывает недостатка в деньгах, а сами по себе деньги таких солдат не обеспечивают. Сказанное нами тысячекратно подтверждается историей, несмотря на то что Перикл советовал афинянам воевать со всем Пелопоннесом, убеждая их, что эту войну можно выиграть с помощью ловкости и денег. Хотя афиняне и добились определенных успехов в последовавшей войне, в конце концов они ее проиграли; разум и отважные солдаты Спарты взяли верх над изощренностью и богатством Афин. Тит Ливий более чем кто-либо другой подтверждает высказанное нами мнение, когда он строит предположения насчет того, победил бы Александр Великий римлян, если бы вторгнулся в Италию, и доказывает, что для войны необходимы три вещи: надежные и многочисленные солдаты, мудрые полководцы и благосклонность судьбы. Прикидывая, на чьей стороне было преимущество в этих вещах, у римлян или у Александра, он делает свои заключения, вовсе не упоминая о

деньгах. Жители Капуи, которых сидицины попросили выступить на их стороне против самнитов, по-видимому, измеряли свои силы не количеством солдат, а количеством денег, потому что, выступив на помощь союзникам, после двух поражений они были вынуждены платить дань римлянам ради собственного спасения.

Глава XI

Неразумно водить дружбу с государем, который силен на словах, а не на деле

Желая показать ошибку сидицинов, понадеявшихся на помощь кампанцев, и заблуждение последних, полагавших, что они сумеют защитить сидицинов, Тит Ливий выразил это как нельзя лучше в следующих словах: «*Campani magis nomen in auxilium Sidicinorum, quam vires ad praesidium attulerunt*» [36]. Следует заметить, что союз, заключенный с государем, который не может тебе помочь вследствие удаленности своих владений, либо не имея на это сил из-за внутренних неурядиц, или по другой причине, дает вступившим в него лишь символическую поддержку. Так случилось в наше время с флорентийцами, когда в 1479 году на них напали папа и неаполитанский король; будучи в союзе с королем Франции, они извлекли из этого «скорее звание союзников, чем подкрепление». На такое же содействие мог бы рассчитывать и государь, в своих начинаниях уповающий на императора Максимилиана, потому что поддержка последнего относится как раз к тем, которые наделяют «скорее званием союзника, чем подкреплением», как было сказано по поводу капуанцев и сидицинов. Жители Капуи допустили тогда ошибку, переоценив свои силы. Так иной раз неосмотрительность подводит людей, которые, не имея возможности отстоять себя самих, пытаются защитить других. Подобным образом поступили тарентинцы, когда римское войско сошлось с войском самнитов; их послы заявили римскому консулу, что тарентинцы желали бы установить мир между ними и самнитами и что они объявят войну тому, кто нарушит этот мир. У консула это предложение вызвало лишь насмешку, и он в присутствии послов велел трубить сигнал к началу битвы, приказывая войску двинуться на врага. Так он не на словах, а на деле показал тарентинцам, какого ответа они заслужили.

Разобрав в этой главе те способы, которые государи употребляют для помощи другим, в следующей я хочу поговорить о том, как они защищают себя самих.

Глава XII

Что лучше в преддверии войны: выждать или нанести первый удар

Мне неоднократно приходилось слышать, как люди, достаточно искушенные в ратном деле, спорили о том, что лучше делать государю, которому объявил войну примерно равный по силам, но более дерзкий соперник, — ожидать врага в своих владениях или напасть самому и вступить на его территорию. Обе стороны приводили различные доводы. Сторонники решительных действий ссылаются на совет, который дал Крез Киру, когда тот стоял на границе с массагетами, собираясь начать с ними войну, и их царица Томирис через своих послов спросила у него, желает ли он, чтобы она ждала его у себя, или ей следует выступить ему навстречу. При обсуждении ответа Крез, вопреки мнению других, сказал, что нужно идти к царице, потому что, если она потерпит поражение на чужой земле, то успеет собраться с силами и царство не потеряет, а если Кир победит ее на родине, то он сможет ее преследовать и, не давая опомниться, лишит ее власти. Приводят также совет, который Ганнибал дал Антиоху, когда названный царь собирался воевать с римлянами. Ганнибал доказывал, что римлян можно победить только в Италии, потому что там можно завладеть их оружием, богатствами и союзниками; если же сражаться вне Италии и оставить ее в распоряжении римлян, то они всегда смогут черпать из этого жизненного источника и поставлять оттуда подкрепление во всех необходимых случаях. По мнению Ганнибала, у римлян легче было отнять их столицу, нежели остальные владения, Италию, нежели другие провинции. Ссылаются еще на Агафокла, который не мог вынести войну на своей территории, напал на своих противников карфагенян и заставил их просить мира. Упоминают и Сципиона, высадившегося в Африке, чтобы избежать войны в Италии.

Сторонники противоположного воззрения утверждают, что враг, удалившийся от дома, попадает в тяжелое положение. Они ссылаются на пример афинян, которые всегда одерживали верх, пока с удобством для себя воевали на родине, но когда они покинули ее и двинулись походом на Сицилию, он закончился для них утратой свободы. Припоминают в этом случае и поэтические вымыслы, в которых говорится об Антее, царе Ливии, сражавшемся с Гераклом Египетским. Этот царь был непобедим, пока ожидал противника внутри собственных пределов; перейдя через них вследствие хитрости Геракла, он распростился с государством и с жизнью. Отсюда родилась легенда об Антее, который, стоя на земле, породившей его, набирался у нее сил, и о Геракле, приподнявшем его и оторвавшем от земли. Но приводят и современные суждения. Всякому известно, что неаполитанский король Фердинанд считался в свое время одним из мудрейших государей. Когда за два года до его смерти распространился

слух, что французский король Карл VIII собирается на него напасть, Фердинанд стал готовиться к войне, но заболел и перед смертью наряду с прочим завещал своему сыну Альфонсу ожидать противника в собственных владениях и ни за что на свете не выходить за пределы своего государства; собрав войско, следовало держать его наготове. Однако Альфонс поступил по-своему и отправил войско в Романью, после чего без боя потерял и свою армию, и свои владения.

Кроме вышесказанного, обе стороны приводят еще следующие аргументы: у нападающего боевой дух выше, чем у того, кто ждет нападения, поэтому его войско надежнее. К тому же противник лишается возможности пользоваться своим имуществом, ибо его подданные подвергаются грабежу; перед лицом врага правитель бывает вынужден обременять их и облагать поборами с большей осмотрительностью. Таким образом, для него иссякает источник, питающий, как говорил Ганнибал, его военные расходы. Далее, солдат, находящихся в чужой стране, заставляет сражаться необходимость, а из нее, как мы неоднократно отмечали, рождается доблесть.

Противная сторона возражает: в ожидании врага есть свои преимущества, без особых хлопот ты можешь затруднить его снабжение провизией и другими припасами, потребными для войска, можешь расстраивать его планы благодаря лучшему знанию местности; можешь выставить против него более многочисленное войско, легко соединив все свои силы, а ведь он не в состоянии привести всех своих воинов в чужую страну. Наконец, будучи разбит, ты можешь без труда поправить свое положение, ибо многие из твоих солдат спасутся, имея по соседству убежище, и за пополнением не придется далеко ходить. Таким образом, ты ставишь на карту все свои силы, но проигрыш не лишает тебя надежды, а удалившись от дома, в случае неудачи ты рискуешь потерять все, но не можешь поставить на кон все силы. Некоторые полководцы позволяли противнику, чтобы ослабить его, углубиться в свои земли на несколько дней пути и даже занять ряд городов; оставляя в них гарнизоны, он уменьшает свое войско и тем ослабляет его боеспособность.

Но поскольку я хочу теперь высказать собственное мнение, думаю, что необходимо сделать следующее разграничение: идет ли речь об обороноспособной стране, как та, где жили римляне, и та, в которой живут швейцарцы, или о бессильной, как в свое время Карфаген, а ныне страны французского короля и итальянцев. В последнем случае врагов следует держать подальше от дома, ибо все твои силы заключаются не в людях, а в богатстве, и когда путь к нему заказан, ты обречен на поражение; и ничто

так ему не угрожает, как война в собственных владениях. В пример можно привести карфагенян, которые благодаря своим доходам могли воевать с римлянами, пока их родина оставалась свободной, но когда она подверглась нашествию, они не сумели сопротивляться Агафоклу. Флорентийцы никак не могли справиться с правителем Лукки Каструччо, потому что он воевал на их территории; в конце концов ради собственной защиты они были вынуждены отдать себя под покровительство короля Роберта Неаполитанского. Но после смерти Каструччо те же флорентийцы отважились потревожить герцога Миланского в его владениях и посягать на его власть; такую доблесть выказывали они, сражаясь вдалеке, и такое ничтожество – у себя дома. Но если население царства готово к войне, как оно было готово в Риме и как оно готово сейчас у швейцарцев, его тем труднее победить, чем меньше расстояние до его жилищ. Ибо для него легче собрать большие силы, чтобы противостоять натиску извне, чем идти в поход в чужие земли. Меня не убеждает в этом случае и авторитет Ганнибала, который в разговоре с Антиохом руководствовался своим интересом и увлечением. Ведь если бы римляне потерпели во Франции три поражения на протяжении того же времени, что они были разбиты в Италии Ганнибалом, вне всякого сомнения, им не удалось бы оправиться, ибо они не могли бы собрать остатки войск, как это было в Италии. Им не представилось бы таких возможностей, и у них не было бы такого количества людей, как те, что нашлись в Италии. Вторгаясь в какую-либо провинцию, они никогда не отправляли туда более 50 тысяч солдат, а для защиты своих очагов от французов после Первой Пунической войны они подняли на ноги 1 миллион 800 тысяч человек. И уже в Ломбардии они не смогли бы нанести такого поражения французам, как в Тоскане, ибо не смогли бы выставить против столь многочисленного противника, находящегося на далеком расстоянии, соответствующие силы, да и сражаться им было бы труднее. Кимвры разбили в Германии римское войско, и римляне ничего не могли с ними поделать. Но когда кимвры пришли в Италию, они были разгромлены римлянами, собравшими все свои силы. Швейцарцев легко победить за границей, где их войско может насчитывать не более 30–40 тысяч человек. Но справиться с ними на родине, где их насчитывается 100 тысяч, очень трудно. Итак, в заключение я снова делаю вывод, что государь, вооруживший и подготовивший свой народ к войне, должен всегда ожидать начала большой и тяжелой войны дома и не выступать навстречу врагу, а тот, чей народ безоружен и непривычен к войне, должен отвести ее как можно дальше от своих владений. Так каждый из них сможет защититься наилучшим для себя

способом.

Глава XIII

Из малого стать великим легче, пользуясь хитростью, а не силой

Я почитаю за несомненную истину, что людям малоизвестным невозможно достичь высших ступеней, не прибегая к силе или хитрости, если только они не получают новые звания от других в пожалование или по наследству. Думаю также, что одной силы здесь бывает недостаточно, а вот одной хитростью можно обойтись. В этом легко убедиться, читая жизнеописания Филиппа Македонского, сицилийца Агафокла и многих им подобных, из низкого или даже ничтожного звания поднявшихся на трон и добившихся величайшей власти. Ксенофонт в биографии Кира показывает необходимость обмана, изображая первый же поход, снаряженный им против царя Армении, сплошной цепью хитростей, в результате которых Кир захватил его царство. Вывод Ксенофонта состоит в том, что государь, желающий вершить великие дела, должен научиться обманывать. Кроме того, советник неоднократно наущал Кира обманывать царя мидян, Киассара, брата своей матери; Ксенофонт доказывает, что без этого Кир не смог бы достичь будущего величия. Навряд ли можно сыскать человека, родившегося в безвестности и поднявшегося на вершину власти прямым путем, с помощью одной силы, хотя довольно примеров достигших этого одними уловками, как, скажем, Джован Галеаццо, который устранил от власти в Ломбардии мессера Бернабо, своего дядю, и занял его место. А то, что вынуждены делать государи в начале своей карьеры, тем более необходимо для республик, пока они не достигли могущества, позволяющего добиваться всего силой. Все поступки римлян, как случайные, так и осознанные, вели их к величию, поэтому и названные приемы были им не чужды. Трудно представить себе больший обман, чем принятый у них вначале способ заключать союзы, ибо, прикрываясь званием союзников, они поработали окрестные народы, в том числе латинов и прочих. Сперва Рим воспользовался их оружием, чтобы покорить соседей и приобрести как можно больше влияния, затем, когда эти предприятия увенчались успехом, он достиг такого могущества, что сам мог побороть любого. Латины не замечали надетого на них ярма, пока не стали очевидцами двух поражений самнитов и заключенных ими с римлянами соглашений о мире. Эта победа превознесла имя римлян среди удаленных государей, которые благодаря ей только слышали о них, но еще не почувствовали силу их оружия, однако у тех, кто был знаком с римским войском, в том числе и у латинов, она породила подозрение и зависть. Эти страхи и сомнения были столь велики, что не только латины, но и колонии

римлян в Лациуме, а также кампанцы, которых они только недавно обороняли, восстали против римского владычества. Как мы уже говорили выше, латины начали эту войну так же, как и начинали большинство войн, напав не на римлян, а выступив против самнитов на стороне сидицинов, против которых самниты воевали с разрешения римлян. А то, что выступления латинов вызвал вскрывшийся обман, доказывают слова Тита Ливия, вложенные в уста латинского претора Анния Сетина, который в собрании латинов высказался так: «*Nam si etiam nunc sub umbra foederis aequi servitutem pati possumus*» etc [37] . Таким образом, римляне в своих первых предприятиях не чурались etiam [38] обмана, каковой всегда был необходим для желающих перейти от скромных начинаний к великим свершениям и тем меньше подвергался порицанию, чем более был скрытным, как у римлян.

Глава XIV

Люди часто обманываются, надеясь своим смирением победить чужую гордыню

Довольно часто можно наблюдать, что смирение не только бесполезно, но и вредно, в особенности если расточать его перед людьми беззастенчивыми, затаившими против тебя злобу из зависти или по какой-либо другой причине. Тому свидетельством служит описание причины войны между римлянами и латинами у нашего историка. Когда латины напали на самнитов и последние пожаловались на них римлянам, те не стали вмешиваться, не желая раздражать латинов; однако это не только раздражило их, но и вызвало еще больший прилив отваги, так что очень скоро они объявили о своей вражде. Об этом свидетельствуют слова того же латинского претора Анния на том же собрании, звучавшие так: «*Tentastis patientiam negando militem: quis dubitat exarsisse eos? Petulerunt tamen hunc dolorem. Exercitus nos parare adversus Samnites, foederatos suos, audierunt, nec moverunt se ab urbe. Unde haec illis tanta modestia, nisi conscientia virium, et nostrarum, et suarum?»* [39] Это место яснее ясного показывает, как терпение римлян подстегнуло дерзость латинов. Так что государь никогда не должен терять своего достоинства, и, заключая равноправный договор, ему не следует идти на уступки, если он не может или не считает себя в состоянии в случае надобности не делать таких уступок; ведь если обстоятельства заставляют его идти на уступки, для него почти всегда лучше бросить вызов силе, а не склониться перед угрозой силы. Если ты идешь на уступки из страха, значит, ты хочешь избежать войны, но в большинстве случаев это не удастся, ибо если ты уступишь противнику и выразишь этим свою трусость, он на этом не остановится и

захочет отнять у тебя все остальное. Презируя тебя, он не станет церемониться; в то же время поступок, говорящий о слабости или трусости, охладит твоих сторонников. Если же ты, узнав о намерениях противника, сразу станешь готовиться к бою, даже будучи слабее его, это вызовет уважение как врага, так и других соседних государей. Кое-кто из них выступит на защиту, видя твою готовность, чего в противном случае он никогда бы не сделал. Все это относится к войне с одним противником; если же их несколько, то привлечь одного из них на свою сторону ценой уступки части владений, чтобы ослабить враждебный лагерь, всегда считалось разумным даже в разгар войны.

Глава XV

Слабым государствам присуща нерешительность, а запоздалое принятие решений всегда приносит вред

Продолжая это рассуждение по поводу начала войны между латинами и римлянами, следует заметить, что при рассмотрении всяких дел следует вникать в суть принимаемого решения, а не ходить вокруг да около в ожидании, пока все само собой прояснится. Ярким примером служит совет латинов, собранный ими, когда они захотели отделиться от римлян. Последние, заметив брожение в умах латинских народов, пожелали удостовериться в их дурном расположении и узнать, нельзя ли вернуть их, не прибегая к оружию, поэтому они послали сказать им, чтобы те выслали в Рим восемь граждан для переговоров. Услышав об этом, латины, которые прекрасно сознавали, что многие их поступки были не по душе римлянам, созвали совет, чтобы выбрать послов и определить линию поведения, которой они должны будут придерживаться в своих речах. И во время этого обсуждения на совете претор Анний сказал так: «*Ad summam rerum nostrarum pertinere arbitror, ut cogitatis magis, quid agendum nobis, quam quid loquendum sit. Facile erit, explicatis consillis, accomodare rebus verba*» [40] . Эти слова в высшей степени справедливы, и всякий государь и республика должны их усвоить, ибо, строя предположения и догадки о том, каковы намерения другого, невозможно приспособить к ним свои речи; но когда решение принято, план действий намечен, слова придут сами. Я сделал это замечание тем охотней, что мне часто приходится видеть, как подобная нерешительность была помехой в действиях нашей республики, к ее ущербу и стыду. Но в рискованных предприятиях, там, где требуется проявить отвагу и решительность, люди слабые всегда станут колебаться, если им надо будет дать совет и выработать определенный план действий.

Не меньший вред, чем неопределенность, наносят медлительность и запаздывание в принятии решений, особенно когда речь идет о помощи

другу. Промедлив, ты обесцениваешь свой поступок и создаешь ущерб для себя. Подобный недостаток бывает вызван малодушием и бессилием или злым умыслом тех, кто принимает решения, ибо они, побуждаемые собственной жадой погубить государство или исполнить какое-то другое свое желание, всячески мешают и противодействуют тому, чтобы решение состоялось. Ибо добрые граждане никогда не станут затягивать решения, особенно в деле, не терпящем отлагательства, даже если увидят, что народные пристрастия клонятся не в ту сторону. По смерти сиракузского тирана Гиеронима, во время великой войны между карфагенянами и римлянами, жители Сиракуз обсуждали, кого им избрать союзником: Рим или Карфаген. В пылу разногласий никак не удавалось принять то или иное решение, пока Аполлонид, одно из первых лиц в Сиракузах, не выступил с преисполненной благоразумия речью и не показал, что достойны осуждения не сами по себе сторонники римлян или карфагенян, но неопределенность и медлительность в принятии решений, которые могут погубить республику. Любая определенность, к чему бы она ни вела, давала надежду на лучший исход. Трудно сыскать у Тита Ливия место, более наглядно, чем здесь, показывающее вред нерешительности. Сходный вывод можно сделать и из той же истории латинов. Они просили помощи против Рима у лавинийцев, но те столько времени затягивали решение, что когда они вышли со своим подкреплением за ворота города, пришло известие о поражении латинов. Тогда их претор Милионий сказал: «За этот короткий путь нам придется дорого заплатить римлянам». Если бы они в свое время решили помогать или не помогать латинам, то во втором случае они не раздражили бы римлян, а в первом, не задержав подмогу, могли бы своими силами способствовать победе; промедление же в любом случае обрекало их на поражение, как оно и случилось.

Если бы флорентийцы обратили внимание на это место у Ливия, они избавили бы себя от стольких хлопот и волнений, которые им пришлось пережить во время похода французского короля Людовика XII в Италию, против герцога Миланского Лодовико. Перед выступлением король хотел заключить с флорентийцами договор, и их послы обещали ему нейтралитет в обмен на то, что он станет поддерживать и покровительствовать им в Италии. В течение месяца договор должен был быть ратифицирован. Однако неразумные сторонники партии Лодовико помешали своевременному подписанию договора, и когда флорентийцы пожелали утвердить его, победа короля была уже несомненной, и он отверг их услуги, ибо поступок флорентийцев представлялся ему вынужденным, а не добровольным и дружественным. Все это стоило Флоренции немалых

денег, и государство оказалось на грани падения, которое и произошло в подобных же обстоятельствах впоследствии. Такое поведение было тем более предосудительным, что и герцог Лодовико ничего здесь не выигрывал; если бы он одержал победу, то поступил бы с флорентийцами гораздо хуже, чем король. И хотя все то зло, с которым сопряжена для республик такая слабость, было уже описано в одной из глав выше, я решил, воспользовавшись новым поводом, вернуться к этому предмету, ибо он представляется мне весьма важным для республик, подобных нашей.

Глава XVI

Сколь далеки солдаты нашего времени от древних образцов

За всю историю войн римского народа с другими важнейшим было сражение с латинскими племенами, состоявшееся в консульство Торквата и Деция. Ибо как рассудить иначе, если проигравшие его латины были порабощены, а римляне, если бы не победили, попали бы под иго. Этого мнения придерживается и Тит Ливий, потому что оба войска у него во всем равны: в числе, упорстве, отваге и выучке. Разница только в том, что римские полководцы были более доблестными, чем латинские. Причем в ходе битвы случились два невиданных дотоле происшествий, примеры подражания которым трудно сыскать: для придания солдатам стойкости, боевого духа и укрепления дисциплины один из консулов покончил с собой, а второй пожертвовал своим сыном. Сходство обеих войск, о котором говорит Тит Ливий, состояло в том, что они долгое время воевали вместе и поэтому пользовались одним и тем же языком, оружием и внутренним устройством; они придерживались одинаковых боевых порядков, а наименования частей войска и их начальников были теми же самыми. Следовательно, при равной силе и доблести лишь какой-то необыкновенный поворот событий мог поддержать и укрепить стойкий боевой дух в одних солдатах по сравнению с другими, а в этой стойкости, как уже говорилось, заключен залог победы, ибо пока она живет в сердцах бойцов, войска не показывают спину. И вот, чтобы придать римлянам больше стойкости, чем латинам, то ли жребий, то ли добродетель консулов распорядились так, что Торкват убил собственного сына, а Деций себя самого. Демонстрируя названное равенство сил, Тит Ливий обозревает все боевые порядки римского войска в обычное время и в сражении. Поскольку он все подробно объясняет, я не стану на этом останавливаться, а рассмотрю только самые примечательные особенности римского войска, пренебрежение которыми со стороны всех военачальников нашего времени привело к великому расстройству как в содержании армии, так и в сражениях. Итак, судя по словам Ливия, римское войско делилось на три

главные части, которые на тосканском диалекте мы можем назвать тремя шеренгами; в первую из них входили гастаты, во вторую – принципы, а в третью – триarii; каждый отряд дополнялся конницей. Готовясь к битве, впереди ставили гастатов; во втором ряду, сразу же за их спинами, располагались принципы; в третьем, по той же линии, становились триarii. Конников всех этих отрядов размещали справа и слева каждой из шеренг. Благодаря своему виду и расположению эти конные части получили название *alae* [41], ибо они выглядели как крылья войскового стана. Первая шеренга гастатов, находившаяся впереди, была плотной настолько, чтобы выдержать натиск врага и отразить его. За ними находились принципы, которые должны были не принимать первый удар, а помогать первой шеренге, если бы она оказалась расстроенной или смятой. Принципы стояли не так тесно, и их ряды были достаточно разрежены, чтобы, не разрушая их, можно было принять в себя воинов передового отряда, если под давлением противника они будут вынуждены отступить. Третья шеренга, триариев, была еще более разреженной, чем вторая, потому что в случае необходимости в нее должны были влиться две первых: принципов и гастатов. Итак, построившись в таком порядке, римляне вступали в бой; если гастатов одолевали или теснили, они отступали на свободные места в рядах принципов и, объединившись с ними и собрав обе шеренги в кулак, продолжали битву. Если противник снова опрокидывал их, им приходилось подаваться назад и смешиваться с рядами триариев. Затем все три шеренги, перестроившись, снова вступали в сражение, но если и в этом случае они уступали врагам, то, не имея возможности отходить дальше, терпели поражение. И так как всякий раз, когда в бой включались триarii, войско подвергалось опасности, родилась такая поговорка: «*Res redacta est ad triarios*» [42], что по-тоскански означает: «Мы сделали последнюю ставку». Военачальники нашего времени, не соблюдавшие никаких заветов старинной военной науки и распростившиеся со всеми прочими обычаями, забыли и об этих наставлениях, которыми не следовало бы пренебрегать, потому что тот, кто может трижды восстановить свои силы в ходе сражения, не потерпит поражения, если фортуна не отвернется от него три раза подряд, и не будет побежден, если не столкнется с доблестью, втрое превосходящей его собственную. Наши армии не в состоянии троекратно возобновлять битву, потому что они утратили способ растворения предыдущей шеренги в последующей. В нынешних сражениях боевые порядки обычно имеют один из следующих двух недостатков: в одном случае отряды ставятся плечом к плечу друг к другу и имеют протяженный фронт в ширину, но

небольшое расстояние в глубину; в этом и состоит их слабость, ибо глубина строя явно недостаточна. Однако если для усиления рядов их располагают на римский манер, поражение первого ряда ведет к смятению и разгрому также и второго, потому что он не может влиться в последний: первая шеренга сталкивается со второй под натиском противника, а вторая не может двигаться вперед, натыкаясь на первую. Когда первые ряды теснят вторые, а вторые – третьи, возникает такое замешательство, что часто незначительные происшествия губят все войско. В сражении при Равенне, которое было, по нынешним временам, довольно хорошо разыграно и в котором погиб французский главнокомандующий господин де Фуа, французская и испанская армии были построены одним из вышеописанных способов, а именно все отряды каждого войска встали плечом к плечу, и у обеих армий образовался единый фронт, то есть они были растянуты гораздо больше в ширину, чем в глубину. Так получается всегда, когда два войска встречаются в широком поле, как в Равенне, ибо, опасаясь неудобств при отступлении, если они вытянутся в колонну, они стараются этого избежать, расширяя свой фронт, как мы уже сказали; но если местность этому не благоприятствует, обычно допускается вышеописанная ошибка, и о последствиях никто не думает. Тот же самый недостаток мы наблюдаем при продвижениях по вражеской территории как с целью опустошения, так и при других военных маневрах. При Санто Реголо близ Пизы и в других боях, когда флорентийцы потерпели поражение от пизанцев во время войны между Флоренцией и Пизой, восставшей после прихода французского короля Карла в Италию, этими неудачами мы были обязаны союзной кавалерии, которая, находясь в авангарде и будучи отброшена противником, обращалась на флорентийскую пехоту и опрокидывала ее, почему и все остальные полки обращались в бегство. Прежний командир флорентийской пехоты, мессер Чириако Даль Борго, часто утверждал в моем присутствии, что он был разбит только из-за кавалерии союзников. Швейцарцы, непревзойденные наставники в современных войнах, сражаясь с французами, больше всего заботятся о том, чтобы находиться в стороне от союзной кавалерии и не столкнуться с ней в случае отступления. И хотя все это, кажется, нетрудно понять и еще легче исполнить, до сих пор все-таки не нашлось никого из наших современных полководцев, кто смог бы восстановить старинные обычаи и исправить нынешние. Правда, и сейчас армии делят на три части, называя одну из них авангардом, вторую – главными силами и третью – арьергардом. Все эти наименования служат только для того, чтобы командовать на постое, а в боевых действиях редко случается так, чтобы,

как было сказано выше, все эти отряды не постигла одна и та же участь.

А поскольку многие, пытаясь оправдать собственное невежество, ссылаются на преобладание артиллерии, не позволяющее в наше время подражать обычаям древних, я хочу в следующей главе обсудить этот вопрос и рассмотреть, мешает ли артиллерия проявлению античной доблести.

Глава XVII

Насколько теперешние войска должны считаться с действиями артиллерии, и справедливо ли всеобщее мнение, сложившееся на этот счет

Задумываясь над тем, сколько полевых сражений (которые в наше время называются французским словом «боевая страда», а по-итальянски – «боевые операции»), помимо вышеописанных, было дано римлянами за многие годы, я вспоминаю о широко распространенном мнении, что если бы в древности существовала артиллерия, римлянам не удалось бы и было бы не так легко завоевывать провинции и делать своими данниками народы, как делали они; и ни за что им не досталось бы таких огромных приобретений. Говорят еще, что из-за этих пушечных орудий люди не могут теперь проявить и пустить в дело свою доблесть, как это было в старину. Добавляют еще третье, что генеральные сражения ныне устраиваются с гораздо большей неохотой, чем прежде, и в них нельзя уже соблюдать старых обычаев, так что война скоро сведется к поединкам пушек. Мне кажется небесполезным обсудить, справедливы ли такие мнения и насколько артиллерия усилила или ослабила воинскую мощь, а также дает ли она хорошим полководцам возможность показать свои способности или отнимает ее у них. Я начну с первого суждения, сводящегося к тому, что римские войска не сделали бы таких приобретений, если бы в то время существовали пушки. В ответ на это я скажу, что войну ведут или в целях защиты, или в целях нападения, поэтому сперва следует рассудить, для какого вида войн артиллерия полезна, а для какого вредна. И хотя есть немало доводов в защиту и того и другого, я все же полагаю, что она наносит несоизмеримо больший ущерб тому, кто обороняется, по сравнению с тем, кто нападает. Причина, на мой взгляд, состоит в том, что защищающийся находится внутри крепости или в лагере, обнесенном каким-либо ограждением. Если обороняющийся укрывается в крепости, то она может быть маленькой, каковы обычно почти все крепости, или большой. В первом случае дело обороны наверняка проиграно, потому что не найдется такой стены, какую бы толщину она ни имела, чтобы пушки за несколько дней не разрушили ее; и если внутри нет места, защищенного рвами и валами, чтобы укрыться и

отступить, то война бывает проиграна. К тому же крепость не может сдерживать натиск противника, желающего проникнуть в нее через разрушенную стену, какой бы артиллерией она ни располагала, ведь существует правило, что пушки не могут сдерживать напор большой толпы. Города уступают остервенелому натиску чужеземных войск; они выдерживают только, когда итальянцы идут на приступ, потому что те не собираются в толпу, а выступают поодиночке и завязывают бой, который совершенно справедливо называют стычкой. Те, кто выступает в подобном беспорядке и столь прохладно на штурм стены, защищенной артиллерией, идут на верную смерть, и против них пушки пригодны; но если бойцы сбились в толпу, где один подталкивает другого, и устремляются в прорыв, то их не удержат пушки, и они пройдут повсюду, где нет валов или рвов, а если при этом и понесут потери, то не столь значительные, чтобы это привело к поражению.

Справедливость этих слов видна на примере многих завоеваний, осуществленных пришельцами из-за Альп в Италии, в особенности при взятии Брешии, ибо когда этот город восстал против французов и в руках у французского короля оставалась одна крепость, венецианцы, чтобы защититься от угрозы, которую она представляла для города, расставили по всей дороге, ведущей от крепости к городу, пушки, которыми оказались начинены все подходящие для этого места. Однако господин де Фуа не обратил на это внимания; спешив свой эскадрон, он занял город, пройдя через ряды пушек, и не слышно, чтобы они нанесли ему какой-либо заметный урон. Таким образом, защитник маленького городка, как уже было сказано, если он не располагает никакими естественными преградами, а только стенами, и у него нет достаточного пространства для сооружения рвов и насыпей, наверняка проигрывает, если делает ставку на артиллерию. Если же ты защищаешь большой город, в котором есть где укрыться, то все равно пушки будут несравненно полезнее для того, кто снаружи, чем для того, кто внутри.

Прежде всего потому, что для нанесения урона осаждающим тебе понадобится поднять артиллерию над землей; с ровного места ты не сможешь поразить противника – достаточно ему возвести простейшие заграждения и насыпи, за которыми он будет в безопасности. Так что тебе придется заводить пушки на уровень стен или как-то иначе располагать их на возвышении, а это влечет за собой двоякое неудобство: во-первых, твои орудия не смогут сравниться калибром и размерами с орудиями осаждающих, ибо на малом пространстве трудно управляться с большими предметами; но если ты их туда и затащишь, их нельзя будет хорошо и

надежно защитить, потому что, в отличие от нападающих, у тебя не будет достаточного простора и удобства. Поэтому защитникам города невозможно установить пушки на возвышенности, когда противник располагает многочисленной и мощной артиллерией. Если же они оставят их внизу, пользы, как уже было сказано, от этого выйдет мало. Таким образом, оборона города сводится, как в древности, к ближнему бою и к использованию легкой артиллерии, причем, что касается последней, предоставляемые ею немногие выгоды уравниваются неудобствами, вызванными уменьшением высоты стен, которые чуть не тонут во рвах, и когда дело доходит до рукопашной с противником, пробившим стену или засыпавшим ров, защитникам действовать гораздо труднее. В общем, как мы уже отметили, пушки нужнее для осаждающих, чем для осажденных.

Что касается третьего способа вести войну, а именно укрывшись за оградой лагеря и вступая в сражение только в удобный и выгодный для тебя момент, я скажу, что обычно не удастся использовать преимущество ожидания, как делали древние, и артиллерия при этом создает зачастую лишние неудобства. Ведь если противник настигнет тебя, располагая, как это легко может случиться, преимуществом на местности и находясь выше твоего лагеря, который ты еще не успел как следует прикрыть земляными насыпями, то он немедленно выбьет тебя оттуда и принудит выйти из-за укреплений и вступить в бой. Так произошло с испанцами в сражении под Равенной; они окопались между рекой Ронко и валом, который не успели насыпать до нужной высоты, и французы, используя свое выгодное положение, артиллерией заставили их выйти оттуда и принять бой.

Но если ты, как тому и следует, занимаешь господствующее положение на местности, а твои защитные сооружения хороши и надежны, так что противник не отважится штурмовать их, тогда он прибегнет к тому же способу, что применялся и в древности, когда к чужому войску нельзя было подступить: он станет разорять страну, захватывать или осаждать союзные тебе города, нападать на обозы с провиантом, и рано или поздно тебе придется покинуть стоянку и завязать сражение; при этом, как мы скажем ниже, от артиллерии толку мало. Итак, памятуя о том, какие войны вели римляне, и о том, что их войны почти всегда были наступательными, а не оборонительными, мы можем заключить, что если все вышесказанное справедливо, то в наши дни на их стороне был бы еще больший перевес и на свои завоевания они потратили бы еще меньше времени.

Что касается второго замечания, по поводу невозможности вследствие действия артиллерии проявить воинскую доблесть, как это бывало в старину, то я скажу, что это справедливо для разрозненных отрядов,

которые подвергаются теперь большей опасности, когда взбираются на крепостную стену и идут на приступ; при этом каждый выступает поодиночке, не так, как в тесном строю. Справедливо также, что полководцы и командующие войсками подвергаются большей опасности, чем прежде, ибо пушки могут поражать их повсюду, даже если они укроются в последних рядах и окружают себя отборными воинами. Тем не менее опыт показывает, что и та и другая угроза редко приводят к чрезвычайным последствиям, ибо неприступные крепости не берут приступом и не бросаются на них без надлежащей подготовки, а скорее облагают осадой, как поступали и в древности. В тех же случаях, когда речь идет о штурме, степень опасности не намного выше, чем когда-то, потому что и прежде у защитников стен бывало в избытке метательных орудий, хотя и не столь устрашающих, но не менее действенных в смысле избиения людей. Что до гибели командиров и военачальников, то за последние двадцать четыре года, что в Италии ведутся войны, среди них было меньше потерь, чем за десятилетний промежуток времени в древности. После графа Лудовико делла Мирандола, погибшего в Ферраре, когда венецианцы несколько лет тому назад напали на нее, и герцога Немурского, павшего при Чериньоле, никто из них не был сражен артиллерийским огнем; господин де Фуа при Равенне был убит клинком, а не выстрелом. Таким образом, если сейчас не наблюдается особенных проявлений доблести, то виноваты в том не пушки, а дурные порядки и общая слабость войск, ибо если целое лишено доблести, она не может быть выказана частью.

Третий довод, приводимый теми, кто утверждает, что рукопашный бой отомрет и вся война сведется к артиллерийским дуэлям, я считаю совершенно ложным, и ко мне присоединятся все те, кто пожелает устроить свое войско по законам античной доблести. Ибо желающему получить хорошее войско следует готовить своих солдат в учебных и боевых упражнениях сходить с врагом лицом к лицу, применять приемы рукопашной схватки и рубиться мечом; при этом надо более полагаться на пехоту, чем на конницу, по причинам, излагаемым ниже. Если поступать таким образом и уделить больше внимания пехоте, можно свести действие пушек на нет, потому что, приближаясь к врагу, пехотинцам гораздо легче уйти из-под обстрела артиллерии, чем, как в древние времена, уклониться от бросающихся на них слонов, укрыться от режущих серпами колесниц и прочих необыкновенных препятствий, надвигавшихся на римских солдат, которые всегда справлялись с ними; тем легче им было бы справиться и с артиллерией, промежуток угрозы от которой меньше по сравнению со

слонами и колесницами. Последние вносят расстройство в твои ряды в ходе сражения, а пушки составляют препятствие только до его начала, и то его нетрудно обойти, используя для прикрытия особенности местности и бросаясь на землю во время стрельбы. Впрочем, опыт показывает, что в этом нет необходимости, особенно для защиты от больших орудий; из них так трудно прицелиться, что снаряды либо перелетают цель, если летят слишком высоко, либо не долетают до нее, если слишком низко. В рукопашной же схватке, яснее ясного, орудия любого калибра тебе не страшны, потому что, если противник выдвинет их вперед, ты их захватишь в плен; расположенные сзади, они наносят больший урон своим, чем тебе; с фланга им трудно угрожать тебе, оставаясь вне досягаемости, и отсюда следует тот же вывод. Тут не о чем много говорить, достаточно сослаться на швейцарцев, противостоявших в 1513 году при Новаре без артиллерии и конницы французам, располагавшим в своей крепости пушками, которые не спасли их от разгрома. Причина, помимо всего вышесказанного, заключается еще в том, что орудия нуждаются в прикрытии, будь они установлены на стенах, защищены рвами или валами. Если же такой защиты не будет, пушки достанутся врагу или окажутся бесполезными, как бывает, когда к ним нужно приставлять охрану, а это неизбежно во время полевых сражений и стычек. С фланга их можно применять только таким же способом, как применяли метательные орудия древние: они ставили эти орудия вне строя и не отводили им особого места в рядах сражающихся, а когда их обслуга подвергалась атаке конницы или других частей, она могла укрыться позади легионов. Кто думает об этом иначе, тот плохо разобрался в этом вопросе и полагается на вещи, в которых легко может обмануться. И если турецкий султан победил персидского шаха и египетского султана с помощью артиллерии, это произошло только благодаря ужасу, наводимому на их конницу необыкновенным грохотом пушек.

Итак, заключая это рассуждение, я делаю вывод, что артиллерия может быть полезна для войска, располагающего античной доблестью, в противном же случае оно не устоит перед доблестными солдатами, невзирая ни на какие пушки.

Глава XVIII

О том, что авторитет римлян и пример старинного воинства говорят в пользу пехоты, а не конницы

Можно привести множество ясных доводов и примеров в подтверждение того, что римляне во всех своих военных предприятиях отдавали предпочтение пешим бойцам перед конными и на них строили все

свои расчеты сил; наряду со многими другими это видно по их битве с латинами у Регилланского озера.

Во время этого сражения римляне, уже начавшие колебаться, спешили своих конников и таким образом одержали победу, снова введя их в бой. Отсюда явствует, что от пеших солдат римляне ожидали больше пользы, чем от кавалерии. Это средство они применяли и в других сражениях и всегда с честью выходили из затруднений.

Этого не опровергает мнение Ганнибала, который в битве при Каннах высмеял консулов, спешивших свою конницу, в следующих словах: «*Quam mallem vinctos mihi traderent equites*» [43] . Хотя это мнение и высказано человеком выдающимся, но если выбирать, за каким авторитетом последовать, то больше доверия внушает Римская республика и ее многочисленные полководцы, чем один Ганнибал. Если же не ссылаться на авторитеты, можно привести разумные доводы, заключающиеся в том, что пеший воин может пройти там, где для лошади местность непроходима; его можно обучить сохранять строй и восстанавливать его в случае нарушения; конникам соблюдать заданный порядок гораздо труднее, а воспроизвести его в сумятице невозможно. К тому же случается, что кони, как и люди, проявляют свой нрав – кто смирный, а кто отважный, и часто буйная лошадь достается трусу, а смирная – храбрецу, так что из этого несоответствия возникают препятствия и неразбериха. Сохраняющая строй пехота легко может разбить кавалерию и скорее всего сумеет отразить ее натиск. Подобное суждение, помимо множества древних и современных примеров, подтверждается авторитетом тех, кто выводит правила гражданской жизни: по их словам, войны сначала велись на коне, потому что еще не изобрели пешего строя, но когда он установился, выяснилось, что пехота куда действеннее конницы. Это вовсе не означает, что лошади в армии бесполезны, ведь они служат для разведки, для набегов и опустошения вражеской территории, для преследования бегущего противника, да и для противоборства с его кавалерией; однако основа и сила войска, по которой следует о нем судить, – это пехота.

Среди прегрешений итальянских государей, отдавших Италию в рабство чужеземцам, нет более тяжкого, чем небрежение названным родом войск и полное предпочтение, которое они отдали вооруженным всадникам. Вина за это упущение ложится на злой умысел командиров и на невежество правителей государств. Дело в том, что за последние двадцать пять лет вооруженные силы Италии стали представлять исключительно капитаны наемных отрядов, не располагающие собственными владениями и потому озабоченные сохранением того положения, при котором они

остаются вооруженными, а государи – безоружными. А поскольку никто не стал бы оплачивать им содержание большего числа пехотинцев, которых они не могли набрать из своих подданных, малое же их количество не придавало значительности, кондотьеры начали держать всадников, ибо две или три сотни конных воинов, оплачиваемых за чужой счет, придавали их начальнику достаточный вес, а затраты оказывались вполне переносимыми для правителей. Чтобы преуспеть в своих намерениях и сохранить свое влияние, военачальники перенесли все внимание и заботу с пехоты на кавалерию, и дело дошло до того, что сколь многочисленно ни было войско, пехотинцы составляли в нем лишь незначительную долю. Такое обыкновение наряду со многими другими дурными порядками ослабило итальянское воинство до того, что страна вскоре оказалась под пятой пришельцев из-за рубежа.

Ошибочность переоценки конницы по сравнению с пехотой видна еще на одном примере из истории римлян. Их войско стояло лагерем под Сорой, осажденные сделали против него вылазку и выставили кавалерийскую турму, навстречу которой двинулся начальник римской конницы со своим отрядом. При столкновении командиры с обеих сторон погибли, но воины, оставшиеся без руководителей, продолжали схватку. При этом римляне, чтобы облегчить задачу, спешили и вынудили противника, для удобства обороны, поступить так же; это помогло им одержать победу. Трудно подобрать лучший пример для доказательства преобладания достоинств пехоты над конницей, ибо в прочих случаях консулы приказывали римским всадникам спешиться для подкрепления пехоты, колебавшейся и нуждавшейся в помощи, но в этом бою такое решение было принято не ради пехоты и не для того, чтобы сразиться с вражескими пехотинцами, а потому, что кавалеристы, которые не могли одолеть кавалеристов же в конном состязании, посчитали, что легче победят их в пешем строю. Итак, я прихожу к выводу, что хорошо обученную пехоту при прочих равных условиях может побороть только другая пехота.

Красс и Марк Антоний проделали многодневные походы по территории парфян с немалым количеством пехоты и немногочисленной конницей, при том, что противник обладал бесчисленной кавалерией; Красс погиб вместе с частью своего войска, Марк Антоний с блеском вышел из затруднения. Тем не менее и эти неудачи римлян свидетельствуют о превосходстве пеших солдат над конными, ибо, несмотря на обширность страны, почти лишенной гор и тем более рек, удаленность моря и отсутствие каких бы то ни было подручных средств, Марк Антоний, по словам самих парфян, блестяще избежал опасностей, и вся парфянская

конница ни разу не отважилась испытать прочность его рядов. Если же Красс сложил там голову, то внимательный читатель его деяний убедится, что его одолели обманом, а не силой, и парфяне при всех свалившихся на него бедах никогда не дерзали сразиться с ним. Вместо этого они следовали за ним с флангов, мешали доставке провианта, отвлекали ложными посулами и так довели до последней крайности.

Я посчитал бы нужным дольше доказывать, что пехота своей воинской доблестью превосходит конницу, если бы об этом не свидетельствовало исчерпывающее множество современных примеров. Мы уже ссылались на девять тысяч швейцарцев, противостоявших при Новаре десяти тысячам кавалерии и такому же количеству пехоты и победивших, потому что конники не смогли причинить им вреда, а с пехотинцами им не приходилось считаться, поскольку большинство из них составляли гасконцы, малопригодные для ведения боя. Двадцать шесть тысяч швейцарцев вступили под Миланом в борьбу с французским королем Франциском, располагавшим двадцатитысячным отрядом конницы, сорокатысячным – пехоты и сотней орудийных повозок. Если швейцарцы и не выиграли сражения, как при Новаре, то они доблестно сражались на протяжении двух дней, а потерпев поражение, спасли половину своего войска. Марк Регул Аттилий возымел намерение тягаться своей пехотой не только с конницей, но и со слонами, и хотя дело кончилось неудачей, это означает, что доблесть его пехотинцев внушала ему надежду справиться с такой задачей. Поэтому я еще раз повторяю: кто хочет одолеть хорошо обученную пехоту, тот должен противопоставить ей пехоту еще лучше подготовленную, иначе он обречен на неуспех. Во времена Филиппо Висконти, герцога Миланского, в Ломбардию вошли шестнадцать тысяч швейцарцев, навстречу которым герцог снарядил тысячу рыцарей и немного пехоты, во главе со своим тогдашним полководцем, Карманьолой. Тот решил атаковать их кавалерией, не зная их воинского обыкновения и рассчитывая опрокинуть с первого удара. Но так как швейцарцы остались незаблещены, а он понес большие потери, Карманьола отступил и, будучи человеком весьма мужественным и умеющим принимать новые решения в новых обстоятельствах, привел своих людей в порядок и вернулся на поле боя. Дойдя до швейцарцев, он спешил всех своих солдат, поставил их перед пехотой и двинулся в атаку. На этот раз швейцарцы не могли противостоять ему, ибо сошедшие с коней воины Карманьолы были хорошо вооружены и без труда проникли в их ряды, не неся никакого урона; здесь они смогли свободно перебить своих противников, так что в живых из всех швейцарцев остались только те, кого пощадил Карманьола.

Я полагаю, что указанное различие в достоинстве одного и другого рода войск известно многим, однако, к несчастью, в наши дни ни примеры античности, ни современные уроки, ни открытое изобличение заблуждений не способны заставить государей одуматься и понять, что вернуть уважение к войску какой-либо страны или государства можно, только восстановив описанные порядки, внимательно их изучая, распространяя их влияние и возрождая к жизни, с тем чтобы они укрепили влияние и жизненные силы самого правителя. Но государи уклоняются от соблюдения этих обычаев, как и других, о которых говорилось выше, поэтому их приобретения обращаются во вред и не служат величию государства, как будет показано немного позже.

Глава XIX

О том, что приобретения, сделанные неправильно устроенными республиками, не соблюдающими заповеди римской доблести, служат их гибели, а не возвышению

Распространенность мнений, противных истине и основанных на дурных примерах, подаваемых нашим развращенным веком, ведет к тому, что люди и не помышляют сворачивать с проторенных дорожек. Возможно ли было бы на протяжении последних 30 лет внушить любому итальянцу, что 10 тысяч пехотинцев способны атаковать на равнине 10 тысяч конных и такое же количество пехотинцев и не только противостоять, но и победить их, как это было в неоднократно упоминавшейся нами битве при Новаре? И хотя история полна таких примеров, *tamen* [44] в это никто бы не поверил, а поверив, сказал бы, что современные доспехи куда надежнее и что эскадрон тяжелой кавалерии смел бы с лица земли целую скалу, а не то что отряд пехоты. Подобными измышлениями наши современники оправдывают свои заблуждения, забывая о том, что Лукулл, располагая немногими пехотинцами, разгромил 150-тысячную конницу Тиграна, а в ее составе были части, во всем похожие на наших современных рыцарей. Равным образом ложность этих доводов была обнаружена примером заальпийцев. Он доказывает справедливость того, что в истории говорится относительно пехоты, и точно так же следует полагать, что и остальные древние обычаи окажутся истинными и полезными. Если бы люди поверили этому, государи и республики допускали бы меньше ошибок, умели бы успешнее противостоять внезапным нападениям и не искали бы спасения в бегстве, а те, кто держит в своих руках бразды правления гражданского сообщества, могли бы с успехом направлять его на путь расширения или сохранения приобретенного и понимали бы, что умножение населения, принятие в союз, а не в подданство, основание

колоний для охраны завоеванных стран, обогащение с помощью трофеев, обуздание противника битвами и набегами, а не осадой, пополнение общественного богатства за счет ограничения частного, всемерное поощрение воинских упражнений ведут республику к величию и расширению ее владений. А если не нравится такой способ расширения территории, то пусть запомнят, что всякий другой путь приобретения губит республики, и пусть навсегда распростиются с честолюбивыми планами, позаботившись лишь о хорошем внутреннем устройстве с помощью соответствующих городских законов и порядков, воспреещающих завоевание и направленных на оборону и ее организацию. Так поступают республики Германии, которые сохраняют таким способом свою свободу с давних пор и поныне.

Однако, как я уже говорил, рассуждая о разнице между устройством, предназначенным для расширения государства, и устройством, имеющим в виду только защиту, навряд ли какой-либо республике удастся жить в мире и спокойствии, наслаждаясь своей свободой в малых границах, ибо если она не станет причинять никому беспокойства, то ее побеспокоят другие, вследствие чего у нее возникнут желание и необходимость раздвинуть свою территорию. А коль скоро у нее не окажется внешнего врага, она найдет его у себя дома; похоже, что так случается со всеми крупными городами. Если же германским республикам удастся жить по такому образцу и они долгое время сохраняют свою независимость, то это вызвано определенными условиями страны, без которых ему нельзя было бы следовать и которых в других местах нет.

Та часть Германии, о которой я говорю, входила в состав Римской империи, так же как Франция и Испания. Но когда империя пришла в упадок и ее название сохранилось как раз только в этом краю, самые сильные германские города начали освобождаться благодаря денежным потребностям императоров или вследствие их слабости, откупаясь от империи при сохранении небольшого ежегодного налога. Постепенно все города, зависевшие непосредственно от императора и не подчинявшиеся никаким другим князьям, заплатили за себя подобный выкуп. В то же самое время, когда названные города покупали свою свободу, восстали некоторые общины, подвластные герцогу Австрийскому, в том числе Фрибур, швейцарцы и другие. Процветая с самого начала, со временем они добились таких успехов, что не только не вернулись под австрийское иго, но и наводят страх на своих соседей. Это относится к народам, именующим себя швейцарцами. Таким образом, все германские земли поделены между швейцарцами, республиками, называемыми вольными городами, князьями

и императором. Причина, почему среди такого разнообразия властей не возникает войн, а если они возникают, то длятся очень недолго, заключается в наличии императора, который хотя и не располагает большими силами, но пользуется уважением и играет среди них роль миротворца; он выступает как посредник и своим авторитетом пресекает в корне всякие раздоры. Самые тяжелые и затяжные войны происходили у них между швейцарцами и герцогом Австрийским, и хотя вот уже многие годы император и герцог Австрии – это одно и то же лицо, ему все же никак не удастся справиться с бесстрашными швейцарцами; все спорные вопросы решаются между ними только силой. Остальная часть Германии не оказывает императору существенной помощи, как потому, что городские общины не в состоянии нанести обиду тем, кто хочет жить, подобно им, свободно, так и потому, что германские князья отчасти не могут из-за бедности, отчасти не хотят из ревности помогать императору, чтобы не увеличить его власти. Таким образом, названные общины довольствуются своими малыми владениями, не имея повода при наличии императорской власти желать большего. Близость противника заставляет их поддерживать внутреннее единение, потому что в противном случае они станут жертвой собственных разногласий. Но если бы эта страна жила по другому, им пришлось бы позаботиться о расширении территорий и тем самым нарушить царящий там мир. А поскольку в других местах подобных условий нет, этот способ существования не может служить образцом для других, которые вынуждены расширять свои владения, вступая в союзы или подражая римлянам. Тот, кто поступает иначе, не становится жизнеспособным, а приближает свою гибель и крах, ибо существуют тысячи способов и причин для того, чтобы новые приобретения становились пагубными. Очень нетрудно обзавестись владениями, которые не придают тебе сил, а тот, кто обретает владения, но не силу, неизбежно погибнет. Кто изнуряет себя войнами, тот останется слабым, хотя бы и одерживал победы, ибо он затрачивает на расширение владений больше, чем приобретает. Так поступали венецианцы и флорентийцы, первые из которых заметно ослабили себя присоединением Ломбардии, а вторые – Тосканы; им было бы лучше довольствоваться в первом случае морскими владениями, а во втором – границами на расстоянии шести миль. Все дело тут в желании приобретать, не подкрепленном знанием правильного способа, которое заслуживает тем большего порицания, что у венецианцев и флорентийцев нет оправдания – ведь им были известны способы, применявшиеся римлянами, и они могли следовать их примеру, в то время как римляне открыли их благодаря собственному разумению, никому не

подражая. К тому же приобретения иногда наносят немалый ущерб всякой хорошо устроенной республике, когда она присоединяет к себе город или область, предающуюся удовольствиям, и благодаря общению с ее жителями может проникнуться подобными нравами; так случилось при занятии Капуи сначала с римлянами, а затем с Ганнибалом. И если бы Капуя была так удалена от Рима, что промах солдат было бы невозможно исправить, или город был бы в какой-то степени затронут разложением, то это приобретение, несомненно, привело бы к гибели Римской республики. Тит Ливий свидетельствует об этом в следующих словах: «Iam tunc minime salubris militari disciplinae Capua, instrumentum omnium voluptatum, delinitos militum animos avertit a memoria patriae» [45] . Воистину победитель испытывает месть со стороны таких городов или провинций без войны и кровопролития; заражая его своими скверными обычаями, они делают его жертвой первого захватчика. Ювенал как нельзя лучше выразил эту мысль в своих сатирах, говоря, что вследствие завоеваний чужих земель в римских сердцах привились чужеземные нравы и вместо бережливости и прочих замечательных добродетелей «gula et luxuria incubuit, victumque ulciscitur orbem» [46] . Итак, если приобретения представляли опасность для римлян в то время, когда они действовали с таким благоразумием и с такой доблестью, насколько опаснее они могут быть для тех, кто далек от подражания римлянам, и для тех, кто, кроме прочих ошибок, подробно описанных выше, использует чужих или наемных солдат. Отсюда следуют для них и те убытки, о которых будет упомянуто в следующей главе.

Глава XX

Какие опасности влечет за собой для государей или республик использование вспомогательного или наемного войска

Если бы в другом своем сочинении я не рассмотрел весьма подробно всю никчемность наемных и вспомогательных сил и всю полезность собственных, то в настоящем рассуждении я остановился бы на этом гораздо дольше, но, обсудив этот вопрос в другом месте, буду теперь кратким. Я не захотел вовсе обойти его, потому что Тит Ливий приводит много случаев, относящихся к вспомогательным войскам, а вспомогательными войсками являются те, которые присылает тебе на помощь другой государь или республика за свой счет и со своими командирами. Обращаясь к тексту Ливия, скажу, что римляне дважды разбили войско самнитов своей армией, посланной на помощь капуанцам, избавив их от самнитского нашествия; возвращаясь домой, римляне оставили в Капуе два легиона для ее защиты, чтобы жители города, не имея своего гарнизона, не стали снова добычей самнитов. Эти легионы,

погрязнув в праздности, стали находить в ней удовольствие; дело дошло до того, что, позабыв об отчизне и об уважении к Сенату, они задумали вооруженной силой завладеть той областью, которую ранее доблестно защищали. Они сочли, что жители Капуи недостойны владеть тем имуществом, которого не умеют оборонять. Предупрежденные об этих замыслах, римляне в корне пресекли их, как мы покажем в том разделе, где речь пойдет о заговорах. Здесь же я повторю, что из всех видов войск вспомогательные являются самыми опасными, потому что использующие их государь или республика не имеют над ними никакой власти, а распоряжается ими только пославший их. Ведь, как я уже сказал, вспомогательное войско посылает тебе другой государь под своими знаменами, со своими начальниками и за свой счет, как те легионы, что римляне отправили в Капую. Эти солдаты, одержав победу, в большинстве случаев грабят как того, кто призвал их, так и того, против кого они призваны. Это происходит либо по злему умыслу приславшего их государя, либо из-за их собственных притязаний. И хотя в намерения римлян не входил разрыв договора и соглашений, заключенных с капуанцами, представившаяся солдатам возможность пожить за их счет казалась им такой удобной, что заставила их покуситься на земли и свободу капуанцев. Можно было бы привести много подобных примеров, но я ограничусь только ссылкой на жителей Реджо, которые лишились и владений, и жизни из-за римского легиона, оставленного для их охраны. Таким образом, государь или республика должны лишь в последнюю очередь прибегать для своей защиты к услугам вспомогательных войск, и то если на них можно будет целиком положиться, ибо любой договор и любое соглашение, даже самое тяжелое, заключенное с неприятелем, будет безопаснее, чем такой поступок. Если хорошенько почитать историю и перебрать в памяти современные события, то обнаружится, что на один удачный исход такого мероприятия приходится бесчисленное множество плачевных результатов. Для властолюбивого государя или республики нет лучшего повода, чтобы занять чужой город или чужую провинцию, чем быть призванным туда на помощь со своим войском. А если правитель, ослепленный своими честолюбивыми замыслами, ищет такой помощи не только для защиты, но и для нападения, он пытается приобрести то, чего не может удержать и что будет у него легко отнято его же союзником. Но аппетиты людей столь велики, что ради удовлетворения своего насущного желания они не думают о дурных последствиях, которые вскоре могут наступить. И, как и в других обсуждавшихся нами случаях, древние примеры на них не действуют. В противном случае, ознакомившись с ними, они поняли бы, что, полагаясь

на щедрость соседа и на внешне полное отсутствие у него каких-либо притязаний, они сами готовят себе ловушку, как будет показано ниже на примере капуанцев.

Глава XXI

Первого претора, после 400-летних войн, римляне послали в Капую

Выше уже немало говорилось о том, насколько обычай римлян, бывший у них в ходу при расширении владений, отличается от поступков государей, в наше время принимающих в подданство новые земли. Говорилось также о том, что городам, не подвергавшимся полному разорению, римляне оставляли их прежние законы, даже если не принимали в союз, а подчиняли себе. Никаких внешних признаков римского владычества этим городам не предписывалось соблюдать, они должны были выполнять только некоторые требования и, следовательно, сохраняли собственную власть и достоинство. Такого образа действий римляне придерживались до тех пор, пока не вышли из Италии и не стали превращать другие страны и царства в свои провинции.

Об этом можно судить хотя бы по тому, что первый претор, когда-либо назначенный римлянами, был отправлен в Капую, и они сделали это не из собственных властолюбивых устремлений, а по просьбе капуанцев, которые повздорили между собой и посчитали необходимым пригласить к себе одного из римских граждан, чтобы он восстановил спокойствие и навел порядок. Побуждаемые этим примером и сходной необходимостью, жители Анциума также обратились с просьбой о присылке к ним префекта, и по поводу этого события и нового способа управления Тит Ливий замечает, что «*quod iam non solum arma, sed iura romana pollebant*» [47] . Можно сделать вывод, насколько этот образ действий облегчил приращение римских владений. Ведь города, привыкшие жить свободно и подчиняться своим согражданам, скорее смиряются с таким господством, которое не бросается в глаза, хотя бы оно и было довольно обременительным, чем с тем, что дает знать о себе каждый день, как бы напоминая жителям об их порабощении. Для государей еще одно преимущество заключается в том, что их чиновники в этом случае не заседают в судах и не принимают участия в решении гражданских и уголовных дел, поэтому их приговоры не могут навлечь на государя упреков или бесчестия, и, следовательно, уменьшается число поводов для возникновения клеветы и ненависти к нему. О справедливости этого утверждения, кроме примеров, которые можно было бы привести из древности, свидетельствуют недавние события в Италии. Как всякому известно, французы неоднократно занимали Геную, и их король раньше всегда посылал туда своего наместника, чтобы он

управлял там от его имени. Только сейчас, не по собственной воле, а в силу необходимости, король предоставил городу жить по собственному усмотрению под надзором генуэзского правителя. И если кто-то станет сравнивать, какой из этих двух способов надежнее обеспечит королю владение Генуей и одновременно будет по душе ее жителям, он, без сомнения, сделает выбор в пользу второго.

Кроме того, люди тем охотнее ищут твоего покровительства, чем менее ты на него внешне претендуешь, и тем менее опасаются покушения на свою свободу, чем мягче и снисходительнее ты себя с ними ведешь. Такое дружелюбие и снисходительность заставили капуанцев просить претора у римлян, но если бы те хотя бы в чем-то дали понять, что сами желают этого, просители заподозрили бы неладное и отвратились бы от них. Но зачем искать примеров в Капуе и Риме, когда их довольно во Флоренции и Тоскане? Всякому известно, что очень давно под власть Флоренции добровольно перешла Пистойя. Всякому известно также, какая вражда царила всегда между флорентийцами, с одной стороны, и жителями Пизы, Лукки и Сиены – с другой. Такая разница вызвана вовсе не тем, что пистойцы меньше дорожат своей свободой, чем другие, и не тем, что они ценят себя меньше других, но тем, что флорентийцы вели себя с ними как братья, а с другими – как неприятели. Вот почему пистойцы сами отдались под их власть, а остальные прилагали и прилагают все усилия, чтобы с ними этого не случилось. Нет сомнения в том, что если бы флорентийцы путем союзов или оказания помощи приручили, а не ожесточили своих соседей, то сейчас они, бесспорно, были бы хозяевами Тосканы. Я не делаю из этого вывода, что нельзя прибегать к оружию и к силе, но эти средства нужно оставить напоследок, на тот случай, если другие окажутся бесполезными.

Глава XXII

О том, сколь часто людские мнения о серьезных вещах оказываются ложными

В том, насколько ложны зачастую мнения людей, всегда могли убедиться свидетели принимаемых ими решений, ибо эти решения, если их не принимают личности выдающиеся, противны какой бы то ни было истине. А поскольку выдающиеся личности в разложившихся республиках, особенно в мирное время, окружены враждебностью вследствие зависти и прочих проявлений людского тщеславия, то верх одерживают благодаря своей распространенности ложные суждения либо предложения людей, действующих не на благо, а ради благосклонности массы. В трудную минуту ошибка раскрывается, и необходимость заставляет прибегнуть к

тем, о ком в лучшие времена забывают, как это будет показано подробнее в своем месте. Кроме того, в оценке событий легко обманываются люди, не имеющие глубокого опыта и познаний, потому что происходящие события внешне во многом подтверждают те мнения, которые люди составили себе на их счет. Все это говорится к тому, чтобы понять, как претор Нумиций подействовал на латинов после того, как они были разгромлены римлянами, и почему несколько лет назад, когда французский король Франциск I выступил в поход на Милан, многие полагали, что город будет защищен швейцарцами. По смерти Людовика XII на трон Франции взошел Франциск Ангулемский, который пожелал возвратить своему королевству герцогство Миланское, за несколько лет до того захваченное швейцарцами по наущению папы Юлия II. Для облегчения своего предприятия король искал поддержки в Италии и, кроме венецианцев, которых привлек на свою сторону Людовик, заигрывал с флорентийцами и с папой Львом X, рассчитывая для осуществления своих планов на их помощь, потому что в Ломбардии стояли войска короля Испании, а имперские силы – в Вероне. Папа Лев не пошел королю навстречу, а поддался на уговоры тех, кто, как говорили, советовал ему оставаться нейтральным, ибо это в данном случае обеспечивало якобы верную победу: Церкви невыгодно было усиление в Италии ни короля, ни швейцарцев; для возвращения страны к старинной свободе требовалось избавить ее от ига и того, и других. Но справиться с каждым из них или с обоими вместе оказалось невозможным, поэтому следовало выждать, кто из них победит, и тогда Церковь со своими союзниками могла выступить против того, кто одержит верх. Трудно было бы отыскать более удобный случай, чем теперь, когда оба противника находились в походе, а войско папы готово к тому, чтобы быть выдвинутым на границы Ломбардии, ближе к театру событий, под предлогом охраны папских владений, и там ожидать генерального сражения. Эта кровопролитная в силу доблести обеих армий битва должна была так ослабить победителя, что папа без труда смог бы напасть на него и полностью разбить. Тогда, приумножив свою славу, он стал бы господином Ломбардии и властелином всей Италии. Исход событий показал, насколько такое суждение было ложным: после долгой борьбы швейцарцы были разгромлены, но войска папы и Испании не только не осмелились напасть на победителей, но и приготовились уносить ноги, что не спасло бы их, если бы не милосердие или холодность короля, который не искал новой победы и удовольствовался соглашением с Церковью.

Приведенное мнение не лишено некоторых оснований, которые сами по себе выглядят справедливыми, но на деле они совершенно далеки от

истины. Очень редко случается победителю понести большой урон, потому что его солдаты погибают в самом столкновении, но не при отступлении. В пылу битвы, когда люди сражаются лицом к лицу, гибнут лишь немногие, прежде всего потому, что схватка чаще всего бывает недолгой; если же в ожесточении она продлевается настолько, что и победители несут большие потери, то само известие о победе и страх, который наводит она на врагов, далеко превосходят урон, нанесенный гибелью солдат. И если неприятель, понадеявшись на то, что победоносное войско ослаблено, захочет помериться с ним силами, он может жестоко ошибиться, если только не располагает войском, которое может справиться с противником, независимо от его победы, и до и после нее. В этом случае каждый из них может победить или проиграть, в зависимости от своей доблести и от милости фортуны, но тот, кто уже вступал в бой до этого и одержал победу, окажется в более выгодном положении скорее, чем другой. Это хорошо видно на опыте латинов и на примере претора Нумиция, который, упорствуя в своем ложном мнении, нанес великий ущерб поверившим ему народам. После победы римлян над латинами Нумиций призывал всех жителей Лациума напасть на победителей, ослабленных в сражении, утверждая, что победа римлянам досталась только на словах, но они понесли такой урон, как будто бы потерпели поражение, и что достаточно было бы малейшего толчка, чтобы свалить их. Народы, поверившие словам претора, собрали новое войско, но были тотчас же разгромлены и пострадали так же, как пострадает всякий, кто станет придерживаться подобного мнения.

Глава XXIII

О том, что римляне, верша суд над подданными, когда этого требовали обстоятельства, избегали «золотой середины»

«Iam Latio is status erat rerum, ut neque pacem neque bellum pati possent» [48] . Из всех неблагоприятных случаев самым несчастливым для государства является тот, когда государь или республика не могут пойти на мир и не могут вступить в войну; так бывает, если условия мира чересчур унижительны для них, а с другой стороны, чтобы вести войну, они должны отдать себя во власть какого-либо покровителя или стать добычей врага. До такой крайности доводят дурные советы и ошибочные решения, вызванные неверным расчетом собственных сил, о чем говорилось выше. Республика или государь, правильно взвешивающие свои силы, навряд ли оказались бы в положении латинов, которые заключали договоры с римлянами, когда договариваться не следовало, и объявляли им войну, когда этого нельзя было делать; таким образом, и дружба, и вражда с римлянами всегда были

им во вред. Латины были разгромлены и доведены до отчаяния, сперва Манлием Торкватом, а затем Камиллом, который заставил их сдаться на милость римлян, разместил свои гарнизоны во всех городах Лациума, взял в них заложников и, вернувшись в Рим, объявил Сенату, что весь Лациум – в руках римского народа. Его суждение примечательно и заслуживает того, чтобы остановиться на нем, ибо в подобных случаях государям следует ему подражать, поэтому я хочу привести те слова, которые Ливий вкладывает в уста Камилла; по ним можно судить о том, как римляне считали нужным расширять свои владения, и о том, что в своих решениях они всегда избегали среднего пути и выбирали крайние. Правление – не что иное, как удержание подданных в таком положении, чтобы они не могли и не должны были тебе вредить; этого можно добиться, полностью обезопасив себя от них и лишив их всякой возможности причинить тебе вред либо позаботившись о них таким образом, чтобы у них не могло возникнуть никаких разумных оснований желать перемены судьбы. Все это явствует как из предложения Камилла, так и из приговора, вынесенного Сенатом на его счет. Слова Камилла были следующие: «*Dii immortales ita vos potentes huius consilii fecerunt, ut, sit Latium an non sit, in vestra manu posuerint. Itaque pacem vobis, quod ad Latinos attinet, parare in perpetuum, vel saeviendo vel ignoscendo potestis. Vultis crudelius consulere in deditios victosque? Licet delere omne Latium. Vultis, exemplo maiorum, augere rem romanam, victos in civitatem accipiendo? Materia crescendi per summam gloriam suppeditat. Certe id firmissimum imperium est, quo obedientes gaudent. Illorum igitur animos, dum expectatione stupent, seu poena seu beneficio praeoccupari oportet*» [49] . На это предложение последовало такое решение Сената: перед ним предстали жители городов, составлявших наибольшую важность, и сенаторы поступили с ними согласно словам консула, кого облагодетельствовав, а кого – наказав. Первым они даровали привилегии, освобождение от налогов, свободу управлять своими городами и всевозможные прочие льготы; города вторых были упразднены, и там были заложены колонии, жителей привели в Рим и рассеяли таким образом, чтобы они не могли причинить вред своими выступлениями или тайными кознями. Но промежуточных решений они, как я уже сказал, не применили ни к кому из представлявших мало-мальскую важность. Этому решению должны подражать государи. Так же следовало поступить и флорентийцам, когда в 1502 году восстали Ареццо и вся Вальдикьяна; в таком случае они упрочили бы свою власть, возвеличили Флоренцию и снабдили бы ее теми нивами, которых недоставало для ее пропитания. Но флорентийцы избрали средний путь, чрезвычайно пагубный в суждениях о людях: часть

аретинцев они изгнали, часть осудили, всех лишили почестей и прежних званий в городском управлении, но город оставили в целости. А когда некоторые граждане советовали разрушить Аретццо, те, кого считали наиболее мудрыми, отвечали, что разрушить город было бы постыдно, потому что можно было подумать, будто у Флоренции нет сил удержать его. Подобные доводы убедительны лишь по видимости, ибо на том же самом основании не следовало бы казнить отцеубийц, негодяев и мятежников, потому что для государя было бы постыдно показать этим, что он не в состоянии справиться с одним преступником. Те, кто высказывает подобные мнения, не замечают, что отдельные люди и целые города иной раз совершают такие преступления против государства, что у его главы не остается других средств, как уничтожить их в назидание другим и для собственной безопасности. Достойный выход состоит в том, чтобы мочь и суметь наказать их, а не в том, чтобы удерживать их, подвергаясь тысяче опасностей; ибо государь, который не наказывает провинившегося так, чтобы тот не мог больше причинить вреда, приобретает славу труса или невежды.

Сколь верно было решение, принятое римлянами, подтверждается также приговором, который они вынесли привернатам. По поводу этого отрывка у Ливия следует заметить две вещи: во-первых, относительно сказанного выше, что подданных следует либо карать, либо миловать; во-вторых, что благородство души и приверженность к правде ценятся, если они высказаны перед благоразумными людьми. Римский Сенат собрался, чтобы судить привернатов, которые восстали и были силой возвращены в римское подданство. Народ Приверна прислал многих граждан, чтобы молить у Сената прощения; когда они предстали перед сенаторами, некий сенатор задал одному из них вопрос: «*Quam poenam meritos Privernates censeret?*» [50] На это привернат ответил: «*Eam, quam merentur qui se libertate dignos censent!*» [51] На это консул возразил: «*Quid si poenam remittimus vobis, qualem nos pacem vobiscum habituros speremus?*» [52] Тот ответил: «*Si bonam dederitis, et fidelem, et perpetuam; si malam, haud diuturnam*» [53] . Тогда наиболее мудрая часть сенаторов, хотя мнения разделились, высказалась так: «*Se audivisse vocem et liberi et viri; nec credi posse ullum populum, aut hominem, denique in ea conditione cuius enim poeniteat, diutius quam necesse sit, mansurum. Ibi pacem esse fidam, ubi voluntarii pacati sint, neque eo loco ubi servitutem esse velint, fidem sperandam esse*» [54] . В соответствии с этими словами было решено, что привернаты получают римское гражданство и связанные с ним привилегии, потому что: «*Eos demum qui nihil praeterquam de libertate cogitant, dignos esse, qui*

Romani fiant!» [55] Такое действие на благородные души возымел правдивый и достойный ответ, любой другой ответ говорил бы о лживости и малодушии. Те же, кто придерживается другого мнения о людях, особенно о тех, кто привык к свободе или считает себя приверженным к ней, обманываются, и этот обман склоняет к неверным решениям как тех, кто судит, так и тех, о ком судят. Часто это ведет к мятежам и гибели государства.

Но, возвращаясь к нашему рассуждению, я делаю вывод из этого примера, как и из того, который касался латинов, что, решая судьбу могущественных городов, привычных к свободной жизни, следует уничтожать их или благодетельствовать им; всякое другое суждение будет ошибочным. Золотой середины следует всячески избегать, ибо она пагубна, как видно на примере самнитов, заперших римлян в Кавдинском ущелье. Они не пожелали прислушаться к мнению того старика, который посоветовал либо с почестями проводить римлян, либо перебить их всех; разоружив римлян и проведя их под игом, самниты выбрали средний путь и отпустили их, покрыв позором и презрением. Вскоре им пришлось убедиться, что мнение старика было справедливо, а их решение ошибочно, о чем подробнее будет рассказано в своем месте.

Глава XXIV

Крепости приносят обычно более вреда, нежели пользы

Мудрецам нашего времени покажется, возможно, неразумным, что римляне, желая обезопасить себя от народов Лациума и жителей Приверна, не подумали о том, чтобы построить там несколько крепостей, которые удерживали бы эти народы в союзе с ними; наши мудрецы обычно ссылаются на флорентийскую поговорку, что Пизу и подобные ей города следует держать с помощью крепостей. И поистине, если бы римляне были похожи на этих людей, они позаботились бы об их постройке, но поскольку их доблесть, ум и могущество отличались от сегодняшних, они обходились без крепостей. Во времена вольности, пока Рим соблюдал свои обычаи и свои доблестные установления, он никогда не возводил крепостей для удержания городов или провинций, хотя и сохранял некоторые из уже построенных в своих владениях. Рассматривая в этой связи образ действий римлян и государей нашего времени, я нахожу уместным задаться вопросом, нужно ли строить крепости, то есть полезны они или вредны для своего основателя. Тут следует заметить, что крепости сооружаются либо для обороны от врагов, либо для защиты от собственных подданных. В первом случае в них нет необходимости, во втором – они вредны. Объясняя, в чем заключается вред, приносимый крепостями, скажу, что

страх государя или республики перед своими подданными и перед их возмущением рождается из ненависти, которую питают к ним подданные. Ненависть возникает из дурных распоряжений правителей, а дурные распоряжения – из-за того, что они надеются управлять путем насилия, или от их неблагоразумия; а к насилию наряду с прочим подталкивает государей как раз обладание крепостями – ведь дурное обхождение, вызывающее ненависть, зачастую связано с тем, что данный государь или республика имеют крепости. Если это справедливо, то крепости приносят гораздо больше вреда, чем пользы. Во-первых, как уже говорилось, они делают тебя и менее осмотрительным, и более жестоким по отношению к подданным; во-вторых, они не обеспечивают той безопасности, на которую ты рассчитываешь, ибо любые насилия и любые жестокости, используемые для удержания народа в повиновении, ничего не стоят, кроме двух способов: или ты всегда располагаешь хорошим войском, как это было у римлян, или ты рассеиваешь, истребляешь, перемещиваешь и разъединяешь своих подданных так, что они не могут объединиться против тебя. Ведь если ты лишаешь их имущества, «*spoliatis arma supersunt*» [56] ; если ты разоружаешь их, «*furor arma ministrat*» [57] ; если ты перебежишь одних вождей, а других станешь преследовать, они возрождаются, как головы гидры; если ты строишь крепости, то они приносят пользу только в дни мира, придавая тебе духу для притеснения подданных, а во время войны они становятся никчемными, потому что подвергаются нападениям как неприятеля, так и подданных, противостоять же сразу и тем и другим – невозможно. И если крепости всегда были бесполезными, то в наше время они еще более бесполезны из-за артиллерии, вследствие действия которой небольшие городки, где нельзя укрыться в убежище, стало невозможно защищать, как говорилось об этом выше.

Я хочу более подробно остановиться на этом предмете. Ты, государь, желаешь с помощью крепостей держать в повиновении жителей своего города, либо ты, государь или республика, хочешь сохранить за собой город, захваченный во время войны. Я обращаюсь к государю и говорю ему, что крепость, служащая для обуздания его сограждан, в высшей степени бесполезна по указанным уже причинам. Она увеличивает твою склонность к угнетению, а угнетение внушает подданным такое желание твоей гибели и так разжигает их против тебя, что крепость, послужившая этому причиной, не может тебя защитить. Поэтому мудрый и достойный государь, желающий сохранить свои добрые качества и не дать своим сыновьям повода и примера стать злодеями, никогда не станет строить крепость, чтобы дети уповали не на нее, а на людскую

доброжелательность. И если граф Франческо Сфорца, став герцогом Миланским, выстроил крепость в Милане, несмотря на свою репутацию мудреца, то в этом он не проявил мудрости, и впоследствии оказалось, что крепость послужила не безопасности его наследников, а во вред им. Чувствуя себя, благодаря наличию крепости, уверенно и не останавливаясь перед нанесением обид своим подданным и согражданам, они предавались всем возможным видам жестокости и заслужили всеобщую ненависть, так что при первом натиске врага утратили свои владения; крепость же не могла их защитить и во время войны ничем им не пригодилась, а в мирное время причинила много вреда. Ведь если бы у них не было крепости и они по своему неблагоразумию раздражили бы своих сограждан, опасность открылась бы перед ними раньше, и они смогли бы вовремя удалиться. К тому же им было бы гораздо легче сопротивляться натиску французов без крепости, но имея на своей стороне подданных, чем с крепостью, но и с враждебно настроенными подданными. Так что крепости ни в чем не приносят пользы, их теряют либо из-за предательства среди защитников, либо из-за превосходящих сил нападающих, либо вследствие голода. Если же ты думаешь, что крепость пригодится и поможет тебе вернуть свои владения, из которых она одна осталась в твоих руках, то для этого тебе нужно войско, с которым ты нападешь на изгнавшего тебя противника. Если же такое войско у тебя будет, то возврат владений тебе обеспечен даже при отсутствии крепости, тем паче если их жители будут более к тебе расположены, не ведая обид, обыкновенно наносимых надменным обладателем крепости. Опыт показывает, что от миланской крепости не было толку ни сторонникам Сфорцы, ни французам, когда и те и другие были в трудных обстоятельствах. Более того, она послужила причиной поражения и тех и других, потому что, рассчитывая на нее, все они не заботились о более достойном способе упрочения своей власти. Урбинский герцог Гвидобальдо, сын Федерико, в свое время славного военачальника, был изгнан из своих владений Чезаре Борджа, сыном папы Александра VI. Впоследствии Гвидобальдо удалось вернуться туда вследствие благоприятного стечения обстоятельств, и он приказал разрушить все тамошние крепости, считая, что они приносят вред. Дело в том, что народ его любил, и Гвидобальдо не желал владеть крепостями из уважения к подданным; что касается врагов, то для защиты крепостей требовалось войско снаружи, которым он не располагал, поэтому он решил их разрушить.

Изгнав Бентивольо из Болоньи, папа Юлий построил там крепость и через своего правителя стал преследовать народ жестокими казнями. Народ

Болоньи восстал, и крепость была тут же потеряна; таким образом, крепость папе не помогла, а только расстроила все его планы, в то время как если бы он вел себя иначе, все могло пойти по-другому. Никколо да Кастелло, родоначальник семейства Вителли, вернувшись на родину, откуда он был изгнан, велел тотчас же разрушить две крепости, построенные там папой Сикстом IV, потому что он считал, что не крепости, а народное расположение сохранит для него государство. Самый свежий и примечательный из всех прочих случаев, который показывает бессмысленность строительства крепостей и пользу их разрушения, произошел недавно в Генуе. Каждому известно, что в 1507 году Генуя восстала против французского короля Людовика XII, который со всеми своими силами явился, чтобы вернуть ее себе. Взяв город, он построил самую мощную из всех доныне известных крепостей, которая была неприступной благодаря расположению на местности и по всем прочим своим качествам. Находилась она на холмистом мысе, глубоко вдающемся в море и называемом генуэзцами Кодефа; под обстрелом крепости находился весь порт и большая часть города Генуи. В 1512 году, когда французы были изгнаны из Италии, Генуя восстала, несмотря на наличие крепости, и во главе города стал Оттавиано Фрегозо, которому удалось с помощью всяческих ухищрений взять крепость измором после 16 месяцев осады. Все полагали, а многие советовали, чтобы он сохранил крепость в качестве возможного убежища «на черный день», но благоразумный дож разрушил ее, ибо знал, что власть государей охраняют не крепости, а людская воля. Он встал у власти и доныне удерживает ее, полагаясь не на крепость, а на свою доблесть и благоразумие. И если раньше, чтобы устроить в Генуе переворот, было достаточно тысячи солдат, то враги Фрегозо нападали на нее с 10 тысячами и ничего не могли поделать. Итак, Оттавиано ничего не потерял, разрушив крепость, а король ничего не приобрел, построив ее. Ибо, придя в Италию с войском, он вернул себе Геную, не имея там крепости, но когда с войском в Италию ему не удалось прийти, то он не удержал Геную, даже располагая крепостью. Таким образом, король потратился на ее постройку и покрыл себя позором, утратив ее; Оттавиано же, захватив ее, снискал себе славу, а разрушив – пользу.

Однако перейдем к республикам, устраивающим крепости не на родине, а в завоеванных городах. Если примеров Франции и Генуи недостаточно для доказательства опрометчивости таких решений, я ограничусь ссылкой на Флоренцию и Пизу. В последней флорентийцы выстроили крепости для ее охраны, не подумав о том, что для удержания города, вечно враждебного ко всему флорентийскому, привыкшего к

свободе и потому всегда склонного к мятежу, следовало соблюдать римский образ действия: вступить с ним в союз или разрушить. В полезности крепостей можно было убедиться при походе короля Карла, которому они сдавались либо из-за измены гарнизонов, либо из опасения еще больших неприятностей. А не будь их, флорентийцы не строили бы все свои расчеты только на них, и король таким способом не мог бы лишиться Флоренцию этого города. Прежний образ действия, помогавший сохранить Пизу до тех пор, пригодился бы и теперь, во всяком случае, он был не хуже, чем сооружение крепостей. Итак, я делаю вывод, что в родном городе строить крепость опасно, а в завоеванном – бессмысленно; достаточно сослаться на пример римлян, которые разрушали, а не строили стены в тех городах, которые хотели удержать за собой силой. Если же кто-нибудь в опровержение этого мнения укажет на Таранто в античные времена или на Брешию – в наши, потому что эти города с помощью крепостей были защищены от восстания подданных, то я отвечу, что на освобождение Таранто был послан во главе целого войска Фабий Максим, который отвоевал бы город и в отсутствие там крепости; если же Фабий воспользовался ею, то, не имея в распоряжении крепости, он применил бы другое средство и добился бы того же результата. Не вижу, какая польза в крепости, если вернуть себе город ты можешь, только располагая консульским войском с Фабием Максимом во главе. А что римляне вернули бы его себе в любом случае, видно на примере Капуи, где крепости не было и они обошлись одним войском. Обратимся теперь к Брешии. Очень редко бывает, как произошло во время тамошнего мятежа, чтобы крепость, которая осталась в твоих руках при восстании в городе, находилась недалеко от большого войска, в данном случае французского, а ведь когда господин де Фуа, королевский полководец, стоявший со своей армией в Болонье, услышал о потере Брешии, он без промедления выступил туда и достиг Брешии через три дня, а затем с помощью крепости вернул себе город. Таким образом, чтобы извлечь пользу из крепости в Брешии, нужно было иметь господина де Фуа и французское войско, которые в течение трех дней пришли бы ей на помощь. Так что этого примера недостаточно в сравнении с противоположными, ибо во время нынешних войн много крепостей было сдано и взято с таким же переменчивым успехом, с каким выигрывались и проигрывались сражения, не только в Ломбардии, но и в Романье, в королевстве Неаполитанском и во всех частях Италии. Что касается сооружения крепостей для защиты от внешних врагов, я скажу, что для тех народов и королевств, у кого есть хорошие войска, они не нужны, а для тех, у кого таких войск нет, бесполезны, потому что хорошей

армии и без крепостей достаточно для защиты, а крепости без хорошего войска не оборонят тебя. Это видно на опыте народов, признанных выдающимися в отношении государственных обычаев и установлений, в частности римлян и спартанцев. Если римляне не строили крепостей, то спартанцы не только воздерживались от этого, но и запрещали обносить свои города стеной, ибо защитой им служила доблесть отдельных людей и ничто другое. Потому-то, когда один афинянин спросил некоего спартанца, находит ли он прекрасными афинские стены, тот ответил: «Да, если поселить за ними женщин». Таким образом, если у государя, располагающего хорошим войском, на границах владений и в прибрежной местности есть несколько крепостей, которые могут задержать врага на какое-то время, пока он не приведет армию в готовность, то они могут пригодиться, но это не обязательно. Если же такого войска нет, то крепости внутри страны или на ее границах бесполезны или даже вредны; вредны, потому что их легко потерять, и тогда они окажутся на стороне противника. Если же ему не удастся их взять, они останутся у него в глубоком тылу и не принесут никакой пользы, ибо когда сильное войско не встречает решительного отпора, оно углубляется во враждебную страну, невзирая на то, какие города или крепости остаются позади. Об этом можно судить по древней истории, а также по поступку Франческо Марии, который недавно, осаждая Урбино, оставил у себя в тылу десять вражеских городов, не обращая на них никакого внимания. Итак, государь, который может собрать хорошее войско, обойдется и без крепостей, а тот, у которого войска нет, не должен их строить. Ему следует укрепить подходы к своему городу, запастись провиантом и поддерживать расположение к себе горожан, чтобы он мог выдержать натиск противника, пока внешняя помощь или соглашение не спасут его. Все остальные расчеты обременительны в мирное и бесполезны в военное время. Теперь кто задумается над всем сказанным, тот увидит, что римляне, мудрые во всех своих установлениях, поступили благоразумно и в отношении латинов и привернатов, когда обезопасили себя более разумным и достойным способом, чем строительство крепостей.

Глава XXV

Нападая на разделившийся город в расчете на охватившие его распри, можно достичь противоположного результата

Противостояние между плебеями и знатью в Римской республике достигло такого накала, что вейенты объединились с этрусками, дабы, воспользовавшись смутой, покончить с Римом. Когда они снарядили войско и вторглись на римскую территорию, Сенат послал против них Гая

Манилия и Марка Фабия, и в то время как те вышли навстречу войску противника, вейенты осыпали их бранью и насмешками, всячески принижая и оскорбляя римлян. Их дерзость и заносчивость были столь невыносимы, что римляне забыли о взаимных обидах, бросились на врагов и разгромили их. Отсюда видно, насколько люди, как мы обсуждали это выше, обманываются в своих расчетах и как часто, надеясь на выигрышный исход, они проигрывают. Вейенты, напав на разъединенных римлян, думали победить их, но это нападение помогло объединению последних и поражению вейентов. Ведь причиной распрей в республиках чаще всего служат покой и праздность, а к единению склоняют страх и война. Поэтому будь вейенты мудрее, видя Рим разделившимся, они старались бы всячески оберегать его от войн и ущемлять его мирными средствами. Нужно было войти в доверие к городу, раздираемому распрями, и пока дело не дошло до оружия, выступать беспристрастными судьями между партиями. Когда дело дойдет до вооруженных столкновений, следует осторожно помогать более слабым, как для того, чтобы они могли продолжать борьбу и истощали себя в ней, так и потому, что более существенная помощь может вызвать у всех подозрение, что ты станешь притеснять их и претендовать на верховную власть. Если вести себя с умом, то получится почти всегда так, что поставленная тобою цель будет достигнута. Город Пистойя, как я говорил в другом месте и по другому поводу, попал под власть Флоренции именно благодаря подобным ухищрениям, ибо, когда он разделился на партии и флорентийцы помогали то одним, то другим, не становясь окончательно ни на чью сторону, город в конце концов утомился от мятежей и по собственной воле отдал себя в руки Флоренции. В Сиене перевороты в пользу флорентийцев случались только тогда, когда они очень мало вмешивались в ее дела. Если же флорентийцы предпринимали решительные действия, город объединялся для защиты прежнего правления. Хочу добавить к приведенным еще один пример: миланский герцог Филиппо Висконти неоднократно вступал с Флоренцией в войну, рассчитывая на ее внутренние распри, но ни разу не добился успеха, так что ему пришлось жаловаться по поводу этих походов, что флорентийские безумства заставили его выбросить на ветер два миллиона золотых. Таким образом, как уже было сказано, вейенты и тосканцы обманулись в своих ожиданиях и в конце концов потерпели поражение в битве с римлянами. Так и впредь суждено разочарование всякому, кто подобным же образом и в подобных же обстоятельствах вознамерится подчинить себе другой народ.

Глава XXVI

Поношения и брань вызывают ненависть к обидчику без всякой для него пользы

Я полагаю, что людей, воздерживающихся от нанесения словесных обид и угроз другим, следует причислить к самым благоразумным, ибо и то и другое не отнимает сил у врага; угрозы побуждают его быть осторожнее, а брань усиливает ненависть к тебе и заставляет его еще упорнее изыскивать способы расправиться с тобой. Это видно на примере вейентов, о которых шла речь в предыдущей главе: вступив в войну с римлянами, они еще усилили их враждебность бранными словами, от чего всякий разумный командир должен удерживать своих солдат, ибо насмешки только разжигают врага, а отнюдь не мешают ему, как мы уже сказали, нападать. Таким образом, это оружие, которое обращается против тебя. Замечательное происшествие на этот счет случилось в Азии: полководец персов Габад простоял долгое время лагерем под Амидой и, наскучив долгой осадой, решил уйти восвояси. Когда он уже снялся со стоянки, защитники города высыпали на стены и, упоенные своей победой, стали наносить ему всяческие оскорбления, высмеивая, осуждая и выставляя на свет трусость и никчемность врага. Обозленный Габад изменил свое намерение и снова обложил город осадой. Через несколько дней он захватил и разграбил его – столь велико было негодование, вызванное обидой.

То же самое произошло и с вейентами. Как уже было сказано, им показалось мало воевать с римлянами, они захотели еще уязвить римлян насмешками и, приблизившись с издевкой на устах к самой лагерной изгороди, гораздо сильнее задели их своими словами, чем вооруженными нападениями. Римские солдаты, до этого сражавшиеся без особой охоты, заставили консулов вступить в бой; так вейенты, как и упомянутый выше гарнизон, стали жертвой собственной несдержанности на язык. Таким образом, хорошие военачальники и хорошие государственные правители должны прилагать все усилия, чтобы избежать подобных обид и оскорблений в своих городах или войсках как между своими, так и по отношению к врагу, потому что в последнем случае это угрожает вышеописанными бедами, а внутренние ссоры еще опаснее, если не принять предохранительных мер, как это всегда делали благоразумные вожди. Когда римские легионы, оставленные в Капуе, замыслили расправиться с ее жителями, о чем будет рассказано в своем месте, в городе вспыхнули волнения, которые потом были усмирены Валерием Корвином, и среди прочих условий замирения было предусмотрено суровое наказание для тех, кто когда-либо станет упрекать этих солдат за участие в

беспорядках. Тиберий Гракх, назначенный во время войны с Ганнибалом командиром отряда, составленного из рабов, которых римляне вооружили вследствие недостатка в людях, в числе своих первых приказаний распорядился карать смертью тех, кто станет корить их прежним рабским состоянием. Настолько римляне, как мы уже говорили выше, почитали вредным наносить людям унижительные упреки и оскорбления, ибо ничто так не берedit душу и не пробуждает в ней большего негодования, чем насмешка, высказана ли она в шутку или всерьез: «*Nam facetiae asperae, quando nimium ex vero traxere, acrem sui memoriam relinquunt*» [58] .

Глава XXVII

Благоразумные государи и республики должны довольствоваться одержанной победой; в большинстве случаев, если ее недостаточно, они проигрывают

Бранить врага обидными словами заставляет обычно дерзость, вызванная победой или обманчивой надеждой на нее. Подобные надежды делают людей неразборчивыми не только в словах, но и в поступках. Укоренившись в человеческом сердце, самоуверенность притупляет чувство меры и чаще всего заставляет упустить насущное благо ради призрачного. Это обстоятельство заслуживает рассмотрения, ибо люди обманываются очень часто и с большим ущербом для себя, и я думаю показать это с помощью старинных и современных примеров, которые объяснят все лучше всяких доводов. Когда Ганнибал разбил римлян при Каннах, он отправил в Карфаген своих посланцев с известием о победе и с просьбой о помощи. При обсуждении дальнейших действий в Сенате Ганнон, умудренный годами карфагенский гражданин, советовал воспользоваться этой победой для заключения с римлянами выгодного мира и не ждать, пока к этому вынудит поражение, потому что теперь можно было выставлять почетные условия. Карфагену было бы достаточно показать римлянам, что он может с ними справиться, и, одержав одну победу, не следовало рисковать ради еще более внушительной. Этот совет не был принят, и Сенат признал его разумность лишь тогда, когда случай был упущен.

Когда Александр Великий овладел уже всем Востоком, Тирская республика, в те времена благодаря своему господству на море славная и могущественная, наподобие Венеции, обеспокоившись величием Александра, направила к нему посольство с предложением перейти в добровольное подданство и приняла все его условия, за исключением пребывания царя и его войска в самом городе. Александр разгневался на жителей Тира, которые закрыли перед ним ворота, в то время как весь мир

распростерся перед ним. Он отверг все их предложения и осадил город. Благодаря водной преграде и богатейшим запасам продовольствия и прочих припасов, необходимых для обороны, город против всякого ожидания на протяжении 4 месяцев успешно сопротивлялся, и Александр, убедившись в том, что бесславно теряет время, решил пойти на мир с горожанами и уступить им то, о чем они сами просили. Однако возгордившиеся жители Тира не только не пожелали пойти на соглашение, но и казнили прибывших на переговоры посланцев Александра. Взбешенный царь бросил на приступ такие силы, что взял и разрушил город, после чего перебил и увел в рабство его жителей.

В 1512 году во флорентийские владения вторглось испанское войско, чтобы восстановить во Флоренции правление Медичи и обложить город данью. Испанцев призвали некоторые из горожан, пообещав выступить им в поддержку с оружием в руках, когда те окажутся в пределах республики. Спустившись на равнину и не обнаружив обещанного подкрепления, испанцы, испытывая недостаток провианта, попытались заключить перемирие, но народ Флоренции высокомерно не пожелал вступить с ними в сговор, что повело к падению Прато и гибели государства.

Таким образом, для государей, подвергшихся нападению, нет ничего хуже, чем отказываться от любых соглашений, если противник гораздо сильнее их, особенно если предложение исходит от него, ибо это предложение никогда не может быть столь унижительным, чтобы в нем не было хоть какой-нибудь выгоды для принимающего, которая составляет долю и его победы. Народу Тира довольно было принять от Александра те условия, которые он сначала отверг, и для них было немалой победой с оружием в руках заставить такого человека склониться к их желанию. Также и флорентийский народ должен был удовлетвориться такой немалой победой, при которой испанское войско уступало некоторым из его требований, а свои не могло выполнить целиком, ибо в намерения испанского войска входило изменение государственного строя Флоренции, расстройство ее союза с Францией и получение контрибуции. Если бы из этих трех намерений испанцам удалось выполнить только два, а именно последние, а на долю народа осталась бы одно, то есть сохранение его власти, в этом уже заключались немалая честь и немалое удовлетворение, потому что, продлевая свое существование, народ не должен был заботиться об остальном, и не следовало ставить все на карту, даже если надо было испытывать милость судьбы ради гораздо более крупного и почти верного успеха; благоразумные люди никогда не идут на такой риск без крайней необходимости. Когда Ганнибал после 16 лет славных битв

покинул Италию, призванный карфагенянами для спасения родины, он узнал о поражениях Гасдрубала и Сифакса, о потере Нумидийского царства и о том, что единственную надежду Карфагена, запертого в своих четырех стенах, составляют он сам и его войско. Понимая, что это последняя ставка его отечества, Ганнибал не захотел рисковать ею, пока не были испытаны все прочие средства, и не счел постыдным просить мира, полагая, что выход для его страны заключается именно в этом, а не в войне. Но так как в мире ему было отказано, он не преминул дать бой, хотя и без надежды на выигрыш, ибо в этом случае оставалась возможность победить или, погибнув, покрыть себя славой. И если Ганнибал, который был столь доблестным вождем и располагал всем своим войском, прежде чем дать сражение, попытался заключить мир, видя, что на карту поставлена свобода отчизны, то как же следует поступать людям, не обладающим его доблестью и опытом? Но одно из людских заблуждений состоит в неумении полагать предел своим несбыточным мечтаниям, основываясь на которых и не соизмеряя своих сил, они погибают.

Глава XXVIII

Сколь опасно для республики или государя оставлять безнаказанными обиды, нанесенные обществу или частному лицу

К каким действиям побуждает людей негодование, легко видеть на примере, случившемся с римлянами, когда они отправили послами к французам, пришедшим с войной в Тоскану, и в частности в Кьюзи, трех Фабиев. Жители Кьюзи обратились за помощью к римлянам, и те снарядили послов, чтобы они от имени римского народа потребовали у французов прекратить войну с тосканцами. Прибыв на место, посланцы Рима застали французов и тосканцев сражающимися, и так как они были людьми дела, а не слов, римляне заняли места в первых рядах своих союзников, и увидевшие их французы все свое негодование против тосканцев обратили на римлян. Их гнев был усилен еще тем, что когда французские послы принесли свою жалобу на эту обиду римскому Сенату и в возмещение ее потребовали выдачи Фабиев, тех не только оставили в Риме и не подвергли никакому наказанию, но и во время ближайшего народного собрания назначили трибунами с консульской властью. Видя, что их обидчики вместо наказания были возвышены, французы посчитали это позором и оскорблением для себя. Воспылав яростью и негодованием, они осадили Рим и завладели им вплоть до Капитолия. Это несчастье постигло римлян только из-за их несправедливого поступка, ибо их послы, действовавшие «*contra jus gentium*» [59], должны были подвергнуться наказанию, а вместо того получили почетные звания. Отсюда явствует,

насколько любая республика и любой государь должны воздерживаться от нанесения подобных обид не только множеству граждан, но даже и одному человеку. Ведь если кто-либо подвергается оскорблению от своих сограждан или от частного лица и не получает соответствующего удовлетворения, то, когда речь идет о республике, он старается отомстить даже ценой ее крушения, а если он является подданным какого-либо государя и не лишен хотя бы малейшего чувства собственного достоинства, он не успокаивается, пока не сведет счеты со своим правителем, пусть бы это стоило ему больших неприятностей.

Самым лучшим и убедительным доказательством здесь является пример македонского царя Филиппа, отца Александра. Одним из его придворных был Павсаний, знатный и красивый юноша, в которого влюбился один из первых сановников Филиппа, Аттал. Неоднократно он пытался склонить его к взаимности, но, убедившись, что Павсанию были чужды подобные утехы, Аттал решил завладеть неприступным юношей с помощью обмана и насилия. Устроив пышный пир, на который собрались многие знатные бароны и в их числе Павсаний, он постарался досыта всех напоить и угостить, а затем, в разгар пиршества, велел схватить Павсания и, прибегнув к силе, не только удовлетворил свое вожеление, но в довершение поругания велел поступить с ним таким же образом другим. Павсаний неоднократно жаловался Филиппу на понесенную обиду, но тот, в течение некоторого времени обещая отомстить за него, не только не сделал этого, но и поставил Аттала во главе одной из греческих провинций. После чего Павсаний, видя, что его враг вместо наказания получил возвышение, обратил все свое негодование не против обидчика, а против Филиппа, пренебрегшего мстью. И вот однажды утром, когда праздновалась свадьба дочери Филиппа с Александром Эпирским, Павсаний убил Филиппа, когда тот направлялся в храм для совершения обряда, шествуя между двумя Александрями, зятем и сыном. Этот пример очень напоминает то, что случилось с римлянами, и должен послужить предостережением всем правителям: никогда не следует чрезмерно недооценивать людей и полагать, нагромождая одну обиду на другую, что твоя жертва не пожелает отомстить за себя, невзирая на любую опасность и ущерб.

Глава XXIX

Когда фортуна желает подавить в людях противодействие своим замыслам, она помрачает их разум

Если как следует присмотреться к делам людским, то можно увидеть, что по воле небес часто происходят события, которые невозможно

предотвратить. И если так случилось в Риме, отличавшемся великой доблестью, благочестием и разумным устройством, неудивительно, что еще чаще это бывает с городами или провинциями, лишенными вышеназванных качеств. Значение таких событий очень велико, ибо они свидетельствуют о влиянии небес на ход земных вещей, и поэтому Тит Ливий подробно и очень убедительно рассказывает о них. Он говорит, что небеса, желая показать римлянам свою силу, заставили Фабиев, посланных к французам, допустить ошибку, и тем самым побудили последних вступить с Римом в войну. Затем они помешали римлянам принять какие-либо меры, достойные этого народа, для прекращения войны: по вышнему произволению Камилл, который один мог противостоять этому несчастью, был сослан в Ардею, затем, когда французы подошли к Риму, его граждане, прежде неоднократно избиравшие диктаторов для отражения нападения вольсков и прочих ближайших своих соседей, на сей раз этого не сделали. Подобная же слабость проявилась в наборе солдат, который не был проведен с надлежащей поспешностью, причем римляне столь неохотно брались за оружие, что едва успели встретить французов на реке Аллии, отстоящей от Рима всего на 10 миль. Трибуны разбили здесь лагерь, не подумав об обычной предосторожности, не разведав местности и не окружив стоянку рвом и частоколом, в общем, не позаботившись о том, что было в божеских и человеческих силах. Вступая в бой, они не смогли создать сплоченные и сильные ряды, так что ни солдаты, ни командиры не оказались на высоте римского оружия. Битва была бескровной, потому что римляне еще до столкновения показали спину; часть из них ушла в Вейи, а остальные отступили к Риму и здесь, не заходя домой, укрылись в Капитолии. Сенат, не думая об обороне города, даже не закрыл ворота, и часть жителей разбежалась, а часть вместе с воинами собралась в Капитолии. Для защиты последнего, впрочем, были приняты некоторые действенные меры: те, кто не мог участвовать в защите, были выдворены оттуда, внутрь свезли весь имевшийся хлеб, чтобы выдержать длительную осаду; бесполезная толпа женщин, стариков и детей в основном разбрелась по окрестным землям, а прочие же остались в Риме на милость французов. Читая о деяниях этого народа за многие годы до того и сравнивая их с событиями названного времени, трудно поверить, что речь идет о жителях того же самого города. И, рассказав обо всех вышеописанных беспорядках, Тит Ливий в заключение говорит: «*Adeo obcaecat animos fortuna, cum vim suam ingruentem refringi non vult*» [60] . Этот вывод как нельзя более справедлив, и потому люди, которым случается переживать великие несчастья или великие радости, не заслуживают ни похвалы, ни порицания.

Ведь в большинстве случаев их величие или их крушению способствуют обстоятельства, в силу которых небеса дают им случай употребить свою доблесть либо отнимают его.

Таковы прихоти судьбы, которая, желая свершить грандиозные дела, избирает человека, наделенного такой доблестью и таким величием духа, что он умеет распознать предоставленные ему возможности. Точно так же, подготавливая великие бедствия, судьба подыскивает людей, им способствующих. А тех, кто мог бы этому противостоять, она либо губит, либо лишает способности действовать сколько-нибудь плодотворно. В этом легко убедиться по рассматриваемому отрывку, в котором судьба, чтобы возвысить Рим и направить его к достигнутому впоследствии величию, посчитала необходимым сокрушить его (о чем мы будем подробно говорить в начале следующей книги), но не пожелала погубить совершенно. Это видно по тому, что она заставила отправить в ссылку, но не казнить Камилла; отдала в руки врага Рим, но без Капитолия; помешала римлянам принять какие-либо разумные меры для защиты города, однако при обороне Капитолия их действия были несколько более упорядоченными. Оставляя Рим беззащитным, судьба распорядилась, чтобы большая часть солдат была разбита при Аллии и удалась в Вейи. Таким образом, были отрезаны все пути для обороны города. Вместе с тем судьба позаботилась и о его спасении, сохранив целое войско в Вейях, а Камилла в Ардее, дабы солдаты могли сразиться с врагом под предводительством военачальника, не запятнавшего себя позором поражения и во всех отношениях достойного освободить свою родину.

В подтверждение всего сказанного можно было бы привести современные примеры, но они будут излишними, поскольку читателям будет довольно уже означенного, и мы их опустим. Подчеркну еще раз справедливость всего изложенного, ибо из всех исторических сочинений явствует, что люди могут приноравливаться к судьбе, но не противоборствовать ей; могут плести ее сети, но не обрывать их. Все же никогда не стоит отчаиваться, ибо цели ее от всех укрыты и бредет она окольными и неведомыми путями, поэтому никогда не следует терять надежду и опускать руки, какие бы беды и несчастья ни случились.

Глава XXX

Могущественные республики и государи не покупают друзей, а обзаводятся ими благодаря своей доблести и военной репутации

Римляне были осаждены в Капитолии, и, хотя они ожидали подмоги от Камилла и из Вейев, когда наступил голод, они решили откупиться от французов, заплатив им золотом, и уже начали отвешивать требуемое

количество, но в это время явился Камилл со своим войском, о чем, как говорит историк, позаботилась фортуна, *ut Romani auro redempti non viverent* [61] . Это обстоятельство примечательно не только для данного случая, но *etiam* [62] для образа действий Римской республики, которая никогда не расплачивалась деньгами ни за новые земли, ни за заключение мира, а добывала все доблестью своего оружия. Думаю, что с другими республиками такого не бывало. Наряду с прочими признаками, указывающими на мощь какого-либо государства, следует обращать внимание на его взаимоотношения с соседями. Если они таковы, что сопредельное государство ради дружбы с ним платит ему дань, это верный признак могущества такой державы; если же соседи, даже уступая ей по значению, получают от нее деньги, это указывает на слабость государства.

Обратитесь к римской истории, и вы увидите, что жители Массилии и Родоса, эдуи, Гиерон Сиракузский, цари Эвмен и Массинисса, чьи владения были пограничными с римскими, дабы снискать дружбу этого государства, наперебой предлагали дани и приношения для оплаты его нужд, прося взамен только защищать их. Противоположную картину можно видеть в слабых государствах, начиная с нашей Флоренции, ибо во времена ее бывшего возвышения в Романье не было столь захудалого господинчика, чтобы она не делала ему взносов. Кроме того, она платила жителям Перуджи, Кастелло и другим своим соседям. Если бы Флоренция располагала отважным войском, все было бы наоборот, ибо другие давали бы ей деньги, чтобы получить взамен покровительство, и пытались бы купить ее дружбу, а не продать свою. Но такое унижение довелось испытать не только флорентийцам, но и венецианцам, и французскому королю, который со своих огромных владений платит дань швейцарцам и королю Англии. Все это оттого, что они разоружили свои народы и предпочли – как этот король, так и прочие из вышеназванных – довольствоваться тем, что их подданные позволяют себя обирать. Эти правители думают предохранить себя от воображаемых, по сути дела, опасностей, вместо того чтобы обеспечить своим народам нерушимый покой и процветание. Это упущение если и дает некоторую передышку, со временем обязательно приводит к непоправимым бедам и потерям. Слишком долго было бы перечислять, сколько раз флорентийцы, венецианцы и Французское королевство пытались избавиться от войны с помощью кошелька и сколько раз они подвергались позору, на который римляне собирались пойти лишь однажды. Слишком долго было бы перечислять, сколько городов выкупили флорентийцы и венецианцы, а потом это им вышло боком, ибо то, что выкупается золотом, впоследствии

трудно защитить мечом. Римляне свой благородный образ действий соблюдали до тех пор, пока они были свободными, но когда у них установилась императорская власть и императоры усвоили дурные обычаи, возлюбив превыше солнечного зноя тенистую прохладу, тогда и римляне стали платить выкуп то парфянам, то германцам, то другим сопредельным народам, и это послужило началом крушения всей империи.

Подобные неприятности происходят оттого, что твой народ разоружен, и ведут они к еще большей опасности – что твоя слабость будет возрастать по мере приближения противника. Ведь при вышеописанном образе действий правитель плохо обходится с подданными внутренних областей своей страны и заботится только о тех, что живут на границе, чтобы они были всегда готовы отразить врага. С этой целью он прикармливает властителей и народы, живущие в сопредельных с ним землях. Вследствие этого противник встречает в таких государствах некоторое сопротивление на границах, но, перейдя их, может двигаться беспрепятственно. Государи не принимают во внимание, насколько такой образ действий противоречит всякому здравому смыслу. Ведь доспехами следует покрывать сердце и другие жизненно важные части тела, а не его конечности, ибо без них оно продолжает жить, а лишившись сердца, умирает; упомянутые государства укрывают свои руки и ноги, а сердце оставляют незащищенным.

Подобный недосмотр, погубивший Флоренцию, можно, как и раньше, наблюдать и теперь: вражеское войско переходит границу, и когда оно углубляется в центр страны, противостоять ему невозможно. Сходным испытаниям подверглись венецианцы несколько лет назад, и не будь их город окружен водой, результат был бы тот же самый. Это не так хорошо видно на примере Франции, потому что мало кто может помериться силами со столь великим королевством. Тем не менее, когда англичане в 1513 году напали на него, вся страна была повергнута в трепет, все ее жители, и в том числе сам король, полагали, что после первого поражения он лишится своей власти и владений. У римлян все было наоборот: чем ближе подходил неприятель к Риму, тем ожесточеннее было встречаемое им сопротивление. Во время походов Ганнибала в Италию после трех поражений и огромных потерь как простых солдат, так и командиров они не только выдержали натиск врага, но и выиграли войну. Все дело в том, что римляне надежно защищали сердце и мало заботились о внешних частях тела. Основу их государства составляли римский народ, племена латинов, союзные города в Италии и колонии, откуда они получали столько солдат, сколько было нужно для завоевания и удержания в подчинении всего мира. Справедливость этого доказывает вопрос, заданный

карфагенянином Ганноном гонцам, присланным Ганнибалом после победы при Каннах. В то время как они перевозносили деяния Ганнибала, Ганнон спросил, обратились ли римляне с просьбой о мире и восстал ли какой-нибудь город в Лациуме и в колониях против римлян. И поскольку ответ в обоих случаях был отрицательным, Ганнон заметил: «Исход этой войны так же неясен, как и прежде».

Настоящие рассуждения, как и другие, приведенные выше, показывают, насколько различен между собой образ действий прежних республик и нынешних. Вследствие этого мы всякий день являемся свидетелями чудесных приобретений и чудесных утрат. Ведь там, где человеческая доблесть невелика, судьба на каждом шагу доказывает свою власть, а поскольку ее характер переменчив, то постоянно меняется и положение республик и государств. Так будет до тех пор, пока не появится какой-нибудь поклонник древности, который сумеет так обойтись с фортуной, чтобы ей ни к чему было всякий божий день навязывать нам свои капризы.

Глава XXXI

Сколь опасно доверять изгнанникам

Мне кажется нелишним включить в число прочих рассуждений предостережение против тех, кто был изгнан из родных мест, поскольку властителям всякий день приходится задавать себе вопрос об их надежности; лучше всего при этом сослаться на один пример, приводимый Титом Ливием в своей «Истории», хотя и с другой целью. Когда Александр Великий с войском отправился в Азию, его зять и дядя Александр Эпирский пошел в поход на Италию, призванный туда луканскими изгнанниками, пообещавшими ему помощь в завоевании страны. Поверив этому, он прибыл в Италию, но здесь был убит призвавшими его, ибо сограждане обещали за это вернуть их на родину. Отсюда видно, сколь обманчивы бывают клятвы и обещания людей, лишенных отечества. Что касается доверия к ним, то следует считать, что всякий раз, как перед ними откроется другой путь для возвращения домой, они готовы будут расстаться с тобой и примкнуть к другим, какие бы обещания перед этим ни давали. Что же до их посулов и надежд, то желание этих людей вернуться на родину обычно столь велико, что им свойственно питать всяческие иллюзии, а многое они выдумывают нарочно, и, увлекшись их рассказами, искренними или лживыми, ты впустую потратишь свои силы, а то и вовсе погубишь себя.

Сошлюсь в качестве примера на упомянутого Александра, а также на афинянина Фемистокла, который поднял мятеж, а затем бежал в Азию к

Дарию и здесь надавал ему столько обещаний, чтобы склонить к нападению на Грецию, что Дарий решил выступить в поход. Но поскольку Фемистокл не смог выполнить своих обещаний, то от стыда или от страха перед наказанием он отравился. И если Фемистокл, человек выдающийся по своим способностям, впал в подобное заблуждение, насколько же больше будут склонны к этому люди, не обладающие такой доблестью и увлекаемые своими помыслами и страстями. Итак, государь должен прохладно относиться к предприятиям, затеваемым под уговорами изгнанников, ибо чаще всего они кончаются позором или великими убытками. И поскольку очень редко удастся захватить город обманом или по сговору своих сторонников с кем-либо из его жителей, мне кажется уместным рассмотреть этот вопрос в следующей главе, прибавив рассуждения о тех способах, которыми руководствовались в этих случаях римляне.

Глава XXXII

Какие способы употребляли римляне для овладения городами

Все помыслы римлян были обращены на войны, которые они вели всегда с наибольшей выгодой для себя как в отношении расходов, так и других необходимых вещей. Поэтому римское войско избегало осаждать города; считалось, что связанные с осадой траты и неудобства далеко превосходят возможную пользу, вытекающую из приобретения. Римляне предпочитали подчинять себе чужие города любым другим способом, отчего за столько лет многочисленных войн можно сыскать очень мало упоминаний об осажденных ими городах. Обычно они брали их приступом или заставляли сдаться. В первом случае речь шла об открытом и прямом насилии или о насилии, смешанном с обманом. Насильственный захват заключался в штурме, при котором стены оставались нетронутыми (это называлось у них «*aggredi urbem corona*» [63], потому что войска при этом окружали город и наступали на него со всех сторон); неоднократно римляне захватывали даже большие города уже первым натиском, например, Новый Карфаген в Испании, взятый Сципионом. Если же штурм был неудачным, стены разбивали тараном и другими осадными машинами либо делали подкоп и через него проникали в город (таким способом был захвачен город вейентов). Чтобы сравняться с защитниками стен, возводили деревянные башни либо вплотную к стенам насыпали земляные валы, по которым можно было взобраться наверх. В первом случае, когда нападение осуществлялось со всех сторон, обороняющиеся подвергались непосредственной опасности, от которой было труднее уклониться, потому что повсюду требовалось иметь достаточное количество бойцов, и это

затрудняло по крайней мере пополнение их свежими силами, а если же людей хватало, то не все они сопротивлялись с одинаковой отвагой, и поражение на слабом участке вело к всеобщему поражению. Таким образом, как я уже говорил, подобный способ атаки часто бывал увенчан успехом. Но если этого не происходило, римляне не настаивали на нем, чтобы не создавать опасности для войска, ибо, растянувшись на большом пространстве, оно становилось уязвимым в случае вылазки защитников города; к тому же упомянутый способ утомлял солдат и приводил их ряды в расстройство; его можно было использовать только один раз и внезапно. Что же касается разрушения стен, то, как и теперь, поправить дело можно было, вновь укрепляя их. Для защиты от подкопа вели контрподкопы, через которые преграждали врагу путь оружием или с помощью других ухищрений, в том числе, например, наполняя бочки перьями и поджигая их; горящие бочки опускали в подземелье, и тогда дым и смрад мешали продвижению неприятеля. Деревянные башни осажденные также пытались уничтожить огнем. Для борьбы с земляными насыпями проделывали отверстия внизу стены, где к ней примыкал земляной вал, который насыпали сверху. Таким образом, уменьшая снизу количество прибавившейся сверху земли, останавливали рост насыпи. Все эти способы покорения городов рассчитаны на короткое время; по истечении его следует сниматься с лагеря или искать другие пути выиграть войну, как поступил Сципион, когда напал в Африке на Утику и не смог взять ее. Тогда он прервал стоянку и попытался разгромить карфагенское войско. Иногда можно также перейти к осаде, как было с Вейями, Капуей, Карфагеном, Иерусалимом и другими городами, которые римляне захватили, осадив их. Что касается приобретения городов с помощью обмана и насилия, то пример являет Палеполи, который римляне заняли по сговору с осажденными. Подобные предприятия часто затевались как римлянами, так и другими, но редко бывали удачными, потому что малейшие препятствия разрушают все планы, а препятствий в таких делах возникает более чем достаточно. Либо заговор бывает раскрыт еще до начала его осуществления, причем раскрыть его бывает нетрудно как из-за измены тех, кто посвящен в него, так и из-за трудности исполнения, потому что заговорщикам необходимо сноситься с противником и с теми, с кем без благовидного предлога нельзя вступать в переговоры. Но если подготовку заговора и удастся сохранить в тайне, то в ходе выполнения намеченного возникает множество трудностей. Придешь ли ты на место до назначенного времени или придешь после, все дело может быть погублено; поднимается ли случайный шум, как тот, что произвели капитолийские гуси, будет ли

замечено какое-то отступление от обычного порядка – малейшая оплошность, малейший промах ставят под угрозу все предприятие. Прибавим сюда ночную тьму, которая наводит страх на участников этого опасного дела. Большая же часть людей, которая бывает втянута в подобные дела, чаще всего плохо знакома с местностью и со страной, куда они попадают, так что любая незначительная случайность приводит их в ужас, сбивает и путает; любой воображаемой опасности достаточно, чтобы обратить их в бегство. В таких коварных ночных похождениях никому так не везло, как Арату Сикионскому, который был в них столь же силен, сколь слаб и труслив в честном бою при свете дня. Это следует отнести за счет неких внутренних его способностей и вовсе не делать вывод, что тайным козням более способствует удача. Многие пытаются их строить, но редко кто прибегает к ним на деле, и уж совсем немногим сопутствует успех.

Если города сдаются сами по себе, они это делают по доброй воле или по принуждению. В первом случае к этому их подталкивает внешняя необходимость, заставляющая прибегнуть к твоему покровительству, как было при обращении Капуи к Риму, или желание воспользоваться плодами хорошего управления, по примеру тех, кто уже препоручил себя заботам данного государя, как поступили жители Родоса, Массилии и других городов, присягнувшие римскому народу. Что касается насильственной сдачи, то она бывает вызвана длительной осадой или непрерывным беспокойством, наносимым набегами, разорением владений и другими неприятностями, желая избежать которых город капитулирует. Из всех названных способов римляне как никто другой пользовались последним и на протяжении 450 лет изматывали своих соседей постоянными походами и сражениями, так что благодаря заключенным с ними соглашениям упрочили свой нерушимый авторитет, как мы уже говорили раньше. Этот образ действия был у римлян основным, хотя они не чурались других; однако другие способы оказывались бесполезными или опасными. Осады бывают слишком длительными и дорогостоящими, штурм рискован и имеет сомнительный исход, заговоры ненадежны. Римляне убедились, что, разгромив неприятельское войско в одном сражении, за один день они решали судьбу всего царства, а чтобы принудить к сдаче непокорный город, приходилось осаждать его долгие годы.

Глава XXXIII

О том, что римляне предоставляли своим полководцам свободу действий

Я полагаю, что при желании извлечь пользу из чтения Ливиевой «Истории» необходимо рассматривать всякий образ действий, взятый в

обыкновение Сенатом и римским народом. При этом наряду с прочим следует выяснить, какой властью наделяли они своих консулов, диктаторов и других военачальников, ведь полномочия последних были чрезвычайно велики, а за Сенатом оставалось только объявление новых войн и заключение мира; все остальное сенаторы оставляли на усмотрение консула. Сенат и народ объявляли войну, скажем, латинам, а обо всем прочем должен был позаботиться консул, который мог назначить или отменить сражение, подступить к тому или иному городу, как ему представлялось необходимым. Примеров тому можно привести множество, особенно относящихся к одному из походов в Тоскану. Когда консул Фабий одержал победу над тосканцами близ Сутри и решил затем пройти со своим войском через Чиминский лес и войти в Тоскану, он не только не посоветовался с Сенатом, но даже не известил его о своем решении, хотя намеревался вести войну в чужой местности, где войско подстерегали сюрпризы и опасности. То же самое подтверждается распоряжением, которое, в свою очередь, сделал Сенат: узнав об одержанной Фабием победе и опасаясь, как бы тот не отправился через вышеупомянутые дебри в Тоскану, Сенат, предпочитавший прекратить войну и избежать связанной с ней угрозы, направил к Фабию двух легатов с требованием не вступать в Тоскану. Легаты, однако, прибыли уже тогда, когда Фабий не только сделал это, но и одержал новую победу, так что, не исполнив своей миротворческой роли, они вернулись с вестью о новом приобретении и о славном подвиге войска. Кто хорошо вникнет в поступки Сената, тот убедится в его благоразумии, ибо если бы Сенат захотел управлять действиями консула по ведению войны шаг за шагом, тот сделался бы более медлительным и перестал думать об осмотрительности, ибо славу одержанной победы ему пришлось бы теперь делить с Сенатом, велениями которого он должен был руководствоваться. Кроме того, Сенат в таком случае принимал на себя решения относительно вещей, мало ему ведомых, ведь хотя он состоял из людей, весьма искушенных в военном деле, но на расстоянии, не зная тысячи мелких подробностей, необходимых для принятия правильного решения, сенаторы могли бы очень повредить своими советами. Поэтому они оставляли все в руках консула и не покушались на часть его славы; забота о ней должна была сдерживать и направлять, по их замыслу, все его действия. Я тем более охотно распространяюсь об этом предмете, что, по моим наблюдениям, республики нынешнего времени, в частности Венецианская и Флорентийская, придерживаются другого мнения, и когда их командиры, уполномоченные или комиссары должны расставить пушки, правительство

хочет во все вникать и руководить ими. Этот образ действий похвален в той же мере, что и прочие, которые в своей совокупности довели их до нынешнего состояния.

Книга третья

Глава I

Желая продлить жизнь религиозного учения или республики, необходимо чаще возвращать их к истокам

В высшей степени справедливо, что все вещи этого мира преходящи, но путь, предначертанный для всех небом, проходят целиком лишь те, что поддерживают свой телесный порядок, а не утрачивают его, и все происходящие в них изменения клонятся к их укреплению, а не повреждению. А поскольку я говорю о смешанных телах, к каковым принадлежат республики и религиозные школы, то на пользу им идут те перемены, которые возвращают их к началам. Следовательно, лучше устроены и долговечнее те, в которых заложена возможность обновления, вернее сказать, которые приступают к обновлению при всяком отклонении от присущего им устройства. Яснее ясного, что в противном случае им угрожает гибель.

Способ обновления заключается, как было сказано, в возврате к первоначальному состоянию. Всякое учение, всякая республика и всякое царство поначалу необходимо содержат в себе некое благо, с помощью которого они делают первые успехи и первые приобретения. Но поскольку с течением времени это благо подвергается порче, то если не вернуть его в прежние рамки, оно неизбежно погубит все тело. Как говорят о человеческих телах ученые-врачи, «*quod quotidie aggregatur aliquid, quod quandoque indiget curatione*» [64]. Если говорить о республиках, их возвращение к началу происходит под действием внешних обстоятельств или по их собственному благоразумию. В первом случае, как мы видели, Рим должен был сдаться французам, чтобы возродиться и при этом обрести новую жизнь и новую доблесть; римляне вернулись к соблюдению заветов благочестия и справедливости, которые утратили уже прежнюю чистоту. Это хорошо видно из «Истории» Ливия, где он показывает, что при наборе войска против французов и назначении трибунов с консульской властью не были выполнены никакие религиозные обряды. Точно так же римляне не только не наказали трех Фабиев, которые сразились против французов *contra jus gentium*, но и сделали их трибунами. Следует поэтому предположить, что и на другие полезные обычаи, введенные Ромулом и другими благоразумными государями, стали обращать меньше внимания, чем было необходимо для сохранения гражданской свободы. Тогда

понадобился этот внешний толчок, чтобы все порядки в городе были восстановлены и народ убедился, что следует не только поддерживать благочестие и справедливость, но и уважать своих достойных сограждан и больше дорожить их добродетелью, чем вытекающими из нее некоторыми неудобствами для сограждан. Так все и вышло: как только Рим вернулся к прежнему состоянию, обычаи древней религии были восстановлены полностью, Фабии, сражавшиеся *contra jus gentium*, были наказаны, а добродетель и достоинства Камилла были оценены столь высоко, что Сенат и все остальные, отставив самолюбие, возложили на него бремя управления республикой. Таким образом, необходимо, как уже было сказано, чтобы подобные внешние или внутренние причины время от времени заставляли людей, живущих в некоторой упорядоченной совокупности, оглядываться на себя. Внутренний способ может заключаться или в законе, согласно которому будет пересматриваться положение всех людей, составляющих эту общность, либо в действиях достойного человека, выделяющегося среди них, который своим примером и своими доблестными поступками добьется сходного результата.

Итак, в республиках подобную службу могут сослужить доблесть одного из граждан или достоинства некоего упорядоченного обычая. Что касается последнего, то Римскую республику возвращали к ее истокам такие обычаи, как избрание народных трибунов, цензоров, и все законы, направленные на обуздание властолюбия и заносчивости людей. Но все эти порядки должны быть приведены в движение доблестью одного из граждан, который бесстрашно вступает за них вопреки противодействию их нарушителей. Среди таких событий, предшествовавших взятию Рима французами, самыми примечательными были смерть сыновей Брута, смерть децемвиров, гибель хлеботорговца Мелия; а после сдачи Рима – смерть Манлия Капитолина, смерть сына Манлия Торквата, казнь Папирием Курсором своего начальника конницы Фабия и обвинение Сципионов. Все эти происшествия, привлекая к себе внимание и устрашая, всякий раз заставляли людей одуматься, но когда они стали редкостью, испорченность нравов могла распространяться свободнее, принося с собой больше опасностей и тревожений. Казни, подобные вышеназванным, должны бы совершаться не реже чем раз в 10 лет, ибо по прошествии этого времени люди начинают извращать свои нравы и преступать законы, и если ничто не напомнит им о наказании и не заронит в их душу новый страх, наплодится столько преступников, что власти не смогут карать их с безопасностью для себя. По этому поводу люди, управлявшие Флоренцией с 1434 по 1494 год, говорили, что каждые пять лет необходимо обновлять

государственную власть, иначе будет трудно удержать ее; обновлением власти они называли повторение того террора и того ужаса, который они навели на граждан, чохом расправляясь с теми, кто, по их понятиям, совершил проступок. Но память о таких расправах угасает, и люди снова начинают стремиться к переменам и злословить, поэтому бывает необходимо пригрозить им, повторив всю процедуру. Однако для возвращения республик к начальному состоянию бывает довольно и доблести одного человека, независимой от какого-либо закона, угрожающего суровым наказанием. Деяния этих людей служат таким высоким образцом, что достойные граждане стараются подражать им, а дурные стыдятся слишком отступать от них в своей жизни. В Риме такие добрые плоды принесла деятельность Горация Коклеса, Сцевола, Фабриция, двух Дециев, Регула Аттилия и некоторых других граждан, необыкновенные и доблестные поступки которых для Рима были почти так же важны, как и хорошие порядки и законы. И если бы такие достойные поступки чередовались с вышеназванными казнями в Риме хотя бы каждые десять лет, город никогда не поддался бы разложению, но поскольку и то и другое стало редкостью, испорченность нравов начала широко распространяться. После Марка Регула никто не мог служить примером для подражания, и хотя впоследствии в Риме появились двое Катонов, промежуток от Марка до них и от одного из них до другого был так велик и, кроме того, они оставались в таком одиночестве, что не смогли никого увлечь своими добрыми делами. В особенности это относится к последнему Катону, который застал город уже погрязшим в испорченности и не сумел повлиять своим поведением на сограждан в лучшую сторону. И на этом довольно о республиках.

Что же касается духовных школ, то здесь необходимость обновления видна на примере нашей религии, которая могла бы вовсе угаснуть, не возврати ее в исходное состояние св. Франциск и св. Доминик. С помощью обета бедности и подражания жизни Христовой они возродили в людях угасшее религиозное благочестие, и их новые порядки обладали такой силой, что сумели помешать крушению религии, несмотря на нечестие ее глав и прелатов. До сих пор живущие бедно монахи пользуются таким доверием у исповедующихся и слушающих их проповеди людей, что с успехом разъясняют им, как дурно говорить дурно о дурном и что следует подчиняться прелатам, а если те ошибаются, то пусть их наказывает Бог, так что попы предаются худшим из доступных для них занятий, ибо не боятся наказания, которое для них неведомо и сомнительно. Итак, упомянутое обновление позволило сохранить и доньше поддерживает эту

религию. Так же и царства имеют потребность в обновлении и восстановлении первоначальных законов. Насколько полезно это обновление, показывает Французское королевство, которое более всякого другого управляется в соответствии с законами и государственными установлениями. Хранителями этих законов и установлений выступают парламенты, в особенности парижский; всякий раз, вынося приговор государю и осуждая короля, он обновляет тем самым законы. Этот порядок сохраняется до сих пор, ибо парламент строго карает выходки тамошней знати, если же он стал бы смотреть на них сквозь пальцы и их число умножилось, исправить дело было бы возможно, несомненно, только ценой великих беспорядков, в противном случае королевство распалось бы.

Отсюда следует, что всякий вид общежития, будь то религиозный культ, царство или республика, ни в чем так не нуждается, как в восстановлении своего первоначального авторитета, сохранении добрых порядков или достойных людей, которые бы могли об этом позаботиться, чтобы не пришлось ожидать воздействия сторонней силы. Ведь если она иной раз и придется как нельзя кстати, как это было в Риме, сопряженная с этим опасность не позволяет на нее рассчитывать. Итак, чтобы показать всем и каждому, насколько поступки отдельных граждан способствовали величию Рима и сколько добра они принесли городу, я перейду к обсуждению и рассказу об этих поступках, чем и закончится настоящая, третья, книга и последняя часть данной первой декады. Я опускаю рассмотрение деяний царей, хотя они были великими и примечательными, ибо в истории об этом говорится довольно пространно; упомяну только о некоторых из их поступков, относящихся к их собственным частным интересам; начнем же мы с Брута, отца римской свободы.

Глава II

Сколь мудро вовремя прикинуться безумным

Трудно сыскать лицо, чей поступок мог бы считаться столь же мудрым и благоразумным, как поведение Юния Брута, притворившегося скудоумным. И хотя Тит Ливий называет только одну причину, побудившую его к такому решению, а именно желание жить в безопасности и сохранить свое имущество, тем не менее, судя по образу его действий, можно предположить, что Брут притворствовал и для того, чтобы избавиться от подозрений и с большей легкостью выступить против царей и освободить свою родину, как только представится подходящий случай. Что он думал именно об этом, видно, во-первых, по его истолкованию Аполлонова оракула, когда он, будто оступившись, поцеловал землю в надежде заручиться поддержкой богов для исполнения своих замыслов;

а во-вторых, потому, что, стоя над мертвой Лукрецией вместе с ее отцом, мужем и другими родственниками, он первым вынул нож из раны и заставил присутствующих поклясться, что впредь они не допустят никого царить в Риме. Пример Брута поучителен для всех, кто недоволен своим государем; прежде всего они должны измерить и взвесить собственные силы, и если их достанет, чтобы в открытую выступить против этого государя и объявить ему войну, следует избрать именно этот путь как менее опасный и более достойный. Но если для открытой войны сил недостаточно, недовольным следует приложить все старания, чтобы подружиться с государем, и с этой целью использовать все подходящие для этого способы, угождая его прихотям и находя удовольствие в том, в чем находит удовольствие он. Благодаря такой близости и без всякого риска успехи государя будут твоими успехами, и у тебя будут все возможности для исполнения твоих замыслов. Правда, некоторые утверждают, что с государями не следует настолько сближаться, чтобы быть похороненными при их крушении, и не стоит так отдаляться, чтобы нельзя было использовать их крах для своего возвышения. Средний путь, конечно, был бы самым правильным, если бы можно было его придерживаться, но так как, по-моему, это невозможно, следует избрать один из вышеописанных путей, то есть отдаляться или сближаться с государем. В противном случае всякий сколько-нибудь приметный человек живет в постоянной опасности. Бесполезно говорить: «Я ко всему равнодушен, мне не нужны ни доходы, ни почести, желаю жить только спокойно и без хлопот», ибо эти отговорки выслушивают, но не принимают во внимание. Люди, обладающие выдающимися качествами, не могут оставаться в стороне, даже если бы искренне и отставив всякое честолюбие захотели этого, ибо им никто не поверит; если сами они хотят пребывать в бездействии, этого им не позволяют другие. Поэтому следует изображать скудоумие, как поступал Брут; и многие только этим и занимаются, расточая хвалы, замечания, наблюдения и совершая поступки против своей воли, чтобы угодить государю. Мы сказали о благоразумии Брута, употребленном им на возвращение вольности Риму, скажем теперь о суровости, выказанной им в поддержании свободы.

Глава III

О том, что для сохранения вновь обретенной свободы необходимо уничтожить сыновей Брута

Суровость Брута в поддержании обретенной им для Рима свободы была столь же полезной, сколь необходимой; это редчайший случай на памяти всех когда-либо живших: видеть, как отец заседает *pro tribunali* и не

только приговаривает своих сыновей к смерти, но и присутствует при казни. В этом всегда убедятся читатели античной истории: после перемены государственного строя от республики к тирании или от тирании к республике возникает необходимость в запоминающейся расправе с врагами новой власти. Кто насаждает тиранию и не убивает Брута или кто провозглашает свободу и не убивает сыновей Брута, тот долго не продержится. Выше об этом уже подробно говорилось, поэтому я отсылаю читателей к вышесказанному; приведу только один примечательный пример, случившийся в наши дни и в нашей отчизне. Пьеро Содерини надеялся своим терпением и снисходительностью побороть стремление сыновей Брута вернуть другое правительство – и в этом обманулся. И хотя он был достаточно благоразумен, чтобы осознавать необходимость устранения их, а жребий и самолюбие выступавших против него давали для этого повод, Содерини никогда об этом не помышлял. Ведь мало того, что он верил в возможность с помощью терпения и добросердечия заставить замолчать злые языки, а с помощью наград привлечь на свою сторону кое-кого из врагов; он еще полагал (и неоднократно делился этим со своими друзьями), что для открытой расправы с оппозицией и разгрома своих противников ему потребуется взять чрезвычайную власть и нарушить законы гражданского равенства. И хотя он не стал бы пользоваться такими полномочиями для установления тирании, люди были бы так напуганы этим, что после его смерти никогда не согласились бы избрать кого-либо пожизненным гонфалоньером, а этот пост он считал нужным всячески поддерживать и укреплять. Его сдержанность была мудрой и достойной, однако никогда не следует попустительствовать злу ради некоего блага, если названное благо может быть легко погублено этим злом. Содерини должен был предполагать, что его поступки и намерения будут оценены по результату, если судьба и жизнь помогут достичь его. И тогда всякий подтвердит, что он действовал ради спасения родины, а не для удовлетворения тщеславных помыслов; все можно было устроить таким образом, чтобы его преемник не мог употребить во зло то, что он употребил во благо. Но в нем пересилило его первичное заблуждение, ибо он не знал, что злые помыслы не утихают со временем и не довольствуются подарками. Так что, не сумев уподобиться Бруту, вместе с отечеством он утратил власть и доброе имя. Но царскую власть так же трудно спасти, как и свободный строй, что будет показано в следующей главе.

Глава IV

Государь не может пребывать спокойным в своих владениях, пока живы изгнанные им оттуда правители

Смерть Тарквиния Приска от рук сыновей Анка и смерть Сервия Туллия по вине Тарквиния Гордого доказывает, сколь несбыточно и опасно лишать кого-либо царства и оставлять его в живых, даже пытаясь привлечь к себе наградами. Видно, что Тарквиний Приск ошибался в своей уверенности, будто царская власть принадлежит ему по закону, ибо он получил ее от народа и был утвержден в ней Сенатом; он не подумал о том, что негодование сыновей Анка не позволяло им довольствоваться тем, чем удовлетворялся весь Рим. Заблуждение Сервия Туллия состояло в его надежде примириться с сыновьями Тарквиния, наделяя их все новыми почестями. Относительно первого можно предостеречь всех государей, что они никогда не могут чувствовать себя в безопасности у власти, пока живы те, кого они лишили ее. Во втором случае можно напомнить всем властителям, что новые благодеяния никогда не стирают прежних обид, тем более если обида чувствительнее благодеяния. Со стороны Сервия Туллия было, без сомнения, неразумно полагать, что сыновья Тарквиния удовольствуются положением зятьев того, кого они видели своим подданным. Тяга к престолу столь велика, что заражает не только прямых наследников, но и сторонних лиц; так получилось с женой Тарквиния Младшего, дочерью Сервия, которая под действием этой неистовой страсти, вопреки долгу дочернего чувства, подговорила мужа отнять у отца и царство, и жизнь, настолько ей больше хотелось быть царицей, чем царской дочерью. И если Тарквиний Приск и Сервий Туллий утратили царскую власть из-за того, что не сумели обезопасить себя от свергнутых соперников, Тарквиний Гордый лишился ее из-за несоблюдения обычаев прежних царей, как будет показано в следующей главе.

Глава V

Отчего теряют власть цари, получившие ее по наследству

Когда Тарквиний Гордый погубил Сервия Туллия, у которого не оставалось наследников, он мог безмятежно располагать своей властью, не опасаясь тех неприятностей, которые так вредили его предшественникам. И хотя он завладел царством недозволенным и незаконным способом, но если бы Тарквиний придерживался древних обычаев прочих царей, его правление было бы терпимо, и Сенат вместе с плебсом не восстали бы, чтобы свергнуть его. Изгнан он был вовсе не потому, что его сын Секст обесчестил Лукрецию, но за извращение всех законов царства и тираническое правление, ибо Тарквиний отнял у Сената всю власть и завладел ею в одиночку. Дела, которые обсуждались публично, к удовлетворению римского Сената, он ограничил четырьмя стенами своего дворца, вызвав тем самым ненависть и порицание. Таким образом, за

короткое время Рим лишился тех вольностей, которые сохранялись у него при правлении прочих царей. Мало того что он настроил против себя отцов-сенаторов, ему нужно было поссориться с плебсом, принуждая его к механическому труду, совершенно чуждому тому, чем плебеи занимались при его предшественниках. Так, наполнив Рим образчиками своей надменности и жестокости, Тарквиний заронил во всех римлянах склонность к мятежу, как только для этого представится возможность. И если бы не произошел этот случай с Лукрецией, всякий другой подобный произвел бы такой же результат. Ведь если бы Тарквиний сохранил нравы других царей и его сын Секст совершил подобный проступок, Брут и Коллатин обратились бы за справедливостью к царю, а не к римскому народу.

Да будет известно государям, что власть начинает уходить у них из рук тогда, когда они усваивают привычку нарушать законы, а также древние нравы и обычаи, которыми люди руководствовались на протяжении долгого времени. И если бы государей, лишенных власти, вдруг озаряло такое благоразумие, что они понимали бы, сколь просто удержаться тем, кто ведет себя мудро, то горечь утраты была бы гораздо сильнее, и они сами осудили бы себя более сурово, чем другие. Ведь гораздо легче снискать любовь добрых, чем дурных, и подчиняться законам, чем навязывать людям свои прихоти. Желаящему узнать, как поступать в таких случаях, проще всего принять за образец жизнь достойных государей: Тимолеона Коринфского, Арата Сикионского и им подобных, в жизнеописании которых он обнаружит такую безопасность и довольство как управляющих, так и управляемых, что ему захочется подражать им, и это нетрудно будет сделать по упомянутым причинам. Ведь когда людьми хорошо управляют, они не ищут и не желают другой свободы; так было и с народами, подвластными двум названным государям, принужденным стать у власти своими согражданами, хотя сами они не раз пытались вернуться к частной жизни. И раз уж мы в этой и в двух предыдущих главах рассуждали о брожениях, направленных против государей, и о заговорах сыновей Брута против отечества, а также о заговорах против Тарквиния Приска и Сервия Туллия, то мне кажется уместным в следующей главе поговорить об этом подробнее, поскольку этот предмет заслуживает внимания как государей, так и частных лиц.

Глава VI

О заговорах

Мне показалось неправильным опустить рассуждения о заговорах, которые составляют такую великую опасность и для государей, и для

частных лиц, ибо из-за них жизни и власти лишается гораздо больше правителей, чем вследствие открытых войн. Воевать с государем в открытую дано не многим, а затеять против него заговор доступно каждому. В то же время для частного лица нет более безрассудного и опасного предприятия, ибо тут на каждом шагу подстерегают трудности и риск. Поэтому из многих заговоров лишь редкие достигли желанной цели. Итак, чтобы научить государей избавляться от этой угрозы, а частных лиц – быть более осмотрительными и довольствоваться той властью, которую им уготовила судьба, я подробно обсужу этот вопрос, не обходя стороной ни один примечательный случай, освещающий положение той и другой стороны. Поистине золотое изречение Корнелия Тацита гласит: людям следует почитать прошедшее и мириться с настоящим, они должны желать себе достойных государей, но терпимо относиться к любым. Кто поступает иначе, тот воистину чаще всего несет гибель и себе, и своей родине.

Итак, углубляясь в этот предмет, мы должны прежде всего рассмотреть, против кого затеваются заговоры. Мы увидим, что они совершаются против отечества или против государя, о каковых двух случаях я и собираюсь теперь вести беседу, ибо о тех, когда собираются сдать город осаждающему врагу, или о подобных им уже достаточно говорилось выше. В первой части мы будем обсуждать заговоры против государей и рассмотрим сначала их причины, каковых может быть множество, но одна из них важнейшая. Состоит она в возбуждении всеобщей ненависти – ведь государь, вызывающий всеобщую ненависть, по логике вещей, является мишенью некоторых частных лиц, наиболее им обиженных и желающих мести. Это желание подогревается в них всеобщим нерасположением, направленным против государя. Таким образом, государь должен избегать ненависти частных лиц, а о том, как это сделать, я не стану говорить здесь, обсудив этот вопрос в другом месте. Обезопасив себя в этом смысле, государь может меньше беспокоиться о нанесении отдельных мелких обид. Во-первых, потому что люди редко придают оскорблениям такое значение, чтоб подвергаться из-за них смертельной опасности; во-вторых, если у них и хватит на это духу и сил, всеобщее благорасположение к государю будет удерживать от этого.

Обиды наносят ущерб обычно имуществу, жизни или чести граждан. При кровной обиде большую опасность представляет угроза, чем она сама; именно угрожающий подвергается величайшей опасности, а исполнившему угрозу бояться нечего: мертвые не думают о мести, а оставшиеся в живых чаще всего о тебе забывают. Но тот, кому угрожают и кого нужда заставляет выбирать между поступком и бездействием,

становится чрезвычайно опасным для государя, о чем мы подробнее скажем в своем месте. Помимо угрозы жизни, две вещи более всего задевают людей: это утрата имущества и бесчестие, и от подобных обид государь должен воздерживаться, потому что даже у обобранного до нитки всегда найдется нож, чтобы отомстить, и нет такого бесчестия, чтобы у опозоренного не оставалось жажды возмездия. Среди наносимых людям оскорблений самым чувствительным является затрагивающее женщин, а за ним следует глумление над личностью. Оно вооружило Павсания против Филиппа Македонского, как и многих других против множества других государей; Люцио Беланти в наше время устроил заговор против тирана Сиены Пандольфо только потому, что тот дал ему в жены, а потом отнял у него свою дочь, о чем мы скажем в своем месте. Главной причиной заговора Пацци против Медичи было наследство Джованни Бонromeи, отнятое у первых по приказу вторых. Еще одна важнейшая причина, заставляющая людей устраивать заговоры против государей, – это желание освободить от них свою родину. Оно подняло Брута и Кассия против Цезаря, а многих других против Фаларида, Дионисия и других узурпаторов власти в отечестве. Ни один тиран не застрахован от таких выступлений, пока он не откажется от престола. Но поскольку тираны на это не способны, почти все они плохо кончают, откуда следующий стих Ювенала: «Ad generum Cereris sine caede et vulnere pauci descendunt reges, et sicca morte tiranni» [65] .

Как я уже сказал выше, опасности, которым подвергаются заговорщики, велики во всякое время, ибо эти люди находятся под угрозой при устройстве заговора, при его исполнении и после исполнения. Заговорщиками могут быть один или несколько человек. В первом случае идет речь не о заговоре, но о твердом намерении одного из подданных убить государя. Такой человек из трех названных опасностей избавлен от одной, ибо пока он не приступит к делу, ему ничто не угрожает, потому что никто не посвящен в его тайну и известие о ней не может достигнуть слуха государя. Названное решение может зародиться в любом человеке, каков бы он ни был: велик, мал, благороден, незнатен, близок или далек от государя, ведь всякому дозволено иной раз удостоиться беседы с царствующей особой, а беседующий может исполнить свое намерение. Павсаний, о котором мы уже упоминали, убил Филиппа Македонского на пути к храму, когда тот был окружен тысячей воинов и по бокам его шли сын и зять. Правда, он был знатен и известен государю. Один испанец, нищий и отверженный, поранил ножом шею испанского короля Фердинанда; рана не была смертельной, но это доказывает, что

покушавшийся имел смелость и возможность убить короля. Некий дервиш, турецкий священнослужитель, выхватил саблю перед отцом нынешнего султана Баязетом; он не нанес раны, но имел смелость и возможность осуществить это при желании. Вынашивающих подобные намерения, я полагаю, можно было бы сыскать немало, ибо хотение не сопряжено ни с опасностью, ни с наказанием, но приступают к этому лишь немногие, и из них редко кому удастся избежать немедленной смерти, поэтому никому не хочется идти на верную погибель. Оставим, однако, эти одиночные умыслы и перейдем к коллективным заговорам.

Я скажу, что все известные из истории заговоры были устроены людьми значительными или приближенными к государю, ибо остальные, будучи в здравом уме, не могут об этом подумать, ведь люди бессильные и далекие от него лишены тех надежд и тех удобств, которые обязательны для исполнения заговора. Прежде всего люди невлиятельные не найдут никого, кому они могли бы довериться, не имея возможности прельстить сограждан одной из тех надежд, что вовлекает людей в опасное предприятие. Таким образом, уже в числе двух-трех человек среди них заводится доносчик и губит все дело, но если им так повезет, что этого не случится, то при осуществлении заговора им придется столкнуться с такими трудностями, ввиду отсутствия доступа к государю, что их затея обречена на неуспех. Уж если влиятельные люди, имеющие такой доступ, сталкиваются с трудностями, которые будут описаны ниже, для простых людей эти трудности бесконечно возрастают. Поэтому люди, когда речь идет о жизни и об имуществе, не теряют рассудок целиком и если сознают свою слабость, то воздерживаются от покушений, а коли уж государь им надоед, довольствуются хулой на него в ожидании, пока более достойные отомстят за них. Но когда кто-то из таких людей все же отважился бы на что-нибудь, похвалить его можно было бы за намерение, но не за благоразумие. Потому-то заговорщики бывали всегда людьми влиятельными и приближенными к государю; многих из них побуждали к заговорам как чрезвычайные обиды, так и чрезмерные благодеяния, каковы были заговор Перенния против Коммода, Плавциана против Севера, Сеяна против Тиберия. Все они были возведены названными императорами на такую ступень богатства, почета и власти, что казалось, будто для совершенства им недостает только императорского престола, не желая упустить который они строили свои козни против государей. Все эти заговоры закончились так, как того заслуживали неблагодарные заговорщики. Впрочем, во времена не столь отдаленные удачно закончился подобный же заговор Якопо ди Аппиано против мессера Пьера Гамбакорти,

правителя Пизы, и названный Якопо лишил власти своего кормильца, воспитателя и покровителя. В наше время Фердинанда Арагонского задумал свергнуть некий Коппола, который достиг такого величия, что ему, казалось, остается завладеть только тронem, и, пожелав этого, он расстался с жизнью. По правде говоря, если какой-то заговор против государя, устроенный значительными людьми, и может быть успешным, так это именно тот, который возглавляет, можно сказать, второй король, располагающий всеми возможностями для исполнения своего желания. Однако ослепляющая такого вельможу жажда власти помрачает его рассудок и в ходе самого предприятия, иначе, если бы такие люди умели сочетать свои преступные замыслы с благоразумием, им было бы трудно проиграть. Итак, государь, желающий предохранить себя от заговоров, больше должен опасаться чрезмерно облагодетельствованных им, нежели тех, кому он нанес тяжкие обиды. У последних мало средств, у первых их в избытке; желания же их равновелики, ибо жажда власти столь могуча и неодолима, что с ней не сравнится стремление отомстить. Таким образом, государи должны наделять своих друзей только такой властью, чтобы между ней и престолом оставались какие-то блага, которых можно пожелать; в противном случае удивительно, если с ними не случится того же, что и с вышеназванными правителями. Однако вернемся к нашим рассуждениям.

Скажем, что если заговорщиками бывают люди могущественные и имеющие доступ к государю, то следует рассмотреть, какие из их предприятий оказывались успешными, и выяснить причину, по которой они заканчивались удачей или провалом. Как я уже говорил, опасности здесь встречаются на трех стадиях: до заговора, при исполнении и после него. Поскольку пройти через все эти опасности почти невозможно, редко какой заговор оканчивается успехом. Начнем рассуждение с опасностей первой стадии, самой важной, ибо я скажу, что необходимо сохранять великое благоразумие и быть очень удачливым, чтобы заговор не был раскрыт еще при его подготовке. Заговоры оказываются раскрытыми вследствие доносов или случайного обнаружения. К доносам приводят неверность или неблагоразумие людей, которые с тобой связаны. Неверность встречается очень часто, ибо такое дело можно доверить только очень близким людям, готовым за тебя пойти на смерть, либо людям, недовольным государем. Доверенных лиц может быть один-два человека, но когда к заговору привлекают многих, это условие соблюдения невозможно; кроме того, необходимо, чтобы они питали к тебе расположение, перевешивающее в них страх перед опасностью и наказанием. Люди часто обманываются в той

любви, которую окружающие к ним питают; удостовериться же в ней можно только на опыте, а опыт в таких случаях бывает слишком опасным. Но если в других опасных обстоятельствах они доказали свою преданность тебе, той преданностью нельзя измерять эту, ибо заговоры далеко превосходят собой все остальные виды опасностей. Если ты станешь измерять надежность человека тем недовольством, которое он питает к государю, то тебе очень легко ошибиться, ибо как только ты посвятишь этого недовольного в свои намерения, ты дашь ему в руки средство стать довольным, и нужно, чтобы испытываемая им ненависть была очень велика или чтобы очень велико было уважение, испытываемое им к тебе.

Отсюда и получилось так, что много заговоров было открыто и подавлено в самом зародыше, а если многие люди сохраняли тайну в течение длительного времени, это считалось всегда прямо-таки чудом, например, во время заговора Пизона против Нерона, а в наше время – заговора Пацци против Лоренцо и Джулиано Медичи; об этих заговорах были осведомлены более 50 человек в каждом случае, но открыты они были только в момент осуществления.

Из-за неосторожности заговоры открываются тогда, когда один из участников неосмотрительно заводит речь на эту тему и его слышит кто-либо из слуг или другое постороннее лицо; так случилось с сыновьями Брута, которые договаривались с посланцами Тарквиния, и их услышал раб, который потом на них донес. К этому же приводит легкомыслие, с которым о заговоре сообщают женщине или возлюбленному юноше либо другой столь же несерьезной особе; так поступил Димм, участник заговора Филота против Александра Великого, – он рассказал о заговоре Никомаху, юноше, которого любил, тот передал новость своему брату Кибеллину, а Кибеллин – царю.

Из обнаруженных случайно можно привести в пример заговор Пизона против Нерона, участник которого Сцевин накануне того дня, когда он должен был убить Нерона, составил завещание, приказал своему вольноотпущеннику Милиху наточить свой старый заржавевший кинжал, освободил всех своих рабов, дал им денег, а также велел заготовить повязки для ран; по этим признакам Милих догадался обо всем и обвинил Сцевина перед Нероном. Заговорщик был арестован, а вместе с ним Натал, его соучастник, с которым он, как было известно, долго беседовал наедине за день до того. Поскольку показания обоих арестованных о предмете их беседы не согласовывались, им пришлось признать правду, и таким образом заговор был раскрыт, на беду всех его участников.

Эти причины обнаружения заговоров нельзя устранить и уберечься от

коварства, неосторожности и легкомыслия участников, когда число посвященных превышает три-четыре человека. А если арестованы хотя бы два человека, невозможно не открыть заговора, ибо двое не могут сойтись между собой во всех подробностях. Если же схвачен только один, и притом человек крепкий, у него может хватить душевных сил, чтобы не выдать заговорщиков, однако и тем потребуется немало мужества и выдержки, чтобы не выдать себя бегством, и если дрогнет заключенный или те, что на свободе, заговор будет раскрыт. Очень редким является пример, приводимый Титом Ливием в связи с заговором против Гиеронима, царя Сиракуз. Один из его участников, Феодор, был схвачен, но, проявив великую доблесть, скрыл имена своих соучастников и обвинил друзей царя. В свою очередь, заговорщики настолько были уверены в доблести Феодора, что никто из них не уехал из Сиракуз и не проявил никаких признаков страха. Итак, при устройстве заговора необходимо преодолеть все эти опасности еще до начала его осуществления; во избежание их можно применить следующие средства. Первое и самое надежное, вернее сказать единственное, состоит в том, чтобы не оставить соучастникам времени донести на тебя и известить их о деле в момент, когда ты к нему приступаешь, и не раньше. Поступающие так ограждают себя от опасностей, сопутствующих устройству заговора, а в большинстве случаев и от всех прочих; более того, все подобные заговоры увенчались успехом, и благоразумный человек должен бы предпочесть именно этот способ. Я удовольствуюсь лишь двумя примерами.

Нелемат, не в силах более выносить тиранию Аристотима, властителя Эпира, собрал у себя в доме многих родственников и друзей и призвал их освободить отечество. Некоторые из них попросили отсрочки для того, чтобы собраться с мыслями и подготовиться, но Нелемат приказал своим рабам запереть дом и ответил обращающимся к нему: «Или вы поклянетесь немедленно выступить со мной, или я выдам вас всех Аристотиму». Под действием этих слов все присутствующие принесли клятву и, отправившись без промедления, успешно исполнили веление Нелемата.

Некий волхв обманом захватил Персидское царство, и когда Вортан, один из персидских вельмож, заподозрил и раскрыл обман, он сообщил об этом шести другим первым лицам государства, прибавив, что следует избавить царство от тирании волхва. Некоторые из присутствовавших попросили об отсрочке, тогда поднялся Дарий, один из шести приглашенных Вортаном, и сказал: «Или мы немедля приступаем к делу, или я пойду и донесу на вас всех». Все согласились на выступление и, не дав никому времени передумать, успешно исполнили свое намерение.

Подобный же, как и в этих двух случаях, способ использовали этолийцы для расправы с Набидом, спартанским тираном. Они отправили к Набиду одного из своих сограждан, Алексамена, с тридцатью всадниками и двумястами пехотинцами под предлогом оказания помощи; об их истинных целях знал только Алексамен, другим же было приказано подчиняться ему во всем под угрозой изгнания. Алексамен прибыл в Спарту и сообщил о полученном им приказе только перед самым его исполнением, так что ему удалось победить Набида. Итак, названные лица избежали указанным способом тех опасностей, которые сопровождают подготовку заговоров, и этих опасностей сможет избежать всякий, кто станет подражать им.

То, что каждый может поступить, как они, я хочу подтвердить примером Пизона, упоминавшегося выше. Пизон был высокопоставленным и влиятельным человеком и приближенным Нерона, который очень ему доверял. Нерон часто приходил в сад Пизона пообедать с ним. Пизон, таким образом, мог подобрать себе в друзья людей мужественных и отважных, пригодных для такого предприятия, что для вельможи его ранга было нетрудно, и когда Нерон придет к нему в сад, Пизон должен был сообщить им о своем намерении и воодушевить их подходящими речами, так, чтобы у них не оставалось времени на раздумье; в таком случае его план обязательно бы удался. И если обратиться к другим заговорам, мы обнаружим, что большинство из них можно было осуществить таким же способом, но люди, которые мало смыслят в простых житейских делах, часто допускают грубейшие ошибки, тем более серьезные, когда речь заходит о делах из ряда вон выходящих, к каковым относятся и заговоры. Итак, открываться нужно только в случае крайней необходимости и в момент самого исполнения; если же хочешь кому-то открыться, можно сказать о заговоре только одному человеку, которого ты очень хорошо знаешь и которым движут те же побуждения, что и тобой. Одного такого человека гораздо легче найти, чем нескольких, почему уменьшается и опасность. Если же ты ошибешься, остается возможность защититься, которая при участии в заговоре многих отсутствует. Я слышал от благоразумных людей, что одному человеку можно доверить все что угодно, ибо, если ты не оставишь собственноручных записей, «да» одного стоит столько же, сколько «нет» другого, а записей всякий должен остерегаться, как чумы, потому что ничто так не выдает тебя, как собственноручное признание. Плавциан, желая устроить покушение на императора Севера и его сына Антонина, раскрыл свой замысел трибуну Сатурнину, который не поддался на его уговоры и решил его выдать, но, опасаясь, что оправданиям Плавциана поверят больше, чем его

обвинениям, попросил у заговорщика написать записку, удостоверяющую данное ему поручение. Плавциан, ослепленный честолюбием, написал такую записку, затем был выдан и изобличен трибуном; без этой же записки и некоторых других улик Плавциану удалось бы одержать верх, если бы он решительно все отрицал. Таким образом, от обвинений одного лица можно защититься, если тебя не выдают письмо или другие улики, чего следует всегда избегать.

В заговоре Пизона была замешана некая женщина по имени Эпихарида, в свое время бывшая возлюбленной Нерона. Полагая, что было бы полезно привлечь к заговору начальника трирем, которые были в охране Нерона, она рассказала ему о плане заговорщиков, но не назвала их самих. Этот человек нарушил обещание и выдал ее Нерону, но Эпихарида так храбро защищалась, что Нерон был сбит с толку и не сумел осудить ее. Итак, когда доверенным лицом является один человек, существуют две опасности: первая, что у него будут доказательства твоей измены, и вторая, что он выдаст тебя под угрозой наказания, если его схватят по подозрению или из-за какого-то неосторожного поступка. Но в обоих этих случаях есть средства защиты, потому что, во-первых, можно сослаться на ненависть, которую он к тебе питает, а во-вторых, на насилие, заставившее его солгать. Следовательно, благоразумнее всего никому ни о чем не говорить, а поступать, как в вышеописанных примерах. Если же довериться кому-либо, то не более чем одному человеку, потому что хотя и подвергаешься при этом некоторому риску, то все же в гораздо меньшей степени, чем когда о заговоре осведомлены многие. Похожее стечение обстоятельств бывает, когда нужда заставляет тебя поступить с государем так, как он собирается поступить с тобой, тем более если у тебя остается время только для того, чтобы принять меры предосторожности. Указанная необходимость почти всегда способствует достижению цели, что достаточно подтвердить двумя примерами.

Среди первых друзей и приближенных императора Коммода были начальники преторианцев Лет и Элект; Марция числилась среди первых его наложниц или подруг; и поскольку все эти люди иногда упрекали императора за поступки, позорящие его и его власть, он решил избавиться от них, и, записав на листке имена Марции, Лета и Электа, а также некоторых других, кого он хотел следующей ночью казнить, Коммод положил этот листок в изголовье своей постели. Когда он вышел умыться, мальчик, который был у него в фаворитах, играя в этой комнате на постели, нашел записку и, держа ее в руке, вышел из комнаты. Тут ему встретилась Марция, которая взяла записку, прочитала ее и, поняв содержание, сразу же

призвала к себе Лета и Электа. Оценив угрожающую им опасность, все трое сговорились нанести первый удар и, не теряя времени, на следующую ночь убили Коммода.

Император Антонин Каракалла находился со своим войском в Месопотамии, и здесь у него был префект Макрин, человек скорее гражданский, нежели военный. Антонин, как часто бывает с дурными государями, которые боятся, как бы кто-нибудь не поступил с ними так, как они того заслуживают, написал в Рим своему приятелю Матерниану, чтобы тот узнал у астрологов, не собирается ли кто покуситься на его власть, и известил его. Матерниан написал, что таким человеком является Макрин, но письмо сначала попало в руки к Макрину, а не к императору, и префект понял, что он должен либо убить Антонина до того, как из Рима прибудет новое письмо, либо умереть. Макрин подговорил центуриона Марциала, которому он доверял и брат которого за несколько дней до того был казнен по приказу Антонина, убить императора, что тот успешно и исполнил. Отсюда видно, что неотложная необходимость приводит почти к такому же результату, как и образ действий, описанный выше, которым воспользовался Нелемат Эпирский. Отсюда также можно заключить и о том, что я сказал почти в начале данного рассуждения: угрозы опаснее для государей, чем оскорбления, и приводят к заговорам более успешным, поэтому государь должен воздерживаться от них. Человека нужно обласкать или обезопасить от него свою жизнь, но никогда не ставить его перед выбором: убить или умереть самому.

Что касается опасностей, встречающихся при осуществлении заговора, они возникают или при изменении обстоятельств, или из-за малодушия исполнителя, или из-за ошибки, допущенной исполнителем по неосмотрительности, или из-за не полностью выполненного плана, когда в живых остается часть из тех, кого нужно было устранить. По моему мнению, ничто не вносит такого разброда и замешательства во все людские дела, как необходимость в один миг, не теряя времени, изменить план действий и поступить противоположно тому, что было намечено заранее. И если такое изменение вносит беспорядок в любое предприятие, тем более это касается военного дела и ему подобных, о чем мы сейчас толкуем, ибо самое главное в таких случаях – укрепить решимость людей в исполнении поставленной перед ними задачи, а если они на протяжении многих дней настраивали свое воображение в расчете на один план и образ действий и те неожиданно изменяются, то они обязательно придут в замешательство, и все дело будет погублено. Лучше уж действовать по установленному плану, зная, что это влечет за собой некоторые неудобства, чем, отменив его, идти

на тысячу неудобств. Все это относится к случаю, когда нет времени на пересмотр плана; если же времени достаточно, можно поступать как угодно.

Заговор Пацци против Лоренцо и Джулиано Медичи хорошо известен. Было решено дать обед для кардинала Сан Джорджо и убить их во время этого обеда. Распределили роли: кто участвовал в покушении, кто должен был захватить дворец и кому надлежало пройти по городу, призывая народ к свободе. Случилось так, что когда семейства Пацци, Медичи и кардинал собрались для торжественного богослужения во Флорентийском соборе, было получено известие, что Джулиано утром не обедает во дворце, и заговорщики, собравшись вместе, порешили совершить в церкви то, что было задумано сделать в доме у Медичи. Это решение спутало им все карты, потому что Джован Батиста да Монтесекко не захотел участвовать в убийстве, которое должно было произойти в церкви, и пришлось на все посты назначить новых людей, которые не имели времени подготовиться к решительным действиям и наделали столько ошибок, что вся затея пошла прахом.

Малодушие охватывает заговорщиков из-за уважения или трусости, испытываемых ими. Ощущения величия и почета, вызываемые присутствием государя, столь велики, что их бывает достаточно, чтобы напугать или умиротворить исполнителя покушения. Когда Марий был захвачен жителями Минтурна, они послали раба, чтобы убить его, но тот, устрешенный видом этого человека и его громким именем, не смог преодолеть робости и поднять на него руку. И если так действует вид человека пленного, связанного и согбенного под ударами судьбы, насколько же сильнее будет впечатление от государя свободного, выступающего во всем своем величии и роскоши и окруженного свитой! Такое великолепие может привести тебя в трепет, а благосклонный прием умиротворить. Против царя Фракии Ситалка был устроен заговор; в назначенный день заговорщики собрались в условном месте, где находился их государь, но никто из них не отважился что-либо предпринять. И они разошлись, ничего не сделав и не зная, что им помешало, так что им оставалось только осыпать друг друга упреками. Такую нерешительность они проявили несколько раз; наконец заговор был раскрыт, и все они понесли наказание за преступление, которое могли совершить, но так и не совершили. Против герцога Феррарского Альфонса сговорились два его брата, которые привлекли на свою сторону Джанни, священника, состоявшего при герцоге певчим. Тот неоднократно по их просьбе сводил с ними герцога, который был полностью в их руках, тем не менее никто из братьев не решился

посягнуть на него, и когда все открылось, они понесли наказание за свой дурной умысел и неблагоразумие. Причиной этой оплошности может быть только то, что присутствие государя пугает или покоряет его добросердечие. Помехой и камнем преткновения в таких делах служит неосторожность или малодушие, ибо и то и другое, охватывая тебя, приводит твой ум в замешательство и заставляет говорить и поступать не должным образом.

То, что люди поддаются этим чувствам, лучше всего показывает Тит Ливий, описывая этолийца Алексамена, который хотел убить спартанского царя Набида, о чем мы говорили выше. В назначенное время, когда он известил своих сообщников о том, что им надлежало делать, по словам Тита Ливия, «collegit et ipse animum, confusum tantae cogitatione rei» [66]. Невозможно, чтобы даже твердый духом человек, видевший немало смертей и привыкший держать в руке меч, не дрогнул в таких обстоятельствах. Поэтому следует избирать людей, испытанных в подобных переделках, и никому другому не доверяться, даже если его считают образцом мужества. За свою отвагу в великих предприятиях никто не должен ручаться, не проверив себя на деле. Волнение может выбить оружие у тебя из рук или исторгнуть из твоих уст столь же неуместные речи. Сестра Коммода Люцилла приказала Квинциану убить его. Тот дождался Коммода у входа в амфитеатр и, обнажив кинжал, приблизился к нему с криком: «Вот что шлет тебе Сенат!» Из-за этих слов он был схвачен прежде, чем успел нанести удар. Мессер Антонио да Вольтерра, назначенный, как было сказано выше, убить Лоренцо Медичи, подойдя к нему, сказал: «Ах, изменник!» Это восклицание спасло Лоренцо и погубило заговор.

По вышеназванным причинам даже заговор, направленный против одного правителя, может быть не доведен до конца, но гораздо чаще так бывает, когда нужно устранить двух правителей; трудности в этом случае столь велики, что успех почти невозможен. Одновременное покушение в двух местах почти неосуществимо, а устроить его в разное время нельзя, потому что одно отменяет другое. Так что если устраивать заговор против одного государя – дело опасное, неверное и неблагоразумное, то заговор против двоих – затея тщетная и пустая. Если бы не уважение, питаемое мной к историку, я никогда бы не поверил тому, что Геродиан сообщает о Плавциане, поручившем центуриону Сатурнину в одиночку убить Севера и Антонина, находившихся в разных странах. Это настолько противоречит всем доводам разума, что только упомянутый авторитет не позволяет мне отвергнуть этот рассказ.

Несколько афинских юношей задумали выступить против тиранов Афин Диокла и Гиппия. Они убили Диокла, но Гиппий, оставшийся в живых, отомстил за него. Жители Гераклеи Хион и Леонид, ученики Платона, устроили заговор против тиранов Клеарха и Сатира; убили Клеарха, Сатир же остался в живых и отомстил. Неоднократно упоминавшиеся нами Пацци сумели расправиться только с Джулиано. Таким образом, от подобных покушений на нескольких правителей всегда следует воздерживаться, ибо от них не бывает толку никому, ни заговорщикам, ни их отчизне; более того, остающиеся в живых делаются более жестокими и невыносимыми, чему свидетели названные мною Флоренция, Афины и Гераклея. Правда, заговор, предпринятый Пелопидом для освобождения своей родины – Фив, несмотря на все трудности, закончился успешно, хотя Пелопид покушался даже не на двух тиранов, а сразу на десятерых и не только не имел к ним доступа и не был их приближенным, но был открытым мятежником. Тем не менее ему удалось прийти в Фивы, перебить тиранов и освободить отечество. Однако все это он исполнил с помощью некоего Карона, советника этих тиранов, который открыл ему доступ в желаемое место. И все же никто не должен подражать ему, ибо это было безнадежное предприятие, удавшееся чудом, как о нем и пишут все авторы, прославляющие его как событие редкое и неслыханное. Осуществление заговора может быть прервано воображаемой тревогой или непредвиденным происшествием, случившимся на месте. В то утро, когда Брут и его сообщники хотели убить Цезаря, последний долго разговаривал с Гнеем Попилием Ленатом, одним из заговорщиков. Зрелище этой длительной беседы навело их на мысль, что названный Попилий может открыть Цезарю их замыслы, так что они собрались уже напасть на Цезаря тут же, не ожидая его прибытия в Сенат. Так они и поступили бы, если бы беседа не закончилась, и поскольку Цезарь вел себя как обычно, заговорщики успокоились. Такие воображаемые препятствия следует принимать во внимание и судить о них благоразумно, тем более что возникают они с большой легкостью. Чья совесть нечиста, тому часто кажется, что разговор идет о нем. Можно услышать случайно брошенное слово, которое взбудоражит тебя и заставит поверить, что речь идет о твоём заговоре, и ты выдашь себя бегством или погубишь его, в неурочное время приступив к делу. Это может случиться тем скорее, чем больше сообщников посвящены в заговор.

Что до случайностей, наступающих неожиданно, можно проиллюстрировать их с помощью примеров, которые сами по себе могут служить предостережением. Люцио Беланти из Сиены, о котором мы

упоминали выше, возненавидел Пандольфо, давшего ему в жены свою дочь, а затем отнявшего ее, и решил убить его, для чего избрал такой план. Пандольфо почти ежедневно навещал захворавшего родственника и по пути проходил мимо дома Джулио [67] . Последний поэтому замыслил держать своих пособников наготове в доме, чтобы напасть на Пандольфо, когда тот будет проходить мимо; все они с оружием в руках находились у входа, а один сидел у окна, чтобы дать знак, когда Пандольфо приблизится. Случилось так, что когда наблюдатель заметил Пандольфо и дал об этом знать, того остановил какой-то приятель, а люди из его свиты прошли вперед, где они слышали бряцание оружия и открыли засаду. Таким образом, Пандольфо уцелел, а Джулио и его сообщники должны были спастись из Сиены бегством. Так случайная встреча помешала покушению и расстроила все предприятие Джулио. Подобные события случаются редко, и их невозможно предусмотреть заранее. Необходимо тем не менее предвидеть все, что может произойти, и обезопасить себя.

Нам остается теперь обсудить только те опасности, которые возникают после исполнения заговора; все они сводятся к одной — когда в живых остается мститель за убитого государя. Это могут быть его братья, его сыновья или другие близкие, которые претендуют на власть; они могут выступить на сцену по твоему недосмотру или по другим вышеназванным причинам и взять на себя отмщение. Так случилось с Джованни Андреа да Лампоньяно, который вместе с другими заговорщиками убил герцога Миланского, однако сын и два брата покойного сумели отомстить за него. В подобных случаях заговорщики заслуживают извинения, потому что они не могут ничего поделать, но если в живых остается кто-либо из-за их собственной оплошности и неосмотрительности, тогда им нет оправдания. Несколько жителей Форли убили своего правителя графа Джироламо и захватили его жену и малолетних сыновей. Поскольку они не чувствовали себя в безопасности, пока не овладеют крепостью, которую комендант не желал им сдать, мадонна Катерина, как звали графиню, обещала заговорщикам, что она убедит гарнизон сдаться, если ее пустят внутрь; в заложники же она предложила взять своих сыновей. На таких условиях ее отпустили, но когда графиня оказалась внутри, она поднялась на стену и стала всячески поносить заговорщиков за смерть мужа, угрожая им всеми возможными карами. А чтобы доказать, что судьба детей ее не трогает, она обнажила перед осаждающими свои детородные органы, говоря, что может народить еще многих. Так незадачливые заговорщики поздно осознали свою ошибку и заплатили за неблагоразумие вечной ссылкой. Из всех опасностей, возникающих после покушения, самая грозная и самая

неотвратимая подстерегает тогда, когда народ выступает на стороне покойного государя. Против такой напасти у заговорщиков нет никаких средств, ибо они никогда не смогут себя обезопасить. Например, Цезарь, который пользовался любовью римского народа, был отомщен им: все участники заговора были изгнаны из Рима и впоследствии в разное время и в разных местах погибли насильственной смертью.

Заговоры, направленные против отечества, не столь опасны для тех, кто их затевает, как заговоры против государей. При их подготовке риск гораздо меньше, при исполнении риск равноценный, а после осуществления заговора никакого риска нет. При подготовке опасностей немного, потому что всякий гражданин может претендовать на власть, никому не раскрывая своих истинных намерений и замыслов, и если никто не помешает его планам, он сможет их успешно осуществить, если же им помешает какой-либо закон, можно переждать и возобновить попытку другим путем. Здесь подразумевается республика уже отчасти испорченная, ибо в неиспорченной республике, избавленной от воздействия каких бы то ни было дурных начал, подобные мысли не приходят гражданам в голову. Есть много ведущих к власти путей и средств, используя которые граждане не подвергаются опасности наказания, как потому, что республики более медлительны, чем государи, не столь подозрительны и потому менее осторожны, так и потому, что в них с большим уважением относятся к выдающимся личностям, которые, в свою очередь, могут набраться большей отваги и решимости для похищения власти. Всякий читал о заговоре Катилины, описанном Саллюстием, и знает, что когда заговор был раскрыт, Катилина не только остался в Риме, но и явился в Сенат и наговорил грубостей сенатору и консулам; так велико было уважение, питаемое в Риме к его гражданам. И когда Катилина уже уехал из города и находился в своем войске, Лентул и прочие не были бы арестованы, если бы не были перехвачены их собственноручные письма, явно их обличавшие.

Выдающийся гражданин Карфагена Ганнон, стремясь установить тиранию, задумал во время свадьбы своей дочери отравить всех сенаторов и захватить власть.

Когда об этом стало известно, сенат всего-навсего издал закон, ограничивающий траты на свадьбы и пиры; столь велико было уважение к достоинствам Ганнона. Справедливо, что при исполнении заговора против отечества встречается больше трудностей и опасностей, поскольку твоих собственных сил навряд ли хватит для борьбы против стольких противников. Не каждому дано командовать целым войском, как Цезарю,

Агафоклу, Клеомену и им подобным, которые одним ударом с помощью собственных сил захватили власть. Перед такими военачальниками открывается верная и почти безопасная дорога, но все остальные, кто не располагает такими союзниками, должны воспользоваться обманом и ловкостью либо чужеземной помощью. Что касается обмана и ухищрений, то когда афинянин Писистрат победил мегарцев и этим заслужил народное расположение, однажды утром он выбежал из дома раненый, говоря, что зная из зависти покушалась на него, и потребовал для себя вооруженную охрану. Получив желаемое, он с легкостью поднялся на такую высоту, что стал тираном Афин. Пандольфо Петруччи, возвратившись с прочими изгнанниками в Сиену, получил от правительства почетный караул, от которого другие отказались как от простой формальности. Однако со временем благодаря своей охране он вошел в такую силу, что вскоре стал правителем. Многие другие использовали иные приемы и способы, чтобы постепенно и с безопасностью для себя взойти на ту же ступень. Участь людей, с помощью своих собственных или чужих сил узурпировавших власть у себя на родине, была различна. Вышеупомянутый Катилина нашел при этом свою погибель. Ганнон, о котором мы тоже говорили выше, не добившись своей цели с помощью яда, вооружил многие тысячи своих сторонников, и все они погибли вместе с ним. Некоторые из первейших граждан Фив, чтобы сделаться тиранами, призвали себе на помощь спартанское войско и завладели властью в своем городе. Таким образом, обозревая все известные заговоры против отечества, трудно указать такой, или их было очень немного, которые были бы подавлены во время их подготовки; судьба их решалась обычно при исполнении. По исполнении заговора остаются лишь те опасности, которые единоличная власть таит в себе всегда; став тираном, правитель подвергается естественным опасностям, которые влечет за собой тирания, и от них нет других средств, кроме тех, которые были описаны выше.

Вот что я счел нужным написать о заговорах, и если речь шла о тех, которые используют меч, а не яд, то это потому, что природа тех и других одинакова. Правда, полагаться на яд опаснее, потому что он менее надежен, ибо не столь доступен для всех; ведь здесь необходимо сговариваться с другими, и эта необходимость сговора включает в себе риск. Кроме того, по разным причинам яд может не подействовать, как случилось во время покушения на Коммода: он изверг принятый яд наружу, и заговорщикам, чтоб покончить с ним, пришлось прибегнуть к удушению.

Для государей нет худшей беды, чем заговор, потому что он приносит им смерть или бесчестие. Если заговор удачен, правитель гибнет. Если

крамолу удастся вовремя открыть и заговорщиков казнят, тут же разносится слух, что это сделано по навету самого государя, который дает выход своим жесткости и алчности, посягая на жизнь и имущество казненных. Не премину также предостеречь государя или республику, против которых составлен заговор, чтобы, получив сведения о нем, они проявили осторожность и постарались как следует все разузнать, правильно соразмеряя силы заговорщиков и свои собственные. И если заговор разветвленный и в нем участвует много влиятельных лиц, не следует обнаруживать свою осведомленность, пока не подготовишь достаточных сил для его подавления; в противном случае ты подвергаешь себя смертельному риску. Следует сделать вид, что все идет по-прежнему, иначе заговорщики, узнав, что все открыто, от отчаяния будут готовы на все. В пример можно привести римлян, которые, как мы уже говорили, оставили два легиона для охраны Капуи от самнитов, и начальники этих двух легионов сговорились подчинить себе капуанцев. Когда об этом стало известно в Риме, новому консулу Рутилию было поручено принять меры, и он, чтобы усыпить бдительность заговорщиков, объявил, что Сенат продлил пребывание легионов в Капуе. Солдаты ничего не заподозрили и думали, что у них хватит времени для выполнения намеченного плана, поэтому они не стали торопиться. Так продолжалось, пока они не заметили, что консул пытается раздробить их силы, и это заронило в них сомнения; они стали больше таиться и попытались осуществить свой замысел. Этот пример как нельзя лучше показывает, насколько отличаются поступки людей в разных обстоятельствах: они очень медлительны, когда кажется, что времени в избытке, и стремительны под давлением необходимости. Для государя или республики, которые хотят оттянуть выступление заговорщиков для своего удобства, самое лучшее – это искусно показать им, что в ближайшем будущем представится такой повод, чтобы, ожидая его и не спеша, они дали возможность правителям расправиться с ними. Поступавшие по-другому только ускорили свое крушение; так было с герцогом Афинским и Гульельмо де Пацци. Установив свою тиранию во Флоренции, герцог узнал о готовящемся против него заговоре и, долго не раздумывая, схватил одного из его участников; это заставило остальных взяться за оружие и лишить его власти. Гульельмо был комиссаром в Вальдикьяне в 1501 году; узнав о том, что в Ареццо изменники готовятся отнять город у флорентийцев в пользу рода Вителли, он немедленно отправился туда и, не думая о том, каковы его силы и силы заговорщиков, по совету своего сына, епископа, велел схватить одного из них. После этого другие заговорщики тотчас же вооружились и отняли город у Флоренции, а

Гульельмо из комиссара стал заключенным. Но когда заговоры не представляют особой угрозы, их можно и должно беспощадно подавлять. Не следует также никоим образом подражать двум нижеописанным поступкам, почти противоположным друг другу. Один из них совершил упомянутый герцог Афинский, когда, желая доказать, что он верит в благорасположение к нему флорентийских граждан, велел умертвить человека, раскрывшего готовящийся заговор. Второй принадлежит Диону Сиракузскому, который, чтобы испытать надежность одного из подозреваемых им подданных, позволил Каллиппу, которому он доверял, прикинуться заговорщиком. Оба этих правителя плохо кончили; первый устрасил доносителей и воодушевил заговорщиков, а второй открыл дорогу своим губителям и, можно сказать, сам стал зачинщиком заговора, потому что Каллипп, располагая возможностью без опаски строить козни против Диона, добился того, что лишил его и власти, и жизни.

Глава VII

Отчего переходы от свободы к рабству и от рабства к свободе то бывают бескровными, то сопровождаются кровопролитием

Кто-то может задаться вопросом: почему при смене вольности тиранией и наоборот иногда происходит кровопролитие, а иногда – нет, ибо из истории известно, что зачастую такие перемены влекли за собой гибель бесчисленного множества людей, но бывало и так, что обходилось вовсе без жертв, как, например, при переходе власти в Риме от царей к консулам; кроме изгнания Тарквиниев, никто не потерпел при этом никакого ущерба. Здесь все зависит от того, на чем держалась предшествующая власть; если она была основана на насилии, то тем самым многие были ею ущемлены, и при ее крушении у них неизбежно возникает желание отомстить, отчего и происходят кровопролитие и убийства. Но когда предыдущее правление было вызвано к жизни соглашением множества людей, укрепивших его, то при упадке этой партии кроме ее главы нет нужды наказывать других. К этому роду относятся перемены власти в Риме и изгнание Тарквиниев, а также во Флоренции – правление дома Медичи, при падении которого в 1494 году никто не понес урона, за исключением членов этого семейства. Таким образом, подобные перемены не очень опасны, но огромную угрозу таят в себе те, в которых участвуют люди, жаждущие мщения; последствия их всегда таковы, что даже читать о них страшно. Этими происшествиями полна история, поэтому я не стану говорить о них подробно.

Глава VIII

Желая изменить государственный строй, нужно принять во внимание готовность к этому подданных

Выше мы уже обсуждали вопрос о том, что дурной гражданин не может принести вреда неиспорченной республике; этот вывод, кроме приведенных там же доводов, подкрепляется примерами Спурия Кассия и Манлия Капитолина. Первый из них в своих честолюбивых замыслах желал завладеть чрезвычайной властью в Риме и многочисленными благодеяниями привлечь на свою сторону плебеев, в частности распределив между ними земли, отобранные римлянами у герников. Эти честолюбивые планы не укрылись от отцов-сенаторов и вызвали такое подозрение, что когда Спурий обратился к народу и предложил раздать ему деньги, вырученные за зерно, привезенное на общественный счет из Сицилии, ему было в этом отказано, ибо граждане посчитали, что Спурий хочет купить этим их свободу. Но если бы народ был испорчен, он не отказался бы от такой платы, открыв и расчистив перед претендентом путь к тирании, который на этот раз был для него отрезан. Еще более убедительный пример являет случай с Манлием Капитолином, ибо из него видно, как порочная жажда власти перечеркивает всю телесную и духовную доблесть, все добрые дела, совершенные на благо родины. Властолюбие же, очевидно, родилось в Манлии из зависти к почестям, оказанным Камиллу, и эта зависть так ослепила узурпатора, что, не приняв во внимание жизнеустройство города и умонастроение граждан, не готовых смириться с такой скверной формой, он попытался учинить в Риме беспорядки, направленные против Сената и отечественных законов. Тут и познается совершенство римского строя и доброкачественность его материи, ибо в случае с Манлием никто из нобилей не пришел ему на помощь, хотя они обычно очень рьяно защищали друг друга. Никто из его родичей ничего не предпринял, а ведь существовал обычай устраивать печальные процессии, одевшись в черное и осыпав себя прахом, чтобы вымолить милосердие к приговоренным; но с Манлием ничего этого не произошло. Народные трибуны, всегда поддерживавшие те начинания, которые клонились на пользу популяров, и тем усерднее делавшие это, чем больший урон это наносило знати, в данном случае объединились с нобилиями, чтобы предотвратить общую беду. Хотя римский народ, ревностно соблюдавший собственную выгоду и весьма приверженный ко всему, что было враждебно знати, был расположен к Манлию, тем не менее, когда трибуны публично обвинили его и вынесли дело на суд народа, последний, сделавшись из защитника судьей, без колебаний присудил властолюбца к смерти. Не думаю, чтобы в истории Ливия можно было отыскать пример, более подходящий для доказательства правильности устройства Римской республики, чем вышеописанный. Ведь никто в Риме не выступил в защиту

столь доблестного гражданина, который заслужил множество похвал и в общественных, и в частных делах. Любовь к отечеству пересилила в гражданах все прочие соображения, и они придали больше значения опасности, угрожающей ныне с его стороны, чем прошлым заслугам, а избежать опасности можно было, только казнив Манлия. Тит Ливий говорит по этому поводу: «*Hunc exitum habuit vir, nisi in libera civitate natus esset, memorabilis*» [68] . Тут нужно отметить две вещи: во-первых, что в развращенном городе к славе ведет иной образ действий, чем в том, который политически еще жизнеспособен; во-вторых (что сводится почти к тому же), люди в своих поступках, особенно в деяниях великих, должны сообразовываться с требованиями времени и приспосабливаться к ним.

Тот, кто из-за неправильного выбора или по природной склонности идет не в ногу со временем, чаще всего бывает несчастлив, и дела его кончаются плачевным исходом. Противоположна участь тех, кто руководствуется велениями времени. Вышеприведенные слова историка, без сомнения, склоняют к выводу, что если бы Манлий родился во времена Мария и Суллы, когда материя уже разложилась и была податливой для восприятия формы, продиктованной его властолюбием, он бы достиг такого же результата и успеха, как Марий и Сулла, а также все прочие, кто стремился к тирании после них. Точно так же, если бы Сулла и Марий жили во времена Манлия, их поползновения были бы пресечены при первых же шагах. Питая злой умысел, можно попытаться разными способами развратить народ какого-либо города, но жизни одного человека не хватит, чтобы довести его до такого разложения, когда можно было бы извлечь для себя из этого выгоду. Но если бы запас времени сам по себе позволял делать это, такая затея оставалась бы невозможной из-за людского образа действий, ибо нетерпение не позволяет долго медлить с утолением страсти. К тому же людям присуще обманываться, особенно когда они чего-то сильно желают, так что в заблуждении или самообмане они не сообразуют своих начинаний со временем и плохо кончают. Поэтому, чтобы захватить власть в республике и придать ей скверную форму, требуется заставить материю уже приведенной временем в расстройство, ибо из поколения в поколение внутренний разлад увеличивается. Это неизбежно, как говорилось выше, если не изменить положение вещей добрыми примерами или возвращением государства с помощью новых законов к его началам. Итак, Манлий смог бы проявить свои редкостные качества и стать знаменитым, родившись в развращенном городе. Из этого следует, что граждане республики, желающие с помощью переворота дать ей свободу или установить тиранию, должны принять в соображение предмет своих

усилий и по его состоянию оценить трудности своего предприятия. Освободить народ, желающий жить в рабстве, столь же трудно и опасно, как и пытаться поработить народ, который хочет быть свободным. Выше мы уже сказали, что люди должны соразмерять свои поступки с характером времени и действовать согласно ему; пространнее мы поговорим об этом в следующей главе.

Глава IX

Кто хочет быть всегда удачливым, должен меняться сообразно времени

Я неоднократно замечал, что причина людских успехов и неудач заключается в соответствии образа действий с требованиями времени, ведь известно, что некоторым людям присуще действовать напористо, а другим осторожно и предусмотрительно. Поскольку в обоих случаях трудно удержаться в должных рамках, и те и другие сбиваются с правильного пути и допускают просчеты. Но меньше ошибается и более удачлив тот, кто, как я уже сказал, своим образом действий не противоречит времени и поступает всегда согласно своим естественным побуждениям. Всякому известно, что Фабий Максим командовал своим войском осторожно и с оглядкой, ни в коей мере не используя присущие римлянам напор и отвагу, но удача способствовала ему потому, что этот образ действий соответствовал велению времени. Ведь когда молодой Ганнибал, баловень фортуны, вторгся в Италию и дважды разгромил римский народ, так что республика трепетала, почти лишившись хорошего войска, для нее не было большего везения, чем располагать полководцем, который сдерживал бы врага своей медлительностью и осторожностью. Также и Фабий не мог ожидать более благоприятного для его характера времени, отчего он и покрыл себя славой. А то, что он обязан этим своей природе, а не доброй воле, видно из того, что когда Сципион хотел переправиться с войском в Африку, чтобы завершить войну, Фабий этому сильно противился, ибо не мог отказаться от присущих ему свойств и привычек, и если бы он настоял на своем, Ганнибал остался бы в Италии, потому что Фабий не замечал, что времена изменились и нужно по-другому вести войну. И если бы он был римским царем, он легко мог бы проиграть эту войну, не умея подчинять свои поступки изменившимся обстоятельствам. Но поскольку он был рожден в республике, обладавшей разными гражданами и разными мнениями, то, использовав качества Фабия, замечательно подходившие в свое время для того, чтобы продержаться, в дальнейшем она использовала качества Сципиона, чтобы выиграть войну.

Вот отчего республики бывают более жизнеспособными и им дольше сопутствует удача, чем государям. Республики лучше приспособляются к

разнообразие обстоятельств благодаря различию качеств своих граждан, чего государю не дано. Человек, который привык поступать согласно своему нраву, как мы говорили, никогда не меняется, поэтому он неизбежно терпит крушение, когда наступают времена, для него неблагоприятные.

Уже упоминавшийся несколько раз Пьеро Содерини выказывал во всем терпимость и человеколюбие. Ему и его отчизне было обеспечено благоденствие, пока время соответствовало его образу действия, но когда наступил час порвать с покорностью и терпением, он не сумел этого сделать и потерпел поражение вместе со своим отечеством. Папа Юлий II на всем протяжении своего понтификата действовал яростно и напористо, и поскольку тому благоприятствовало время, все его начинания удались. Но если бы наступило время, требующее других решений, его ждал бы неминуемый крах, потому что он не стал бы менять свои обычаи и повадки. Мы вообще не можем меняться по двум причинам: во-первых, нам трудно противостоять тому, к чему нас склоняет природа; во-вторых, когда человек каким-то способом добился успеха, невозможно убедить его, что он может преуспеть, поступая по-другому; вот почему удача отворачивается от людей: фортуна зависит от обстоятельств, а люди упорствуют в своем поведении. Точно так же гибнет государство, ибо республики со временем не изменяют своих порядков, о чем мы подробно говорили выше; они слишком медлительны и запаздывают с нововведениями, для чего требуются основательные потрясения, ибо отдельные невзгоды не столкнут республику с проторенной дороги.

Раз уж мы упомянули Фабия Максима, который затягивал войну с Ганнибалом, мне кажется уместным обсудить в следующей главе вопрос, можно ли помешать полководцу, который во что бы то ни стало хочет дать противнику сражение.

Глава X

Полководец не может избежать сражения, если противник настаивает на нем

«Cneus Sulpitius dictator adversus Gallos bellum trahebat, nolens se fortunae committere adversus hostem, quem tempus deteriore in dies, et locus alienus, faceret» [69] . Когда речь идет об ошибке, в которую впадают все люди или значительная их часть, думаю, что не худо будет порицать ее неоднократно. Поэтому, хотя я выше уже не раз показывал, насколько выдающиеся деяния нашего времени отличаются от античных, все же мне кажется нелишним повторить это вновь. Ведь если мы в чем и отступаем от древнего обыкновения, так это в военном деле, не соблюдая ни одного из тех правил, которые были очень почитаемы древними. Причина указанного

недостатка в том, что государи и республики переложили эту заботу на других и, не желая подвергаться опасности, пренебрегают военными занятиями. Если же иной раз кто-то из современных королей сам отправляется на войну, трудно ожидать, что он совершит что-либо, заслуживающее хвалы. Ведь если они и занимаются воинскими упражнениями, то делают это из тщеславия, а вовсе не из каких-либо похвальных побуждений. Впрочем, эти государи, устраивая иногда войску личные смотры и оставляя за собой звание главнокомандующего, поступают лучше, чем республики, особенно итальянские, которые ничего не смыслят в военных делах и доверяются другим, но в то же время хотят сохранить за собой видимость верховенства и командовать, допуская при этом множество ошибок. И хотя я уже обсуждал некоторые из них в другом месте, не умолчу об одном из наиболее важных заблуждений такого рода. Когда праздные государи и изнеженные республики наставляют своих полководцев, они мнят, что наиболее мудрая предосторожность состоит в том, чтобы любым способом избегать сражения и воздерживаться от каких бы то ни было столкновений с противником. При этом они воображают, что следуют благоразумию Фабия Максима, который спас Римское государство, воздерживаясь от битвы; они не понимают, что в большинстве случаев такое требование бесполезно или вредно. Исходить следует из такого положения: полководец, ведущий военную кампанию, не может избежать сражения, если противник упорно на нем настаивает. Вышеназванное требование всегда избегать сражения, по существу, гласит: «Вступай в битву с выгодой для противника и с невыгодой для себя». Находиться в поле и не вступать в бой можно только на удалении пятидесяти миль от противника; при этом нужно бдительно следить за ним, чтобы при первом его приближении успеть отойти. Другая возможность состоит в том, чтобы запереться внутри городских стен. И то и другое решение сопряжены с большим ущербом. В первом случае страна становится добычей врага, и мужественный государь скорее предпочтет попытать счастья в битве, чем затягивать войну, разоряя своих подданных. Во втором случае проигрыш обеспечен, потому что, когда ты укрываешься с войском в городе, противник начинает осаду, и через какое-то время голод заставит тебя сдаться. Таким образом, эти два пути избегать сражения чрезвычайно вредны. Способ, употребленный Фабием Максимом, то есть выжидание в защищенной местности, хорош, когда твое войско настолько храброе, что противник не отважится встретиться с ним на выгодных для тебя условиях. Да и нельзя сказать, что Фабий избегал сражения, скорее, он хотел дать его при своем преимуществе. Если бы Ганнибал выступил ему навстречу,

Фабий дождался бы его и вступил в бой, но Ганнибал ни разу не дерзнул сразиться с ним на Фабиевых условиях. В общем, битвы избегали как Ганнибал, так и Фабий, но если бы один из них хотел сражения любой ценой, то другой мог бы оттянуть его с помощью одного из трех способов – двух вышеназванных или бегства.

Справедливость моих слов видна на тысяче примеров, особенно в войне римлян с Филиппом Македонским, отцом Персея: атакованный римлянами, Филипп решил не давать сражения; для этого он поступил так, как поступал в Италии Фабий Максим, и расположился со своим войском на вершине горы, укрепив ее, ибо полагал, что римляне не отважатся штурмовать ее. Но те двинулись на приступ, чтобы разгромить его и прогнать с этой горы; Филипп, не в силах сопротивляться, бежал с большей частью своего войска. От полного разгрома его спасла только труднодоступность местности, из-за которой римляне не смогли его преследовать. Не желая сражаться и разбив свой лагерь недалеко от римлян, Филипп был вынужден бежать; убедившись на этом опыте, что, оставаясь в горах, ему не удастся избежать сражения, а укрыться в городе он не желал, Филипп решил поступить иначе и удалиться на много миль от римского лагеря. Таким образом, если римляне вступали в одну провинцию, он отступал в другую и постоянно приходил туда, откуда уходили римляне. Но в конце концов, поскольку в этой затяжной войне его положение ухудшалось, а подданные страдали то от его, то от вражеского войска, он решил попытаться счастья в битве и дал римлянам бой по всем правилам. Итак, полезно затягивать войну, когда твое войско располагает теми же преимуществами, что и войско Фабия, а также Гнея Сульпиция, то есть оно настолько сильно, что противник не отваживается напасть на твои укрепления, к тому же он не настолько глубоко проник в твои владения и испытывает недостаток припасов. В этом случае можно уклоняться от сражения по названной Титом Ливием причине: *«nolens se fortunae committere adversus hostem, quem tempus deteriore in dies, et locus alienus, faceret»*. Во всех прочих обстоятельствах нельзя уклониться от сражения без риска и ущерба для своей чести. Спасаться бегством, подобно Филиппу, равносильно поражению, и оно тем более позорно, чем менее неоспоримой считается твоя доблесть. Если Филипп смог спастись, это не удастся его подражателям, для которых местность не будет защитой. Никто не станет оспаривать, что Ганнибал знал толк в военном деле, и если бы он, противостоя в Африке Сципиону, видел выгоду в затягивании войны, он так бы и поступал, тем более что ему, как хорошему полководцу, располагающему хорошим войском, было бы нетрудно это сделать, как

Фабию в Италии; но поскольку этого не произошло, следует предположить, что на то у него была какая-то веская причина. Ибо когда государь собрал порядочное войско и видит, что нельзя поддерживать его боеспособность длительное время из-за недостатка средств или союзников, для него было бы совершенным безумием не попытаться счастья до того, как его войско распадется; ведь ожидание его погубит наверняка, а попытка выступления может принести удачу.

Следует помнить еще и о другой вещи: даже проигрывая, можно покрыть себя славой, а из всех проигрышей самый славный – это когда ты уступаешь силе. Ганнибал, например, был вынужден подчиниться необходимости. В то же время, если бы он не стал ввязываться в бой и у него не хватило бы духу напасть на Сципиона, занимавшего более выгодную позицию, последнему это было бы на руку, ибо он уже одолел Сифакса и занял столько городов в Африке, что мог оставаться там с таким же удобством и в такой же безопасности, как и в Италии. Не то было с Ганнибалом, когда он должен был сразиться с Фабием и с теми французами, которые противостояли Сульпицию.

Еще труднее избежать сражения тому, чье войско вторгается в чужую страну, ибо при этом ему приходится столкнуться с противником, который выступает ему навстречу. Если же нападающий берет в осаду какой-либо город, уклониться от битвы ему бывает еще труднее; в наше время это произошло с герцогом Карлом Бургундским, который разбил лагерь близ швейцарского города Мората, подвергся здесь нападению швейцарцев и был разбит. Такова же была судьба французского войска, осадившего Новару и потерпевшего поражение от тех же швейцарцев.

Глава XI

Кто имеет дело со множеством противников, даже превосходящих его силами, побеждает, если только выдержит их первый натиск

Велико было в Риме могущество народных трибунов, и, как мы неоднократно отмечали, это было необходимо, ибо иначе не удавалось бы положить предел притязаниям знати, вследствие которых разложение республики наступило бы гораздо раньше, чем это случилось на деле. Но поскольку во всякой вещи, как мы уже говорили, коренится некоторый внутренний изъян, порождающий все новые перемены, против него необходимо применять все новые меры. Вследствие этого, когда власть трибунов стала выходить за рамки и вызывать опасения не только у нобилей, но и у всех римлян, ее действия могли повести к беспорядкам, угрожающим римской свободе, если бы Аппий Клавдий не указал способ, позволяющий защититься от властолюбия трибунов. Он состоял в том,

чтобы выбрать из них такого, которого можно запугать, подкупить или убедить доводами в пользу общего блага, и противопоставить его другим, если они захотят принять какое-либо решение вопреки воле Сената. Это средство позволяло значительно умерить влияние трибунов и на протяжении долгого времени приносило Риму пользу. Все это наводит меня на мысль, что когда несколько властителей объединяются против одного, даже если своим могуществом они и превосходят его силу, тем не менее следует делать ставку скорее на этого одного, располагающего менее внушительными средствами, чем многие его противники, хотя бы они и производили устрашающее впечатление. Ибо, умалчивая обо всех сторонах, в которых один человек имеет преимущество над многими (а таких сторон не перечесть), всегда можно предвидеть следующий результат: этот один без особых ухищрений сможет расстроить союз своих противников и обратить их силу в бессилие. Не стану приводить на этот счет примеры из древности, хотя их очень много, но ограничусь только случаями, происшедшими в наше время.

В 1483 году вся Италия поднялась против венецианцев, и поскольку их дело было проиграно и они были уже не в состоянии выставить на поле боя собственное войско, они вступили в сговор с правителем Милана, синьором Лодовико, и заключили с ним соглашение, благодаря которому вернули себе не только утраченные владения, но еще и захватили часть Феррары. Так, проиграв войну, они выиграли при заключении мира. Несколько лет назад Франция противостояла всему миру, однако еще до окончания войны Испания поссорилась со своими союзниками и вступила в переговоры с французами. В конце концов все остальные противники были вынуждены последовать ее примеру. Таким образом, можно принять за непреложное правило, что когда несколько государей ведут войну против одного, последний всегда одержит верх, если только ему достанет сил выдержать первые удары и дождаться более благоприятного для себя времени. В противном случае опасность для него возрастает в тысячу раз, как можно судить по участи венецианцев в восьмом году. Если бы они смогли выдержать натиск французского войска и выиграть время, пока не привлекут на свою сторону кого-либо из членов враждебной лиги, им удалось бы избежать поражения, но поскольку у них недоставало военной силы, чтобы противостоять врагу, и не оставалось времени, чтобы расстроить противный лагерь, они потерпели крах. Ведь когда папа получил обратно свои владения, он снова подружился с венецианцами. Так же поступил и испанский король, и каждый из этих двух государей охотно оставил бы за ними Ломбардию, дабы не отдавать ее Франции и не

увеличивать ее могущество в Италии, если бы это зависело от них. Таким образом, венецианцы могли отказаться от части, чтобы спасти остальное, и если бы они в свое время, когда необходимость этого не была столь очевидна, позаботились о такой уступке, они поступили бы очень мудро, и для этого не следовало дожидаться начала войны, а когда война уже началась, такой поступок выглядел бы постыдным и от него было бы уже мало пользы. К сожалению, в Венеции до войны мало кто из граждан мог предвидеть эту опасность; почти всем было невдомек, как ее предотвратить, и никто не предлагал этого в открытую. Однако, возвращаясь к началу нашего рассуждения, я делаю вывод, что как римский Сенат отыскал средство к спасению отечества от притязаний трибунов в их расколе, так и всякий государь, подвергающийся нападению многих, сможет воспользоваться этим средством, если сумеет с помощью своего благоразумия расстроить их союз.

Глава XII

Разумный командир должен поставить своих солдат перед необходимостью сражаться, а солдат противника лишить такой необходимости

Мы уже обсуждали, сколь полезно для человеческих поступков воздействие необходимости и какой славы они достигают благодаря ей. Как писали некоторые нравственные философы, язык и руки человека, эти утонченнейшие орудия его благородства, не могли бы обрести совершенства и возвысить людские деяния на столь высокую ступень, если бы их не побуждала к этому необходимость. Хорошо сознавая эту силу необходимости, каковая заставляет солдат сражаться с ожесточением, старинные полководцы всемерно старались использовать ее для своего войска и в то же время избавить от нее солдат противника, зачастую открывая перед ними пути, которые могли бы быть отрезанными, а перед своими закрывая всякий свободный путь. Желая настроить на упорное сопротивление защитников города или солдат на поле боя, следует прежде всего заронить в их сознание необходимость такого сопротивления. Поэтому мудрый полководец, собирающийся штурмовать город, должен судить о трудности этого предприятия по тому, насколько его обитатели будут вынуждены защищаться, и если необходимость обороны для них велика, то взять город будет тяжело; в противном случае это не составит особого труда. Отсюда вытекает, что гораздо труднее вернуть себе мятежный город, чем впервые завоевать его, ибо в последнем случае, когда у жителей нет оснований опасаться наказания за какую-либо провинность, они легко согласятся на сдачу. А так как, подняв мятеж, они чувствуют за

собой вину и потому опасаются справедливой кары, то одолеть их сопротивление гораздо трудней. Подобное же упорство рождается из естественной враждебности, которую питают друг к другу соседствующие государи и соседствующие республики. К этому побуждают жажда власти и опасения за собственную территорию, особенно сильные у республик, как, например, в Тоскане; это соперничество и эта борьба очень затрудняют завоевание одного государства другим. Если присмотреться, какие соседи у Флоренции и какие у Венеции, то не покажется удивительным, вопреки распространенному мнению, что Флоренция потратилась на свои войны гораздо больше, но завоевала гораздо меньше, чем Венеция. Ведь среди соседей последней не было столь ожесточенно боровшихся с ней, как у Флоренции, ибо все граничащие с венецианцами государства не были привычны к вольной жизни и подчинялись единому государю, а людей, привычных к рабству, не очень заботит перемена государя; более того, они этого часто желают. Поэтому Венеция, окруженная более могущественными соседями, чем Флоренция, не встречая с их стороны упорного сопротивления, смогла их одолеть в отличие от Флоренции, окруженной свободными городами.

Итак, возвращаясь к нашему первому рассуждению, командующий войском, осаждающим крепость, должен приложить все старания, чтоб избавить ее защитников от необходимости сопротивления и таким образом ослабить их рвение. Если они опасаются наказания, пообещать им прощение, а если боятся за свою свободу, объявить, что сражаешься не против общего блага, а против немногочисленных властолюбцев в этом городе; этот способ многократно применялся при взятии городов. И хотя ненадежность таких обещаний легко распознать, в особенности умудренным опытом людям, тем не менее они часто вводят в заблуждение народы, которые в своем стремлении к миру закрывают глаза на всевозможные уловки, каковыми часто оборачиваются щедрые обещания. Из-за этого многие города заплатились своей свободой, в частности совсем недавно Флоренция; то же самое приключилось с Крассом и его войском – этот полководец, прекрасно сознавая лживость парфянских обещаний, направленных на то, чтобы отнять у его солдат необходимость обороняться, не мог все же удержать в последних боевой дух, ибо, как явствует из жизнеописания Красса, их ввели в заблуждение мирные предложения противника. Замечу по этому же поводу, что когда самниты нарушили договорные условия и по настоянию некоторых своих сограждан, обуреваемых тщеславием, сделали набег и разорили поля римских союзников, они отправили после этого посольство в Рим с просьбой о мире

и предложили возвратить награбленную добычу, а также выдать зачинщиков беспорядков и этого похода; но римляне отвергли их просьбу. Отчаявшись, послы вернулись в Самниум, и тут Клавдий Понций, в то время командующий самнитским войском, в своей примечательной речи объяснил, что римляне безоговорочно желают войны, и хотя для самнитов предпочтительнее мир, нужда заставляет их открыть военные действия. При этом он сказал: «*Justum est bellum quibus necessarium, et pia arma quibus nisi in armis spes est*» [70] ; эта необходимость была для самнитского полководца тем основанием, на котором он со своим войском строил надежду победить. Чтобы не возвращаться больше к этому предмету, я хотел бы еще привести наиболее примечательные примеры из римской истории. Войско, возглавляемое Гаем Манилием, сражалось с вейентами, и часть последних проникла за ограждения римского лагеря; тогда Манилий повернулся против них с частью своих сил и перекрыл все выходы из лагеря, чтобы вейенты не могли спастись. Оказавшись в окружении, вейенты стали биться с таким остервенением, что в схватке погиб Манилий, а остальным его спутникам угрожал полный разгром, если бы один мудрый трибун не освободил для противника путь отступления. Отсюда явствует, что пока необходимость заставляла вейентов сражаться, они ожесточенно сопротивлялись, но когда перед ними открылся путь спасения, они стали думать скорее о бегстве, чем о сопротивлении.

Войска вольсков и эквов однажды вторглись в римские пределы. Навстречу им послали армию во главе с консулами. Завязалась битва, в ходе которой силы вольсков, возглавляемые Веттием Мессием, неожиданно оказались между римским войском и собственным лагерем, также захваченным римлянами. Тогда предводитель вольсков, видя, что им оставалось погибнуть или пробить себе дорогу мечом, обратился к своим солдатам со следующими словами: «*Ite mecum; non murus nec vallum, armati armatis obstant; virtute pares, quae ultimum ac maximum telum est, necessitate superiores estis*» [71] . Так что Тит Ливий называет необходимость «крайним и лучшим средством». Камилл, благоразумнейший из всех римских военачальников, уже ворвавшись со своим войском в город вейентов, чтобы облегчить штурм и избавить противника от последней необходимости сопротивления, приказал – так, чтобы это слышали и защищающиеся, – чтобы никто не трогал разоружившихся врагов; те побросали оружие, и город был взят почти без пролития крови. Этому поступку подражали потом многие полководцы.

Глава XIII

Следует ли более полагаться на хорошего полководца, управляющего

слабым войском, или на сильное войско, возглавляемое негодным полководцем

Когда Кориолана изгнали из Рима, он отправился к вольскам и, собрав там войско для отмщения своим согражданам, пришел под стены Рима, но, недолго простояв там, снял осаду, скорее из почтения к собственной матери, чем из опасения перед силами римлян. В этом месте Тит Ливий замечает, что подобные происшествия показывают, насколько более Римская республика обязана своим ростом доблести полководцев, чем умению солдат, ибо вольски до этого всегда терпели поражение и победили, только когда Кориолан стал ими командовать. Но хотя Ливий придерживается такого мнения, тем не менее из многих описаний его истории видно, что доблесть солдат, оставшихся без предводителя, творила чудеса, и после гибели консулов они зачастую сражались в большем порядке и более ожесточенно, чем при их жизни. Так было с войском, которое римляне послали в Испанию под командой двух Сципионов; когда оба командира погибли, это войско не только спаслось благодаря своей доблести, но и одержало победу и сохранило для республики эту провинцию. Так что, говоря обобщенно, есть много примеров, когда сражение было выиграно только благодаря доблести солдат, и много других, где такой же результат был достигнут исключительно с помощью полководческого таланта. Можно сказать, что одно помогает другому и дополняет другое.

Надо еще, правда, рассмотреть, чего следует более опасаться, хорошего войска с плохим командиром или хорошего командира во главе плохого войска. Если присоединиться к мнению Цезаря, и в том и в другом случае бояться нечего. Когда Цезарь отправлялся в Испанию воевать против Афрания и Петрея, которых он невысоко ценил, но у которых было отличное войско, он сказал, что «выступает к войску без предводителя», имея в виду бездарность его начальников. Напротив, когда он выступил в Фессалию против Помпея, то сказал: «Я отправляюсь сражаться с вождем без войска».

Можно еще поставить вопрос по-другому: что легче, хорошему полководцу собрать хорошее войско или хорошему войску найти хорошего полководца. На этот счет я скажу, что двух мнений быть не может, ибо гораздо легче множество опытных людей разыщет и научит одного, чтобы тот тоже сделался пригодным, чем один человек научит многих. Когда Лукулла послали на войну с Митридатом, он был вовсе не искушен в военном деле, тем не менее в хорошем войске, где было много отличных командиров, он вскоре сделался прекрасным военачальником. Римляне из-

за недостатка в людях вооружили множество рабов и отдали их на выучку Семпронию Гракху, который за короткое время сделал из них сильное войско. Когда Пелопид и Эпаминонд, как мы уже говорили, освободили свои родные Фивы из-под ига спартанцев, они сделали из фиванских крестьян за очень короткий срок прекрасных солдат, и те смогли не только противостоять спартанскому ополчению, но и победить его. Так что здесь стороны в равном положении, ибо один знающий человек может найти другого. Однако хорошее войско, лишившись хорошего командира, обычно становится разнузданным и опасным, как было с македонским войском после смерти Александра и с римскими ветеранами во время гражданских войн. И я, пожалуй, скорее положусь на умелого полководца, у которого будет достаточно времени, чтобы обучить людей и снабдить их хорошим вооружением, чем на взбунтовавшееся войско с избранным из его среды вождем. Во всяком случае, полководцы, которые не только победили врага, но и сумели еще до столкновения с ним обучить свое войско и сделать его сильным, заслуживают двойной похвалы и двойной славы. Ведь они выказывают двоякую доблесть, столь редкостную, что, если бы подобная задача ставилась перед многими военачальниками, они не достигли бы такой известности.

Глава XIV

Какое действие могут возыметь в пылу боя необычные новшества и неожиданные слухи

Сколь важную роль может сыграть в ходе сражений и стычек неожиданное происшествие, сопряженное с дотоле невиданными и неслыханными вещами, явствует из описаний многих событий, например того случая, который произошел при столкновении римлян с вольсками. Когда один из флангов римского войска дрогнул, Квинкций стал громко кричать, чтобы подбодрить его, ибо на другом фланге его войско брало верх; его слова воодушевили солдат и уstraшили противника, так что ему удалось одержать победу. И если уж в хорошо устроенном войске такие увещания имеют большую силу, то еще большим будет их воздействие на войско разнузданное и плохо упорядоченное, ибо его настроение переменчиво. Приведу пример, относящийся к нашему времени. Несколько лет назад Перуджа разделилась на две партии, поддерживавшие семейства Одди и Бальони. Последние были у власти, а их противники подверглись изгнанию, однако с помощью своих друзей они собрали войско и, выйдя из своего городка неподалеку от Перуджи, однажды ночью вошли в город, воспользовавшись поддержкой своих сторонников. Никем не замеченные, они продвигались к центральной площади, а так как все улицы города были

перекрыты цепями, мешавшими проезду, впереди войска Одди шел человек с железной булавой, разбивавший замки и открывавший проход для лошадей. Когда в городе забили тревогу, оставалось разбить последнюю цепь перед площадью, но так как толпа сзади напирала, занимавшийся этим человек не мог как следует размахнуться, чтоб разбить цепь, и тогда он попросил: «Сдайте назад!» Из этого возгласа до последних донеслось только слово «назад», и они обратились в бегство, а остальные последовали за ними с такой поспешностью, что сами явились причиной своего поражения. Так столь незначительное происшествие погубило все планы семейства Одди.

По этому поводу следует заметить, что важны не столько боевые порядки войска сами по себе, сколько его умение не приходить в расстройство из-за всякого пустяка. Ведь народная толпа не годится для войны именно потому, что всякий шум, всякий слух и посторонний звук может изменить ее настроение и обратить в бегство. Поэтому хороший военачальник наряду с прочим должен назначить особых людей, которые бы принимали его команды и передавали их другим, и приказать солдатам, чтобы они слушали только этих лиц, остальным же командирам – чтобы они повторяли только его приказания. Если не соблюдать этих условий, то, как бывало неоднократно, можно за это жестоко поплатиться.

Что касается всяческих новшеств, каждый военачальник должен, пока есть возможность, постоянно стараться познакомить с ними солдат, чтобы поднять боевой дух и запугать противника, ибо из всех средств, способствующих победе, это одно из сильнейших. Тут можно сослаться на римского диктатора Гая Сульпиция, который в битве с французами вооружил всех обозников и прочих прислужников в лагере, посадил их на ослов и мулов, так что они выглядели как настоящая конница, поставил их под хоругвями за холмом и приказал, чтобы они по его знаку выступили и появились перед врагом в тот момент, когда схватка будет наиболее жаркой. Все это было исполнено, и французы пришли в такой страх, что проиграли битву. Таким образом, хороший полководец должен подумать о двух вещах: во-первых, чтобы подобными военными хитростями утратить врага; во-вторых, приготовиться к тому, чтобы раскрыть подобные же уловки врага и сделать их бесполезными. Это удалось царю Индии в битве с Семирамидой, которая, зная, что у царя много слонов, решила напугать его и показать, что у нее их еще больше. Она сделала чучела слонов из коровьих и буйволиных шкур и водрузила их на верблюдов. Эти чучела появились на поле боя, но царь распознал обман, и замысел Семирамиды не только не пошел ей на пользу, но обратился во вред. Диктатор Мамерк

сражался с фиденатами, которые, желая напугать римское войско, решили сделать в пылу битвы вылазку из Фиден с большим количеством солдат, несущих на своих копьях зажженные факелы, чтобы римляне, пораженные необычным зрелищем, расстроили свои ряды. По этому случаю следует отметить, что когда эти новшества основываются скорее на чем-то реальном, а не поддельном, тогда их можно выставлять напоказ, ибо сильная их сторона не позволит слишком скоро раскрыться слабой. Если же в этих уловках будет больше обмана, чем настоящего, лучше оставить их или по крайней мере показывать на расстоянии, так чтобы их непрочность сразу не обнаружилась, как поступил Гай Сульпиций с погонщиками мулов. Ведь уязвимость этих уловок на близком расстоянии тотчас же раскрывается и приносит тебе вместо пользы ущерб, как мнимые слоны Семирамиде и огни фиденатам; ибо в последнем случае, хотя эти факелы немного поколебали войско, все же, когда выступил диктатор и закричал солдатам, чтобы они стыдились прятаться от дыма, словно пчелы, и призвал их напасть на фиденатов со словами: «*Suis flammis delete Fidenas, quas vestris beneficiis placare non potuistis*» [72] , – эта выходка оказалась бесполезной, и фиденаты проиграли битву.

Глава XV

О том, что войском должен командовать один человек, а не несколько, и о пагубности многоначалия

Когда взбунтовались фиденаты и истребили римскую колонию, основанную в Фиденах, римляне для исправления этого зла назначили четырех трибунов с консульской властью; один из них остался на страже Рима, а три выступили против фиденатов и вейентов. Поскольку трибуны разъединились и рассорились между собой, они покрыли себя бесчестьем, но не причинили ущерба; виной этому бесчестью были они сами, а от ущерба их предохранила доблесть солдат. Для устранения этого недостатка римляне избрали диктатора, чтобы он единолично привел в порядок то, что расстроили те трое. Из этого случая явствует никчемность многоначалия в войске или в обороняющемся городе, и Тит Ливий как нельзя более ясно высказывает это в следующих словах: «*Tres Tribuni potestate consulari documento fuere, quam plurium imperium bello inutile esset; tendendo ad sua quisque consilia, cum alii aliud videretur, aperuerunt ad occasionem locum hosti*» [73] .

Хотя этого примера было бы достаточно для доказательства ущерба, приносимого на войне избытком командиров, я хочу привести два других, современный и старинный, чтобы лучше проиллюстрировать это положение.

В 1500 году, после того как французский король Людовик XII возвратил себе Милан, он послал войско под Пизу, дабы вернуть ее флорентийцам, которые назначили своими комиссарами Джованбаттисту Ридольфи и Луку ди Антонио дельи Альбицци. Джованбаттиста был человеком уважаемым и более пожилым, поэтому Лука оставлял во всем первое слово за ним, но, не изъясняя своего самолюбия в открытом противодействии, он руководствовался им, устранившись от дел и пренебрегая своими обязанностями, так что не принимал участия в военных операциях ни поступком, ни советом, как будто его мнение ничего не значило. Но когда Джованбаттиста в силу некоторых обстоятельств был вынужден возвратиться во Флоренцию, все переменялось, и, оставшись в одиночестве, Лука показал, сколь выдающимися духом, опытностью и разумением он обладал. Но пока он имел сотоварища, все эти качества пропадали втуне. В подкрепление к этому я хочу снова привести слова Тита Ливия; рассказывая, как римляне послали против эквов Квинкция и его коллегу Агриппу и как Агриппа пожелал оставить все руководство войной за Квинкцием, он говорит: «*Saluberrimum in administratione magnarum rerum est, summam imperii apud unum esse*» [74] . Эта мысль противоречит поступкам сегодняшних республик и государей, которые ради наилучшего управления назначают своими заместителями нескольких комиссаров и нескольких начальников, отчего происходят неисчислимые беспорядки. И если искать причины неудач итальянских и французских войск за последнее время, то главной причиной как раз окажется эта. И в заключение можно сказать, что лучше снаряжать в поход одного командира среднего достоинства, чем двух выдающихся военачальников с одинаковыми полномочиями.

Глава XVI

Истинная доблесть познается в трудные времена; мирное время благоволит более людям богатым и знатным, чем доблестным

Всегда так было и будет, что людьми выдающимися и редкими в спокойные времена республики пренебрегают, ибо уважение, доставляемое этим людям их доблестью, вызывает у многих граждан зависть к ним и желание не только сравняться, но и встать выше таких личностей. Об этом хорошо сказано в одном месте у греческого историка Фукидида, который рассказывает, что когда Афинская республика одержала верх в Пелопоннесской войне, обуздав гордыню спартанцев и почти подчинив себе всю Грецию, ее влияние настолько выросло, что она вознамерилась захватить Сицилию. Этот план обсуждался в Афинах. Алкивиад и некоторые другие граждане советовали предпринять этот поход, как люди,

думающие не столько об общественном благе, сколько о собственных почестях, ибо они собирались стать во главе войска. Но Никий, один из самых уважаемых людей в Афинах, отговаривал от этого, причем главный довод, приводимый им в речах, которыми он пытался убедить народ, состоял в том, что в его собственных интересах было бы призывать к войне, ибо в мирное время многие афиняне сумели бы перейти ему дорогу, но во время войны, как был убежден Никий, никто не мог бы сравниться с ним или превзойти его.

Таким образом, становится очевидным, что у республик есть следующий недостаток: они не дорожат мужественными людьми в спокойные времена. Это вызывает у последних негодование двоякого рода: во-первых, их обходят должностями; во-вторых, в товарищи и в начальники им назначают людей менее способных и менее достойных, чем они. Такое неустройство вызывает в республиках многие несчастья, ибо те граждане, которые ощущают себя незаслуженно забытыми, зная, что причиной тому спокойное и безопасное время, стараются изменить его течение, затеывая войны на горе своей республике. Размышляя о том, как избежать этого, я нахожу два средства: первое – удерживать граждан в бедности, чтобы неумеренное богатство не давало им возможности развратиться самим и развращать других; второе – так поставить военное дело, чтобы всегда быть в боевой готовности и иметь потребность в выдающихся гражданах, как было у римлян в первый период их истории. Римское войско находилось беспрестанно в походах, и у граждан всегда была возможность проявить свою доблесть. Лишить заслуженного звания достойного человека и дать его недостойному было невозможно, а если так иногда получалось по ошибке или ради испытания, возникавшие от этого опасности и беспорядки вскоре заставляли вернуться на правильный путь. Но другие республики, в отличие от Римской не имеющие такого хорошего устройства и вступающие в войну только под давлением необходимости, не могут уберечь себя от этой оплошности и всегда будут ей подвержены. Им будут постоянно угрожать беспорядки, если уважаемый гражданин, попав в немилость, окажется злопамятным и захочет воспользоваться влиянием на своих приверженцев в городе. Риму одно время удавалось справляться с этой опасностью, но и тут, когда была одержана победа над Карфагеном и Антиохом (как уже говорилось в другом месте) и угроза войны уменьшилась, войско стали доверять кому угодно, принимая во внимание не столько доблесть вождя, сколько другие качества, помогавшие ему приобрести расположение народа. Так, Павлу Эмилию было несколько раз отказано в консульской должности, и он сумел добиться ее только тогда,

когда началась Македонская война; ввиду опасности весь город единогласно избрал его консулом.

Наша Флоренция после 1494 года вела немало войн, но никто из флорентийских граждан не проявил себя в них с хорошей стороны; наконец в городе нашелся человек, который показал, как нужно командовать войском; это был Антонио Джакомини. Пока участие в войнах было рискованным, никто из прочих граждан не заикался о своих честолюбивых устремлениях, и при избрании комиссара и командующего войском у Джакомини не было соперников. Но когда началась война, исход которой не вызывал сомнений и которая сулила много почестей и званий, объявилось столько претендентов, что при избрании трех комиссаров для осады Пизы его вовсе обошли вниманием. И хотя никаких очевидных признаков ущерба, понесенного государством из-за отсутствия там Антонио, не наблюдалось, нетрудно себе представить, что при нем пизанцы оказались бы в настолько стесненных обстоятельствах, что, не в состоянии более обороняться и даже жить, они сдались бы на милость флорентийцев. Но поскольку осадой руководили вожди, не умевшие принудить их к этому, пизанцам удалось продержаться до тех пор, пока Флоренция не уплатила за сдачу города, который могла завоевать силой. Надо полагать, что все это могло вызвать негодование Антонио, который только в силу своего добронравия и долготерпения не пожелал отомстить, погубив при этом город или расправившись кое с кем из граждан. Всякая республика должна избегать этого, о чем идет речь в следующей главе.

Глава XVII

О том, что не следует наносить человеку обиду и потом поручать ему важные дела и должности

Каждая республика должна остерегаться давать важные поручения человеку, который претерпел от других тяжкие обиды. Клавдий Нерон, который покинул войско, противостоявшее Ганнибалу, и с частью его отправился в Марку, чтобы вместе с другим консулом сразиться против Гасдрубала, до того как он соединится с Ганнибалом, перед тем находился в Испании, где воевал также с Гасдрубалом; войско этого последнего ему удалось окружить в таком месте, что Гасдрубал должен был принять бой с невыгодой для себя или погибнуть от голода. Однако Гасдрубал под видом переговоров притупил внимание Клавдия и ускользнул от него, лишив надежды на победу. Когда об этом узнали в Риме, в Сенате и в народе поднялся ропот против этого полководца, и во всем городе говорили о нем с поношением, к немалому позору и ущербу для чести Клавдия. Когда же его сделали консулом и отправили против Ганнибала, он решился на

вышеописанный отчаянный поступок, так что римляне пребывали в волнении и беспокойстве, пока не прибыли известия о разгроме Гасдрубала. И когда потом Клавдия спросили, почему он решился на столь рискованный шаг, которым без особой необходимости ставил на карту римскую свободу, тот ответил, что если бы его маневр удался, он вернул бы себе славу, утраченную в Испании, а если бы поход был неудачен и все предприятие закончилось противоположным образом, он тем самым отомстил бы городу и гражданам, которые проявили к нему такое пренебрежение и такую неблагодарность. И если чувство обиды было столь велико у римского гражданина, да еще во времена неиспорченных нравов в Риме, насколько же сильнее оно может подействовать на гражданина другого города, мало похожего на Рим в дни его славы. А так как против подобных оплошностей, возникающих в республике, нельзя сыскать верного средства, из этого следует невозможность основать вечную республику, ибо существуют тысячи неизведанных путей, ведущих к ее гибели.

Глава XVIII

Ничто так не возвышает полководца, как умение предугадать намерения врага

Фиванец Эпаминонд говорил, что нет ничего нужнее и полезнее для военачальника, чем знать решения и планы врага. Но поскольку узнать их трудно, еще большей хвалы заслуживает тот, кто умеет предугадать их. И не столь трудно понять намерения противника, сколь иногда бывает сложно понять его поступки, причем не те поступки, которые он совершает в отдалении, а те, что предстают перед твоими глазами. Много раз бывало так, что после сражения, продлившегося до наступления ночи, победивший считает себя побежденным, а потерпевший поражение – победителем. Подобная ошибка часто приводила к опрометчивым решениям действующих лиц, как случилось с Брутом и Кассием, проигравшими из-за этого войну. Брут на своем фланге одержал победу, но Кассий, проигравший битву, думал, что все войско разгромлено и, вследствие этого заблуждения не веря в спасение, покончил с собой. В наше время в сражении, состоявшемся в Ломбардии при Санта Чечилия между французским королем Франциском и швейцарцами, часть последних, сохранивших свои боевые порядки, посчитала, когда стемнело, что победа осталась за ними, не зная о том, что все прочие были разгромлены и погибли. Эта ошибка помешала их собственному спасению, ибо они стали дожидаться утра, чтобы снова вступить в бой с превосходящими силами противника. Из-за этого осталось в неведении и было на краю гибели также

войско папы и Испании, которое при ложном известии о победе перешло через По и слишком выдвинулось вперед, отдавая себя во власть победивших французов.

Такая же путаница произошла в лагерях римлян и эквов. Консул Семпроний выступил со своим войском навстречу врагу, и тогда завязалась битва. Она продолжалась до самого вечера с переменным успехом для тех и других. К наступлению ночи оба войска были очень потрепаны, и ни одно из них не вернулось на место своей стоянки; каждое искало укрытия в окрестных холмах, которые казались более безопасными. Римское войско разделилось на две части, одна из которых осталась с консулом, а вторая – с центурионом Темпанием, благодаря доблести которого римское войско в тот день не потерпело полного краха. Наутро римский консул, не имея никаких известий о противнике, отступил к Риму, и точно так же поступило войско эквов, ибо и те и другие считали, что победа осталась за противником, поэтому обе армии отступили, оставив свои позиции врагу. Случилось так, что Темпаний, возвращавшийся с остатками римского войска, случайно услышал от нескольких раненых эквов, что их вожди ушли и покинули свой лагерь. При этом известии Темпаний вернулся на римские позиции и защитил их, а затем разграбил лагерь эквов и с победой отправился в Рим. Как мы видим, этот успех зависел только от того, кто первым узнает о расстройстве, царящем в стане противника. При этом следует заметить, что двум армиям, противостоящим друг другу, нередко случается приходить в одинаковое замешательство и испытывать одни и те же трудности, так что победу одерживает тот, кто первым узнает о затруднениях другого.

Я хочу привести на этот счет современный и близкий нам пример. В 1498 году, когда флорентийцы держали большое войско близ Пизы и сжимали в кольцо осады этот город, находившийся под защитой венецианцев, те, не находя другого способа спасти Пизу, решили отклонить от нее военные действия, напав своим отрядом на флорентийские владения. Собрав немалое войско, они прошли через Вальдиламону и заняли городок Марради, осадив замок Кастильоне, находившийся на вершине холма. Узнав об этом, флорентийцы вознамерились оказать помощь Марради, но при этом не ослаблять своего лагеря под Пизой. Они набрали новую пехоту, снарядили дополнительную конницу и отправили их в указанном направлении; во главе этого войска стояли Якопо IV д'Аппиано, синьор Пьомбино, и граф Ринуччо да Марчано. Когда флорентийский отряд подошел к холму над Марради, враги сняли осаду Кастильоне и укрылись в городке. Оба войска простояли друг перед другом несколько дней,

испытывая недостаток провианта и всего необходимого, но так как никто не решался напасть первым и никто из них не знал о лишениях, испытываемых другим, однажды вечером и те и другие командиры решили на следующее утро сняться с лагеря и отступить: венецианцы в направлении Берсигеллы и Фаэнцы, а флорентийцы в сторону Казальи и Муджелло. Когда наступило утро и в обоих лагерях начали снаряжать в поход обозы, одна женщина случайно вышла из Марради и направилась к флорентийскому лагерю, по своей бедности и старости чувствуя себя в безопасности. Она хотела повидаться со своими близкими, находившимися в лагере, и от нее флорентийские военачальники узнали об отступлении венецианцев. Эта новость их сильно воодушевила, и, изменив свое решение, как будто бы противник отступил под их натиском, они стали преследовать вражеский отряд и написали во Флоренцию, что одержали победу и отбросили врага. Вся эта победа заключалась в том, что они раньше противника узнали о его отступлении, и если бы подобная новость достигла раньше враждебного лагеря, ее результат был бы точно таким же в отношении наших.

Глава XIX

Что нужнее для управления множеством людей: добровольное послушание или страх наказания

Римская республика была взбудоражена борьбой между нобилями и плебеями, однако при наступлении войны снарядили две армии во главе с Квинкцием и Аппием Клавдием. Аппия солдаты не любили за жестокость и грубость и плохо подчинялись ему, так что он оказался на грани разгрома и бежал из своей провинции; Квинкция солдаты слушались, ибо он был доброжелателен и человечен, почему ему и удалось одержать победу. Отсюда можно сделать вывод, что при управлении множеством людей лучше быть снисходительным, чем гордым, милосердным – чем жестоким. Тем не менее Корнелий Тацит, с которым согласны многие другие писатели, приходит в одной своей фразе к противоположному заключению, когда айт: «In multitudine regenda plus poena quam obsequium valet» [75] . Пытаясь примирить оба эти мнения, скажу: управлять можно людьми, которые в обычных обстоятельствах являются тебе равными, или теми, кто подчинен тебе по своему всегдашнему положению. В первом случае ни наказания, ни суровость, о которой говорит Корнелий, для тебя в полной мере неприемлемы, а поскольку римский плебс делил бремя власти с нобилями, те из них, что становились на время начальниками плебеев, не могли обходиться с ними жестоко и грубо. Можно было наблюдать, что зачастую большего успеха добивались те римские военачальники, которые

пользовались любовью и послушанием солдат, по сравнению с теми, что прибегали к крайнему устрашению, за исключением разве таких, кто выделялся из них необыкновенной доблестью, как Манлий Торкват. Но кто командует своими подданными, что и имеет в виду Корнелий, должен рассчитывать больше на страх перед наказанием, чем на послушание, чтобы эти люди не вышли из повиновения и не стали тобой помыкать из-за твоей чрезмерной доступности. Однако и суровость должна быть умеренной, дабы не вызвать ненависти, потому что ненависть подданных никогда еще не была на пользу никому из государей. Способ обезопасить себя от проявлений этого чувства состоит в том, чтобы не покушаться на имущество граждан, ибо ни один государь не желает пролития крови подданных, пока оно не служит предлогом для хищения, побуждает же к этому необходимость, наступающая довольно редко. Но она возникает почти всегда, если на самом деле речь идет о притязаниях на чужое имущество; тогда не бывает недостатка в поводах и желании проливать кровь, как мы подробно говорили об этом в другом нашем сочинении. Таким образом, большей похвалы заслуживают поступки Квинкция, а не Аппия, мнение же Корнелия, в известных рамках, также имеет право на одобрение, но не в случаях, подобных тому, что произошел с Аппием.

Раз уж мы заговорили о наказаниях и о послушании, мне кажется нелишним показать, насколько более, чем сила оружия, подействовал на фалисков пример человечности.

Глава XX

Человечный поступок подействовал на фалисков сильнее, чем все римское могущество

Когда Камилл со своим войском находился близ города фалисков и осаждал его, некий учитель школы для благородных юношей этого города, желая снискать благодарность Камилла и римского народа, под предлогом упражнений вышел со своими учениками за стены города и привел их всех в лагерь к Камиллу, где, представившись, предложил захватить город, используя детей в качестве заложников. Но Камилл не только не принял этого подарка, но приказал раздеть учителя, связать ему руки за спиной и, вручив каждому из его воспитанников по розге, велел им отвести его обратно, сопровождая по дороге поркой. Когда жители узнали об этом происшествии, милосердие и честность Камилла произвели на них такое впечатление, что они не пожелали более защищаться и решили сдать ему город. На этом примере можно очень хорошо судить о том, насколько иной раз сильнее воздействует на человеческую душу сердечный и преисполненный милосердия поступок, чем проявления свирепой

жестокости. Ведь образчики доброты и снисхождения, целомудрия и щедрости неоднократно служили ключом к тем городам и провинциям, доступ к которым не могли открыть оружие, осадные машины и все прочие военные ухищрения. В истории на этот счет можно отыскать множество других примеров. Римское оружие не могло изгнать Пирра из Италии, но его изгнало оттуда великодушные Фабриция, который рассказал царю о предложении отравить его, сделанном римлянам его родичем. Захват Нового Карфагена не принес Сципиону Африканскому такого уважения в Испании, как показанный им образец чистоты нрава, когда он возвратил мужу нетронутой его молодую и прекрасную жену. Известие об этом событии привлекло на сторону Сципиона всю Испанию. Заметьте, сколь желанны в глазах народа подобные черты великих людей, почему их хвалят все писатели, как те, что составляют биографии государей, так и те, что дают им житейские наставления. Среди них особенно много потрудился Ксенофонт, доказывая, сколько почета, какое множество побед и какую добрую славу принесли Киру его обходительность и человечность, а равно и отсутствие в нем гордыни, жестокости, сластолюбия и всех прочих пороков, пятнающих человеческую репутацию. Но поскольку, тем не менее, Ганнибал, действуя противоположным образом, обрел великую славу и одержал великие победы, я хочу обсудить в следующей главе, чем это было вызвано.

Глава XXI

Почему Ганнибал, действуя иначе, чем Сципион, достиг в Италии такого же успеха, как и тот в Испании

Я полагаю, что у многих вызывает удивление, каким образом военачальники, придерживавшиеся противоположного вышеописанному образа действий, достигли таких же результатов, как и те, что следовали ему. Может показаться, что причина победы не зависит от этого; более того, указанный образ действий, по-видимому, не делает тебя сильнее или удачливее, если славу и влияние можно приобрести и противоположным способом. Чтобы не отвлекаться от вышеназванных личностей и лучше объяснить то, что я желаю сказать, замечу, что Сципион, вторгшись в Испанию, благодаря своему благочестию и человечности тотчас же снискал себе любовь этой провинции, а также почтение и преклонение ее народа. Ганнибал, напротив того, войдя в Италию, действовал совершенно по-иному, но своей жестокостью, насилиями, грабежами и вероломством достиг такого же результата, что и Сципион в Испании, ибо все города Италии подняли мятеж в его пользу и все народы последовали за ним.

Размышляя над тем, чем это было вызвано, можно усмотреть здесь

несколько причин. Первая состоит в том, что люди падки на перемены, и в большинстве случаев обновления желают как те, кто благоденствует, так и те, кто бедствует. Ведь истина, которую нам уже доводилось высказывать, гласит, что людям наскучивает добро, а зло их удручает. Эта вечная жажда отворяет двери перед всяким, кто становится во главе нововведений в какой-либо стране. Если это чужеземец, к нему стекаются сторонники; если он из своих, его окружают последователи, постоянно умножаясь в числе и увеличивая его влияние, так что, как бы он ни поступал, успех ему всегда обеспечен. Кроме того, людьми движут две основные силы: любовь и страх, и ими может командовать как тот, кого любят, так и тот, кого боятся; более того, зачастую у последнего бывает больше приверженцев и верных исполнителей, чем у того, кто пользуется любовью.

Поэтому для вождя все равно, по какому из этих путей он идет, лишь бы он обладал доблестью и эта доблесть обеспечила ему уважение среди людей. Когда она велика, как у Ганнибала и Сципиона, эта доблесть затмевает собой все ошибки, вытекающие из чрезмерной любви или чрезмерного устрашения. Ведь и тот и другой образ действий таят в себе великие опасности, способные сокрушить любого государя. Тот, кто излишне полагается на любовь, едва он отклоняется от верного пути, становится презираемым; другой, рассчитывая только на то, чтобы наводить страх, как только отклоняется от меры, становится ненавистным. Среднего же пути придерживаться невозможно, ибо этого не позволяет наша природа; все излишества необходимо умерять с помощью чрезвычайной доблести, которой обладали Ганнибал и Сципион. Тем не менее и тот и другой понесли ущерб от присущего им образа жизни, хотя за него же были и превозносимы.

Почему их восхваляли, мы уже сказали. Ущерб, в случае со Сципионом, заключается в том, что его солдаты в Испании подняли против него мятеж вместе с частью его друзей; это произошло именно потому, что они его не боялись. Ведь присущее людям беспокойство, как только их тщеславие замечает для себя желанный выход, подталкивает к тому, чтобы забыть все дружеские узы, соединяющие их с государем благодаря его снисходительности, как и поступили солдаты и друзья Сципиона. Вследствие этого, чтобы исправить свою оплошность, он был вынужден отчасти прибегнуть к той жесткости, которой ранее пренебрегал. Что касается Ганнибала, то трудно привести какой-то пример, когда бы жестокость и коварство навредили ему, но можно предположить, что Неаполь и другие города, оставшиеся верными римскому народу, поступили так именно из опасения перед этими качествами. Определенно

можно сказать, что нечестивый образ жизни Ганнибала вызвал к нему такую ненависть со стороны римского народа, какой не пользовался больше никто из врагов этой республики, так что если Пирру, когда он находился со своим войском в Италии, сообщили о том, что его хотят отравить, то Ганнибалу не простили обид, даже когда его войско было рассеяно, и он остался один, и был вынужден покончить с собой. Итак, репутация человека нечестивого, вероломного и жестокого принесла Ганнибалу известное неудобство, но зато эти же качества дали ему величайшее преимущество, поражавшее всех писателей: хотя его войско было совершенно разнородно по составу, в нем никогда не возникало никаких раздоров между солдатами или волнений, направленных против полководцев. И все это только благодаря великому ужасу, внушаемому его личностью; в сочетании с почтением, вызываемым его доблестью, этот ужас поддерживал в солдатах порядок и единство. Итак, я делаю вывод, что не так важно, какой образ действия изберет полководец; важнее, чтобы он обладал выдающейся доблестью, как приправой, умеряющей остроту его поступков. Ведь, как мы уже сказали, и тот и другой способ действий таят в себе недостатки и опасности, если они не подкреплены чрезвычайной доблестью. И если Ганнибал и Сципион пришли к одинаковому результату, один чередой похвальных поступков, а другой – предосудительных, то мне кажется нелишним обсудить деяния двух римских граждан, которые снискали одинаковую славу также разными способами, хотя и в том и в другом случае похвальными.

Глава XXII

Манлий Торкват своей твердостью, а Валерий Корвин мягкостью заслужили одинаковую славу

В Риме в одно и то же время жили два полководца, Манлий Торкват и Валерий Корвин; оба они обладали равной доблестью и снискали себе одинаковые триумфы и одинаковую славу. В сражении с врагом они отличались одним и тем же мужеством, ибо Манлий был суровым командиром и не задумываясь обременял своих солдат любыми трудами или наказаниями; Валерий же, в свою очередь, обращался с ними мягко и человечно, с дружеской простотой. Один, чтобы привести солдат в подчинение, умертвил своего сына, другой не нанес никому ни малейшей обиды. И при такой противоположности в образе действий каждый из них пожинал одинаковые плоды как на военном поприще, так и в гражданских и своих собственных делах. Ибо никто из их солдат ни разу не покинул поле боя, не затеял бунта и вообще не оказал какого-либо противодействия их желаниям, хотя суд Манлия был столь суров, что все приговоры,

хватавшие через край, называли «*Manliana imperia*» [76] . Тут следует рассмотреть, во-первых, что принуждало Манлия к таким жестоким поступкам; во-вторых, почему Валерий мог проявлять такую человечность; далее, по какой причине два разных образа действий привели к одинаковому результату и, наконец, какой из них лучше и заслуживает подражания. Если присмотреться к характеру Манлия с того момента, как Тит Ливий начинает о нем упоминать, можно увидеть, что это был человек могучий, преисполненный глубокого почтения к своему родителю и к отечеству и уважения к начальству. Это видно по тому, как он вел себя в поединке с французом, по тому, как защищал отца от нападков трибуна, и по словам, сказанным им консулу перед схваткой с французом: «*Iniussu tuo adversus hostem nunquam pugnabo, non si certam victoriam videam*» [77] . Когда подобный человек занимает командный пост, он хочет, чтобы все остальные были похожи на него. Сила его души диктует ему соответствующие приказы и требует, когда они отданы, их неукоснительного исполнения. Существует обязательное правило: если отдают суровые приказы, исполнять их следует с твердостью, в противном случае ты рискуешь попасть впросак. По этому поводу следует заметить, что кто хочет, чтобы ему подчинялись, должен уметь командовать, а командовать умеют люди, правильно соразмеряющие свои качества с качествами подчиненных, и если они находят соответствие, тогда они могут командовать, в противном случае им следует от этого воздержаться.

Один разумный человек говорил, что управлять республикой путем насилия можно тогда, когда есть соответствие между применяющим силу и подвергающимся насилию. Когда такая соразмерность соблюдается, можно ожидать, что этот насильственный режим продержится долго, но если притесняемый сильнее притесняющего, можно в любое время ожидать перемены ролей.

Возвращаясь к нашему рассуждению, я скажу, что для управления трудными предприятиями необходимо обладать твердостью, и кто ею обладает и берет на себя это бремя, не может потом сменить жесткость на снисходительность. Но кто не располагает такой душевной крепостью, должен избегать чрезвычайных мер, а в обычных делах может руководствоваться присущей ему мягкостью, ибо обычное наказание вменяют в вину не государю, а законам и установлениям. Итак, следует полагать, что Манлий был вынужден поступать столь сурово вследствие чрезвычайности своих суждений, к которой побуждала его натура; для республики они полезны, потому что позволяют вернуть ее обычаи к истокам, проникнутым старинной доблестью. Если бы какой-либо

республике выпала такая удача, что кто-либо из граждан, как мы говорили выше, своим примером помогал бы обновлению законов и не только предупредил бы ее крушение, но и возвратил ее к началам, — такая республика существовала бы вечно. Таким образом, Манлий был одним из тех людей, кто благодаря твердости своего нрава укреплял воинскую дисциплину римлян, побуждаемый сначала своей натурой, а впоследствии желанием заставить соблюдать порядки, подсказанные ему его природными наклонностями. В то же время Валерий мог проявлять человечность, ибо для него было достаточно обеспечить соблюдение обычных правил, принятых в римской армии. Присущего ему добросердечия было достаточно, чтобы завоевать Валерию почет и уважение; ему было нетрудно сохранить это качество и не проявлять жестокости к нарушителям, как потому, что их не было, так и потому, что если бы таковые отыскились, считалось бы, что их карают государственные установления, как уже было сказано, а не жестокость вождя. Так что Валерий мог упражняться в своем мягкосердечии, обеспечивавшем ему расположение и довольство солдат. Вот почему оба полководца пользовались одинаковым послушанием и, действуя разными способами, пришли к одинаковому результату. Но те, кто пожелает им подражать, могут не уберечь себя от презрения или ненависти, о которых я говорил выше по поводу Ганнибала и Сципиона; избежать этого помогает только исключительная доблесть, если она тебе присуща, и ничто другое.

Теперь остается рассмотреть, какой образ действий заслуживает большей похвалы. Я думаю, что это вопрос спорный, ибо многие писатели хвалят как один способ, так и другой. Впрочем, те, кто наставляет государя в управлении, сочувствуют скорее Валерию, чем Манлию; вышеназванный Ксенофонт, приводя многие примеры человечности Кира, очень близок к тому, что говорит Тит Ливий о Валерии. Когда последнего назначили консулом для войны с самнитами, в день сражения он обратился к своим солдатам с тем же добросердечием, с которым всегда командовал ими, и после его речи Тит Ливий высказывается таким образом: «*Non alias militi familiarior dux fuit, inter infimos milites omnia haud gravate munia obeundo. In ludo praeterea militari, cum velocitatis viriumque inter se aequales certamina ineunt, comiter facilis vincere ac vinci vultu eodem; nec quemquam aspernari parem qui se offerret; factis benignus pro re; dictis haud minus libertatis alienae, quam suae dignitatis memor; et (quo nihil popularius est) quibus artibus petierat magistratus, iisdem gerebat*» [78] . Равным образом и о Манлии Тит Ливий говорит с уважением, показывая, что суровость, проявленная им по отношению к сыну, привела войско в такое повиновение консулу, что это

явилось причиной победы, одержанной римским народом над латинами. И похвалы, расточаемые Титом Ливием Манлию, простираются настолько, что, рассказав о победе и описав весь ход сражения, все опасности, которым подвергался римский народ, и все преодоленные им трудности, историк приходит к следующему выводу: только доблесть Манлия позволила римлянам победить. Сопоставляя силы того и другого лагеря, Ливий утверждает, что победу одержала бы та сторона, чьим консулом был Манлий. Так что, подводя итоги всему тому, что говорят об этом разные писатели, трудно составить определенное суждение. Однако дабы не оставлять этот вопрос нерешенным, я скажу, что для гражданина, подчиняющегося республиканским законам, образ действий Манлия менее опасен и более похвален, ибо он целиком исходит из интересов общественного блага и не принимает во внимание честолюбивых устремлений отдельных лиц. Действуя таким образом, невозможно приобрести приверженцев, ибо всякий видит, насколько ты суров и тверд в преследовании исключительно общего блага. И поступающий так не обзаводится особыми друзьями, которых мы и называем, как можно было заметить выше, приверженцами. Следовательно, этот образ действий самый полезный и желательный для республики, потому что он обеспечивает общественную выгоду и устраняет угрозу возвышения отдельных личностей. Поступки Валерия противоположны, и если общество получает от них такую же точно пользу вследствие особого расположения, приобретаемого полководцем у солдат, то возникают опасения, что со временем отсюда может возникнуть угроза свободе.

И если правление Публиколы не привело к таким печальным последствиям, причина этого в том, что римские нравы не подверглись еще разложению, а кроме того, этот консул не находился постоянно и слишком долго у власти. Если же речь пойдет о государе, что и имеет в виду Ксенофонт, то мы предпочтем Валерия и отвергнем Манлия, ибо государю от солдат и подданных нужны любовь и послушание. Послушание позволяет ему соблюдать установления государства и пользоваться репутацией доблестного правителя. Любовь наделяет его обходительностью, человечностью, милосердием и другими качествами, которыми обладал Валерий и которые Ксенофонт приписывает Киру. Ведь особенная любовь к государю и особая приверженность к нему войска вполне совместима со всеми другими сторонами его положения, но приверженность войска к одному из граждан является такой чертой, которая неуместна в сочетании с другими обязанностями его положения, заставляющими его соблюдать законы и подчиняться должностным лицам.

В старинных хрониках Венецианской республики можно прочитать о том, как однажды, когда венецианские галеры вернулись домой, между народом и матросами вспыхнула ссора, которая переросла в мятеж и вооруженные столкновения, причем их не могли успокоить ни усилия городской стражи, ни уважение к гражданам, ни страх перед должностными лицами. Но как только перед экипажами галер предстал некий дворянин, за год до этого бывший у них капитаном, моряки унялись и сложили оружие. Их покорность внушила Сенату такое подозрение к этому человеку, что вскоре после этого венецианцы обезопасили себя от него, то ли заточив в тюрьму, то ли расправившись с ним. Таким образом, я заключаю, что образ действий Валерия полезен для государя и пагубен для гражданина, принося вред не только его отечеству, но и ему самому: отечеству – поскольку такой путь ведет к тирании; ему самому – потому, что вызываемые этим гражданином опасения заставляют правителей города избавиться от него. Наоборот, образ действий Манлия, по моему мнению, вреден для государя, а гражданину выгоден, и еще более его родине; к тому же он не опасен, если только ненависть, вызванная твоей суровостью, не умножается подозрениями, связанными с другими твоими добродетелями и влиянием, как будет показано ниже на примере с Камиллом.

Глава XXIII

По какой причине Камилл был изгнан из Рима

Выше мы пришли к выводу, что, подражая Валерию, можно нанести вред и себе, и отечеству; поступая же подобно Манлию, ты приносишь отечеству пользу, но иногда себе наносишь вред. Хорошим доказательством этому служит случай с Камиллом, который в своих деяниях был близок скорее к Манлию, чем к Валерию. Поэтому Тит Ливий, отзываясь о нем, говорит, что «*eius virtutem milites oderant et mirabantur*» [79] .

Поразительными были в Камилле его стремительность, благоразумие, величие души и основательность, присущая ему в устройстве и командовании войском. Ненависть к нему вызывалась суровостью, охотнее расточаемой им в наказаниях, чем щедрость в наградах. Тит Ливий называет несколько причин этой ненависти: во-первых, деньги, вырученные от продажи имущества вейентов, Камилл передал на общественные нужды, вместо того чтобы разделить их в качестве трофея; во-вторых, во время триумфа он велел запрячь в свою колесницу четырех белых коней, и солдаты говорили, что от гордыни он хотел уподобиться солнцу; в-третьих, Камилл принес обет посвятить Аполлону десятую часть захваченной у вейентов добычи, и, желая исполнить этот обет, он должен

был отобрать у солдат часть захваченного ими добра. Здесь бросается в глаза то, что возбуждает в народе ненависть к вождю, прежде всего – посягательство последнего на его выгоды. Это вещь чрезвычайной важности, ибо человек, ущемленный в своих корыстных интересах, никогда не забывает об обиде, и малейшая нужда заставляет о ней вспомнить. А так как подобные нужды являются повседневными, всякий день они об этом и напоминают. Другая причина – это казаться спесивым и надутым; не может быть ничего более ненавистного для народов, в особенности же привыкших к свободе. И хотя высокомерие и роскошь, выказанные Камиллом, не причинили никому ни малейшего неудобства, они порождают ненависть, которой государь должен бояться как огня, ибо внушать к себе бесполезную ненависть решается только человек безрассудный и неблагоразумный.

Глава XXIV

Участившееся продление полномочий командующего привело Рим к рабству

Если как следует вникнуть в ход событий в Римской республике, можно убедиться, что причиной ее распада были две вещи: первая – соперничество вокруг аграрного закона и вторая – продление полномочий главнокомандующих. И если бы эти опасности удалось распознать с самого начала и применить против них должные средства, римская вольность была бы более долговечна и к тому же избавлена от многих потрясений. И хотя незаметно, чтобы продление воинских полномочий привело к каким-либо беспорядкам в Риме, тем не менее можно наблюдать, какой вред городу принесла власть, получаемая гражданами вследствие подобных решений. Но если бы все граждане, срок пребывания в должности которых был продлен, проявили такую же мудрость и добронравие, как Люций Квинкций, подобных недоразумений не возникало бы. Достойный поступок последнего весьма примечателен: когда между народом и Сенатом было заключено соглашение и плебеи на один год продлили полномочия трибунов, полагая, что те сумеют противостоять тщеславию знати, Сенат, в пику плебей и дабы не умалить свое влияние по сравнению с ними, пожелал продлить также пребывание в консульской должности Люция Квинкция, но тот категорически отказался от этого предложения, сказав, что число дурных примеров надо сокращать, а не умножать его путем добавления к уже имеющимся еще одного, притом худшего; он настоял на избрании новых консулов. Если бы все римские граждане обладали таким благонравием и мудростью, они не согласились бы с укоренившимся обычаем продлевать полномочия должностных лиц,

который потом вылился в повторное избрание главнокомандующих, что, в свою очередь, привело к падению республики. Первым, чьи полномочия были продлены, явился Публий Филон; он осаждал город Палеполи, и когда срок его консульства истек, Сенату казалось, что победа у него в руках, потому было решено не посылать ему преемника, а назначить его проконсулом, так что он впервые занял эту должность. Хотя Сенат исходил при этом из общественной пользы, именно этот обычай привел впоследствии к порабощению Рима. Чем далее уклонялись римляне от военного дела, тем более необходимой казалась им практика продления воинских полномочий и тем чаще они к ней прибегали. Это повело к двум неудобствам: во-первых, меньшее количество людей приобретало опыт высшего военного командования, и в силу этого круг влиятельных лиц ограничивался; во-вторых, если один из граждан длительное время командовал войском, он привлекал его на свою сторону и находил приверженцев в солдатах; впоследствии это войско начинало питать недоверие к Сенату и признавать только этого полководца в качестве своего главы. Из-за этого Марий и Сулла не испытывали нужды в солдатах, поддерживавших их вопреки общественному благу, а Цезарь захватил власть в отечестве. А если бы римляне не переизбирали на другой срок своих должностных лиц и главнокомандующих, если бы они не достигли так быстро столь великого могущества и если бы их завоевания не были столь скоропалительными, гораздо позже они и надели бы на себя рабское ярмо.

Глава XXV

О бедности Цинцинната и многих римских граждан

В другом месте мы уже говорили, что полезнее всего устроить свободное сообщество так, чтобы граждане оставались бедными. И хотя трудно судить о том, какие римские порядки поддерживали в городе такое состояние, ибо аграрный закон встретил очень большое противодействие, опыт показывает, что 400 лет спустя после основания Рима бедность была в нем очень распространена. И надо полагать, что причиной тому был простой обычай не закрывать доступ малоимущим людям к любым должностям и званиям и почитать доблесть, в каком бы жилище она ни обитала. Такие порядки делали богатство менее привлекательным. Это совершенно очевидно. Когда консул Минуций был со своим войском осажден эквами, в Риме распространились опасения утратить эту армию, и было решено назначить диктатора, то есть прибегнуть к крайнему средству, применявшемуся в стесненных обстоятельствах. Диктатором стал Люций Квинкций Цинциннат, находившийся в то время в своем небольшом

имении, где он собственноручно обрабатывал землю. Тит Ливий говорит по этому поводу бесценные слова: «*Operaе pretium est audire, qui omnia prae divitiis humana spernunt, neque honori magno locum, neque virtuti putant esse, nisi effusae affluant opes*» [80] . Цинциннат вспахивал свой маленький участок, не превышавший четырех югеров, когда из Рима прибыли послы Сената и сообщили ему об избрании на пост диктатора, объяснив, в какой опасности находится Римская республика. Надев свою тогу, Цинциннат прибыл в Рим и собрал войско, с которым двинулся на помощь Минуцию; разгромив врагов и захватив их имущество, он освободил осажденных, но не пожелал, чтобы они участвовали в дележе трофеев, и обратился к Минуцию со следующими словами: «Я не хочу, чтобы ты получил часть добычи тех, чьей добычей сам чуть не сделался». Цинциннат лишил Минуция консульской должности и сделал его легатом, сказав ему: «Ты останешься в этом звании до тех пор, пока не научишься быть консулом». Начальником своей конницы Цинциннат назначил Люция Тарквиния, который из-за бедности сражался пешим. Отметим еще раз тот почет, которым в Риме пользовалась бедность, и то, что для пропитания достойного и мужественного человека, каким был Цинциннат, было достаточно четырех югеров земли. Подобная неприхотливость сохранялась еще во времена Марка Регула, ибо когда он находился с войском в Африке, то обратился с просьбой к Сенату о том, чтобы ему разрешили возвратиться для приведения в порядок своего имения, разоренного работниками. Здесь примечательны две вещи: во-первых, бедность, которой довольствовались граждане, искавшие на войне только чести, а всю выгоду оставлявшие государству. Ведь если бы они думали на войне об обогащении, им не стоило беспокоиться о запустении своих полей. Во-вторых, это душевное благородство римских граждан; командуя войском, они превозносились выше любого государя, не считались ни с царями, ни с республиками, ничего не боялись и ни перед кем не трепетали. Возвратившись же к частной жизни, становились скромными, смиренными, рачительными хозяевами, послушными должностным лицам и уважающими своих предков; трудно поверить, что такие перемены происходили в одних и тех же людях. Такая непритязательность сохранялась до времен Павла Эмилия, последней счастливой эпохи Римской республики, когда ее гражданин своим триумфом обогатил город, но сам остался бедным. Бедность в ту пору так еще ценилась, что Павел, в награду за храброе поведение на войне, подарил своему зятю серебряную чашу, и это был первый серебряный предмет, попавший в его дом. Можно было бы много еще говорить о преимуществах бедности перед богатством,

о том, как она способствовала славе многих городов, стран и духовных учений, богатство же служило причиной их краха; однако об этом неоднократно писали другие авторы.

Глава XXVI

О том, что женщина бывает причиной гибели государств

В городе Ардее возникла распря между патрициями и плебеями, не поделившими между собой богатую невесту, на руку которой претендовали один из плебеев и один из нобилей. Поскольку у нее не было отца, опекуны желали выдать ее за плебея, а мать – за знатного. Их притязания привели к ссоре, которая вылилась в вооруженное столкновение – вся знать с оружием в руках стала на сторону нобилия, а весь народ – на сторону плебея. Плебеи были побеждены, покинули Ардею и послали за помощью к вольскам, а нобили обратились к римлянам. Сначала прибыли вольски, которые разбили свой лагерь вокруг Ардеи. Затем подоспели римляне и зажали вольсков в кольцо между городом и своими укреплениями, так что те, когда среди них начался голод, были вынуждены сдаться на милость победителя. Римляне вошли в Ардею и перебили всех зачинщиков беспорядков, после чего город успокоился.

По этому поводу следует сделать несколько замечаний. Во-первых, о том, что женщины часто были причиной многих несчастий и нанесли большой вред правителям городов, в которых вызывали раздоры. Как мы видели по нашей истории, проступок, совершенный против Лукреции, лишил власти Тарквиниев, а обида, нанесенная Виргинии, была причиной свержения децемвиров. Среди главных причин, приводящих к гибели тиранов, Аристотель называет злодеяния, совершаемые ими в отношении чужих жен, будь то нанесение им бесчестия, насилие или расторжение брачных уз. Об этом мы подробно говорили в главе, посвященной заговорам. По моему мнению, самодержавным государям и правителям республик не стоит недооценивать подобные происшествия; им следует предвидеть беспорядки, к которым такие случаи ведут, и своевременно принять должные меры, которые не нанесли бы позора и ущерба их владениям или их республике, как получилось у ардеатинцев, каковые допустили противостояние между своими согражданами и разделились на две партии, а когда пожелали вернуться к прежнему единству, были вынуждены искать внешней помощи, что обычно ведет к порабощению.

Перейдем, однако, к другому замечанию, как следует воссоединять города, о чем мы поговорим в следующей главе.

Глава XXVII

О том, как воссоединить разделившийся город, и об ошибочности

мнения, что для удержания городов нужно сеять в них раздоры

Пример римских консулов, приведших ардеатинцев к согласию, указывает на способ восстановить порядок в разделившемся городе, который заключается не в чем ином, как в казни зачинщиков мятежа. Ведь тут необходимо выбирать из трех возможностей: либо казнить зачинщиков, как и поступили консулы; либо удалить их из города; либо примирить их между собой, связав обязательствами не нападать друг на друга. Из этих трех возможных способов последний самый опасный, наиболее сомнительный и бесполезный. Ибо после нанесения кровных обид и совершения подобных этому преступлений невозможно надолго установить вынужденный мир, пока виновники каждодневно встречаются лицом к лицу. Трудно ожидать, что они воздержатся от взаимных обид, поскольку при постоянном общении у них возникнет для этого множество новых причин.

Наилучшим примером на этот счет может служить город Пистойя. Пятнадцать лет назад, как и сегодня, в этом городе было две партии: Панчатики и Канчельери, но сегодня они ведут себя мирно, а тогда были вооружены. После долгих пререканий дело между ними дошло до кровопролития, грабежей, поджогов и всех прочих враждебных действий. Флорентийцы, которым следовало успокоить пистойцев, использовали для этого всегда третий из указанных способов, приводивший в дальнейшем к еще большим беспорядкам и еще большим смутам. В конце концов нашим правителям это надоело, и они прибегли ко второму способу, который состоит в удалении вождей из обоих лагерей; одних заключили в тюрьму, других выслали в разные места, после этого воцарилось согласие, сохраняющееся до наших дней. Однако, вне всякого сомнения, самым надежным способом был бы первый. Поскольку же подобные расправы требуют крепости и силы духа, слабая республика на них не способна, и они для нее столь чужды, что даже на второе средство она идет неохотно. Это все те же ошибки, упоминавшиеся в начале и присущие государям нашего времени, когда они принимают важные решения. Им следовало бы повнимательнее относиться к рассказам о том, как в подобных случаях поступали в древности. Но слабость нынешнего поколения, вызванная жалким его воспитанием и недостаточными житейскими познаниями, приводит к тому, что оно воспринимает античные деяния частью как бесчеловечные, частью как невозможные. Некоторые современные мнения вовсе расходятся с истиной, как, например, суждение мудрецов нашего города в недавние годы, что Пистойю следует удерживать с помощью партий, а Пизу – с помощью крепостей; эти люди не могут уразуметь

бесполезность того и другого.

Не стану говорить о крепостях, потому что об этом выше было сказано достаточно, и рассмотрю только, сколь невыгодно поддерживать распри в управляемом тобою городе. Прежде всего, будь ты государь или республика, тебе не удастся сохранить дружбу обеих сторон. Ведь от природы людям свойственно не разделять пристрастия друг друга и отдавать предпочтение тому или иному. Если одна из враждующих партий города останется неудовлетворенной, в первой же войне ты его потеряешь, ибо нельзя уберечь город одновременно от внутренних и внешних врагов. Если речь идет о республике, нет лучше способа научить дурному своих сограждан и посеять среди них семена раздора, чем иметь в подчинении разделившийся город, ибо каждая из его партий пытается найти поддержку и привлечь к себе сторонников всякими недозволенными путями, откуда два великих неудобства: во-первых, не имея возможности править как следует и постоянно ущемляя интересы то одних, то других, ты никогда не сможешь их удовлетворить; во-вторых, партийные пристрастия неизбежно приводят к расколу в твоей республике. Об этом свидетельствует Бьондо, который говорит о флорентийцах и пистойцах следующее: «Пока флорентийцы собирались объединить Пистойю, они разделились между собой». Нетрудно увидеть зло, вытекающее из этих раздоров.

В 1502 году, когда были утрачены Ареццо и все территории Вальдитевере и Вальдикьяны, отнятые у нас семейством Вителли и герцогом Валентино, французский король прислал для возвращения флорентийцам потерянных городов некоего господина Деланта, и когда этот последний в каждом замке встречал людей, утверждавших, что они на стороне Мардзокко, он был этим очень недоволен и говорил, что если бы во Франции кто-либо из подданных короля заявил, что он на его стороне, этот человек жестоко поплатился бы, ибо такое утверждение свидетельствует о том, что там живут и враги короля, а король не допускает, чтобы в его городах были враждебные ему жители, партии и распри. Впрочем, все эти ошибочные мнения и поступки вытекают из слабости правителей, которые, не имея доблести и силы, чтобы удержаться у власти, прибегают к подобным ухищрениям. В спокойные времена это иной раз им помогает, а когда наступает час испытаний и бед, они убеждаются в тщетности подобных средств.

Глава XXVIII

О том, что следует присматриваться к намерениям граждан, ибо часто благие начинания скрывают под собой зачатки тирании

Когда население Рима страдало от голода и общественных запасов не

хватало для его утоления, некий Спурий Мелий, человек для своего времени весьма богатый, вознамерился частным образом закупить хлеб и накормить им плебеев не без выгоды для себя. Это принесло ему такую популярность в народе, что Сенат, предвидя неудобства, которые могли быть порождены такой его щедростью, назначил диктатора, чтобы пресечь зло в зародыше, и приговорил Спурия к смерти. Следует заметить, что зачастую поступки, кажущиеся милосердными и вызванными к жизни самыми лучшими намерениями, на деле оказываются жестокими и чрезвычайно опасными для республики, если вовремя их не распознать. Остановившись на этом подробнее, скажу, что без уважаемых граждан ни одна республика не может существовать и быть хорошо управляемой. В то же время авторитет граждан есть причина утверждения тираний в республиках. Чтобы устранить этот недостаток, необходимо вести дела так, чтобы уважение к гражданам шло на пользу, а не вредило городу и его свободе. Поэтому следует рассмотреть способы, с помощью которых приобретают уважение, а их всегда два: публичный и приватный. Публичный способ состоит в том, чтобы давать хорошие советы и еще лучше действовать для общей пользы и тем самым заслужить авторитет. На этот достойный путь следует направлять граждан и вознаграждать их за советы и поступки, чтобы они пользовались почетом и довольством. И когда такое влияние получено честным и безупречным путем, в нем нет опасности; если же к нему идут, пользуясь вторым из вышеназванных способов, приватным, то это влияние вредно и таит в себе угрозу. Приватные пути состоят в том, чтобы оказывать благодеяния тем или иным частным лицам, давая им в долг, устраивая браки их дочерей, защищая их от должностных лиц и предлагая им другие неофициальные услуги, благодаря которым людей можно привлечь на свою сторону и, обзаведясь их расположением, смелее развращать граждан и преступать законы. Поэтому в правильно устроенной республике, как мы уже говорили, открытой должна быть дорога для тех, кто добивается успеха публично, и закрытой перед теми, кто ищет его окольными путями. Так полагали римляне, которые в награду за поступки, совершенные для общего блага, устраивали триумфы и осыпали всевозможными почестями своих сограждан, а в наказание тем, кто под различными предлогами пытался возвыситься частным образом, осуждали их, а если этого было мало, ввиду ослепления народа ложной видимостью блага, назначали диктатора, который безжалостно ставил на место зарвавшегося честолюбца, как это было со Спурием Мелием. И если один такой поступок оставить безнаказанным, он может привести к гибели республики, ибо послужит

дурным примером, сбивающим с правильной дороги.

Глава XXIX

О том, что в пороках народов повинны государи

Пусть государи не сердятся на грехи управляемых ими народов, ибо эти прегрешения бывают вызваны их собственной нерадивостью и такими же точно пороками. Кто обратится к народам, в наше время прославившимся разбоем и тому подобным, тот увидит, что это на совести их правителей, отличавшихся такими же наклонностями. Пока папа Александр VI не извел в Романье правивших ею сеньоров, она изобиловала всеми видами злодейств, и на каждом шагу там из-за пустяка совершались чудовищные убийства и грабежи. И происходили они из-за дурных свойств этих государей, а не вследствие дурных наклонностей человеческой природы, как они говорили. И дети правителей, будучи бедными и желая жить на широкую ногу, были вынуждены заниматься разбоем и всеми видами вымогательства. Наряду с прочими бесчестными приемами, к которым эти правители прибегали, они издавали законы, запрещающие те или иные деяния, а затем сами подавали пример их несоблюдения, но никого не наказывали до тех пор, пока в подобные проступки не оказывалось втянуто множество людей. Тогда они обращались к наказаниям, не ради соблюдения закона, а из алчности, для получения штрафа. От этого возникало множество беспорядков, прежде всего разорение жителей, которые не могли поправить свои дела, и те, кто от этого страдал, вымещали свои беды на более слабых. Так одно зло вытекало из другого, а причиной всему был государь. Справедливость этого показывает Тит Ливий, повествуя о том, как римские послы, которые везли в дар Аполлону часть трофеев, захваченных у вейентов, попали к липарийским пиратам близ Сицилии и были отвезены на остров, но когда вождь этого племени Тимасифей узнал, что это за дар, откуда он происходит и кем он послан, он повел себя как римлянин, хотя и был липарийцем, и объяснил народу, каким нечестием было бы отнять подобный подарок. С одобрения всех своих соплеменников он отпустил послов, ничего у них не взяв. Историк по этому поводу говорит следующее: «*Timasitheus multitudinem religione implevit, quae semper regenti est similis*» [81]. Лоренцо Медичи, подтверждая эту мысль, говорит:

*Что государь творит, творить все рады,
Ведь на него обращены все взгляды.*

Глава XXX

Гражданин, желающий получить полномочия для полезных дел на благо республики, должен прежде устранить поводы для зависти; и еще о том, как приготовить город к обороне в ожидании врага

Когда римский Сенат узнал, что вся Тоскана набирает солдат для похода против Рима, а бывшие союзники римского народа, латины и герники, соединились с его заклятыми врагами – вольсками, он был очень обеспокоен грозящей войной. Камилл, который в это время был трибуном с консульской властью, посчитал, что можно обойтись без назначения диктатора, если другие трибуны, его сотоварищи, уступят ему должность командующего войсками. Названные трибуны охотно на это согласились: «Nec quicquam (говорит Тит Ливий) de maiestate sua detractum credebant, quod maiestati eius concessissent» [82] . После этого Камилл, приняв по уговору командование, приказал набрать три войска. Во главе первого он сам собирался выступить против тосканцев. Командовать вторым он назначил Квинта Сервилия, который должен был находиться в окрестностях Рима, чтоб отразить латинов и герников, если те отважатся выступить. Начальником третьего войска он поставил Люция Квинкция, солдаты которого при всех непредвиденных обстоятельствах должны были охранять Рим, городские ворота и курию. Кроме того, Камилл велел одному из своих коллег, Горацию, запастись хлебом, оружием и всем прочим, что может понадобиться в военное время. Другому своему коллеге, Корнелию, он поручил Сенат и общественные дела, чтобы тот занимался повседневно возникающими нуждами. Таким образом, все трибуны в это время были готовы командовать и подчиняться ради спасения родины. В этом рассказе примечательно, на что способен мудрый и достойный человек и сколько добра он может принести, действуя на пользу своему отечеству, если с помощью своей доблести и добронравия сумеет избежать зависти, каковая зачастую препятствует благим начинаниям и не позволяет людям добиться той власти, которая необходима для ведения важных дел. Зависть устраняется двумя путями: либо вследствие каких-то бедственных и тяжелых обстоятельств, когда всякий подвергающийся риску забывает о своем тщеславии и добровольно подчиняется доблестному человеку, в котором надеется найти спасение, как произошло и с Камиллом. Он многократно проявил свои выдающиеся качества, три раза был диктатором и всегда использовал эту власть не для собственной выгоды, а для общественной пользы, поэтому никто не боялся его возвышения, а поскольку Камилл был столь велик и так почитаем, люди не считали зазорным быть у него в подчинении (почему Тит Ливий и говорит приведенные мудрые слова «Они не думали...» и т. д.). Второй способ

устранения зависти связан с насильственной или естественной смертью твоих соперников в обретении власти и величия; в противном случае, если ты будешь удачливее их, они никогда не успокоятся и не примирятся с тобой. И если эти люди выросли в испорченном городе и не получили мало-мальски сносного воспитания, ничто не заставит их одуматься, и для удовлетворения своих гнусных желаний и прихотей они будут рады быть свидетелями гибели отечества. Преодолеть такую ненависть способна только смерть питающих это чувство, и если фортуна будет столь благосклонна к доблестному человеку, что его противники умрут своей смертью, он без помех сможет покрыть себя славой, ибо доказательства его доблести никого не обидят. Но если ему в этом не повезет, то придется подумать о том, как избавиться от них, и прежде чем затевать что-либо, нужно справиться с этой трудностью. Кто читает Библию с пониманием, тот убедится, что Моисей, желая насадить свои законы и установления, был вынужден перебить бесчисленное множество людей, которые противились его намерениям не от чего иного, как от зависти. Необходимость этого прекрасно сознавал брат Джироламо Савонарола, как сознавал ее и Пьеро Содерини, гонфалоньер Флоренции. Первый не мог совладать с нею, не располагая для этого достаточной властью (ведь он был монахом), а также вследствие недопонимания своих сторонников, у которых на это хватило бы власти. Поэтому не его вина в том, что он не удержался; его проповеди полны обвинений мудрецов мира сего и выпадов против них; так он называл своих завистников и противившихся его велениям. Второй из упомянутых правителей надеялся, что со временем, благодаря его добросердечию, удачливости, расточаемым им благодеяниям, зависть утихнет. Находясь в цветущем возрасте и приобретая все новое расположение своими поступками, он рассчитывал одолеть множество своих противников, завидовавших ему, избегая насилия, раздоров и беспорядков. Но он не знал, что время не ждет, что добросердечие не всесильно, фортуна капризна, а злодейство не насыщается никакими дарами. Итак, оба этих мужа потерпели крах, и причиной его было не что иное, как невозможность или неумение справиться с завистью.

Примечательны еще порядки, установленные Камиллом для спасения Рима внутри и вне города. Поистине не без причины хорошие историки, как и рассматриваемый нами, подробно и во всех деталях описывают отдельные происшествия, чтобы потомки могли научиться, каким образом справиться с подобными обстоятельствами. По этому поводу следует заметить, что беспорядочная и стихийная оборона – самое пустое и опасное дело. Это можно видеть на примере третьего войска, которое было

набрано Камиллом, чтобы оставить его в Риме на страже города. Многие и тогда и теперь посчитали бы эту меру излишней, поскольку римский народ сам по себе привязан к оружию и воинствен, а потому достаточно было бы вооружить его в случае необходимости и не объявлять специального набора. Но Камилл, как поступил бы любой мудрый человек на его месте, принял другое решение, ибо толпе нельзя доверить оружие, не придав ей определенной организации и не поставив определенные условия. Так что этот пример подсказывает защитнику города, что он ни в коем случае не должен допускать толпу вооружаться самовольно, а сперва ему следует отобрать и зачислить в свои списки тех, кого он сочтет нужным, чтобы они подчинялись ему, знали, где им собираться и куда выступать. Всех же прочих нужно отправить по домам, чтобы они охраняли свои жилища. Те, кто будет так действовать в осажденном городе, легко смогут его защитить, в противном случае они отступят от данного Камиллом образца и потерпят поражение.

Глава XXXI

Могущественные республики и выдающиеся люди при всех обстоятельствах сохраняют одинаковое спокойствие духа и одинаковое достоинство

Среди прочих замечательных деяний и речений, которые наш историк приписывает Камиллу, чтобы показать, каким следует быть выдающемуся человеку, он приводит следующие его слова: «*Nec mihi dictatura animos fecit, nec exilium ademit*» [83] . Отсюда видно, что великие люди при всех поворотах судьбы остаются самими собой, и если она то возвышает, то унижает их, сами они не изменяются и сохраняют твердость духа, столь неотъемлемую от их образа жизни, что, судя по каждому из них, фортуна над ними не властна. Иначе ведут себя люди слабохарактерные; в случае удачи они впадают в тщеславие и упиваются ею, относя все свои успехи на счет собственной доблести, которой у них никогда не бывало. Такая черта делает их несносными и ненавистными окружающим, а это зачастую ведет потом к внезапной перемене судьбы, и, оказавшись перед ней лицом к лицу, они тотчас впадают в другую крайность и становятся жалкими и презираемыми. Вследствие этого государи такого рода в трудных обстоятельствах чаще думают о спасении, чем о защите, потому что в свое время они плохо распорядились благосклонностью судьбы и не приготовились к обороне.

Такие же пороки и добродетели, о которых я рассказываю применительно к отдельному человеку, бывают и у республик, примером чего могут служить римляне и венецианцы. Первых не смогли согнуть

никакие удары судьбы, и никакие ее благодеяния не сделали их заносчивыми, о чем можно хорошо судить по поражению, которое они потерпели при Каннах, и победе, одержанной ими над Антиохом. Хотя упомянутое поражение было тяжелейшим, ибо они были разгромлены в третий раз, римляне не пали духом и собрали новое войско; они не стали вопреки своим обычаям выкупать пленных и не запросили у Ганнибала или Карфагена мира, но, не думая о подобных унижениях, обратили свои помыслы к войне, для чего по недостатку мужчин вооружили своих стариков и рабов. Когда об этом узнал карфагенянин Ганнон, как мы уже говорили выше, он объяснил своему Сенату, сколь мало пользы будет от победы при Каннах. Отсюда видно, что трудные времена не уstrasшили римлян и не сделали их покорными. С другой стороны, благоприятные обстоятельства не пробуждали у них высокомерия, ибо, когда Антиох отправил к Сципиону посольство с предложениями мира, еще до начала сражения, в котором сирийцы были разгромлены, Сципион согласился на мир при выполнении определенных условий, в силу которых Антиох должен был вернуться в Сирию, а прочее оставить на усмотрение римского народа. Антиох отказался и вступил в бой, но, проиграв его, снова отправил послов Сципиону, поручив им принять все условия победителя. Однако Сципион повторил те же требования, что были выставлены им перед битвой, добавив следующие слова: «*Quod Romani, si vincuntur, non minuuntur animis; nec, si vincunt, insolescere solent*» [84] .

Противоположным образом вели себя венецианцы, которые в пору успеха, думая, что достигли его благодаря своей мнимой доблести, дошли до такой дерзости, что называли французского короля сыном святого Марка, ни во что не ставили Церковь, решили, что в Италии им будет тесно, и задумали образовать империю наподобие Римской. Потом, когда удача от них отвернулась и они были наполовину разгромлены при Вайла французским королем, они не только потеряли все свои владения, взбунтовавшиеся против них, но и добрую часть отдали папе и испанскому королю из-за своего малодушия и трусости. Они стали пресмыкаться перед императором, отправив к нему послов с предложением платить дань, писали папе письма с выражением рабской покорности, пытаясь его разжалобить. Все эти несчастья свалились на них за четыре дня, после сомнительного поражения, ведь, отступая, их войско оказывало сопротивление и было рассеяно только наполовину, так что один из проввевдителей спасся и прибыл в Верону с двадцатью пятью тысячами пеших и конных солдат. Таким образом, если бы Венеция и ее порядки хоть немного отличались доблестью, венецианцам было бы легко прийти в себя

и встретить фортуна с открытым забралом, и тогда они смогли бы одержать победу или проиграть со славой, чтобы заключить мир на более почетных условиях. Но малодушие венецианцев, вызванное непригодностью их обычаев для ведения войны, лишило их одновременно и владений, и присутствия духа. Так неизбежно случится со всяким, кто будет поступать как они. Ведь заносчивым в случае успеха и малодушным при неудаче делают тебя твой образ действий и воспитание, полученное тобой с малых лет: если оно было пустым и поверхностным, то и ты будешь таким же; если другим, то и ты будешь обладать другими качествами; снабдив тебя глубоким знанием света, правильное воспитание заставит тебя меньше дорожить благом и меньше огорчаться злом. И если это можно сказать об одном человеке, то это же можно отнести и ко множеству людей, живущих в одной и той же республике: степень их совершенства зависит от присущего ей образа жизни.

И хотя уже было говорено, что основанием всех государств является хорошая армия и что при отсутствии таковой невозможно ввести хорошие законы и вообще что-нибудь полезное, мне кажется нелишним повторить это, ибо, читая историю Ливия, на каждом шагу отмечаешь эту необходимость и видишь, что армия не может быть боеспособной, если она не обучена, и что ее невозможно обучить, если она не состоит из твоих подданных. Ведь войны не могут длиться беспрерывно, поэтому следует готовить войско в мирное время, а содержать его для таких упражнений будет тебе не по карману, только если оно не состоит из подданных. Камилл, как мы уже говорили, отправился с войском против тосканцев, и едва его солдаты увидели огромное вражеское войско, на них напал страх, и им показалось, что силы слишком неравны, чтобы они смогли выдержать напор врага. Когда до Камилла дошел слух об этих дурных настроениях в лагере, он появился среди солдат и, заговаривая то с теми, то с другими, обошел лагерь, чтобы приободрить их. В последний момент, не отдавая никаких иных распоряжений, он сказал: «*Quod quisque didicit, aut consuevit, faciet*» [85] . Кто хорошенько вникнет в эти обстоятельства и в слова, сказанные Камиллом для воодушевления солдат на битву с врагом, тот увидит, что ничего подобного нельзя было сказать и скомандовать войску, которое не имело уже боевой выучки и в мирное, и в военное время. Ведь ни один командир не может полагаться на солдат, которые ничего не умеют, и ожидать, что от них будет какой-нибудь толк; будь то даже новый Ганнибал, поражение ему обеспечено. Во время сражения полководец не может находиться повсюду, и если он не расставил везде заранее людей, следующих его указаниям и знакомых с его образом действий и

намерениями, то он неизбежно будет разгромлен. Итак, если какой-либо город будет защищен и устроен наподобие Рима, так что его гражданам и по отдельности, и всем вместе придется всякий день сталкиваться с испытаниями своей доблести и силы фортуны, они всегда и при всех обстоятельствах будут сохранять присутствие духа и достоинство. Но если они разоружатся и станут рассчитывать только на поддержку судьбы, а не на собственную доблесть, их участь будет зависеть от ее прихотей, и они проявят себя не лучше, чем это сделали венецианцы.

Глава XXXII

Как поступали некоторые, чтобы сорвать заключение мира

Против римского народа взбунтовались две его колонии, Цирцеи и Велитры, в надежде, что за них вступятся латины. Однако когда латины потерпели поражение и эта надежда угасла, многие из жителей названных городов предлагали отправить в Рим посольство ходатайствовать перед Сенатом, но этому решению помешали зачинщики мятежей, опасавшиеся, как бы им не пришлось отвечать за все головой. И чтобы исключить всякую возможность мирных переговоров, они подговорили толпу вооружиться и напасть на римские владения. И действительно, если кто-то желает совершенно расстроить договор одного народа или государя с другим, нет более верного и надежного средства, чем подбить их на явное преступление против того, с кем ты хочешь их рассорить. Ибо страх наказания, заслуженного этим народом или государем за совершенный им проступок, будет удерживать его от переговоров. После первой войны карфагенян с римлянами солдаты, сражавшиеся в карфагенской армии на Сицилии и Сардинии, отправились по заключении мира в Африку. Недовольные своим жалованьем, здесь они подняли оружие против карфагенян и, избрав двух вожаков, Мато и Спендия, захватили многие карфагенские земли и разграбили их. Карфагеняне, желая испытать сначала мирные средства, отправили к ним для переговоров своего гражданина Гасдрубала, который должен был пользоваться среди них некоторым влиянием, поскольку раньше ими командовал. Но когда он прибыл к мятежникам, Спендий и Мато задумали лишить своих солдат надежды когда-либо заключить мир с Карфагеном и тем самым побудить их к войне, поэтому они убедили людей, что следует убить Гасдрубала вместе со всеми остальными карфагенскими гражданами, находившимися у них в плену. И они не только умертвили всех пленников, но еще и подвергли их длительным истязаниям, усугубив свое преступление изданием указа о том, чтобы расправляться таким образом со всеми захваченными карфагенянами. Это решение и эта казнь очень ожесточили войско и

настроили его сражаться до конца против карфагенян.

Глава XXXIII

Желая выиграть сражение, необходимо вселить в солдат уверенность в собственных силах и веру в полководца

Чтобы войско одержало победу, нужно убедить его, что победа ему обеспечена. Надежность войска зависит от того, насколько хорошо оно вооружено и устроено, и от того, насколько солдаты знакомы друг с другом. Правильное устройство и взаимное доверие возникают в том случае, когда солдаты родились и выросли в одном месте. Уважение к командиру должно быть таково, чтобы солдаты были уверены в его благоразумии, а такую уверенность они приобретут, если всегда будут видеть его бодрым, подтянутым и смелым, отвечающим всем требованиям, налагаемым его высоким званием. И командир никогда не потеряет доверия солдат, пока будет наказывать их за проступки и не утруждать впустую, соблюдать свои обещания, указывать им легкий путь к победе, скрывать от них или разоблачать мнимые опасности. Если все это соблюдать как следует, войско будет уверено в себе и сумеет победить. Римляне придавали уверенность своим войскам с помощью религии, используя гадания и предсказания, чтобы назначать консулов, объявлять рекрутский набор, отправляться на войну и вступать в битву. Ни один добросовестный и мудрый полководец не стал бы ничего предпринимать, не совершив прежде какого-либо из этих обрядов, потому что пока солдаты не убедятся, что боги на их стороне, ему угрожает поражение. А если бы кто-то из консулов или другой военачальник вступили в битву вопреки дурным предсказаниям, они были бы наказаны, как был наказан Клавдий Пульхр. И хотя об этом говорится во всех описаниях римской истории, хорошим доказательством служат слова, которые Тит Ливий вкладывает в уста Аппия Клавдия. Последний, осуждая перед народом заносчивость народных трибунов, из-за которых, по его мнению, гадания и другие обряды благочестия приходили в упадок, утверждает: «*Eludant nunc licet religiones. Quid enim interest, si pulli non pascentur, si ex cavea tardius exiverint, si occinuerit avis? Parva sunt haec; sed parva ista non contemnendo, maiores nostri maximam hanc rempublicam fecerunt*» [86] . В этих пустяках заключалась сила, объединяющая и вселяющая уверенность в солдат, что является первым условием любой победы. Следует, однако, чтобы с этими обрядами соединялась доблесть, иначе они бесполезны. Пренестинцы, выставив войско против римлян, разбили свой лагерь на реке Аллии, где римляне потерпели поражение от французов. Этим противники Рима хотели смутить его воинов, избрав неблагоприятное для них место, и вселить уверенность в своих солдат. И

хотя по изложенным выше соображениям их расчет был довольно верным, но исход дела показывает, что подлинная доблесть не останавливается перед каждым случайным препятствием. Историк прекрасно выражает это в следующих словах, вложенных в уста диктатора, который обратился с ними к своему начальнику конницы: «*Vides tu, fortuna illos fretos ad Alliam consedis; at tu, fretus armis animisque, invade mediam aciem*» [87] . Истинная доблесть, правильная выучка, уверенность в себе, вынесенная из стольких побед, не могут быть поколеблены мелкими неприятностями; пустые страхи на них не действуют, временное замешательство им не вредит, как можно видеть на примере сражения двух консулов Манлиев с вольсками, в котором часть солдат была безрассудно выслана из лагеря за трофеями, вследствие чего лагерь и оставшиеся в нем неожиданно оказались в окружении. Эту опасность рассеяло не благоразумие консулов, а доблесть их солдат. При этом Тит Ливий говорит такие слова: «*Militum, etiam sine rectore, stabilis virtus tutata est*» [88] .

Не премину указать еще на один прием, использованный Фабием, когда он только вошел в Тоскану с войском, чтобы придать ему веры в свои силы. Фабий считал такую веру особенно необходимой в чужой стране при встрече с незнакомым врагом, и, обратившись перед сражением к солдатам, перечисляя многие причины, которые позволяли римлянам надеяться на победу, он сказал, что можно было бы привести еще другие доводы, обеспечивающие верный успех, если бы обнародовать их не было опасно. Этот мудро употребленный способ воодушевления солдат заслуживает такого же подражания.

Глава XXXIV

Какая репутация, известность или слава одного из граждан обеспечивает ему расположение народа и проявляет ли последний больше благоразумия при раздаче должностей, чем государь

Мы уже говорили о том, как Манлий, прозванный впоследствии Торкватом, защитил своего отца Люция Манлия от выдвинутых против него народным трибуном Марком Помпонием обвинений. Сыновняя забота об отце настолько пришлась по душе толпе, что, хотя ее проявление было довольно жестоким и выходящим за общепринятые рамки, Тит Манлий не только не подвергся осуждению, но и при избрании трибунов легионов получил второе место. Это происшествие наводит на мысль о том, на чем народ строит свои суждения о людях, и о том, насколько справедливо приведенное выше заключение, что народ лучше распределяет должности, чем государь.

Итак, я скажу, что народ в своих решениях опирается на бытующие о

человеке мнения, если его дела не являются общеизвестными, а также на те предположения и слухи, которые ходят на его счет. Предположения восходят прежде всего к представлению о том, что сыновья должны быть похожи на своих отцов, и если те были выдающимися и полезными гражданами, от них ждут того же до тех пор, пока они своими поступками не докажут обратное. Источником суждений служит также образ действий того, о ком идет речь. Наилучший образ действий состоит в том, чтобы водить дружбу с людьми серьезными, добронравными, чья мудрость известна каждому. Ничто так много не говорит о человеке, как круг его друзей, поэтому человек, который водит компанию с достойными людьми, заслуженно приобретает доброе имя, ибо он обязательно станет в чем-то на них похожим. Известность в обществе можно еще приобрести с помощью какого-нибудь необычного и приметного поступка, хотя бы и в частной жизни, в котором ты проявил себя с достоинством. Из всех этих трех вещей, обеспечивающих человеку с первых шагов хорошую репутацию, последняя самая действенная, потому что суждения по сородичам и отцам бывают столь обманчивы, что люди не очень-то на них полагаются, и если обсуждаемое лицо не располагает собственной доблестью, уважение к нему быстро улетучивается. Второй способ, который позволяет судить о тебе по твоим знакомствам, лучше первого, но значительно уступает третьему, ибо пока ты чем-нибудь не проявишь себя сам, твоя репутация будет основана на молве, которая легко может ее уничтожить. Но третий способ, который исходит из твоих реальных дел и основывается на них, с самого начала так надежно защищает твоё доброе имя, что, желая распрощаться с ним, тебе придется совершить много дурных поступков. Таким образом, люди, выросшие в республике, должны идти по этому пути и поначалу привлечь к себе внимание какими-то необыкновенными деяниями. Так поступали в молодости многие римляне, добиваясь издания закона, защищающего общую пользу, обвиняя в злоупотреблениях кого-либо из влиятельных граждан или принимая другие подобные примечательные и незаурядные меры, которые вызвали бы толки. Все это необходимо не только для того, чтобы приобрести уважение, но и для сохранения и упрочения его. Но для этого следует придумывать все новые и новые дела, как поступал на протяжении всей своей жизни Тит Манлий – после того как он доблестно, не останавливаясь ни перед чем, защитил своего отца и благодаря этому снискал определенную репутацию, прошло несколько лет, и он сразился с французом, а убив его, снял с его шеи золотое ожерелье, за что получил имя Торкват. Мало того, уже в зрелом возрасте он умертвил своего сына за то, что тот сразился без разрешения,

хотя и одолел врага. Три этих подвига сделали Манлия более известным и более почитаемым в веках, чем всевозможные триумфы и победы, которыми он был украшен наравне с другими римлянами. Дело в том, что своими победами Манлий мало отличался от других, а вышеперечисленные его поступки сравнить было почти не с кем.

Сципиону Старшему больше всего славы принесли не столько его триумфы, сколько защита отца на реке Тичино и клятва, которую после поражения при Каннах с обнаженным мечом он заставил принести молодых римлян, которые пообещали не покидать Италию, как уже было ими решено. Эти два деяния положили начало известности Сципиона и послужили ступенью к его триумфам в войнах в Испании и в Африке. Еще больше увеличилось уважение к нему, когда он вернул отцу его дочь, а мужу – супругу в Испании. Такой образ действий полезен не только для граждан, собирающихся прославиться, чтобы занять определенный пост в своей республике, но и для государей, чтобы упрочить свою власть, ибо ничто не приносит им столько уважения, как необычайные слова и поступки, клонящиеся к общему благу и показывающие властелина великодушным, щедрым или справедливым, так что его имя не сходит с уст подданных. Возвращаясь к началу нашего рассуждения, скажу, что когда народ поручает что-либо одному из граждан, основываясь на одном из трех вышеописанных способов суждений, он не впадает в заблуждение, но если в дальнейшем этот человек подтверждает свою репутацию все новыми поступками, то это еще лучше, поскольку в таком случае обмануться почти невозможно. Я говорю только о тех должностях, которыми наделяют лиц, делающих первые шаги и не успевших твердо зарекомендовать себя на опыте или доказать свое непостоянство; в этих последних случаях народу трудно внушить ложное мнение или подкупить его, поэтому он будет меньше склонен к заблуждению, чем государь. Народ может быть увлечен славой, известностью и деяниями кого-либо из граждан, преувеличивая их значение, от чего застрахован государь, которого всегда предостережет кто-нибудь из советников. И дабы не лишать подобных же советов народы, мудрые основатели республик устроили так, чтобы при назначении на высшие должности в городе, которые опасно доверять неспособным к ним людям, особенно если к кому-нибудь из них клонится народная привязанность, всякий гражданин, считая это к тому же похвальным делом, мог публично заявить о недостатках претендента, потому что тогда народ сможет судить о нем с лучшим знанием дела. О том, что так велось и в Риме, свидетельствует речь Фабия Максима, обращенная им к народу во время Второй Пунической войны, когда при избрании консулов успех

клонился на сторону Тита Отацилия. Фабий считал его неспособным к исполнению консульской должности в такое время и во всеуслышание заявил об этом; вследствие такой речи народ обратил свое расположение на человека, больше этого заслуживающего. Итак, при выборе должностных лиц народы пользуются наиболее правильными мерками, и если им дают советы не хуже, чем государям, они совершают меньше ошибок, чем последние. Поэтому гражданин, желающий заслужить народное расположение, должен, как Тит Манлий, привлечь к себе внимание соответствующим поступком.

Глава XXXV

Сколь опасно отвечать за данный кому-либо совет, и чем необыкновеннее совет, тем больше опасность

Насколько опасно становиться во главе нововведений, которые касаются всех, как трудно готовить и проводить их, а затем охранять, рассуждать было бы слишком долго и увело бы нас в сторону, поэтому, отложив этот предмет до подходящего для таких высоких материй места, я буду говорить только о тех опасностях, которым подвергаются граждане или советники государей, выступающие с предложением важных и серьезных решений, так что все бремя ответственности за них ложится на этих лиц. Ведь для людей важен исход предприятия, поэтому все дурные последствия они приписывают его зачинщику, который удостоивается похвалы и за успех, но награда далеко не может сравниться с хулой. Нынешний турецкий султан Селим, как рассказывают люди, бывавшие в его стране, собирался в поход на Сирию и Египет, но один из его пашей, правивший на границе с Персией, уговорил его напасть на шаха, и, последовав этому совету, султан выступил в Персию с огромным войском. Он оказался в обширнейшем краю, изобилующем пустынями и почти лишенном рек, и подвергся тем же лишениям, которые погубили в свое время много римских армий. Хотя силы султана превосходили противника, из-за голода и болезней он потерял большую часть своих воинов, так что воспылал гневом против зачинщика этого похода и казнил его. Можно прочесть о многих гражданах, выступавших за то или иное предприятие, а когда оно оканчивалось плачевно, они бывали отправлены в ссылку. Некоторые римские граждане выступали за то, чтобы избрать консулом плебея. Первый плебей, избранный консулом и отправившийся на войну, был разбит, и названным советчикам пришлось бы худо, если бы партия, настоявшая на принятии этого решения, не была в такой силе.

Итак, не подлежит никакому сомнению, что советники республик, советники государей находятся в затруднении, ибо если они не станут

давать откровенных советов, которые представляются им полезными для государя или для их города, то не смогут исполнять свои обязанности. Советуя же, они подвергают опасности свою жизнь и свое положение, поскольку все люди в этих вещах слепы и судят о том, был ли совет хорошим или дурным, по результату. И, думая о том, как избежать одновременно и бесчестья, и опасности, я не вижу другого выхода, кроме того как относиться к делам спокойно и ничего не принимать близко к сердцу, высказывая свое мнение бесстрастно, и точно так же со скромностью защищать его, так что если твой город или государь склонится на его сторону, пусть он сделает это добровольно и не считает, что ты на этом упорно настаивал. Если ты поступишь таким образом, навряд ли государь или народ будут в обиде на твой совет, потому что ты не навязывал его вопреки воле многих; ведь опасность наступает тогда, когда ты перечислишь множеству людей, которые впоследствии, при неудачном исходе, наперебой стараются тебя погубить. И если в таком случае ты лишишь себя славы, приобретаемой, когда ты противостоишь большинству в одиночку и твое мнение оказывается справедливым, все-таки тут ты получаешь два преимущества: во-первых, избегаешь опасности, а во-вторых, если ты не навязываешь свой совет и твоему мнению предпочли совет другого, который затем оказывается неудачным, ты удостоиваешься превеликой похвалы. И хотя слава, приобретенная вследствие неудач твоего города или твоего государя, приносит мало радости, нельзя пренебрегать и ею. Больше, пожалуй, я не могу ничего посоветовать по этому поводу, ибо, если я предложу людям молчать и не высказывать своего мнения, от этого для республики и для государя ничего не прибавится, а они не избегут опасности, потому что со временем станут вызывать подозрение. С ними может случиться, как с друзьями македонского царя Персея, разгромленного Эмилием Павлом и спасшегося с небольшой свитой. Случилось так, что, возвращаясь к происшедшим событиям, один из друзей царя стал перечислять Персею допущенные им ошибки, которые привели к его крушению. Обратившись к нему, Персей воскликнул: «Предатель, так ты дожидался, чтобы высказать все это мне теперь, когда уже ничем нельзя помочь!» – и при этих словах собственноручно умертвил его. Так этот придворный был наказан за то, что помалкивал, когда следовало высказываться, и высказался, когда должен был промолчать. Посему я думаю, что нужно поступать так, как было сказано выше.

Глава XXXVI

О причинах, почему до сих пор считается, что французы в сражении поначалу сильнее мужей, а потом слабее женщин

Свирепость того француза, который вызывал на реке Аниен кого-нибудь из римлян сразиться с ним, и исход его схватки с Титом Манлием напоминают мне о неоднократно повторенном Титом Ливием мнении, что в начале битвы французы сильнее мужей, а при продолжении ее становятся слабее женщин. Размышляя о причинах этого, многие полагают, что такова природа французов, и, по-моему, подобное мнение верно; но это не означает, что нельзя с помощью искусства сохранить эту их природную ярость до самого конца сражения.

Для доказательства я сошлюсь на то, что войска бывают трех родов: первый обладает и яростью, и порядком; ведь доблесть в сочетании с неистовством проистекает из упорядоченного устройства, которое было у римлян, и по всей их истории видно, что римская армия обладала правильным порядком, на долгое время обеспечившим ей сохранение строгой дисциплины. В правильно устроенном войске недопустимы никакие самовольные поступки, поэтому в римской армии, которая завоевала весь мир и с которой должны брать пример все остальные армии, без приказа консула нельзя было ни есть, ни спать, ни развлекаться с женщинами, ни заниматься какими-либо другими военными или домашними делами. Если в войске заведено иначе, это не настоящее войско, и даже когда ему удастся показать себя, это бывает за счет порыва и натиска, а не вследствие доблести. Но там, где упорядоченная доблесть согласует порыв со временем и с обстоятельствами, войско не отступает ни перед какими трудностями и не падает духом, ибо дух его и порыв, питаемые надеждой на победу, поддерживаются хорошим порядком, и пока сохраняется порядок, сохраняется и надежда. Иначе дело обстоит в том войске, которое не упорядочено и полагается только на яростный порыв, как это было у французов. Это их подводило в бою, ибо, когда им не удавалось одержать верх после первого же натиска, они оказывались в затруднении, потому что их порыв не опирался на упорядоченную доблесть, а кроме него, им не на что было рассчитывать, и когда этот порыв охладевал, они проигрывали. Римляне, напротив того, вследствие упорядоченности своего войска не боялись опасностей, твердо верили в победу и сражались упорно и ожесточенно, с одинаковой храбростью и с одинаковой доблестью как в начале, так и в конце. Более того, в пылу битвы они еще более возбуждались. В войсках третьего рода нет ни естественной ярости, ни внешнего порядка; к ним относятся современные итальянские армии, от которых не бывает никакой пользы, и если им не посчастливится наткнуться на войско, которое почему-либо их испугается и побежит, им никогда не одержать победу. Не стану приводить примеры,

потому что всякий день приносит нам подтверждения этого. Приведу, чтобы всякий понял, какой должна быть хорошая армия и какова бывает плохая, свидетельство Тита Ливия, выраженное в словах Папирия Курсора, произнесенных им при наказании начальника конницы Фабия: «*Nemo hominum, nemo Deorum, verecundiam habeat; non edicta imperatorum, non auspicia observentur; sine commeatu vagi milites in pacato, in hostico errent; immemores sacramenti, licentia sola se ubi velint exauctorent; infrequentia deserantur signa, neque conveniatur ad edictum, nec discernantur, interdium nocte; aequo iniquo loco, iussu iniussu imperatoris pugnent; et non signa, non ordines servant: latrocinii modo, caeca et fortuita, pro solemni et sacrata militia sit*» [89]. По этому отрывку можно легко судить, действуют ли современные армии слепо и беспорядочно или их деяния освящены обычаем и присягой, и сколь далеки они от того, чтобы по праву называться войском, таким же грозным и упорядоченным, как римское, или хотя бы только яростным, как французское.

Глава XXXVII

Необходимы ли мелкие стычки перед сражением и как избежать их, желая узнать незнакомого врага

Похоже, что приводить людские дела в совершенство, как мы уже говорили, помимо всего прочего, мешает близость между добром и злом, так что, желая первого, нельзя, по-видимому, избежать второго, ибо зло рождается одновременно с этим же добром. Это можно заметить во всех людских начинаниях. Нелегко обрести желаемое благо, если судьба не поможет тебе и своей силой не преодолит указанное обычное и естественное препятствие. Обо всем этом напомнила мне схватка между Манлием и французом, по поводу чего Тит Ливий говорит: «*Tanti ea dimicatio ad universi belli eventum momenti fuit, ut Gallorum exercitus, relictis trepide castris, in Tiburtem agrum, mox in Campaniam transierit*» [90]. С одной стороны, я полагаю, что хороший полководец должен избегать всех второстепенных действий, которые могут плохо повлиять на его войско, ведь вступать в столкновения с врагом только частью своих сил, когда судьба поставлена на карту, крайне безрассудно, о чем я говорил выше, осуждая охрану перевалов.

С другой стороны, я думаю, что мудрые военачальники, встречаясь с новым врагом, устрашающим своей известностью, бывают вынуждены еще до генерального сражения испытать его в легких стычках со своими солдатами, чтобы те, познакомившись и схватившись с противником, избавились от ужаса, внушаемого его славой и громким именем. Командующий войском обязательно должен обратить на это внимание как

на насущную необходимость, ибо поражение тебе почти обеспечено, если ты в мелких столкновениях перед боем не избавишь своих солдат от той робости, которую известность врага может заронить в их души.

Валерий Корвин был отправлен римлянами с войском против самнитов, незнакомого им противника, с которым они дотоле еще ни разу не скрещивали оружие; Тит Ливий сообщает, что Валерий начал с легких стычек между римлянами и самнитами, «*ne eos novum bellum, ne novus hostis terreret*» [91] . Но здесь заключается и великая опасность, ибо если твои солдаты будут побеждены в этих столкновениях, они станут трусить еще больше, и из этого выйдет противоположный твоим намерениям результат, то есть вместо ободрения ты еще сильнее их пугаешь. Это одна из тех вещей, где расстояние между злом и благом столь незначительно и они так неотделимы друг от друга, что вместо одного легко получить другое. На этот счет я скажу, что хороший полководец со всем старанием должен следить, чтобы никакая случайность и никакое событие не могли подорвать боевой дух его войска. Боевой дух снижается там, где начинают проигрывать, поэтому нужно остерегаться мелких стычек и вступать в них только при большом численном перевесе и с твердой уверенностью в победе. Не стоит защищать проходы, если при этом невозможно использовать все войско, нет смысла оборонять города, кроме тех случаев, когда их потеря неминуемо влечет за собой поражение в войне, и если уж ты защищаешь город, в этом должно участвовать, кроме его гарнизона, и все войско, чтобы и враг бросил на штурм все свои силы. Во всех остальных случаях лучше отступить. Ведь когда ты уходишь с какого-то места добровольно и сохранив войско, ты не считаешься потерпевшим поражение и сохраняешь надежду на победу в войне. Если же ты лишаешься чего-то, что собирался защищать и все от тебя этого ожидали, то это и вредно, и опасно, ибо ты, подобно французам, из-за пустяка можешь проиграть войну.

Филипп Македонский, отец Персея, опытный и выдающийся в свое время полководец, покинул и опустошил при нападении римлян многие из своих владений, ибо считал, что не сможет сохранить их за собой. По своему благоразумию он рассудил, что лучше оставить эти земли врагу как не представляющие особой ценности, чем подорвать свой авторитет, будучи не в состоянии защитить их. Когда римляне после битвы при Каннах оказались в беде, они отказали в помощи многим из своих союзников и подданных, предложив им защищаться, как только смогут. Но это гораздо лучше, чем пообещать защиту, а потом оставить на произвол судьбы, ибо в последнем случае ты теряешь и союзников, и собственные

силы, а в первом – только союзников. Возвращаясь к стычкам, скажу, что если полководец и будет вынужден вступить в подобные столкновения, чтобы познакомиться с врагом, он должен устроить это с таким преимуществом для себя, чтобы не подвергаться никакой опасности, или поступить подобно Марию, что было бы наилучшим решением. В походе против кимвров, свирепого и дикого народа, вторгшегося в Италию, чтобы разграбить ее, и наводившего великий страх своей многочисленностью и яростью, а также одержанной уже над римским войском победой, Марий посчитал необходимым еще до вступления в бой устроить так, чтобы его войско избавилось от робости, внушаемой этим ужасным врагом, и прибег к такому приему: несколько раз он располагал войско в таком месте, где должны были проходить кимвры. Под защитой своего лагеря его солдаты могли рассмотреть врага и привыкнуть к его виду; наблюдая за беспорядочными толпами кимвров, обремененных обозами, частью плохо вооруженных, а частью и вовсе безоружных, римские солдаты обрели уверенность и воспылали жадой сразиться с ними. Мудрый поступок Мария заслуживает подражания, ибо позволяет избежать вышеназванных опасностей и не уподобиться французам, «*qui ob rem parvi ponderis trepidi, in Tiburtem agrum et in Campaniam transierunt*» [92] . И раз уж мы упомянули здесь Валерия Корвина, я хочу показать в следующей главе с помощью его слов, каким должен быть хороший военачальник.

Глава XXXVIII

Каким должен быть командир, которому может доверять его войско

Валерий Корвин, как мы уже говорили выше, выступил с войском против самнитов, новых противников римского народа. Чтобы ободрить своих солдат и приучить их к неприятелю, он устраивал с ним небольшие стычки и, кроме того, перед сражением обратился к войску с речью, в которой со всей ясностью показал, сколь мало опасен такой противник для столь доблестных солдат и столь умелого полководца. Слова, вкладываемые Ливием в его уста, указывают, каким должен быть командир, на которого может положиться войско. Эти слова следующие: «*Tum etiam intueri, cuius ductu auspicioque ineunda pugna sit, utrum, qui audiendus dumtaxat magnificus adhortator sit, verbis tantum ferox, operum militarium experts, an qui et ipse tela tractare, procedere ante signa, versari media in mole pugnae sciat. Facta mea, non dicta, vos, milites, sequi volo; nec disciplinam modo, sed exemplum etiam a me petere, qui hac dextra mihi tres consulatus, summamque laudem peperit*» [93] . Эта речь, если нее как следует вдуматься, учит действовать в соответствии с высоким званием военачальника, и если кто-то будет поступать иначе, достигнув этого звания благодаря своей

удачливости или честолюбия, со временем он его лишится и не обретет славы, ибо не титулы украшают людей, а люди титулы. Начало настоящего рассуждения наводит на мысль о том, что если выдающиеся полководцы прибегали к чрезвычайным мерам для поднятия духа закаленного войска перед битвой с незнакомым врагом, насколько важнее прибегать к таким приемам при управлении неопытным войском, никогда не встречавшимся с врагом лицом к лицу. Если необычный противник устрашает опытное войско, то еще больший страх должен наводить любой противник на новоиспеченных солдат. Тем не менее известно, что хорошие командиры не раз справлялись с подобными трудностями благодаря своему благоразумию, как, например, уже упоминавшиеся римлянин Гракх и фиванец Эпаминонд, которые, командуя молодыми солдатами, одержали победу над закаленными в боях и опытнейшими воинами.

Для этого они месяцами упражняли их в учебных схватках и прививали им навыки послушания и порядка; после этого они могли с уверенностью рассчитывать на них в настоящем сражении. Поэтому ни один военачальник не должен отчаиваться в обретении хорошего войска, если людей у него в достатке, ибо государь, имеющий в избытке подданных, но лишенный солдат, должен пенять не на людское малодушие, а на свою лень и неблагоразумие.

Глава XXXIX

О том, что полководец должен разбираться в местности

В число других вещей, знакомство с которыми необходимо для командующего войском, входит умение разбираться в природе данного края или местности, ибо, не располагая такими познаниями общего и частного характера, полководец не в состоянии предпринять ничего дельного. А поскольку для совершенствования в любой науке нужен опыт, для овладения названным предметом опыт необходим вдвойне. Такого рода познания и опыт лучше, чем каким-либо другим способом, приобретаются с помощью охоты. Древние писатели рассказывают, что герои, управлявшие миром в старину, росли в лесах среди охотников, ибо охота, помимо указанных навыков, учит многим вещам, полезным на войне. В жизнеописании Кира Ксенофонт сообщает, что когда правитель персов напал на царя Армении, он, расставляя войско перед битвой, напомнил своим людям, что им предстоит не что иное, как одна из неоднократно устраивавшихся ими охот. Тем, кого он посылал сидеть на холмах в засаде, он говорил, что они должны уподобиться охотникам, натягивающим сети между вершинами, а тем, кто двигался по равнине, – что они напоминают загонщиков, выманивающих зверей из их логовищ, чтобы они попадали в

сети.

Об этом говорится, чтобы показать, что охота, как утверждает Ксенофонт, есть прообраз войны, и поэтому заниматься ею необходимо и подобает высокопоставленным лицам. Во время охоты удобнее всего познакомиться со строением местности, ибо охотник запоминает те места, по которым он проходит, во всех подробностях. А если ты хорошо изучил природу одного края, то тебе нетрудно будет ориентироваться и в других, ибо всякая страна и местность имеет в себе много сходного с другими, так что, осваивая одну, ты познаешь и прочие. Но кто не привык понимать особенности одной местности, тот с трудом, разве что по прошествии длительного времени, сумеет разобраться в другой. А кто располагает такими навыками, тот в мгновение ока схватывает, как раскинулась эта равнина, где высятся те холмы, куда спускается эта долина и т. п., знание о чем в свое время он хорошо усвоил. Справедливость сказанного подтверждает Тит Ливий на примере Публия Деция, военного трибуна в войске консула Корнелия, выставленном против самнитов. Консул оказался в ущелье, где римское войско могло быть отрезано противником, и, распознав эту опасность, Публий сказал консулу: «*Vides tu, Aule Corneli, sacumen illud supra hostem? Arx illa est spei salutisque nostrae, si eam (quoniam caeci reliquere Samnites) impigre capimus*» [94] . А перед этими словами, сказанными Децием, Тит Ливий говорит: «*Publius Decius tribunus militum, conspicit unum editum in saltu collem, imminentem hostium castris, aditu arduum impedito agmini, expeditis haud difficilem*» [95] . Консул послал туда Публия с тремя тысячами солдат, и когда римское войско было спасено, при приближении ночи трибун решил отойти, чтобы спасти тем самым жизнь себе и своим солдатам, в связи с чем Тит Ливий вкладывает в его уста следующие слова: «*“Ite mecum, ut, dum lucis aliquid superest, quibus locis hostes praesidia ponant, qua pateat hinc exitus, exploremus”*. *Haec omnia sagulo militari amictus ne ducem circumire hostes notarent, perlustravit*» [96] . Рассматривая весь этот отрывок, легко убедиться, сколь полезно и нужно для военачальника разбираться в природе местности. Если бы Деций не располагал такими познаниями, он не смог бы судить о том, как полезно занять ту возвышенность для римского войска. Он не увидел бы уже издали, был ли холм неприступным, или можно было на него взобраться. Поднявшись на него и желая затем вернуться к консулу, он не смог бы сразу же определить возможные пути отступления в окружении врагов и занятые ими позиции. Так что Деций наверняка был сведущ в подобных делах, благодаря чему он занял названный холм и спас римское войско; позже он сумел выйти из окружения и спасти свою жизнь, а также жизнь

бывших с ним солдат.

Глава XL

О том, что употребление хитрости на войне похвально

Хотя прибегать к обману всегда предосудительно, военные хитрости заслуживают одобрения и похвалы, и тот, кто с помощью хитрости одержал верх над врагом, заслуживает такого же поощрения, как одолевший его силой. Об этом свидетельствуют суждения авторов, оставивших жизнеописания великих людей; они расточают хвалу Ганнибалу и прочим отличившимся в подобных делах. Этому можно сыскать много примеров, и я не стану их повторять. Скажу только, что не может, на мой взгляд, принести славу коварство, с которым ты нарушаешь слово или заключенный договор, ибо хотя с его помощью иной раз приобретаются владения и власть, как говорилось выше, оно никогда не принесет тебе доброго имени. Я же говорю о тех хитростях, которые направлены против противника, не доверяющего тебе, и сводятся к чисто военным уловкам, как у Ганнибала, когда он на Перуджинском озере, чтобы отрезать консула и римское войско, изобразил притворное бегство, или когда, чтобы уйти из рук Фабия Максима, поджег рога обозного скота.

К подобной же хитрости прибег вождь самнитов Понтий, дабы замкнуть римское войско в Кавдинском овраге. Поставив свое войско за холмами, он передел нескольких солдат в пастушье платье и, снабдив каждого из них стадом, расставил по равнине. Когда они попадали в руки к римлянам и отвечали на их расспросы о самнитском войске, то все в согласии между собой показывали, как им велел Понтий, что самниты осаждают Ночеру. Консулы, поверив в это, оказались в ловушке в Кавдинском овраге, где были окружены самнитами. Этот успех, одержанный благодаря хитрости, принес бы Понтию великую славу, если бы он послушался советов отца, предлагавшего либо отпустить всех римлян на свободу, либо перебить их всех, но только не останавливаться на среднем пути, «*quae neque amicos parat, neque inimicos tollit*» [97]. Этот путь в государственных делах всегда пагубен, как было уже показано в своем месте.

Глава XLI

О том, что, защищая отчизну, должно искать славы, но не бояться позора; в этом случае и те, и другие способы хороши

Как было сказано выше, консул и римское войско попали в засаду, устроенную самнитами, которые предъявили им постыднейшие условия сдачи (они должны были пройти под игом и безоружными вернуться в Рим). Консулы были поражены этим требованием, а все войско пришло в

отчаяние, но римский легат Люций Лентул сказал, что, по его мнению, ни от чего не следует отказываться ради спасения родины, и так как жизнь Рима зависит от жизнеспособности его войска, необходимо сохранить его любой ценой; и что для защиты отечества хорош всякий способ, ведет ли он ко славе или к позору, ибо, сохранив свое войско, римляне могли впоследствии смыть с себя позор, а обрекая его на гибель, даже со славой, они утрачивали свободу и подписывали себе приговор. Совет легата был принят, и он заслуживает внимания и подражания со стороны всякого гражданина, родина которого окажется в сходных обстоятельствах, ибо когда на весы положено спасение родины, его не перевесят никакие соображения справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости, похвального или позорного. Наоборот, предпочтение во всем надо отдать тому образу действий, который спасет ее жизнь и сохранит свободу. Именно так поступают и рассуждают французы, защищая величие своего короля и мощь королевства, и ничто их так не раздражает, как слышать от кого-нибудь: «Совершить то-то и то-то для короля позорно», потому что, как они говорят, их король не может испытывать стыда, какое бы решение он ни принимал, в благоприятных или неблагоприятных обстоятельствах – побеждает он или терпит поражение, – это все, по их мнению, не роняет королевского достоинства.

Глава XLII

О том, что не следует соблюдать обещания, вырванные силой

Когда консулы разоружили свое войско и после перенесенного позора вернулись в Рим, первым в Сенате предложил не соблюдать заключенный в Кавдии мир консул Спурий Постумий. Он сказал, что мирные обязательства взял на себя не римский народ, а он сам и другие дававшие обещание, поэтому народ, чтобы освободиться от их выполнения, должен выдать самнитам консула и всех остальных римлян, заключавших мир. Постумий так настаивал на этом решении, что Сенат удовлетворил его и отправил вместе с другими в Самниум, объявив мир с его народом недействительным. Судьба была столь благосклонна к Постумию, что самниты не стали его удерживать, и он вернулся в Рим, стяжав среди его жителей – благодаря поражению – большую славу, чем Понтий у самнитов вследствие своей победы. Тут следует сделать два замечания: во-первых, любой поступок может принести славу, потому что если победы всегда сопровождаются ею, то при поражении ты можешь доказать, что в нем не было твоей вины, или каким-нибудь доблестным поступком смыть его позор. Во-вторых, в несоблюдении обещаний, к которым ты был вынужден силой, нет бесчестья, и обещания, данные в публичных делах под

давлением силы, никогда не будут соблюдаться, если это давление ослабнет, причем нарушителей нельзя будет посчитать бесчестными. Во всех историях можно прочесть о многих подобных случаях; наблюдаются они всякий день и в наше время. Государи не только не соблюдают вынужденные обещания, когда побудившие к этому силы перестают действовать, но нарушают и все прочие обещания, если у них нет больше причины соблюдать их. Похвально ли это или нет и должен ли государь придерживаться подобного образа действий, подробно обсуждено нами в трактате *De Principe* [98], поэтому теперь мы об этом умолчим.

Глава XLIII

Природа людей, рожденных в одной стране, во все времена почти одна и та же

Мудрые люди очень справедливо и не зря говорят, что желающий предвидеть будущее должен обратиться к прошлому, потому что все события в мире во всякое время могут быть сопоставлены с подобными же им в старину. Происходит это оттого, что действуют в них люди, и прежде и ныне обуреваемые одними и теми же страстями, и это с необходимостью приводит к одинаковым результатам. И бесспорно, что деяния их в той или иной стране могут быть более доблестными, чем в других, в зависимости от той формы воспитания, которую внушил этим народам их образ жизни. Познание будущего через прошедшее облегчается еще и тем, что отдельные народы, как можно убедиться, на протяжении длительного времени сохраняют одни и те же нравы, проявляя постоянную скупость или постоянное коварство или выказывая другие подобные пороки или добродетели. Кто прочесть о событиях, пережитых нашей Флоренцией, и рассмотрит также происшествия, случившиеся в недавнее время, тот обнаружит, что немцам и французам присущи жадность, высокомерие, жестокость и вероломство, ибо эти четыре качества в разное время принесли большой вред нашему городу. Что касается исполнения обещаний, всякий знает, сколько раз король Карл VIII получал деньги, обещая вернуть пизанские укрепления, чего он так и не сделал. В этом проявились его вероломство и великая алчность. Но оставим эти свежие события. Всякий может удостовериться в том, что произошло во время войны флорентийского народа против миланских герцогов Висконти. Лишенная других средств, Флоренция помышляла призвать в Италию императора, дабы он употребил весь свой вес и все свои силы против Ломбардии. Император пообещал выступить с большим войском для подавления Висконти и защитить Флоренцию от этой угрозы, если флорентийцы уплатят ему сто тысяч дукатов на сборы и еще сто тысяч в

Италии. Те согласились на его условия и выплатили обе суммы, но император, дойдя до Вероны, обратился вспять, ничего не добившись и оправдывая свое бездействие тем, что уговор не был исполнен. Так что если бы Флоренция не уступила велению нужды или своему влечению, а ознакомилась бы с повадками варваров и прочла о них в старинных книгах, то ей не пришлось бы на этот раз, как и много раз раньше, в них обмануться, ибо они всегда действовали одинаковым образом и во всех случаях со всеми партнерами применяли одни и те же приемы. Так же они поступили в старину с тосканцами, которых притесняли римляне и которые были несколько раз разгромлены и принуждены к бегству. Не в силах больше сопротивляться римлянам, тосканцы предложили заплатить французам, обитавшим по эту сторону Альп в Италии, определенную сумму денег за то, что они присоединятся к ним со своим войском для борьбы с римлянами. Французы, взяв деньги, не пожелали потом вступать в войну, утверждая, что это была плата не за помощь в военных действиях против Рима, а за то, чтобы они воздержались от нападения на земли тосканцев. Таким образом, тосканцы из-за жадности и вероломства французов лишились одновременно и своих денег, и ожидаемой помощи. Этот пример с древними тосканцами и современными флорентийцами показывает, что у французов всегда были одни и те же повадки, и по нему можно судить, насколько государи могут им доверять.

Глава XLIV

Отвага и натиск часто помогают добиться того, чего не удастся достичь обычными способами

Когда на самнитов двинулось римское войско, которому они не могли противостоять в сражении, было решено оставить на землях Самниума небольшую охрану, а со всей армией пройти в Тоскану, замирившуюся с римлянами, и посмотреть, не удастся ли своим присутствием заставить тосканцев снова взяться за оружие, в чем они отказали самнитским послам. Обращаясь к тосканцам, самниты указали причину, заставившую их прибегнуть к оружию, причем употребили примечательное выражение: «*Rebellasse, quod paх servientibus gravior, quam liberis bellum esset*» [99] . Так отчасти уговорами, отчасти благодаря присутствию своего войска они побудили тосканцев вооружиться. Здесь следует заметить, что если один государь хочет добиться чего-либо от другого, он должен, если это позволяют сделать обстоятельства, не оставлять ему времени для раздумий и поставить его перед необходимостью скорого решения, а для этого нужно, чтобы просимый убедился, что отказ или промедление обернутся для него тотчас же опасным недовольством просящего государя.

Такой прием в наше время успешно использовали папа Юлий в отношении французов и господин де Фуа, полководец французского короля, в отношении маркиза Мантуанского. Папа Юлий, желая изгнать из Болоньи семейство Бентивольо и нуждаясь для этого в помощи французов и нейтралитете венецианцев, обратился и к тем и к другим, но получил от тех и других двусмысленный и расплывчатый ответ. Тогда он решил принудить союзников склониться на его сторону, не оставляя им времени для выбора, и, выступив из Рима с теми отрядами, которые сумел собрать, отправился в Болонью. Венецианцам он велел передать, чтобы они оставались нейтральными, а французскому королю – чтобы он прислал подкрепление. Тогда, видя, что не остается времени для раздумий и что папа в случае отказа или промедления может сильно разгневаться, просимые уступили его желаниям; король прислал помощь, а венецианцы остались нейтральными. Господин де Фуа, находясь со своим войском в Болонье, узнал о мятеже в Брешии и решил отправиться на его подавление, для чего существовало два пути: один, очень длинный и неудобный, через королевские владения, второй же, короткий, через территорию Мантуи, однако во время похода через земли маркиза Мантуанского французам пришлось бы преодолеть некоторые укрепления, рассеянные среди озер и болот, которыми изобилует названная провинция, защищенная крепостями и заставами ее хозяина. Поэтому де Фуа, выбрав короткую дорогу, дабы справиться со всеми затруднениями и не дать маркизу опомниться, неожиданно двинул свое войско по этому пути, а у маркиза потребовал прислать ему ключи от укреплений. Маркиз, поставленный перед свершившимся фактом, выслал ключи, чего он никогда бы не сделал, если бы де Фуа вел себя более нерешительно, ибо Мантуя состояла в союзе с венецианцами и с папой, в руках у которого находился сын маркиза. Все это давало последнему вполне законный повод для отказа. Но, застигнутый врасплох, он дал согласие по указанным выше причинам. Так же поступили и тосканцы с самнитами, присутствие войска которых заставило их снарядить своих воинов, в чем ранее было отказано.

Глава XLV

Что предпочтительнее в сражениях: отразить натиск врага и затем двинуться на него или со всем пылом напасть первому

Римские консулы Деций и Фабий с двумя армиями выступили навстречу войскам самнитов и тосканцев, с которыми одновременно вступили в сражение. При этом следует рассмотреть, какой из двух различных способов, принятых каждым из консулов, предпочтительнее. Деций обрушил на врага весь свой напор и все свои силы, Фабий же только

поддерживал его, полагая, что с атакой будет полезнее выждать и сохранить свой напор для конца битвы, когда противник утратил первый боевой пыл и, как мы говорим, задор. Исход сражения показывает, что гораздо лучше удался замысел Фабия, чем Деция, который был обескровлен первыми ударами и, видя, что его фланг клонится к тому, чтобы повернуть спину, решил своей смертью заплатить за ту славу, которую не мог обрести, победив. Подобно своему отцу он принес себя в жертву ради успеха римских легионов. Когда об этом узнал Фабий, то, желая сравниться при жизни славой со своим напарником, снискавшим ее посмертно, он двинул вперед все свои силы, сохраненные на этот случай, и одержал блестящую победу. Это показывает, что образ действий Фабия надежнее и более достоин подражания.

Глава XLVI

Отчего члены семейства, живущего в каком-либо городе, на протяжении некоторого времени являют одни и те же нравы

Похоже, что не только один город отличается от другого своим устройством и обычаями и производит на свет людей более крепких или более изнеженных, но и в одном и том же городе существуют подобные различия между разными семействами. Это справедливо в отношении всякого города, и в истории Рима тому можно сыскать немало примеров: скажем, Манлии были стойкими и упорными, Публиколы – людьми доброжелательными и привязанными к народу, Аппии – честолюбивыми и враждебными плебеям, и точно так же многие другие семьи отличались своими качествами от прочих. Эти отличия не могут зависеть только от крови, ведь кровное родство ослабевает благодаря бракам.

Поэтому причиной различий неизбежно следует считать разное воспитание, принятое в разных семьях. Очень важно, что подросток с молодых ногтей привыкает слышать одобрение или порицание определенных вещей и это неизбежно запечатлевается в его уме, а впоследствии на протяжении всей своей жизни он руководствуется подобными суждениями в своем поведении. В противном случае было бы невозможно, чтобы у всех Аппиев наблюдалось одно и то же желание и они были движимы одними и теми же страстями, как пишет Тит Ливий о многих из них. В последний раз, когда один из Аппиев сделался цензором и его коллега по истечении 18 месяцев согласно закону оставил свою должность, Аппий не захотел отказаться от своей, утверждая, что может занимать ее в течение пяти лет, согласно первому закону, принятому цензорами. И хотя по этому поводу было произнесено множество речей и произошло много беспорядков, ничто не могло заставить Аппия сложить с

себя полномочия, несмотря на желание народа и большей части сенаторов. Кто ознакомится с речью народного трибуна Публия Семпрония против Аппия, тот увидит, каково было высокомерие последнего, а также добронравие и человечность бесчисленного множества граждан, подчинявшихся законам и обрядам своей родины.

Глава XLVII

Добропорядочный гражданин ради любви к отечеству должен забывать о понесенных обидах

Консул Марций сражался со своим войском против самнитов; в одной из стычек он был ранен, и его солдаты подвергались опасности, поэтому Сенат нашел необходимым подменить консула и отправить туда диктатором Папирия Курсора. Поскольку диктатора должен был утвердить в должности Фабий, бывший в то время консулом и командовавший войском в Тоскане, сенаторы усомнились, что он захочет назначить Папирия, который был его врагом, и отправили к Фабию двух послов, чтобы они просили его забыть о личных обидах и исполнить свой долг ради общественной пользы. Фабий сделал это, движимый любовью к родине, хотя по его молчанию и другим признакам можно было понять, что это назначение для него неприятно. Его поступку должен подражать всякий, кто желает считаться добропорядочным гражданином.

Глава XLVIII

Когда противник допускает грубейшую ошибку, можно подозревать, что за ней кроется обман

Легат Фульвий остался командовать римским войском в Тоскане, когда консул для проведения некоторых церемоний отправился в Рим, и тосканцы, желая заманить римлян в ловушку, устроили невдалеке от их лагеря засаду, послав некоторых солдат, переодетых пастухами, в окрестности римского лагеря. Мнимые пастухи подошли со своей скотиной к забору лагеря, но легат, подивившись этой дерзости, заподозрил здесь неладное и таким образом открыл обман. Замыслы тосканцев оказались напрасными. По этому поводу стоит заметить, что командующий войском не должен доверять явным ошибкам, совершаемым врагом, ибо за этим всегда кроется какая-то хитрость, ведь людям несвойственно проявлять большую неосторожность. Однако жажда победы часто ослепляет людей, которые замечают лишь то, что соответствует их намерениям.

Французы, победившие римлян при Аллии, пришли в Рим и обнаружили, что его ворота открыты и никем не охраняются. Целые сутки они простояли у входа, опасаясь ловушки и не решаясь поверить в то, что римляне оказались настолько трусливыми и неблагоразумными и покинули

свое отечество. В 1508 году, когда флорентийцы осаждали Пизу, один из ее горожан, Альфонсо дель Мутоло, попал к ним в плен и за освобождение обещал открыть одни из пизанских ворот перед флорентийским войском. Его освободили, и впоследствии он неоднократно сходил для переговоров с представителями комиссаров, причем его в открытую сопровождали некоторые пизанцы, стоявшие в стороне, пока он говорил с флорентийцами. Все это наводило на мысль о двойной игре, ибо навряд ли, если бы его намерения были честными, он отважился бы действовать так открыто. Но желание овладеть Пизой настолько ослепило флорентийцев, что они явились по приказу Альфонсо к воротам, глядящим на Лукку, и, к своему великому позору, потеряли там много командиров и солдат из-за того, что доверились этому двойному предателю.

Глава XLIX

О том, что для сохранения в республике свободы нужно всякий день об этом заботиться, и за какие заслуги Квинта Фабия прозвали Максимом – Величайшим

Как мы уже говорили несколько раз выше, в большом городе ежедневно происходят события, которые требуют целительного вмешательства, и чем важнее эти события, тем более мудрым должен быть врачеватель. И если такие происшествия случаются иногда в разных городах, то в Риме бывало немало странных и неожиданных событий, как, например, когда чуть ли не все римские женщины устроили заговор с целью перебить своих мужей. Некоторые из мужчин были отравлены, а для других их жены только приготовили яд. Подобное произошло и во время заговора Вакханалий, раскрытого в ходе Македонской войны; в него были замешаны многие тысячи мужчин и женщин, и город подвергся бы величайшей опасности, если бы заговор не был обнаружен и если бы римлян останавливало число подлежащих наказанию. И когда бы многие другие признаки не указывали на величие Римской республики и мощь ее постановлений, о них можно было бы судить по наказаниям, которым подвергались провинившиеся. Римляне не поколебавшись подвергли казни целый легион, а в другой раз целый город, отправив в ссылку 8 или 10 тысяч человек на столь тяжких условиях, что их было бы трудно исполнить даже одному человеку, а не такому множеству. Так было с солдатами, потерпевшими поражение при Каннах. Они были высланы в Сицилию, и им было приказано не ложиться на землю и даже есть стоя.

Из всех прочих наказаний самым суровым была децимация, при которой из всего войска по жребию избирали для казни каждого десятого солдата. Для расправы с множеством людей трудно найти более страшную

кару, чем эта. Ведь когда проступок совершен многими и найти зачинщика трудно, невозможно наказать всех из-за их чрезмерного количества. Наказать часть, а часть оставить безнаказанными, было бы несправедливо по отношению к пострадавшим, а уцелевшие могли бы дерзнуть на новые преступления. Но если казнят по жребию десятую часть людей, которые заслуживали бы этого все без исключения, наказанные могут пожаловаться только на судьбу, а у выживших сохранится боязнь, что в другой раз жребий может выпасть им, и они воздержатся от преступления.

Итак, участвовавшие в заговоре отравительниц и в Вакханалиях были наказаны в соответствии с их проступками. И хотя подобные недуги очень вредны для республики, они не смертельны, потому что почти всегда оставляют время для излечения – в отличие от покушений на государственную власть, которые могут погубить город, если благоразумный человек не справится с ними.

Римляне по своей щедрости даровали гражданство многим иногородним, и со временем новые граждане составили столь значительную часть от принимающих участие в голосовании, что это стало сказываться на делах управления и отклонять их в сторону от привычных путей, принятых при прежнем составе должностных лиц. Заметивший это Квинт Фабий, который был тогда цензором, распределил всех новоиспеченных граждан, явившихся причинами беспорядка, на четыре трибы, чтобы, замкнувшись в этих небольших пределах, они не могли сбивать весь Рим с пути истинного. Фабий своевременно распознал опасность и нашел подходящее средство против нее, не прибегая к перемене власти, и это доставило такое удовольствие гражданам, что он заслужил прозвание Максима.

Примечания

1

«Для царствования ему не доставало лишь царства» (лат.).

2

«Нет ничего более шаткого и преходящего, чем обаяние не опирающегося на собственную силу могущества» (лат.).

3

«Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это Бдительно так рубежи охранять меня заставляет» (лат.).

4

По праву наследства (лат.).

5

«Что до решения, которое предлагается вам как наилучшее и

наивыгоднейшее для вашего государства, а именно не вмешиваться в войну, то нет для вас ничего худшего, ибо, приняв это решение, без награды и без чести станете добычей победителя» (лат.).

6

«Ибо та война справедлива, которая необходима, и то оружие священо, на которое единственная надежда» (лат.).

7

Желаю вам здоровья (лат.).

8

Желаю вам здоровья (лат.).

9

«Однако захватившего нынешний век неуважения к богам тогда еще не знали, и никто не старался истолковать законы и клятвы к собственной выгоде, а скорее приноравливался к ним сам» (лат.).

10

«И уже не могли они удержаться ни собственными силами, ни сторонней помощью; и все-таки они не отказались от войны. Вот как претила им свобода, которой не удалось защитить со славою, вот насколько даже поражение было для них желанней, чем упущенная победа» (лат.).

11

«Ведь не гребнями поражают врага, и даже разукрашенный и раззолоченный щит пронзят римские копья» (лат.).

12

*«Тулл на битву сограждан
Двинет праздных своих» (лат.).*

13

«...Всегда легче воздать за зло, чем за добро. Люди тяготятся необходимостью проявлять благодарность, но с радостью ищут случая проявить мстительность» (лат.).

14

«Пусть консул следит, чтобы республика не потерпела никакого ущерба» (лат.).

15

«Недаром этот гордец ведет себя так скромно» (лат.).

16

«Он же обратил препятствие себе на пользу» (лат.).

17

«Аппий сбросил маску и показал свое истинное лицо» (лат.).

18

«ожидая проблесков свободы оттуда, где прежде видели источник рабства, в страхе перед которым они и довели государство до такого состояния» (лат.).

19

«потому что они из отвращения к настоящему могли пожелать возвращения консульской власти» (лат.).

20

«Эти дары развращали молодежь, которая ставила свою распущенность выше всеобщей свободы» (лат.).

21

безнаказанно (лат.).

22

«Осуждая жестокость, вы впадаете в еще большую» (лат.).

23

«все дурные примеры появились из хороших начинаний» (лат.)

24

но (и) (лат.).

25

«Исход выборов показал, что с одними настроениями борются за свободу и достоинство и с другими – выносят беспристрастное решение, когда борьба уже окончена» (лат.).

26

«Где теперь сыщешь даже в одном человеке такие скромность, справедливость и высоту духа, какие в те времена были присущи целому народу?» (лат.)

27

Но лишь увидят, что муж, благочестием и доблестью славный, Близится, все обступают его и молча внимают» (лат.).

28

«Ожесточенная толпа сразу превратилась в разобщенных людей, послушных каждый своему страху» (лат.).

29

«Вскорости, когда опасности уже не было, в народе пожалели о нем» (лат.).

30

«Такова природа толпы: либо она рабски служит, либо спесиво помыкает» (лат.).

31

«наградой не знатности, а доблести» (лат.).

32

в судах (лат.).

33

«О тирании» (лат.).

34

«Рим между тем с разрушением Альбы растет» (лат.).

35

«Мы, маврузии, беглецы от Иисуса-разбойника, сына Навина» (лат.).

36

«Помощь сидицинам со стороны кампанцев состояла скорее в звании союзников, чем в реальном подкреплении» (лат.).

37

«Если даже теперь, при видимости равноправного союза, мы способны терпеть рабское положение» и т. д. (лат.).

38

также (лат.).

39

«Отказав римлянам в войске, вы испытали, сколько у них терпения: они вознегодовали, конечно... однако обиду проглотили... Они узнали... что мы готовим войско против самнитов, их союзников, и все-таки не выступили из города; откуда у них такая сдержанность, как не от знания наших и своих сил?» (лат.)

40

«Главное, думаю, не в том, что говорить, а в том, что предпринять. Когда ясны намерения, нетрудно приноровить к ним и речи» (лат.).

41

«Алы», «крылья» (лат.).

42

«Дело дошло до триариев» (лат.).

43

«Лучше бы они выдали их мне связанными!» (лат.)

44

однако (лат.).

45

«Капуя уже тогда была городом, менее всего благоприятным для порядка в войске: она расслабила воинов всевозможными удовольствиями и заставила их забыть отечество» (лат.).

46

«распространились роскошь и обжорство и отомстили за всех побежденных» (лат.).

47

«уже не только римское оружие, но и законность римская всюду стала одерживать победы» (лат.).

48

«В Лациуме все складывалось так, что его жители не могли ни войну вести, ни на мир согласиться» (лат.).

49

«Бессмертные боги облекли вас такой властью, что от вашего решения зависит, быть ли впредь Лациуму или не быть, а потому мир с латинами вы можете обеспечить себе либо жестокой расправой, либо милостивым прощением. Хотите быть жестоки к сдавшимся и побежденным? Тогда можно разорить весь Лациум... Или вы хотите, по примеру предков, дать побежденным гражданство и тем умножить мощь Римского государства? Тогда перед вами сколько угодно способов с вящею славою дать возрасти нашему государству. Само собой разумеется, что власть, которой покоряются с радостью, более прочна... Вам следует наказать или облагодетельствовать их, замерших в ожидании» (лат.).

50

«Какого, по его мнению, наказания заслуживают привернаты?» (лат.)

51

«Какого заслуживает всякий, кто мнит себя достойным свободы!» (лат.)

52

«А если мы освободим вас от наказания, на какой мир с вами в будущем можем мы полагаться?» (лат.)

53

«Если условия его будут хороши, мир будет надежным и постоянным, если плохи – недолговечным» (лат.).

54

«Это была речь мужа и свободного человека, можно ли надеяться, что хоть один народ или, в данном случае, человек будет оставаться в тягостном для него положении дольше, чем это необходимо? Мир надежен там, где условия его приняты добровольно, а там, где хотите иметь рабов, нечего рассчитывать на верность» (лат.).

55

«Лишь те, кто преданы свободе и только свободе, достойны стать

римлянами!» (лат.)

56

«у разоренных остается оружие» (лат.).

57

«и негодование находит оружие» (лат.).

58

«Едкие остроты, если в них вложено много истинного, оставляют по себе злобные воспоминания» (лат.).

59

«в нарушение права народов» (лат.).

60

«Вот до какой степени ослепляет людей судьба, когда она не хочет, чтобы противились ее всесокрушающей силе!» (лат.)

61

чтобы жизнь римлян не была выкуплена за деньги (лат.).

62

и вообще (лат.).

63

«сжать город венцом» (лат.).

64

«что ежедневно вбирает в себя нечто, рано или поздно требует излечения» (лат.).

65

«К зятю Цецеры немного нисходит царей Без смертельных ран, как и тихо почивших тиранов» (лат.).

66

«сам он также собрался с духом, подавленный обдумыванием столь великого замысла» (лат.).

67

В оригинальном тексте далее Люцио по ошибке назван Джулио. – Примеч. пер.

68

«Такой конец обрел муж, чье имя, родился он не в свободном государстве, было бы прославлено» (лат.).

69

«Диктатор Гней Сульпиций затягивал войну против галлов, не желая испытывать судьбу в схватке с врагом, силы которого все более истощались от промедления и пребывания в чужой стране» (лат.).

70

«Война справедлива для тех, кому необходима, и оружие священно, в котором заключена вся надежда» (лат.)

71

«Идите со мной. Ведь не стена и не вал, а воины противостоят воинам!» (лат.)

72

«Уничтожьте Фидены их же огнем, коли вы не смогли замирить их благодеяниями» (лат.).

73

«Трое трибунов с консульской властью... показали, сколь вредно на войне многовластие. Отстаивая каждый собственное решение (всякий предпочитает свое), они предоставили хорошие возможности противникам» (лат.).

74

«Наилучший способ ведения великих дел – это поручить всю полноту власти одному лицу» (лат.).

75

говорит: «При управлении многими людьми страх наказания действеннее, чем послушание» (лат.)

76

«Манлиева расправа» (лат.).

77

«Без твоего приказа никогда не вышел бы я биться, даже если бы рассчитывал на верную победу» (лат.).

78

«Не было полководца ближе воинству, чем Корв, охотно деливший все тяготы с простыми воинами. К тому же и в военных играх, когда сверстники состязались друг с другом в быстроте и силе, он был прост и добродушен и с равным достоинством побеждал и уступал победу; и кто бы ни бросал ему вызов, он никого не отвергал как недостойного себя противника. В поведении был благожелателен, в разговоре не только помнил о своем достоинстве, но и уважал в другом свободного человека; и что всего любезнее народу – в должности он оставался таков, каков был, добиваясь должности» (лат.).

79

«солдатам его доблесть была ненавистна, но они восторгались ею» (лат.).

80

«Об этом полезно послушать тем, кто уважает в человеке только

богатство, предполагая, что честь и доблесть ничего не стоят, если они не принесут ему несметных сокровищ» (лат.).

81

«Тимасифей... сумел внушить благоговение черни, которая всегда такова, каков правящий ею» (лат.).

82

«Они не думали, что умаляют свои права, передавая часть из них Камиллу» (лат.).

83

«Диктаторская власть никогда не придавала мне духа, так же как изгнание его не отняло» (лат.).

84

«Будучи побежденными, римляне не теряют присутствия духа, а победив, не впадают в гордыню» (лат.).

85

«Пусть каждый сделает, чему он научен и к чему он привык» (лат.).

86

«Они теперь насмеваются над священнодействиями: что, мол, с того, если куры не клюют, если позже вылетят из клетки, если птица дурно закричит, – это пустяки! Но предки наши, не пренебрегая этими пустяками, сделали это государство великим» (лат.).

87

«Смотри, полагаясь на счастье, они стали у Аллии!.. ты лучше положишься на оружие и на боевой дух и... ударь в середину вражеского строя...» (лат.).

88

«Только доблесть воинов, неизменная и в отсутствие полководцев, спасла их» (лат.).

89

«Исчезает почтение к людям и почитание богов, не повинуются ни указам вождя, ни наказам жреца; воины самовольно бродят и по замиренным, и по враждебным землям; забыв о присяге, по своему произволу, они оставляют службу, когда захотят; они покидают осиротелые знамена и не сбегаются, когда им велят, и не разбираются, днем ли они сражаются или ночью, в том ли месте или не в том, по приказу военачальника или без оно, они не ждут знака, не соблюдают рядов, и на месте военной службы, освященной обычаем и присягой, оказывается подобие разбоя, слепого и беспорядочного» (лат.).

90

«Этот поединок имел важное значение для исхода всей войны, ибо войско галлов, в страхе бросив лагерь, ушло в земли тибуртинцев, а оттуда в Кампанию» (лат.).

91

«чтобы их не пугали неведомая война и неиспытанный враг» (лат.).

92

«которые, испугавшись незначительного поражения, ушли в земли тибуртинцев, а затем в Кампанию» (лат.).

93

«Пусть каждый видит, под чьим водительством и ауспициями ему предстоит драться: иного любо послушать, как отменно он умеет звать на бой, но удал он на словах, а в ратном деле несведущ; а иной сам умеет и пустить дротик, и вырваться пред знамена, и управиться с самой гущей боя. Пусть же, воины... не слова мои вас ведут, а дела, и чтобы ждали вы от меня не приказа, но примера... Собственною моею десницею трижды стяжал я консульство и высшую награду» (лат.).

94

«Видишь, Авл Корнелий, ту вершину над врагами? То оплот нашей надежды и спасения, если мы займем его не мешкая, благо самниты сослепу его проглядели» (лат.).

95

«Публий Деций, военный трибун, заметил выдававшуюся среди гор возвышенность, которая господствовала над лагерем неприятеля; для войска со всем обозом она была почти недоступна, но занять ее налегке не составляло труда» (лат.).

96

«“Ступайте за мною, чтобы засветло разведать, где у них стоит охрана и где есть выход отсюда”. Завернувшись в плащ простого воина... дабы враг не заметил, что вождь совершает обход, он осмотрел все ходы и выходы» (лат.).

97

«который друзей не создаст, а врагов не уничтожит» (лат.).

98

«Государь» (лат.).

99

«Они возобновили войну, ибо мир для подневольных горше, чем война для свободных» (лат.).